

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Дианина Е.В., Акимова С.К., Гасанова А.З., Зоткина М.С. Применение маркетинговых коммуникаций для снижения интернет-зависимости детей 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Масленникова Е.Г. Событийный туризм как приоритетное направление социального развития туристического рынка республики Марий Эл 9

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Гостев А.Н., Ботвиньев К.П., Бельшев А.А., Назимкина А.А., Насакина Л.Н. Потребители общественных благ: поведение молодежи 12

Калинич В.С. Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России 19

Костерин А.А. Развитие методологии социального прогнозирования в условиях цифровой трансформации 30

Покатов Д.В. Социальные факторы и особенности эволюции профессионально-личностного потенциала современной политической элиты региона переходного типа 34

Сиротин В.А. Социальная цифровая репутация бизнес-организаций г. Волгограда: социолого-управленческий анализ 39

Тринадцатко А.А. Тифлоинформационные технологии в жизни инвалидов по зрению 42

Шишкин А.А. Развитие системы управления гостиничными организациями: аспекты социально-психологического климата коллектива 47

Шишкина Е.В. Развитие личностного потенциала младших школьников с помощью проведения урока-выставки 52

Яковлева О.И. Эффективный контракт как инструмент оценки профессиональной социализации сотрудника в организации 56

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)

РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова**

Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.05.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Олешкевич Т.А.</i> Социально-философский аспект анализа регулирования межэтнических отношений в образовательном пространстве вузов Юга России	60
<i>Попов В.В.</i> Интерсубъективность и темпоральная координация как феноменологические характеристики субъективного времени индивида в инклюзивном социуме.....	64
<i>Старых Е.И.</i> Развитие взглядов на дилемму «Философский зомби» в современной культуре: на примере литературы и кино	68
<i>Шинкевич В.Е.</i> Социально-философский взгляд на обучение и воспитание в системе образования в условиях современных реалий в контексте подготовки сотрудников органов внутренних дел.....	71
<i>Шао Юйпэй.</i> Сопоставительный анализ концептуальных оснований философии Китая и Западной Европы.....	76
<i>Яковко Т.В.</i> Философский анализ противодействия влиянию на сознание общества средствами информационной войны	80

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Артемьев А.А.</i> Роль религии в сохранении и укреплении традиционных ценностей в условиях развития информационного общества в России.....	84
<i>Гусейнов Ф.И.</i> Габриэль Марсель: философ как призвание	88
<i>Полетаева Ю.Г.</i> Обоснование трансцендентального генезиса в феноменологической философии.....	92
<i>Сиверцев Е.Ю.</i> Динамика депрессивности в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья	97

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Иваненко И.Н., Гринь М.В., Терещенко О.В.</i> Политико-управленческая традиция: историософский анализ	102
<i>Ивлева Т.А.</i> Гендерная политика в современной России: основная проблематика.....	108
<i>Никитенкова М.А.</i> Новая политическая реальность: вызовы киберпространства.....	116
<i>Чжэн Шувэнь.</i> Национальная идентичность России и международная идентичность «Другого»	119

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Ивочкина А.С.</i> Проект «пояса и пути» в осуществлении внешней политики Китая в центральной Азии	127
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Ахмедли Р.Н.</i> Внешняя политика Европейского союза: реакция на миграционный кризис 2015 года	131
<i>Жаров В.А.</i> Франко-германский тандем и план Макрона по реформированию Европы	134

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Марченко А.А., Евдокимова Е.В.</i> Использование информационных обучающих технологий в компетентностном формате.....	138
<i>Губанов В.М., Сметанкина Л.В.</i> Национальный характер как феномен в западной научной мысли	142
<i>Фэн Шидэ.</i> Особенности и тенденции политики занятости населения Китая	146
<i>Савостьянов И.В.</i> Влияние социального пространства на формирование социокультурных качеств личности.....	150

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

- Dianina E.V., Akimova S.K., Gasanova A.Z., Zotkina M.S.* The use of marketing communications to reduce children's Internet addiction..... 5

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

- Maslennikova E.G.* Event tourism as a priority direction for the development of the tourist market of the republic of Mari El..... 9

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Gostev A.N., Botvinyev K.P., Belyshev A.A., Nazimkina A.A., Nasakina L.N.* Beneficiaries and Public Goods: Youth Behaviour..... 12

- Kalinich V.S.* Value orientations and ideas of youth about patriotism and patriotic education in modern Russia... 19

- Kosterin A.A.* Development of social forecasting methodology in the context of digital transformation 30

- Pokatov D.V.* Social factors and features of the evolution of the professional and personal potential of the transition region modern political elite 34

- Sirotnin V.A.* Social digital reputation of Volgograd business organizations: socio-managerial analysis 39

- Trinadtsatko A.A.* Tiflo-information technologies in the life of blind and visually impaired people..... 42

- Shishkin A.A.* Development of the management system of hotel organizations: aspects of the socio-psychological climate of the team 47

- Shishkina E.V.* Development of the personal potential of younger schoolchildren through the holding of an exhibition lesson..... 52

- Yakovleva O.I.* Effective contract as a tool to assess the professional socialization of an employee in the organization 56

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

- Oleshkevich T.A.* Socio-philosophical aspect of the analysis of the regulation of interethnic relations in the educational space of universities in the South of Russia 60

- Popov V.V.* Intersubjectivity and temporal coordination as phenomenological characteristics of the subjective time of an individual in an inclusive society..... 64

- Sarykh E.I.* Development of views on the "Philosophical zombie" dilemma in modern culture: on the example of literature and cinema..... 68

- Shinkevich V.E.* Socio-philosophical view on education and upbringing in the education system in the context of modern realities in the context of training of law enforcement officers..... 71

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.05.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Shao Yupei. Comparative analysis of the conceptual foundations of the philosophy of China and Western Europe 76

Yakovko T.V. Philosophical analysis of counteraction to influence on society's consciousness by means of information war 80

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Artemiev A.A. The role of religion in the preservation and strengthening of traditional values in the context of the development of the information society in Russia 84

Huseynov F.I. Gabriel Marcel: philosopher as calling..... 88

Poletaeva Y.G. The justification of transcendental genesis in phenomenological philosophy 92

Sivertsev E. Yu. Depression dynamics in the epoch of late Antiquity and Early Middle Ages..... 97

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Ivanenko I.N., Grin M.V., Tereshchenko O.V. Political and administrative tradition: historiosophical analysis 102

Ivleva T.A. Gender policy in modern Russia: main issues.... 108

Nikitenkova M.A. New Political Reality: Challenges of Cyberspace 116

Shuwen Zheng. Russia's National Identity and the International Identity of the «Other» 119

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Ivochkina A.S. The belt and road project in the implementation of China's foreign policy in central Asia 127

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Ahmedli R.N. European Union foreign policy: responding to the 2015 migration crisis 131

Zharov V.A. The Franco-German tandem and Macron's plan to reform Europe 134

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Marchenko A.A., Evdokimova E.V. The use of information training technologies in the competence format 138

Gubanov V.M., Smetankina L.V. National character as a phenomenon in western scientific thought..... 142

Feng Shide. Features and trends of China's employment policy 146

Savostyanov I.V. The Influence of Social Space on the Formation of Sociocultural Personality Qualities 150

Применение маркетинговых коммуникаций для снижения интернет-зависимости детей

Дианина Елена Вадимовна,

старший преподаватель, кафедра рекламы и связей с общественностью, Государственный университет управления
E-mail: elena-dianina@yandex.ru

Акимова Светлана Константиновна,

студент, кафедра рекламы и связей с общественностью, Государственный университет управления
E-mail: svetlana.akimova.02@mail.ru

Гасанова Айшат Зариповна,

студент, кафедра рекламы и связей с общественностью, Государственный университет управления
E-mail: amadei.hawking@mail.ru

Зоткина Марина Сергеевна,

студент, кафедра рекламы и связей с общественностью, Государственный университет управления
E-mail: crazydari888@gmail.com

В статье рассматриваются методы маркетинговых коммуникаций применительно к важной социальной проблеме по снижению интернет-зависимости детей. В настоящее время динамичное развитие инновационных технологий оказывает двойственное влияние на жизнь потребителей. С одной стороны, способствует развитию, цифровой грамотности и помогает решать повседневные задачи, а, с другой стороны, из-за недостаточного количества знаний в области информационно-коммуникационных технологий приводит к серьезным зависимостям от них. Одной из острых социальных проблем является интернет-зависимость детей и подростков.

В статье проводится анализ вторичных исследований (ВЦИОМ, НАФИ, Лаборатория Касперского) по оценке уровня виртуальной аддикции у младшего поколения и ее снижению. В работе представлены результаты качественного исследования (глубинного интервью) с учащимися начальной школы. Цель проведения исследования – определить отношение детей к Интернету и гаджетам. На основе анализа проблемы интернет-зависимости детей и результатов интервью был разработан социальный проект «Выходим из онлайн?» с применением инструментов маркетинговых коммуникаций. В статье приводятся обоснования выбора инструментов маркетинговых коммуникаций для решения заявленной социальной проблемы.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, инструменты маркетинговых коммуникаций, PR, реклама, маркетинг в социальных сетях (SMM), интернет-зависимость.

С развитием глобализации в современном обществе все более и более востребованными становятся инновационные технологии в различных сферах деятельности. Действительно, сейчас гаджеты и девайсы имеют достаточно большое значение и воздействуют почти на каждого человека. Однако у инноваций или ноу-хау есть и обратная сторона медали. К сожалению, не все люди могут использовать технологии разумно: для пользы и саморазвития. Существуют социальные группы, отличительной чертой которых является неразумное и даже вредящее здоровью использование гаджетов. Одной из таких групп являются дети. Это можно объяснить тем, что у пользователей отсутствует или недостаточное количество знаний в области информационно-коммуникационных технологий.

Ребенок, который родился в эпоху цифровизации, независимо от уровня благосостояния семьи и развития страны, не может сразу стать грамотным пользователем цифровых продуктов. Такие знания формируются и влияют на дальнейшее развитие как самого человека, так и общества в целом. Первое знакомство с гаджетами начинается с самого детства: маленький ребенок пытается копировать родительское поведение и, видя смартфон у родителя, постепенно начинает понимать и интересоваться смартфоном или иным девайсом.

По данным ВЦИОМ, большое количество современных родителей используют цифровые продукты (чаще всего это планшет или телефон) как помощников: дают девайсы в поездках или в других ситуациях, чтобы занять ребенка, а 93% используют гаджеты для установки образовательного контента для детей. По результатам опроса родителей детей старшего возраста можно отметить следующее: 45% детей чаще используют портативный компьютер для игр и взаимодействия с друзьями, 33% используют компьютер в равной степени для учебы, общения и развлечения [1]. Возрастом для начала использования персонального компьютера многие родители считают десять лет. В этом же возрасте родители постепенно начинают открывать доступ в Интернет для ребенка, используя функцию «родительский контроль». Промежуток от семи до десяти лет – время для покупки уже личного смартфона или планшета. Самостоятельными пользователями сети, без родительского контроля, дети становятся в среднем в пятнадцать лет. Для родителей Интернет является опасным для детей и заведомо негативным простра́нством. Большинство родителей (80%) считают длительное нахождение в интернет-пространстве фактором, который влияет на отношения между ребенком и семьей, 72% взрослых утверждают, что чрезмерное использование медиа влияет на ментальное состояние детей: они становятся необщительными и замкнутыми, 67% родителей поддерживают мнение о вредоносном воздействии гаджетов на умственные способности ребенка и 55% считают, что существует огромное количество полезных материалов и платформ в цифровой среде, созданных для развития детей [2].

В другом исследовании ВЦИОМ выявлены следующие результаты: главным опасением для родителей является уязвимость детской аудитории, ведь именно дети являются одной из самых наивных групп, особенно в вопросе защиты персональных данных. Из-за отличительных психоэмоциональных характеристик дети склонны оставлять информацию о себе в цифровом пространстве и с доверием относиться ко всем. Значительное влияние на детей оказывают игры и контент, потребляемый из социальных сетей. Другим опасением является зависимость от сети Интернет и гаджетов. По исследовательским данным лаборатории Касперского, в начальной школе пользователями личного смартфона являются 93% обучающихся, а 80% из них уверены, что они не смогут обойтись без мобильного устройства. Все чаще дети стали проводить время с телефоном в руке, и большую часть времени они проводят в программах, не способствующих их развитию. В большинстве случаев родители контролируют лишь временные ограничения, а не то, чем именно ребенок занимается за гаджетами. Меньше половины (47%) опрошенных детей и подростков скрывают от родителей подробности своей активности в цифровой среде. Некоторые из них проводят больше времени в телефоне и делают отсылку на дистанционное обучение, а сами проводят это время за играми и соцсетями [3].

Для определения отношения детей к Интернету и гаджетам, а также с целью выявить, насколько младшее поколение зависимо от современных технологий авторами было проведено глубинное интервью с учениками 4 класса (n=10). В ходе его проведения было выявлено, что абсолютно все респонденты воспринимают Интернет как развлекательный ресурс. Ученики ответили утвердительно, что иногда даже не замечают, как провели несколько часов за гаджетом, играя в какую-нибудь игру или общаясь в соцсети. На вопрос о хобби и свободном времени респонденты отвечали одинаково: «больше всего люблю играть в компьютерные игры (Roblox, Brawl Stars, Minecraft), сижу в телефоне (Вконтакте, Телеграм, WhatsApp), читаю, рисую, гуляю». Помимо этого, ученики ответили, что в среднем используют гаджеты от 1 до 7 часов в день.

Мир не стоит на месте, и технологии составляют его неотъемлемую часть. Важным является интерес родителей к взаимодействию со своим ребенком. Необходимо обмениваться опытом, показывать альтернативные приложения, в которых можно с пользой провести время, а также повышать собственную цифровую грамотность, чтобы стать примером для ребенка.

Попытки привлечь внимание родителей к проблеме безопасности и грамотности в цифровой среде предпринимаются во многих странах, где родители становятся участниками процесса формирования норм поведения в глобальной сети. В Соединенных Штатах Америки и Великобритании правительство создает социальные программы и интерактивные инструменты для более легкого взаимодействия детей с родителями по вопросам цифрового образования. В основу входит внедрение понятий цифровой этики, которая в свою очередь будет помогать взрослым и их детям правильно пользоваться гаджетами и выстраивать оптимальные планы использования.

Американская исследовательская лаборатория Joan Ganz Cooney, которая специализируется на создании форматов обучения, обнародовала пошаговый план действий по консультации семей в вопросах эффективного использования Интернета и электронных устройств. План заключался в организации встреч родителей по вопросам цифровой грамотности.

В Израиле принято обучать учеников программированию уже с четвертого класса, а успевающих по этой дисциплине дополнительно мотивируют рекомендациями к курсам в сертифицированных центрах по кибербезопасности. Такая инициатива была принята для нейтрализации киберугроз в онлайн – сети, а также для повышения осведомленности детей о правильном использовании Интернета.

Австралийское правительство включило в обязательную программу изучение криптоалгоритмов и blockchain. Обучаться этому школьники начинают еще с начальной школы. По словам министра образования такое обучение решает сразу несколько проблем, в том числе, и показывает детям, как можно использовать интернет-ресурсы для поиска разного рода информации и учит их правильно ее анализировать [4].

В России существуют учебно-методические комплексы, рекомендации для педагогов и родителей по обеспечению безопасной работы в интернет-пространстве детей и подростков, а также профилактике интернет-зависимости обучающихся. Однако данные документы носят больше рекомендательный характер.

Для повышения цифровой грамотности формируется цифровая образовательная среда, регулируется рядом правовых документов. Также создается множество просветительских и образовательных бесплатных и общедоступных порталов и платформ, направленных на популяризацию российской культуры и отечественной истории с применением современных информационно-коммуникационных и цифровых технологий [5, с. 28]. Следует отметить, что большее внимание уделяется и образовательным платформам (Яндекс.Просвещение, LECTA, eSchool.pro и др.), которые содержат в цифровом виде теоретический материал, интерактивные задания по различным предметам и позволяют автоматически оценивать знания обучающихся [5, с. 28]. Данные интернет-ресурсы вполне могут служить альтернативой бесполезному проведению времени в Интернете и в результате снижают интернет-зависимости.

Несмотря на поддержку государства в вопросе цифровизации, созданию огромного количества интернет-ресурсов, направленных на повышение цифровой грамотности детей и их родителей, педагогов, в нашей стране зависимость детей от медиа и нерационального использования цифровых продуктов остается одной из самых острых социальных проблем. По нашему мнению, проблема заключается в недостаточном информировании детей и их родителей об альтернативном и познавательном времяпровождении в Интернете. Для решения данной проблемы мы предлагаем применять инструменты маркетинговых коммуникаций. Применение инструментов маркетинга в социальной среде объясняется тем, что они направлены как на информирование общественности, так и на формирование и поддержание интереса и доверия.

Под маркетинговыми коммуникациями понимают передачу потребителю маркетинговых данных о компании и ее товарах и услугах с помощью конкретных действий и мероприятий, направленных на выявление значимой для целевой аудитории информации и ее применении в комплексе маркетинговых коммуникаций. Комплекс маркетинговых коммуникаций представляет собой набор мероприятий по стимулированию продаж, задачей которого заключается в достижении маркетинговых целей компании. Комплекс маркетинговых коммуникаций в социальной среде дает возможность создания проектов, курсов, программ и кураторства для развития диджитал-навыков при помощи информирования общественности о существующей проблеме. Комплекс марке-

тинга включает в себя четыре основных элемента: PR, рекламу, личные продажи и стимулирование сбыта.

Для социальной среды наиболее значимыми инструментами данного комплекса являются PR и реклама.

Связи с общественностью (PR) – это планируемые, продолжительные усилия, направленные на создание и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и ее общественностью» [6, с. 9]. К инструментам PR относятся взаимодействия со СМИ, различные специальные мероприятия, спонсорство, в том числе и digital-коммуникация и др. Применение PR способствует повышению интереса к проблемам социального характера.

Следующим важным инструментом маркетинга является реклама. Под рекламой понимают форму неличного представления и продвижения идей, позволяющую привлечь внимание к проблемам общества, и помогающую изменить поведенческие нормы, сформировать у людей определенные моральные ценности, принципы, взгляды и убеждения [7]. Реклама распространяется по различным каналам коммуникации – телевидение, радио, баннеры, интернет и др. Реклама ориентирована на повышение осведомленности о каких-либо о товаре/услуге целевой аудитории, в том числе, и детей. А социальная реклама направлена на привлечение внимания к социально-значимым проблемам и изменению модели поведения.

В статье представлен социальный проект «Выходим из онлайн?» по проблеме интернет-зависимости детей с использованием инструментов маркетинговых коммуникаций. Данный проект основан на анализе проблемы интернет-зависимости детей и проведенного качественного исследования. Одной из задач проекта является стремление включить родителей и детей в новое информационно-коммуникационное пространство, показать им различные современные способы времяпровождения в гаджете, предложить альтернативные платформы, способствующие развитию логики и знаний у детей. Социальный проект создан для того, чтобы мотивировать представителей поколения Альфа пользоваться гаджетами с пользой, а родителей уделять внимание не только количеству времени, которое дети проводят в цифровой среде, но и приучать своего ребенка к полезному использованию гаджетов.

В рамках данного проекта была организована встреча с учащимися младших классов, где в интерактивной форме дети обсуждали проблему цифровой зависимости и искали решение в виде аналогов времяпрепровождения.

Авторы проекта разработали социальные плакаты, позволяющие привлечь внимание к проблеме цифровой зависимости у подрастающего поколения. Важно отметить, что в настоящее время Интернет, социальные сети и площадки являются одними из самых распространенных и востребованных каналов продвижения, которые призваны ненавязчиво донести до целевой аудитории социальную проблему. Огромную часть пользователей соцсетей оставляют дети, что говорит нам о том, что проблема цифровой зависимости стоит достаточно остро в настоящее время. Для большего успеха проекта и увеличения эффективности маркетинговых коммуникаций возможно также использование сразу нескольких инструментов, что дает синергетический эффект.

Маркетинг в социальных сетях (SMM) – это использование платформ социальных сетей для взаимодействия с клиентами с целью создания брендов, увеличения продаж и привлечения трафика на веб-сайт [8].

Также в рамках проекта был создан аккаунт в социальной сети «ВКонтакте», на который сразу подписалось

больше 50 детей и 37 родителей, количество лайков – 112 и 23 комментария под постами. Под постом были написаны комментарии с просьбой научить детей продуктивно пользоваться Интернетом в полезных целях, что еще раз подтверждает недостаточную информированности родителей о полезных интернет-ресурсах. По итогам проведения данного проекта представители младшего поколения, которые участвовали в нем, научились правильно пользоваться интернетом и социальными сетями. Таким образом, цель данного проекта – помочь детям и их родителям продуктивно использовать Интернет-пространство для саморазвития и повысить уровень знаний в области цифровых технологий – была достигнута.

Каждый ребенок, имеющий смартфон, должен понимать то, для чего служит ему этот гаджет: с его помощью он может позвонить, найти необходимую информацию, что-то прочитать и т.д., а не только проводить время в соцсетях или играх. Донести до детей, как правильно пользоваться средствами медиа, должны родители, но во многих странах в этом процессе принимает участие еще и государство. В некоторых странах вводится ограничение по возрасту, и до 13–14 лет детям запрещается пользоваться гаджетами без родительского контроля. Другие страны практикуют специальные уроки, на которых объясняется, как извлечь пользу из своего смартфона [3].

Большая часть российских детей прекрасно знает о возможностях своих гаджетов и Интернета. Они без труда находят всю необходимую информацию о том, как использовать новые технологии и получать информацию сразу из нескольких источников. Но в то же время дети не совсем понимают, что существуют угрозы в цифровой среде, а также, что необходимо регулировать времяпровождение за электронными девайсами.

Проведенное исследование подтвердило актуальность и необходимость решения социальной проблемы. По результатам проведенного глубинного интервью можно сделать вывод, что проблема цифровой зависимости детей и отсутствия у них достаточных знаний по рациональному использованию электронных ресурсов недостаточно освещена в России. В первую очередь, она связана с потерей связи между взрослыми и детьми. Ребенок с малых лет получает доступ к смартфону или планшету, редко получая развивающий контент. По мере взросления гаджет становится неотъемлемой частью жизни, и без него ребенок не может провести и дня, а количество часов, которые он проводит за девайсом, увеличивается. Из-за этого появляется множество проблем, связанных с физиологическим и психологическим состоянием современных детей.

На основе анализа международного и российского опыта в решении цифровой грамотности детей и проведенного качественного исследования был разработан социальный проект «Выходим из онлайн?». Социальный проект направлен для решения интернет-зависимости у детей. Одной из важных особенностей данного проекта стало стремление помочь как взрослым, так и детям научиться проводить время в гаджете с пользой, а также попробовать установить баланс в проведении времени в диджитал – среде и реальной жизни.

Таким образом, интернет-зависимость детей является серьезной социальной проблемой, которая приобретает еще большие масштабы с каждым годом. И это несмотря на то, что уровень вовлеченности государства в разрешение проблемы в России достаточно велик. При содействии государства создается множество культурных, просветительских и образовательных интернет-ресурсов, которые являются альтернативой нерациональному времяпровождению в Интернете. Од-

нако проблема заключается в низкой осведомленности о них среди детей и их родителей, что и приводит к зависимости детей от гаджетов. Для решения данной социальной проблемы предлагается применять инструменты маркетинговых коммуникаций, такие как реклама, связи с общественностью и SMM.

Литература

1. Сколько дети сидят в интернете: как меняются цифровые привычки семьи/МЕЛ/ [Электронный ресурс]—URL: <https://mel.fm/blog/laboratoriya-kasperskogo/39562-skolko-deti-sidyat-v-internete-kak-menyayutsya-tsifrovyye-privychki-semi> (дата обращения: 12.02.2023.)
2. Интернет и дети: возможности и угрозы/ВЦИОМ/ [Электронный ресурс]—URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-i-deti-vozmozhnosti-i-ugrozy> (дата обращения: 12.02.2023.)
3. Цифровая зависимость у подростков: причины возникновения /ВЦИОМ / [Электронный ресурс]—URL: <https://www.cism-ms.ru/poleznye-materialy/tsifrovaya-zavisimost-pochemu-podrostki-v-zone-riska/> (дата обращения: 15.02.2023)
4. Дети и технологии – НАФИ/ [Электронный ресурс]—URL: [file:///C:/Users/айшат/Downloads/e65d52b0a3ccee59a634caa2800026cfd%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/айшат/Downloads/e65d52b0a3ccee59a634caa2800026cfd%20(1).pdf) (дата обращения: 14.02.2023 г.)
5. Кузьмина М.В. Формирование цифровой грамотности обучающихся: Методические рекомендации для работников образования в рамках реализации Федерального проекта «Цифровая образовательная среда» / Авт.-сост. М.В. Кузьмина и др. – Киров: ИРО Кировской области, 2019. – 47 с.
6. Марков А.А. Теория и практика связей с общественностью: учеб. Пособие / А.А. Марков. – СПб.: СПб-ГИЭУ, 2011. – 163 с.
7. Marketing vs. advertising /American Marketing Association / [Электронный ресурс]—URL: <https://www.ama.org/> (дата обращения: 14.02.2023)
8. How to create advertising that sells /David Ogilvy/[Электронный ресурс]—URL: <https://gundersondirect.com/how-to-create-advertising-that-sells-by-david-ogilvy/> (дата обращения: 15.02.2023)

THE USE OF MARKETING COMMUNICATIONS TO REDUCE CHILDREN'S INTERNET ADDICTION

Dianina E.V., Akimova S.K., Gasanova A.Z., Zotkina M.S.
State University of Management

The article discusses the methods of marketing communications in relation to an important social problem of reducing children's Internet addiction. Currently, the dynamic development of innovative technologies has a dual impact on the lives of consumers. On the one hand, it promotes the development of digital literacy and helps to solve everyday tasks, and, on the other hand, due to insufficient knowledge in the field of information and communication technologies, it leads to serious dependencies on them. One of the acute social problems is the Internet addiction of children and adolescents. The article analyzes secondary studies (VTsIOM, NAFI, Kaspersky Lab) to assess the level of virtual addiction in the younger generation and its reduction. The paper presents the results of a qualitative study (in-depth interview) with primary school students. The purpose of the study is to determine the attitude of children to the Internet and gadgets. Based on the analysis of the problem of children's Internet addiction and the results of the interview, a social project "Are we leaving Online?" was developed using marketing communication tools. The article provides justification for the choice of marketing communication tools to solve the stated social problem.

Keywords: marketing communications, marketing communication tools, PR, advertising, social media marketing (SMM), Internet addiction.

References

1. How long do children spend on the Internet: how do family digital habits change / MEL / [Electronic resource]—URL: <https://mel.fm/blog/laboratoriya-kasperskogo/39562-skolko-deti-sidyat-v-internete-kak-menyayutsya-tsifrovyye-privychki-semi> (date of access: 12.02.2023.)
2. Internet and children: opportunities and threats / VCIOM / [Electronic resource]—URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-i-deti-vozmozhnosti-i-ugrozy> (date of access: 02/12/2023.)
3. Digital addiction in adolescents: causes / VCIOM / [Electronic resource]—URL: <https://www.cism-ms.ru/poleznye-materialy/tsifrovaya-zavisimost-pochemu-podrostki-v-zone-riska/> (date of access: 15.02.2023)
4. Children and technologies – NAFI / [Electronic resource] – URL: [file:///C:/Users/aishat/Downloads/e65d52b0a3ccee59a634caa2800026cfd%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/aishat/Downloads/e65d52b0a3ccee59a634caa2800026cfd%20(1).pdf) (date of access: 02/14/2023)
5. Kuzmina M.V. Formation of digital literacy of students: Methodological recommendations for educators in the framework of the implementation of the Federal project "Digital educational environment" / Ed. M.V. Kuzmina and others – Kirov: IRO of the Kirov region, 2019. – 47 p.
6. Markov A.A. Theory and practice of public relations: textbook. Allowance / A.A. Markov. – St. Petersburg: SPbGIEU, 2011. – 163 p.
7. Marketing vs. advertising /American Marketing Association / [Electronic resource]—URL: <https://www.ama.org/> (Accessed: 02/14/2023)
8. How to create advertising that sells /David Ogilvy/[Electronic resource]—URL: <https://gundersondirect.com/how-to-create-advertising-that-sells-by-david-ogilvy/> (Date of access: 15.02.2023)

Событийный туризм как приоритетное направление социального развития туристического рынка республики Марий Эл

Масленникова Елена Геннадьевна,

к.с.н., доцент Высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»

E-mail: maslennikovaeg@yandex.ru

Одним из наиболее приоритетных направлений развития современного российского туристского рынка является событийный туризм. Настоящая статья посвящена исследованию событийного туризма как нового, перспективного направления развития туристического рынка республики Марий Эл. В статье исследованы характеристики событийного туризма, описан успешный опыт развития событийного туризма в республике Марий Эл. Определены факторы, негативно влияющие на развитие событийного туризма в республике, а также определены и положительные моменты, которые направлены на развитие событийного туризма.

Ключевые слова: туризм, событийный туризм, регион, развитие туристического рынка, инвестиционная привлекательность региона.

Событийный туризм является сравнительно молодым и чрезвычайно интересным направлением. Одним из самых перспективных и динамично развивающихся направлений в туризме является именно событийный туризм, доля которого в секторе туристических услуг ежегодно увеличивается. Основная цель поездки приурочена к какому-либо событию. Уникальные туры, сочетающие в себе традиционный отдых и участие в самых зрелищных мероприятиях планеты, постепенно завоевывают все большую популярность [4]. Главная особенность событийного туризма – множество ярких неповторимых моментов. [6, с. 368]. Современные туристы, как и любые другие «потребители территорий», все больше интересуются не только традиционными достопримечательностями, но и тем, чем живут территории, какие события на них происходят, каков их стиль и ритм жизни.

В Российской Федерации, по сравнению с Европейскими странами, событийный туризм только начал развиваться, но уже во многих регионах проводились различные фестивали, форумы, концерты, выставки, конференции и т.д. Россия заинтересована в привлечении туристского потока на своей территории, поэтому старается делать всё возможное для воплощения всех проектов в реальность.

Следовательно, мероприятия событийного туризма имеют большое социально-экономическое значение. В период их проведения активизируется деятельность всех объектов туристской индустрии. Возрождаются местные культурные традиции, обычаи, развивается народное творчество [2, с. 108].

Несмотря на множественность событийных мероприятий к событийному туризму можно отнести только те, которые приносят доход территории и, соответственно, являются ресурсной составляющей той местности, где их проводят. Мероприятия событийного туризма имеют большое экономическое значение. В период их проведения активизируется деятельность всех объектов туристской индустрии.

В силу особенностей своего географического положения и развития Республика Марий Эл одна из наиболее благополучных в экологическом отношении территорий Европейской части России с сохранившейся природой и традиционной культурой местного населения. Благодаря этому здесь есть потенциальные возможности для развития туризма разных направлений. Событийный туризм создает имидж Республики Марий Эл и ее широкую известность, увеличивает инвестиционную привлекательность.

Среди всех видов событийного туризма особое место занимают праздники песни и фестивали национальной культуры, так как они уникальны по своей природе. Дело в том, что они не только объединяют в одно целое участников фестиваля, но и знакомят зрителей с жиз-

нию, бытом, культурой того или иного народа [7, с. 120]. Они позволяют туристу, приехавшему на фестиваль, полностью погрузиться в атмосферу праздника, народного гуляния. Событийное пространство Республики Марий Эл объединяет и массу культурных, спортивных, выставочных мероприятий, которые привлекают туристов, приезжающих в регион. В республике проводятся знаменательные праздники и красочные фестивали. Посещение таких мероприятий, как Межрегиональный фестиваль сатиры и юмора «Бендериада», Межрегиональный праздник «Пеледышпайрем» («Праздник цветов»), Межрегиональный праздник песни «Пеледышайо» («Праздник песни»), Межрегиональный фольклорно-этнографический праздник «Земля предков», Межрегиональный фестиваль воздушных шаров «Легкие люди» представляют уникальную возможность познакомиться с богатыми традициями марийского края и узнать о его знаменитом гостеприимстве.

Следует отметить, что в отличие от других субъектов РФ, событийный туризм пока официально не входит в сферу внимания органов власти республики Марий Эл, поэтому в «Стратегии развития туризма в республике Марий Эл на период до 2025 года» его нет в перечне приоритетных направлений [1, с. 79]. Тем не менее, данный вид туризма в республике получает свое развитие.

Не смотря на динамичное развитие событийного туризма в республике, есть факторы, которые оказывают негативное влияние на его развитие:

- низкая деловая и инвестиционная активность местного населения;
- неразвитость туристической инфраструктуры;
- слабое использование туристского потенциала территории;
- недостаток квалифицированных кадров;
- слабое информационное продвижение мероприятий [5, с. 223].

Несмотря на сложность организации и реализации событийного туризма у него есть ряд положительных последствий, которые благоприятно влияют на развитие республики в целом.

1. Повышается известность республики и ее имидж.

2. Событийный туризм обеспечивает большее количество людей рабочими местами, доказывая свою экономическую полезность.

3. Повышается спрос и реализация продукции местных производителей (продовольственная, промышленная).

4. Повышается реализация продукции местных умельцев (сувениры, украшения, поделки из дерева и т.д.), т.е. развиваются народные промыслы.

5. Расширяется и улучшается инфраструктура (дороги, вокзалы, аэропорт, средства размещения, пункты питания) [3, с. 18].

Таким образом, место проведения события преобразуется и превращается из заброшенного уголка в перспективную развивающуюся территорию, привлекающую все большее количество туристов и инвесторов, что совпадает с целью, зафиксированной в программе стратегического развития туризма в республике Марий Эл.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод, что туризм в республике Марий Эл развивается: стали появляться новые маршруты, программы многих туров стали предусматривать посещение мало известных мероприятий в регионе, многие туристы стали отдавать предпочтения турам выходного дня и однодневным поездкам на недалекие расстояния. Событийный туризм – это тот вид туризма, который отвечает требованиям большинства туристов в соответствии с реали-

ями жизни и является драйвером развития туристского рынка в Республике Марий Эл.

Важность событийного туризма нельзя недооценивать. Событийный туризм оказывает немалое влияние на туристическую отрасль в целом, влияет на широкий спектр человеческой деятельности: на политику, на окружающую среду, социокультурные и другие аспекты. Основная цель туристских мероприятий – увеличить туристский поток в регион, привлечь внимания на территории республики Марий Эл очень важно для всех участников туристской индустрии, так как средства размещения, заведения общественного питания, транспортные компании участвуют в обслуживании всех тех, кто приехал на событие. Таким образом, происходит активизация всех предприятий, и все участники получают доход.

Литература

1. Агафонов Н.С. Брендинг территорий в России: проблемы и возможности // Молодой ученый. 2019. № 14(252). С. 79–81.
2. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Роль инновационного управления в совершенствовании деятельности предприятий индустрии гостеприимства // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2017. № 2. С. 106–112.
3. Газгиреева Л.Х., Бурняшева Л.А. Проблема устойчивого развития современного общества через самоорганизацию: информационно-ценностная парадигма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 6 (73). С. 17–21.
4. Климова Т.Б., Вишневская Е.В., Богомазова И.В. К вопросу развития событийного туризма на уровне региональных экономик // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16106>
5. Maslennikova, E.G., Gilyazeva, E.N., Shishov, S.E., Golovyashkina, M.A., Volkov, L.V., Golovneva, E.V. Virtual Universities in the Educational Space: the Relationship Between Development Strategies and Models // Webology. 2021. Т. 18. № Special Issue. С. 222–232.
6. Юн Е.А., Масленникова Е.Г. Ресурсы событийного молодежного туризма в Москве. В сборнике: Современные проблемы туризма и сервиса. Сборник статей научных докладов. – Москва, 2021. – С. 367–379.
7. Поспеловский Д.В. Роль брендинга территорий в развитии экономики региона // Молодой учёный. 2012. № 7. С. 118–121.

EVENT TOURISM AS A PRIORITY DIRECTION FOR THE DEVELOPMENT OF THE TOURIST MARKET OF THE REPUBLIC OF MARI EL

Maslennikova E.G.

Russian State University of Tourism and Service

One of the most priority directions of development of the modern Russian tourist market is event tourism. This article is devoted to the study of event tourism as a new, promising direction for the development of the tourist market of the Republic of Mari El. The article examines the characteristics of event tourism, describes the successful experience of the development of event tourism in the Republic of Mari El. The factors that negatively affect the development of event tourism in the republic are identified, as well as the positive aspects that are aimed at the development of event tourism.

Keywords: tourism, event tourism, region, tourism market development, investment attractiveness of the region.

References

1. Agafonov N.S. Branding of territories in Russia: problems and opportunities // *Young scientist*. 2019. No. 14(252). pp. 79–81.
2. Burnyasheva L.A., Gazgireeva L.H. The role of innovation management in improving the activities of hospitality industry enterprises // *Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University*. 2017. No. 2. pp. 106–112.
3. Gazgireeva L.H., Burnasheva L.A. The problem of sustainable development of modern society through self-organization: information and value paradigm // *Humanities and socio-economic sciences*. 2013. No. 6 (73). pp. 17–21.
4. Klimova T.B., Vishnevskaya E.V., Bogomazova I.V. On the development of event tourism at the level of regional economies // *Modern problems of science and education*. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16106>
5. Maslennikova, E.G., Gilyazeva, E.N., Shishov, S.E., Golovyashkina, M.A., Volkov, L.V., Golovneva, E.V. Virtual Universities in the Educational Space: the Relationship Between Development Strategies and Models // *Webology*. 2021. Vol. 18. No. Special Issue. pp. 222–232.
6. Yun E.A., Maslennikova E.G. Resources of event youth tourism in Moscow. In the collection: *Modern problems of tourism and service. Collection of articles of scientific reports*. – Moscow, 2021. – pp. 367–379.
7. Pospelovsky D.V. The role of branding territories in the development of the region's economy // *Young Scientist*. 2012. No. 7. pp. 118–121.

Потребители общественных благ: поведение молодежи

Гостев Александр Николаевич,

д.с.н., профессор, профессор кафедры информационной культуры цифровой трансформации, Московский государственный лингвистический университет
E-mail: Gostevan@inbox.ru

Ботвиньев Константин Петрович,

соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: B.konstant@bk.ru

Бельшев Александр Александрович,

соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, учитель истории и обществоведения, ГБОУ школа № 338
E-mail: belyshev.aleksan@mail.ru

Назимкина Альбина Анатольевна,

соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, методист ГБОУ школа № 2044
E-mail: 191180@rambler.ru

Насакина Лилия Николаевна,

соискатель ученой степени кандидата социологических наук, доктор философии, заместитель генерального директора НКО «Союз Женских Сил»
E-mail: liliya.nasakina@yandex.ru

В статье акцентируется внимание общества на опасности неконтролируемого поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях роста уровня общественно-политических и военных угроз. Ожидаемое населением «всеобщее благоденствие» капитализма оказалось обманом. Предложенное российскому обществу новое видение соотношения идеального и материального в потребностях молодежи стало причиной ее негативной социализации. Реагируя на многочисленные социально-экономические и иные угрозы, молодежь становится агрессивной, невосприимчивой к соблюдению вековых положительных отечественных традиций. Часть молодежи основным показателем жизненного успеха считает материальные ценности, принижает значение морально-нравственного ресурса. Цель исследования – процессуальное обоснование путей регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности. Для достижения этой цели анализируются отечественные теоретические знания проблемы, уточняются, обосновываются результатами конкретного социологического исследования на эмпирической базе, в которой представлена большая часть регионов России, белгородские и московские вузовские коллективы. В исследовании обосновано то, что поведение молодежного потребителя общественных благ обусловлено конкретными социально-экономическими условиями и может быть, как рациональным, так и иррациональным. Выявлено, что новым явлением в феномене «регулирование потребления» в условиях национальной рыночной экономики является его институционализация с целью решения системных проблемы правового, организационного, пропагандистского, образовательного, воспитательного, методического, научного обеспечения. Для этого в России создана нормативная право-

вая база. Действенными путями совершенствования потребительского поведения молодежи должны стать: воссоздание, укрепление в образовательных, производственных и иных организациях воспитательных структур; развитие сил и средств общественного контроля работы средств массовой информации, пропаганда здорового образа жизни, ценности семьи, духовности, инициирование создания общественных структур патриотической направленности и другие.

Ключевые слова: молодежь, потребительское поведение, регулирование, общество потребления, социально-экономическая неопределенность, общественно-политические и военные угрозы, идеальные и материальные потребности молодежи, правовое обеспечение, воспитание, общественный контроль.

Актуальность проблемы

В российском и мировом сообществе наблюдается хаос, неопределенность перспектив. В общественном сознании – катастрофа, панические настроения, ожидание войны с применением ядерного оружия. Становится все больше сторонников учения о конце света или конце человечества. Начинают сбываться прогнозы Н.А. Бердяева, изложенные в книге «Судьба человека в современном мире» (1934), который призывал Россию выбрать собственный путь развития, не ориентируясь ни «на капитализм, ни на большевизм». Оказались пророческими его утверждения о том, что у России нет «среднего скромного» пути развития. Россия может быть или великой, или «ничтожеством», небытием. Патриоты начинают продвигать идеи особенности России, которые были сформулированы в древней теории инока Филофея, «Москва – Третий Рим». «Весь мир во зле и тьме лежит. Одна Русь – царство добра и света!». Оказались неверными теории современных западных «авторитетов» гуманитарной науки Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и И. Валлерстайна, предсказывавших «конец истории» и «глобальную катастрофу», если мир после поражения фашизма и коммунизма не встанет на путь либерализма для формирования «постиндустриального общества». Но оказалось, что универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы правления, очередная авантюра, новая форма колонизации мира, против которой выступили возродившиеся страны древних цивилизаций. Результаты анализа научных трудов показывают, что часть их авторов убеждены в правильности следующего положения: «сегодня спор идет не между идеологиями, религиями или мировоззрениями, а между различными стратегиями устройства эффективного потребительского общества». Другие ученые уверены в том, что мир не стал свободен от опасности реализации теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (1927–2008), основанной на факторах культурного характера как источниках конфликтов в мире. Этот исследователь утверждал, что универсальная цивилизация западного типа ни сейчас, ни в обозримом будущем невозможна. В этой связи возникает необходимость по-новому посмотреть на устоявшиеся мнения о соотношении идеального и материального в потребностях современной молодежи.

Известно, что молодые люди (специфическая социально-возрастная группа людей в возрасте от 14 до 30 лет, в некоторых случаях до 35 лет), обладая значительной жизненной энергией, но не имея достаточного жизненного опыта, часто допускают системные ошибки в стратегическом планировании своей жизнедеятельности в сфере потребления, поэтому вынуждены рисковать, подвергать себя опасностям, находиться в состоянии готовности к реагированию на многочисленные социально-экономические и иные угрозы. И, самое опасное, в молодежных организациях легко провоцируются, организуются и проводятся протестные мероприятия, что является объектом пристального внимания сил и средств цветных революций.

Особенность современного периода развития России заключается в том, что большая часть молодежи, которой, априори, принадлежит будущее страны, идеализирует показатели жизненного успеха, заключающегося в приобретении исключительно материальных ценностей, «передвигая» во вторую очередь морально-нравственный ресурс, запас социальной прочности. Это явление представляет собой стратегическую угрозу национальной безопасности страны, т.к. молодежь в России – это 24,3 млн человек в возрасте от 15 до 30 лет, что составляет 16,5% всего населения страны [15]. Т.е.

в ближайшее (тактическое) время – это почти весь мобилизационный ресурс страны для отражения внешней военной агрессии, вероятность которой сейчас высокая.

Априори, молодежь отличается высоким уровнем общественно-трудовой активности, что обуславливает возрастание уровня количества и качества их потребностей. Очевидно, что ограничение таких возможностей приводит к росту числа противоправных деяний [6, с. 99]. Этот факт затрудняет решение проблем патриотического воспитания молодых людских ресурсов государством.

Последние события, обусловленные проведением российскими силовыми структурами специальной военной операции на Украине, состоянием общественной стратегической неопределенности, показали на факт скрытой (давней) переориентации молодежи на предпочтении материальным ценностям. Это опасный путь, т.к. успеха на нем без психологической направленности молодежи на эгоистическое поведение, следствием которого являются правовые нарушения, не добиться. Результаты наблюдения общественной практики показывают, что установка в жизни на достижение материального благополучия любым путем, пропаганда этого феномена, нивелирует как «достойное социальное положение», так радость от «культурного досуга».

Опасность для молодежи заключается в том, что она всегда ищет новое, является противником всего консервативного, мотивирована на перемены. Именно этот факт и является объектом ведения противником информационной психологической войны. К сожалению, Россия в послесоветское время на этом фронте общественного сознания терпит одно поражение за другим. В структуре сознания большей части молодежи получили приоритеты потребительского материального поведения.

Исследование проводилось с 15 января по 30 марта 2023 года.

Методы исследования: теоретические: содержательный анализ документов, синтез, моделирование; эмпирические: опрос экспертов, наблюдения, беседа. Опрашивались профессорский состав Белгородского государственного национального исследовательского университета, Московского государственного лингвистического университета, слушатели заочного обучения Академии управления МВД РФ, осуществляющие профессиональную деятельность в различных регионах России. Эксперты (N = 216 человек). Эксперты дали согласие на использование данных.

Научное обсуждение проблемы

Результаты анализа научных трудов, наблюдений практики позволяют утверждать, что смысл деятельности человека – это обеспечение собственной биологической жизни, т.е. организация, производство, приобретение, потребление, сбыт материальных и идеальных продуктов труда.

В настоящее время идеалом жизни нового поколения граждан России становится «общество потребления», т.е. отношения, основанные на нормах индивидуального стимулирования [16, с. 45]. Априори, активность, эффективность, качество, длительность, прилежность деятельности человека в основном зависит от потребностей организма, наличия разнообразных материальных и моральных ресурсов, спроса. Очевидно, что поведение молодежного потребителя общественных благ обусловлено конкретными социально-экономическими условиями и может быть, как рациональным, так и иррациональным [5, с. 101]. Оно бывает обусловлено правом, модой, престижем, статусом, возрастом, местом проживания, наци-

ональностью, религией, традициями и многими другими культурными показателями, стимулами внешней среды [12, с. 67]. Развитие цифровых информационных технологий приводит к частичной унификации потребления благ молодежью, обусловленной, например, глобализацией моды на жизненные ценности [18, с. 189].

Новым явлением в феномене «регулирование потребления» в условиях национальной рыночной экономики является его институционализация [9, с. 167]. Например, множатся формальные и неформальные институты производства, сбыта, социологические, маркетинговые организации, занимающиеся исследованием поведения потребителей общественных благ, особенностей пропаганды, агитации (рекламы), жизненных потребностей различных групп и слоев населения, влияния средств массовой коммуникации, сознательного и спонтанного поведения покупателя услуг и другого [7, с. 128].

Виды, формы, способы, особенности регулирования (управления) потребления общественных благ молодежью в различных ситуациях объективно являются системными направлениями экономических, социологических и других гуманитарных исследований. Так, С.А. Абакумов, А.А. Гостев исследовали особенности регулирования потребления общественных благ молодежью в контексте осуществления контроля различными институтами, силами и средствами гражданского общества [2, с. 14; 4, с. 88]; М.С. Шалаев – для обеспечения справедливого удовлетворения образовательных потребностей молодежью в контексте профилактики коррупции [22, с. 65]; А.Н. Гостев, В.А. Черных – для стимулирования потребностей молодежи к труду по защите Отечества в войнах XXI века [7, с. 133; 20, с. 17]; Т.С. Демченко, Д.В. Чистяков, А.Н. Гостев – для обеспечения потребностей в информационно-психологической защите жизнедеятельности молодежи [8, с. 143]; Р.Х. Кадыров, О.В. Петрова – для удовлетворения потребностей труда молодежи в правоохранительной сфере [10, с. 46; 14, с. 141]; М.А. Савина – для удовлетворения потребностей труда молодежи в сфере культуры [17, с. 12]; В.П. Серикова – для потребностей молодежи в знаниях российских образовательных традиций [19, с. 57]; И.В. Гайдамашко, А.Н. Гостев, С.Л. Кандыбович, Л.Г. Лаптев для потребностей молодежи в совершенствовании эффективности труда [11, с. 231] и другие.

Т.е., разработка и принятие стратегических решений на регулирование поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности – это многосторонний, системный, комплексный управленческий феномен.

Результаты исследования процесса регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности показали, что в нем есть системные проблемы правового, организационного, пропагандистского, образовательного, воспитательного, методического, научного обеспечения.

По итогам анализа нормативных правовых документов можно утверждать, что в России технологии государственной молодежной политики регулируются комплексом законов, претендующим на статус правового кодекса. В него могли бы войти положения Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», Федеральных законов от «О молодежной политике в Российской Федерации», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1] и другие. С 2014 года реализуются государственная правительственная программа «Основы

государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

В федеральных законодательных органах власти созданы структуры по государственной молодежной политике. Так, в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации работает Комиссия Совета Федерации по делам молодежи и туризму; в Государственной думе – Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам молодежи.

В структурах исполнительной России координацию деятельности в этой сфере осуществляют Министерство образования и науки Российской Федерации и Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Часть таких функций выполняет Министерство спорта, туризма и молодежной политики. На региональном уровне разрешением этой проблемы занимаются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления.

В настоящее время в условиях социально-экономической неопределенности в сфере регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ активизировалась деятельность институтов гражданского общества, которые представляют собой систему сил и средств, осуществляющей деятельность в рамках правового поля, являющейся относительно независимой от государственных структур, удовлетворяющая специфическую потребность различных социальных групп и кругов населения. Такими структурами являются: молодежные объединения, благотворительные организации, женские движения, некоммерческие организации, культурно-просветительные и спортивные общества, воспитательно-педагогические организации, оборонно-патриотические общественные организации, детские и молодежные общественные организации, объединение граждан по месту жительства, общественные органы местного самоуправления и другие.

В России создана значительная нормативная правовая база, обеспечивающая регулирование общественных молодежных отношений [1]. Опрос экспертов показал, что проблема регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях настоящей социально-экономической неопределенности, регулируется правом на высоком уровне качества (рис. 1).

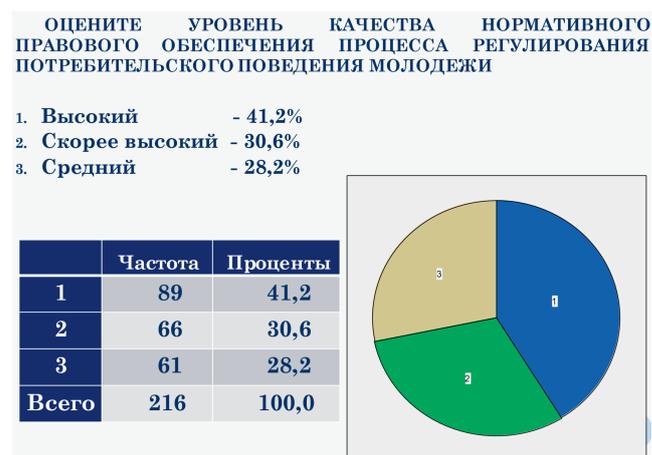

Рис. 1. Оценка экспертами качества нормативного правового обеспечения процесса регулирования потребительского поведения молодежи

Как известно, одно из главных благ человека – это мирные общественные отношения. В условиях неопределенности они начинают становиться чрезмерно конфликтными. Анализ результатов опроса экспертов показал, что в поведении части молодежных потребителей общественных благ стали наблюдаться проявления

агрессии, неуважение к власти, государству, старшему поколению, институту семьи, нравственности (рис. 2).

В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ПОВЕДЕНИИ МОЛОДЕЖИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫМ?

1. Низкий уровень нравственности	– 16,2%
2. Агрессивность	– 35,6%
3. Неуважение к старшему поколению	– 23,6%
4. Отрицательное отношение к институту семьи	– 12,5%
5. Неуважение к государству, власти	– 11,6%
6. Другое	– 0,5%

	Частота	Проценты
1	35	16,2
2	77	35,6
3	51	23,6
4	27	12,5
5	25	11,6
6	1	0,5
Всего	216	100,0

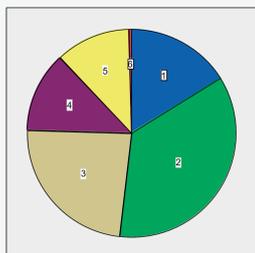

Рис. 2. Виды опасностей в потребительском поведении молодежи

В ходе бесед эксперты свидетельствовали, что «становится больше молодежи, которая напоминает чертополох (колючий сорняк). Корни этого растения находятся в неблагополучных семьях, где у молодежи с раннего возраста деформируется система жизненных потребительских ценностей». Он прорастает в коллективах и подавляет все здоровое вокруг, т.е. дезорганизует работу. Этот «сорняк» используют в своей деятельности деструктивные силы, для них он является хорошим «медоносом».

Особую опасность в поведении молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности представляет показатель «неуважение к государству, власти». Очевидно, что «потребляя общественные блага» человек обязан защищать тех, их создает, организует преумножение, распределение, защиту.

Часть молодых людей уезжают из страны. Считается, что с начала объявления мобилизации страну покинули от 355 000 до 1 000 000 наших сограждан [13].

Из духовных (идеальных) общественных благ, как показали результаты исследования, значительная часть современной молодежи предпочитает свободу, самостоятельность, образование, престиж, работу, отдых, досуг, общение, спорт, здоровье, творчество (рис. 3).

НАЗОВИТЕ МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

1. Образование, престиж, работа	– 31%
2. Свобода, самостоятельность	– 33,8%
3. Общение, отдых, досуг, спорт	– 28,2%
4. Здоровье	– 3,7%
5. Творчество	– 3,2%

	Частота	Проценты
1	67	31,0
2	73	33,8
3	61	28,2
4	8	3,7
5	7	3,2
Всего	216	100,0

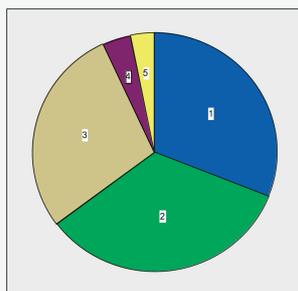

Рис. 3. Оценка экспертами моральных ценностных предпочтений потребительского поведения молодежи

Как видно на рисунке среди духовных ценностей молодежи эксперты не назвали такие ценности, как патриотизм, политика, семья, взаимопомощь. Нет популярности семейных ценностей и творчества.

Наблюдения общественной практики показывают, что в этом нет большой вины молодежи, т.к. большинство людей всех возрастов стали оценивать своих граждан по объему и качеству потребления (по доходу), а не по духовным качествам. Мораль здесь такова: добиться благ любой ценой, не следуя этическим или нравственным нормам. Люди начинают жить по правилу: «заплати, тогда я тебе помогу». Безусловно, есть молодые люди, которые воспитаны на истинно российской традициях, сегодня занимают патриотическую жизненную позицию, инициативно решают проблемы страны: добровольно соглашаются участвовать в военной защите государства, участвуют в добровольных (волонтерских) движениях по реализации социально-значимых проектов [3]. Несомненно, эта часть молодежи является сторонниками таких рациональных вечных ценностей, как: любовь к людям, вера, семья, трудолюбие, ответственность, прилежность, добро, справедливость, милосердие, уважение к старшим.

Опрос экспертов показал, что в настоящее время наиболее действенными путями совершенствования потребительского поведения молодежи должны стать: воссоздание, укрепление в образовательных, производственных и иных организациях воспитательных структур; развитие сил и средств общественного контроля работы средств массовой информации, пропаганда здорового образа жизни, ценности семьи, духовности, инициирование создания общественных структур патриотической направленности и другие (рис. 4).

Назовите эффективные пути совершенствования потребительского поведения молодежи

1. Общественный контроль СМИ	– 25,9%
2. Воссоздание структур воспитательной работы	– 55,1%
3. Пропаганда ценностей семьи, духовности	– 12,5%
4. Создание патриотических организаций	– 4,2%
5. Затрудняюсь с ответом	– 2,3%

	Частота	Проценты
1	56	25,9
2	119	55,1
3	27	12,5
4	9	4,2
5	5	2,3
Всего	216	100,0

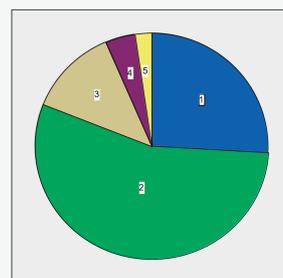

Рис. 4. Мнение экспертов о путях совершенствования потребительского поведения молодежи

Выводы

Потребительское поведение молодежи – процесс, зависящий от множества внутренних и внешних факторов, часть из которых делает его трудно регулируемым. Исследование показало, что часть современной молодежи обладает уже сложившейся сознательной системой ценностей, которая, к сожалению, не соответствует вековым традициям российского общества, в которых духовные начала всегда преобладали над материальными. Эти факторы для обеспечения национальной безопасности и становления России как геополитического центра мира должны быть нивелированы.

Практические рекомендации

1. Структурам, обладающим правом законодательной инициативы, предложить:

- разработать систему воссоздания в образовательных, производственных и иных организациях воспитательных структур для работы с молодежью с целью возрождения и укрепления лучших отечественных традиций потребительского поведения;
- совершенствовать правовые условия развития сил и средств институтов гражданского общества по патриотической работе с молодежью.

2. Министерству науки и образования РФ предложить:

- в ходе государственной аттестации выпускников вузов рекомендовать образовательным организациям повысить уровень требований к показателю «качество воспитанности потребительского поведения»;
- организовать информационное обеспечение популяризации участия молодежи в работе организаций общественного контроля;
- обеспечить повышение уровня активности молодежи с патриотической направленностью в работе средств массовой информации, пропаганде здорового образа жизни, ценностей семьи, духовности.

3. Гуманитарным вузам предложить организовать социологические исследования по направлениям:

- особенности потребительского поведения городской молодежи: угрозы национальной безопасности государства;
- правовое обеспечение потребительского поведения молодежи в духовной сфере;
- ценности семьи в потребительском поведении молодежи: инновации и традиции;
- общественный контроль традиций в потребительском поведении молодежи;
- стимулирование позитивного потребительского поведения молодежи;
- институты гражданского общества в системе контроля потребительского поведения молодежи;
- показатели оценки работы федеральных органов исполнительной власти в системе обеспечения позитивного потребительского поведения молодежи.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» / Российская газета, 04.01.2020; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» / Российская газета, 30.12.2012; Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» / Российская газета, 30.06.1995; Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» / Российская газета, 21.05.1995; Федеральный закон от 11.05.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» / Российская газета, 12.05.1995; Указ Президента Российской Федерации от 16.09.1992 № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» / Российская газета, 17.09.1992; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.12.2021 № 3581-р «Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года» / Российская газета, 15.12.2021; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Об утвержде-

нии Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» / Российская газета, 31.05.2015; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Российская газета, 30.11.2015.

2. Абакумов С.А. Развитие гражданского общества как фактор оптимизации социального контроля над деятельностью государства в условиях глобализации (Социологический аспект): автореф. Дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2006. – 26 с.
3. Бодрикова А.В., Гостев А.Н. Социальное управление общественными объединениями инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы. – М.: СГА, 2015. – 195 с.
4. Гостев А.А. Уголовно-правовые проблемы охраны земли // Журнал научных публикаций: Экономика социология и право. – М., 2009. № 6. С. 86–92.
5. Гостев А.Н. Отбор граждан на службу в ОВД РФ: социолого-управленческое // Вестник Академии права и управления. 2022. № 2 (67). С. 97–106.
6. Гостев А.Н. Совершенствование условий труда сотрудников полиции: социолого-управленческий аспект // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 95–104.
7. Гостев А.Н. Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов // Человеческий капитал. 2019. № S12–2 (132). С. 126–146.
8. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Управление информационно-психологической защитой социальной организации: монография. – М.: СГА, 2013. – 198 с.
9. Иванова О.А., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Российские образовательные организации: традиции инновационной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 164–169.
10. Кадыров Р.Х., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции // Вестник Академии права и управления. 2020. № 4 (61). С. 44–54.
11. Кандыбович С.Л., Гостев А.Н., Гайдамашко И.В., Лаптев Л.Г. и другие Психология эффективного труда в социальной сфере. – М., 2019. – 567 с.
12. Кочетов В.В., Гостев А.Н. Социальное проектирование дополнительного образования молодежи в крупном городе: монография. – Москва, 2013. – 187 с.
13. Кремль оценил число бежавших от мобилизации россиян в миллион человек. Мнение автора об этой цифре / https://dzen.ru/a/YzpxzL2J_CW8rOWq (дата обращения: 31.03.2023).
14. Петрова О.В., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Внешняя образовательная миграция: проблемы, практика межкультурной коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 134–145.
15. Российская молодежь глазами статистики / <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3100470>
16. Саблуков А.В., Гостев А.Н., Образцов И.В. Качество столичного образования в оценках основных субъектов образовательного процесса: монография. – Москва, 2016. – 456 с.
17. Савина М.А. Совершенствование системы социального управления учреждениями культуры: автореф. Дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2007. – 27 с.

18. Семенова В.Г., Гостев А.Н., Хованская О.Н. Трудоустройство молодежи: проблемы, место в системе социальных ценностей // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2016. № 1. С. 185–201.
19. Серикова В.П., Гостев А.Н., Управление высшим образованием: российские традиции: монография. – М., 2016. – 189 с.
20. Черных В.А. Совершенствование государственно-го управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. Дисс.. канд. политич. наук. – М., 2003. – 27 с.
21. Чистяков Д.В. Управление информационно-психологической защитой социальной организации как фактор обеспечения безопасности личности: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2007. – 25 с.
22. Шалаев М.С., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Бюрократия в системе государственной службе: социолого-управленческий взгляд // *Вестник Академии права и управления*. 2021. № 3 (64). С. 61–75.

BENEFICIARIES AND PUBLIC GOODS: YOUTH BEHAVIOUR

Gostev A.N., Botvinyev K.P., Belyshev A.A., Nazimkina A.A., Nasakina L.N.

Moscow State Linguistic University, Moscow Pedagogical State University, GBOU school № 338, GBOU school № 2044, NGO "Union of Women's Forces"

The article focuses the attention of society on the danger of uncontrolled behavior of the youth consumer of public goods in the context of the growing level of socio-political and military threats. The "general well-being" of capitalism expected by the population turned out to be a deception. The new vision of the ratio of the ideal and the material in the needs of young people proposed to Russian society caused its negative socialization. Reacting to numerous socio-economic and other threats, young people are becoming aggressive, immune to compliance with centuries-old positive domestic traditions. Some young people consider material values to be the main indicator of life success, belittle the importance of moral resources. The purpose of the study is a procedural substantiation of ways to regulate the behavior of the youth consumer of public goods in conditions of socio-economic uncertainty. To achieve this goal, domestic theoretical knowledge of the problem is analyzed, clarified, substantiated by the results of a specific sociological study on an empirical basis, in which most of the regions of Russia, Belgorod and Moscow university teams are represented. The study substantiates the fact that the behavior of the youth consumer of public goods is due to specific socio-economic conditions and can be both rational and irrational. It is revealed that a new phenomenon in the phenomenon of "regulation of consumption" in the conditions of the national market economy is its institutionalization in order to solve systemic problems of legal, organizational, propaganda, educational, educational, methodological, scientific support. For this purpose, a regulatory legal framework has been created in Russia. Other ways to improve the consumer behavior of young people should be: the restoration, strengthening of educational structures in educational, industrial and other organizations; the development of forces and means of public control over the work of the media, the promotion of a healthy lifestyle, the values of the family, spirituality, the initiation of the creation of public structures of a patriotic orientation and others.

Keywords: youth, consumer behavior, regulation, consumer society, socio-economic uncertainty, socio-political and military threats, ideal and material needs of young people, legal support, education, public control.

References

1. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation" / *Rossiyskaya Gazeta*, January 4, 2020; Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" / *Rossiyskaya Gazeta*, December 30, 2012; Federal Law of June 28, 1995 No. 98-FZ "On State Support for Youth and Children's Public As-

- sociations" / *Rossiyskaya Gazeta*, 06/30/1995; Federal Law of May 19, 1995 No. 82-FZ "On Public Associations" / *Rossiyskaya Gazeta*, May 21, 1995; Federal Law No. 135-FZ of May 11, 1995 "On Charitable Activities and Volunteering (Volunteering)" / *Rossiyskaya Gazeta*, May 12, 1995; Decree of the President of the Russian Federation of September 16, 1992 No. 1075 "On priority measures in the field of state youth policy" / *Rossiyskaya Gazeta*, 09/17/1992; Decree of the Government of the Russian Federation of December 14, 2021 No. 3581-r "Long-term program to promote youth employment for the period up to 2030" / *Rossiyskaya Gazeta*, December 15, 2021; Decree of the Government of the Russian Federation dated May 29, 2015 No. 996-r "On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025" / *Rossiyskaya Gazeta*, May 31, 2015; Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r "On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025" / *Rossiyskaya Gazeta*, November 30, 2015.
2. Abakumov S.A. Development of civil society as a factor of optimization of social control over the activities of the state in the context of globalization (Sociological aspect): autoref. dis. ... cand. sociol. Sciences. – М., 2006. – 26 s.
3. Bodrikova A.V., Gostev A.N. Social management of public associations of disabled people due to hostilities and military trauma. – М.: SGA, 2015. – 195 s.
4. Gostev A.A. Criminal-legal problems of land protection // *Journal of scientific publications: Economics sociology and law*. – М., 2009. № 6. – pp. 86–92.
5. Gostev A.N. Selection of citizens for service in the OVD RF: sotsiologicheskoe upravlencheskoe // *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. 2022. No 2 (67). S. 97–106.
6. Gostev A.N. Improvement of working conditions of police officers: sociological-managerial aspect // *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. 2021. No 2 (63). S. 95–104.
7. Gostev A.N. Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hybrid war and security problems: the results of the analysis of digital documents // *Human capital*. 2019. No S12–2 (132). S. 126–146.
8. Demchenko T.S., Gostev A.N. Management of information and psychological protection of social organization: monograph. – М.: SGA, 2013. – 198 s.
9. Ivanova O.A., Gostev A.N., Demchenko T.S. Russian educational organizations: traditions of innovative activity // *Vestnik ekonomika, prava i sotsiologii*. 2018. No 2. S. 164–169.
10. Kadyrov R. Kh., Gostev A.N., Demchenko T.S. Public mechanisms of stimulation of police officers // *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. 2020. No 4 (61). S. 44–54.
11. Kandybovich S.L., Gostev A.N., Gaydamashko I.V., Laptev L.G. and others Psychology of effective work in the social sphere. – М., 2019. – 567 s.
12. Kochetov V.V., Gostev A.N. Social design of additional education of youth in a large city: monograph. – Moscow, 2013. – 187 s.
13. The Kremlin estimated the number of Russians fleeing the mobilization at one million. Author's opinion on this figure / https://dzen.ru/a/YzxpzL2J_CW8rOWq / Date of access – March 31, 2023.
14. Petrova O.V., Gostev A.N., Demchenko T.S. External educational migration: problems, practice of intercultural communication // *Vestnik Ufimskogo yurytskogo instituta MVD Rossii*. 2020. No 3 (89). S. 134–145.
15. Russian youth through the eyes of statistics / <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3100470>
16. Sablukov A.V., Gostev A.N., Obratsov I.V. Quality of metropolitan education in assessments of the main subjects of the educational process: monograph. – Moscow, 2016. – 456 p.
17. Savina M.A. Improvement of the system of social management of cultural institutions: Avtoref. diss. ... cand. sociol. Sciences. – М. 2007. – 27 s.
18. Semenova V.G., Gostev A.N., Khovanskaya O.N. Employment of youth: problems, place in the system of social values // *Modern research of social problems (electronic scientific journal)*. 2016. No 1. S. 185–201.
19. Serikova V.P., Gostev A.N., Management of higher education: Russian traditions: monograph. – М., 2016. – 189 p.

20. Chernykh V.A. Improvement of state management of the preparation of human mobilization resources in the interests of ensuring the military security of the Russian Federation: Avtoref. diss... cand. political. Sciences. – M, 2003. – 27 p.
21. Chistyakov D.V. Management of information and psychological protection of social organization as a factor of ensuring the safety of the individual: avtoref. dis. ... cand. sociol. Sciences. – M., 2007. – 25 s.
22. Shalaev M.S., Gostev A.N., Demchenko T.S. Bureaucratiya v sistema gosudarstvennoi sluzhba: sotsiologio-managerial'nyi vzglyad // Vestnik Akademii pravo i upravleniya. 2021. No 3 (64). S. 61–75.

Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России

Калинич Владислав Сергеевич,

ассистент кафедры современной социологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladislav6988@mail.ru

Статья посвящена результатам анкетного опроса молодежи, который был проведен в июле-сентябре 2022 года. В исследовании приняли участие студенты Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Тверского государственного технического университета. В рамках исследования автором произведена попытка выявить доминирующие ценностные ориентации респондентов, изучить представления о патриотизме и об образе современного патриота, выяснить мнение студентов об актуальном состоянии патриотического воспитания в России, а также выявить особенности социальной активности современной молодежи.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации, патриотизм, патриотическое воспитание, современный патриот, эмпирическое исследование, социологическое исследование, анкетирование, социальная активность молодежи, государство, современное общество.

Молодёжь – важнейший ресурс и залог развития современного общества. И от особенностей, факторов становления этой демографической группы напрямую зависит судьба любого социума или даже целой цивилизации. Формирование устойчивой и конструктивной системы ценностных ориентаций у молодых людей – первостепенная задача гражданского общества и государства. Выдающийся русский философ И.А. Ильин отмечал великую важность воспитания подростков, детей и молодежи для будущего России.

Примечательно, что во время подготовки данной статьи 22 декабря 2022 года состоялось заседание Государственного Совета по вопросам реализации молодежной политики в современных условиях под председательством Президента России В.В. Путина, на котором были затронуты многие вопросы, рассматриваемые в рамках настоящего исследования, что подчеркнуло его актуальность и своевременность. Президент Российской Федерации В.В. Путин на данном заседании отметил, что «устремления и помыслы молодежи, понимание Отечества, значимости его тысячелетней истории, ценностей и традиций, преданность Родине, конечно, будут определять её будущее»¹.

Патриотизм является фундаментальной духовной ценностью в системе ценностей русского человека. Патриотизм поддерживал в противостоянии любым напастям и невзгодам на историческом пути нашего народа и нашей страны. Любовь к Родине помогала нашим людям останавливать и побеждать захватчиков, отстраивать из руин города, развивать, укреплять и славить Россию. Президент России В.В. Путин ещё в 2016 году заявил, что «у нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи кроме патриотизма. Это и есть национальная идея»². Данная идея в настоящее время чрезвычайно актуальна для нашей страны и общества.

Без формирования патриотизма невозможно построение крепкого в нравственном и ценностном плане общества. Патриотизм как ценность и жизненный ориентир укрепляет всю систему ценностей человека, делает её целостной, несёт важный созидательный компонент в деятельность человека. Исследование современного места патриотизма в системе ценностных ориентаций молодежи, анализ понимания и смысла патриотизма современными молодыми людьми, их мнение о состоянии системы патриотического воспитания в России – те задачи, решение которых способствует поиску эффективных мер и внесению конструктивных предложений по совершенствованию современных методов патриотического воспитания и другой деятельности по формированию патриотических ориентиров.

¹ См.: стенограмма заседания Государственного Совета по вопросам реализации молодежной политики в современных условиях 22 декабря 2022 года. [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Дата обращения: 11.01.2023.

² См.: Путин назвал единственно возможную для России национальную идею [электронный ресурс] режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7>. Дата обращения: 28.02.2023

Сбор эмпирического материала в рамках социологического исследования проведен в июле-сентябре 2022 года. Целью исследования является анализ представлений респондентов о патриотизме, патриотах и современном состоянии патриотического воспитания в России. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: выявление доминирующих ценностных ориентаций респондентов, анализ особенностей понимания респондентами термина «патриот», критериев патриотического поведения индивидов, оценка мнения респондентов о современном состоянии патриотического воспитания в России, его проблемах и перспективах развития, анализ социальной активности респондентов, их вовлеченности в общественную жизнь. Объектом исследования выступили студенты Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Тверского государственного технического университета. Обработка и анализ результатов исследования осуществлялись на основе создания электронных баз данных, использования основных описательных статистик.

В исследовании приняли участие студенты двух университетов: Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Тверского государственного технического университета. Возраст участников исследования – от 17 до 24 лет. Среди них 64% – девушки, 36% – юноши. Визуализация распределения ответов респондентов представлена на рисунках (рисунок 1).

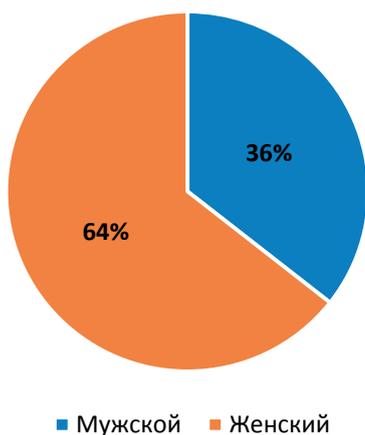

Рис. 1. Распределение респондентов по полу

51% респондентов обучается на 3 курсе бакалавриата, 28% – первокурсники бакалавриата, 6% – студенты 2 курса бакалавриата, 13% – студенты 4 курса и по 1% – студенты магистратуры 1 и 2 года обучения (рисунок 2).

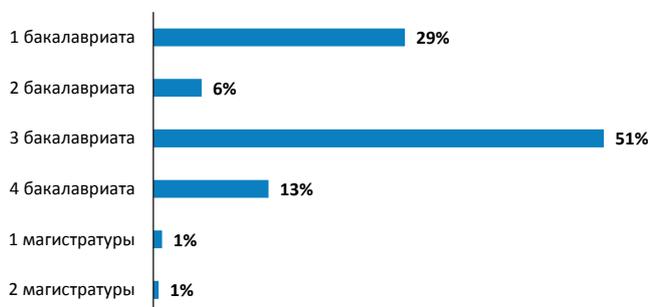

Рис. 2. Распределение респондентов по курсам обучения

Большинство респондентов ожидается проживают со своими семьями в Москве, Московской области, Твери и Тверской области. Но в выборочную совокупность попали представители всех федеральных округов Российской Федерации – многие студенты в обоих университетах оказались иногородними (рисунок 3).

Рис. 3. Распределение респондентов по городам, регионам, федеральным округам

Абсолютное большинство респондентов оказались жителями городов – 88%. 8% – жителями поселков городского типа и 5% – жителями сельских поселений (рисунок 4).

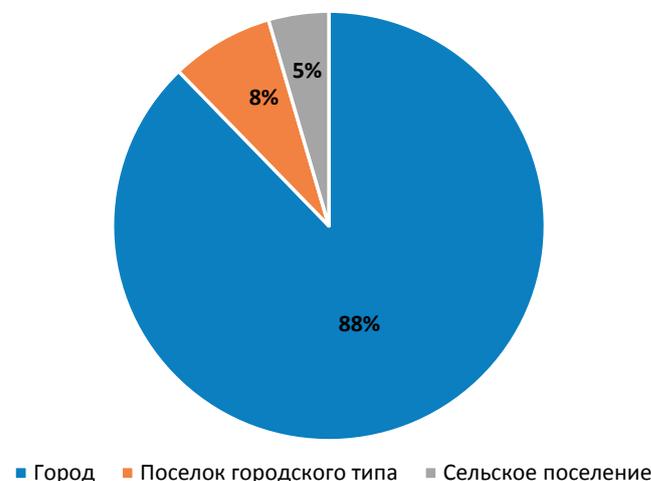

Рис. 4. Типы населённых пунктов, в которых проживают семьи респондентов

Шкалы уровня доходов семьи, которые предлагались студентам в Москве и в Тверской области имеют различный порядок, поскольку в выбранных регионах значительно отличается размер прожиточного минимума и средняя заработная плата. Суммы доходов из расчета на одного члена семьи распределились следующим образом (рисунок 5, 6).

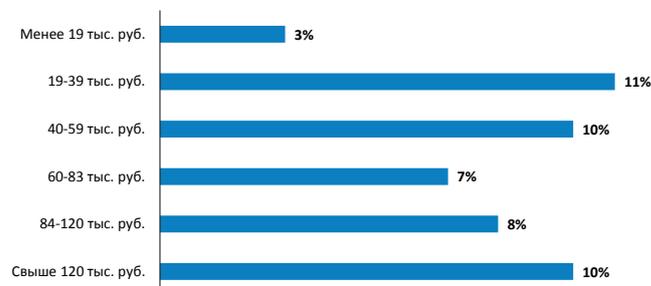

Рис. 5. Ежемесячный доход семьи из расчета на одного человека среди студентов МГУ имени М.В. Ломоносова

Среди ценностей, которые ближе всего для респондентов доминирующими оказались здоровье (выбрано 61,8% респондентов), материальный достаток (выбрано 51,1% респондентов) и активная, насыщенная событиями жизнь (выбрано 50,9% респондентов). Популярными ценностями оказались наличие хороших и верных дру-

зей (44,6%), счастливая семейная жизнь (43,3%) и развитие (42,6%). Наименее популярными ценностями оказались общественное признание (6,7%) и счастье других (6,2%) (рисунок 7).

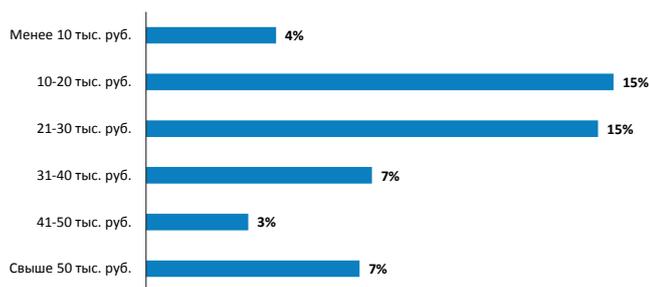

Рис. 6. Ежемесячный доход семьи из расчета на одного человека среди студентов ТвГТУ

Рис. 7. Рейтинг ценностей респондентов

Рис. 8. Рейтинг личных качеств респондентов

Качествами, которые отмечают у себя респонденты, наиболее популярными оказались ответственность (56,7%), воспитанность (55,4%), верность (42,7%) и чест-

ность (39%). Наименее популярными качествами оказались твердая воля (10,9%) и деловой подход (12,1%). Следует отметить, что распределение ответов по личным качествам оказалось в целом весьма однородным среди всех вариантов, в то время как распределение ответов по ценностям является более популярным (рисунок 8).

Ключевыми ценностными ориентирами, которые формирует у молодежи современное общество называются карьеризм (60%), потребительство (45,1%), здоровый образ жизни (42,1%), тягу к удовольствиям (39,7%). Патриотизм в числе других отметили 26,5% респондентов. Наименее популярными вариантами ответов стали державность (6,2%) и космополитизм (10%) и вера в Бога (10%) (рисунок 9).

Как Вы считаете, какие ценностные ориентиры формирует у молодежи современное общество?

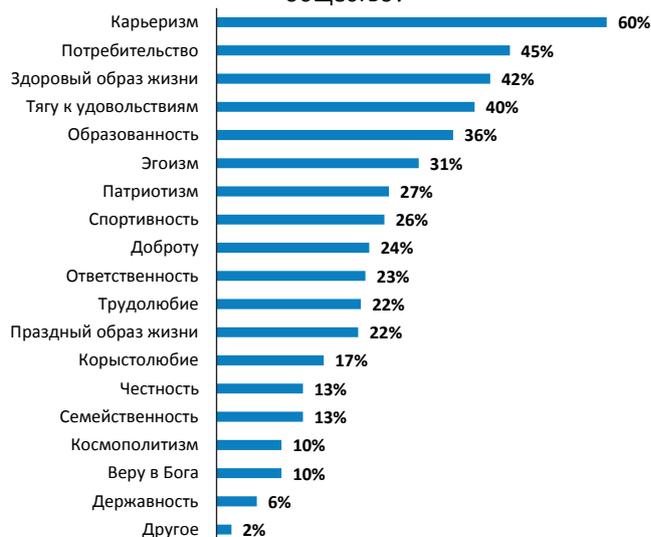

Рис. 9. Рейтинг ценностных ориентиров, формируемых у молодежи современным обществом

Данные результаты свидетельствуют о весьма выраженной индивидуализации молодежи, сосредоточенности на себе, собственном благополучии и развитии. Обращает на себя внимание последнее по популярности место ценности счастья других, что подтверждает гипотезу о сильной индивидуализации. Данная градация ценностей соответствует мнению респондентов: они выделили ориентацию на материальное благополучие, успешная карьера способствует этому.

В распределении ответов по оценке собственных качеств не прослеживается явной тенденции, выбор вариантов ситуативный и ориентирован на традиционно социально одобряемые качества. По отношению к обществу респонденты настроены более критично, указывая на негативные ценности, которые формирует публичная среда. Низкий результат варианта «вера в Бога» в может объясняться тем, что вера и религия не занимают значимое место в духовной культуре молодежи. Это является возможным следствием духовного кризиса в современном российском обществе. Половина опрошенных респондентов не относит себя ни к какой из религиозных конфессий, то есть фактически являются атеистами. При этом 46% отнесли себя к одной из традиционных конфессий (православие, ислам, буддизм, католицизм, иудаизм и протестантизм) и 4% относят себя к другим религиозным конфессиям (рисунок 10).

Быть патриотом – значит любить свою страну, ответили в числе других вариантов 55,4% респондентов. Вторым по популярности ответом стал «пытаться сде-

лать жизнь в стране лучше» (41,3%). Далее следуют ответ «знать и любить историю и культуру своей страны» (39,5%) и ответ «Быть готовым защищать свою страну» (38,2%). Наименее популярными ответами стали «ставить интересы своей страны превыше всего» (10%) и «уважать своих сограждан» (13,1%) (рисунок 11).

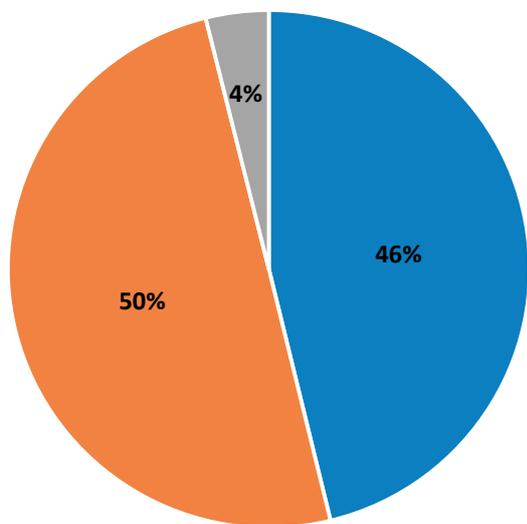

Рис. 10. Отношение респондентов к одной из традиционных религиозных конфессий

Рис. 11. Рейтинг критериев патриотичного поведения

Среди качеств, присущим патриотам, респонденты выделили гражданскую ответственность (71,1% в числе других), активную социальную позицию (46,6%) и уважительное отношение к другим (40,6%). Наименее популярными ответами стали бескомпромиссность (6,5%) и доверчивость (4,9%) (рисунок 12).

По мнению респондентов, патриотами нельзя считать людей, которые желают поражения своей стране (68,5%). Тех, кто не уважает своих сограждан (36,8%) и тех, кто оскорбляет страну, её сограждан (31,7%). В то же время, незначительной количество респондентов высказались, что патриоты не могут критиковать действия власти (7,4%), не могут жить за рубежом (6,4%) и не могут открыто говорить о проблемах, неурядицах в стране (4,5% в числе других вариантов). Не определились в этом вопросе 2,2% респондентов (рисунок 13).

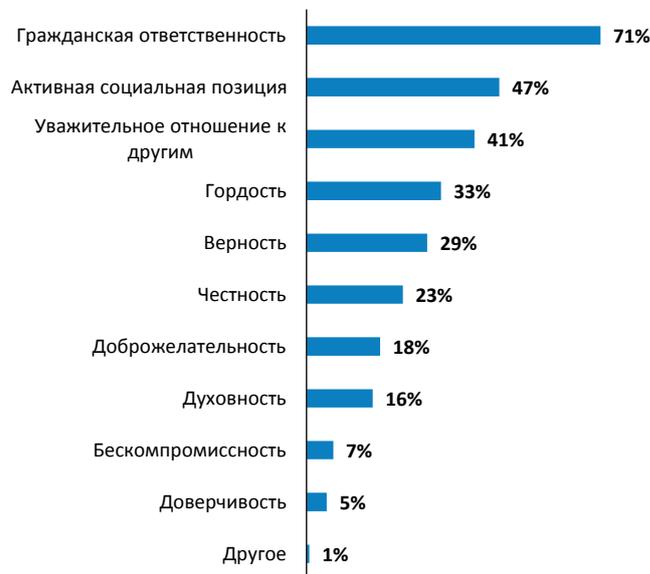

Рис. 12. Рейтинг личных качеств патриота

Кого, на Ваш взгляд, нельзя считать патриотами?

Рис. 13. Рейтинг критериев антипатриотичного поведения

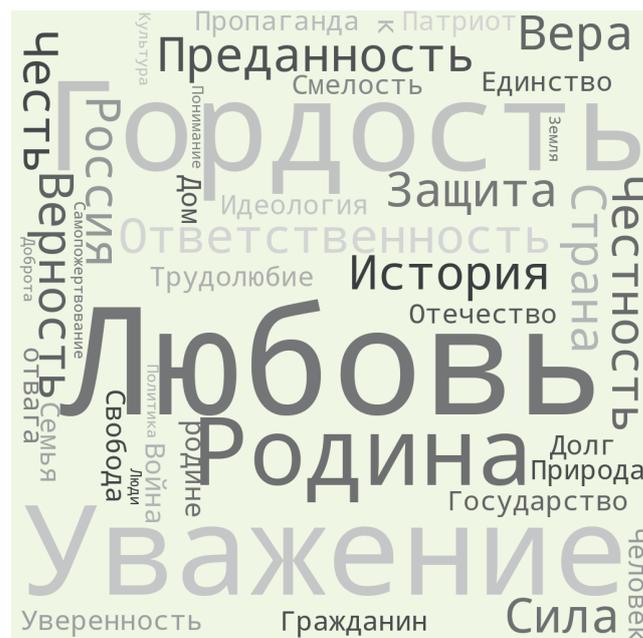

Рис. 14. Ассоциации со словом «патриотизм»

Самыми популярными ассоциациями со словом «патриотизм» у респондентов стали слова «Родина», «Любовь», «Гордость», «Верность», «Ответственность»,

«Уважение», «Честность», «Страна», «Вера», «Преданность», «Защита», «История», «Честь», «Россия», «Сила», «Свобода», «Долг», «Семья» и другие. Визуализация популярных ответов респондентов представлена на рисунке (рисунок 14).

Из известных исторических деятелей нашей страны настоящими патриотами респонденты назвали Петра I, Иосифа Сталина, Владимира Ленина, Владимира Путина, Владимира Жириновского, Михаила Кутузова, Екатерину II, Александра Суворова, Георгия Жукова, Юрия Гагарина, Михаила Ломоносова, Александра Пушкина, Александра Невского, Николая II, Бориса Ельцина, Бориса Немцова, Александра II, Петра Столыпина, Дмитрия Пожарского, Михаила Горбачёва, Дмитрия Менделеева, Сергея Есенина, Федора Достоевского, Никиту Хрущёва, Сергея Витте, Кузьму Минина, Ивана Грозного, Михаила Лермонтова, Льва Толстого, Александра III и других. Визуализация популярных ответов респондентов представлена на рисунке (рисунок 15).

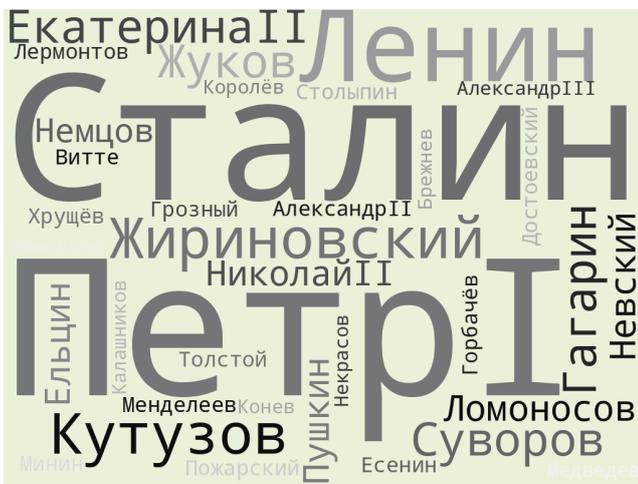

Рис. 15. Исторические деятели – патриоты России

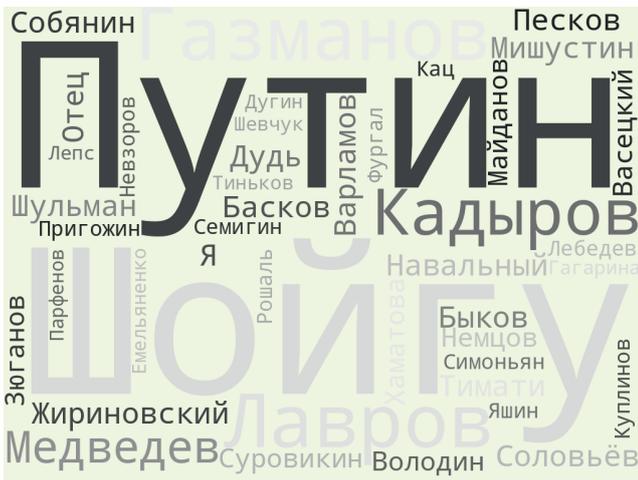
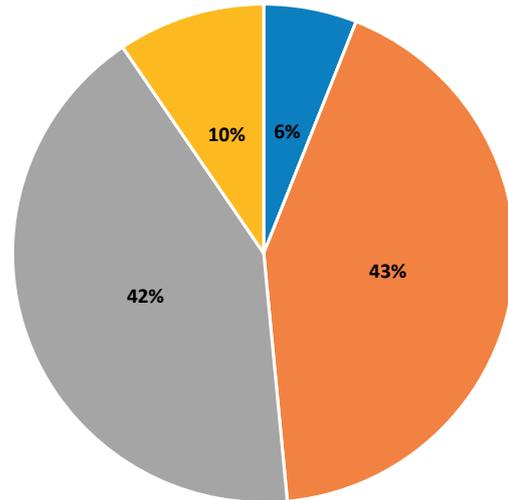

Рис. 16. Современники – патриоты России

Современными патриотами России по мнению респондентов являются политики и государственные деятели: Владимир Путин, Сергей Шойгу, Сергей Лавров, Рамзан Кадыров, Дмитрий Медведев, Михаил Мишустин, Дмитрий Песков, Сергей Собянин, Вячеслав Володин, Геннадий Зюганов, Геннадий Семигин, Сергей Фургал. Артисты: Олег Газманов, Николай Басков, Тимур Юнусов (Тимати), Чулпан Хаматова, Антон Басаев, Полина Гагарина, Денис Майданов. Участники специальной военной операции на Украине: Сергей Суровикин и Евгений Пригожин. Журналисты и блогеры: Алексей Навальный,

Владимир Соловьёв, Екатерина Шульман, Юрий Дудь, Илья Варламов, Дмитрий Быков, Максим Кац, Дмитрий Куплинов, Артемий Лебедев, Александр Невзоров, Маргарита Симоньян, Леонид Парфенов и другие. Примечательно, что среди популярных ответов на данный вопрос респонденты называли патриотами себя (соответствует ответам на ранее поставленный вопрос) и своих родителей. Визуализация популярных ответов респондентов представлена на рисунке (рисунок 16).

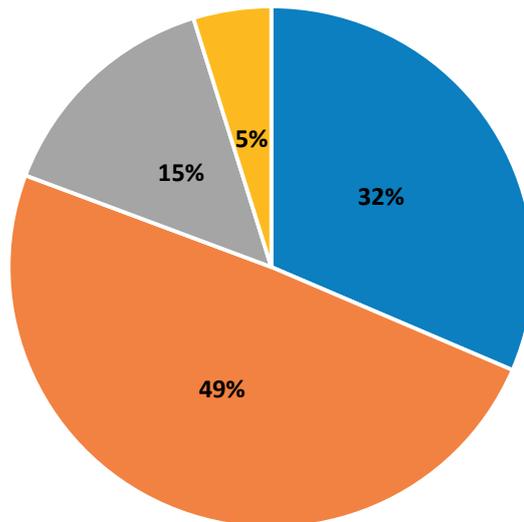
Мнения о том, можно ли назвать большинство представителей молодёжи патриотами, разделились. Положительно и скорее положительно в этом вопросе высказались 48,5%. Отрицательно и скорее отрицательно – 51,5% (рисунок 17).

■ Да, можно ■ Скорее да, можно ■ Скорее нет, нельзя ■ Нет, нельзя

Рис. 17. Можно ли считать большинство представителей современной молодёжи патриотами России или нельзя?

При этом патриотами себя считают или склонны считать 80,8% опрошенных респондентом, полностью подтвердив мнение экспертов, упомянутое выше. Сомневаются в этом вопросе 14,5%. И лишь 4,8% респондентов не считают себя патриотами (рисунок 18).

■ Да, считаю ■ Скорее да, считаю

■ Скорее нет, не считаю ■ Нет, не считаю

Рис. 18. Считаете ли Вы себя патриотом?

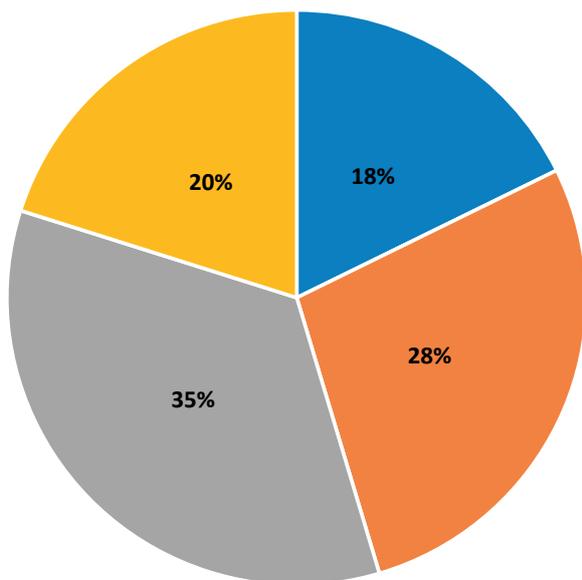
Образ патриота в представлении молодёжи – человек, который любит свою страну и старается сделать

жизнь в ней лучше. Он знает и любит историю России и всегда готов защищать её. Он ответственный гражданин с активной социальной позицией и уважает своих сограждан. Человек, обладающий антагонистическими проявлениями не может быть патриотом. Следует отметить, что около половины опрошенных респондентов считают, что большинство молодёжи патриотами не являются, при этом более 80% назвали себя патриотами.

Основные причины того, что слово «патриотизм» приобретает негативный смысловой окрас, связаны с тем, что это слово употребляется слишком часто и не к месту (выбрали в числе других 48,1% респондентов). Другими причинами являются неправильное понимание значения слова «патриотизм» (38,9% опрошенных), дискредитация себя самоназванных «патриотов» (36,4%), неправильное понимание, как должны вести себя настоящие патриоты (35,3%). Часть респондентов (33,8%) считает, что одной из причин является негативное отношение к государству, которое переносится на патриотизм и патриотов. При этом о недостаточном развитии патриотического воспитания как одной из возможных причин этого явления высказались 17,1% опрошенных.

Рис. 19. Возможные причины упоминания слова «патриотизм» в негативном ключе

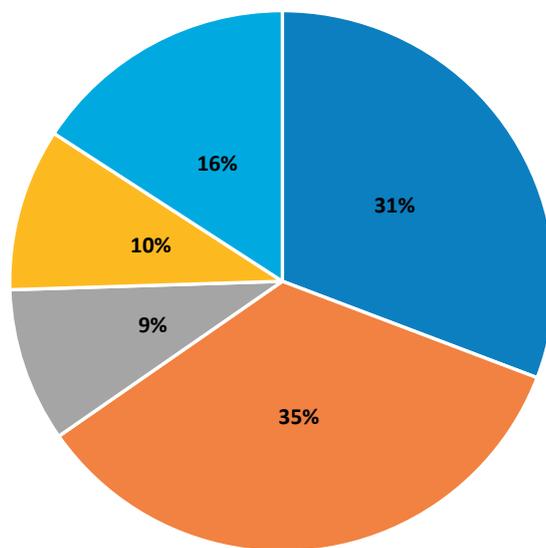
■ Да, оказывается ■ Скорее да, оказывается
 ■ Скорее нет, не оказывается ■ Нет, не оказывается

Рис. 20. Оказывается ли на российскую молодежь деструктивное влияние извне

Главной причиной является искажение значения слова «патриотизм» и смысла патриотизма как такового путём его неуместного употребления. Эксперты же склонны видеть причины такого явления в своей профессиональной сфере: по их мнению, патриотизм может восприниматься негативно из-за устаревших методов патриотического воспитания, формалистского, административного подхода к этой работе педагогов, специалистов и руководителей, ответственных за формирование патриотических ориентиров у молодёжи (рисунок 19).

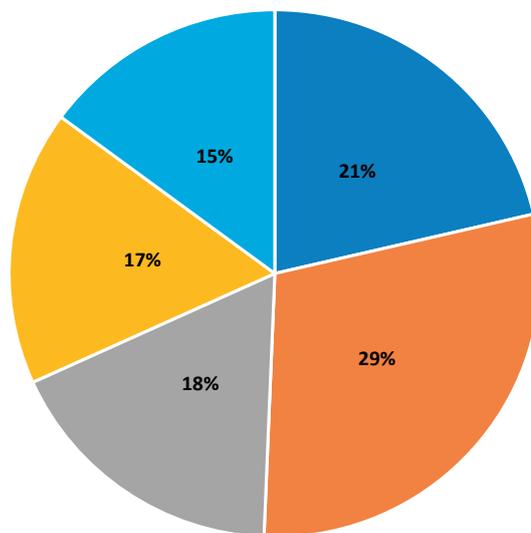
Вопрос, оказывает ли на молодёжь деструктивное влияние извне разделил мнения респондентов. Утвердительно («да» и «скорее да») об этом высказались 45,4%. Отрицательно и скорее отрицательно – 54,6% (рисунок 20).

65,3% опрошенных молодых людей считают или склонны считать, что молодёжи следует прививать ценности патриотизма, сомневаются или отрицают такую необходимость 18,9% и затруднились ответить на этот вопрос 15,8% респондентов (рисунок 21).

■ Да, следует ■ Скорее да ■ Скорее нет
 ■ Нет, не следует ■ Затрудняюсь ответить

Рис. 21. Следует ли прививать ценности патриотизма

■ Да ■ Скорее да ■ Скорее нет ■ Нет ■ Затрудняюсь ответить

Рис. 22. Необходимо ли систематическое патриотическое воспитание в России

Разделились мнения о необходимости систематического патриотического воспитания: положительно («да» и «скорее да») об этом высказались 50,7% опрошенных. 34,5% респондентов сомневаются или отрицают («нет» и «скорее нет») такую необходимость и затруднились ответить 14,9% (рисунок 22).

Большой вклад в патриотическое воспитание молодёжи должна вносить семья (выбрали в числе других 73,6% респондентов) и образовательные организации (выбрали 50,4% респондентов). Примечательно, что третьим по популярности ответом стало Общероссийское движение молодёжи, создание которого на момент проведения анкетирования (июль-сентябрь 2022 года) находилось на стадии обсуждения и принятия нормативных документов. Первый съезд указанного движения состоялся 18 декабря 2022 года. Участниками было выбрано название «Движение первых». Очевидна отсылка к пионерскому движению СССР, и действительно, работа этого движения должна внести определённую систематичность: по словам председателя комиссии по молодёжной политике Государственного Совета России Д. А. Артюхова «Благодаря созданию общероссийского движения детей и молодёжи – «Движения первых» – в орбиту молодёжной политики будут попадать и школьники начиная с первого класса»¹. Респонденты осознают важность создаваемого движения и рассчитывают на его значимую роль в патриотическом воспитании молодёжи. Следует отметить, что органы по делам молодёжи всех уровней (3 предложенных варианта ответов: федеральный – 9,5%, региональный – 3,3% и местный – 11,8%) в сумме в числе других выбрали только 24,6% респондентов. Это может означать, что респонденты не видят явной или значимой роли органов власти по делам молодёжи в деле патриотического воспитания или мало осведомлены о работе данных органов власти (рисунок 23). Что, вероятно, является следствием недостаточной освещённости деятельности данных органов.

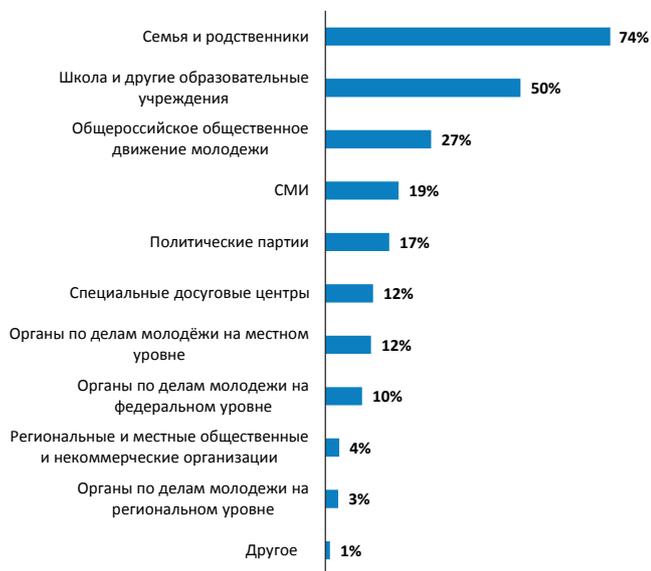

Рис. 23. Кто должен вносить больший вклад в патриотическое воспитание молодёжи

О насущной необходимости повысить уровень патриотического воспитания современной молодёжи высказались более половины (58,2%) респондентов, подвергли

¹ См.: стенограмма заседания Государственного Совета по вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях 22 декабря 2022 года. [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Дата обращения: 11.01.2023.

сомнению такую необходимость 31,4%. Затруднились ответить на этот вопрос 10,3% опрошенных (рисунок 24).

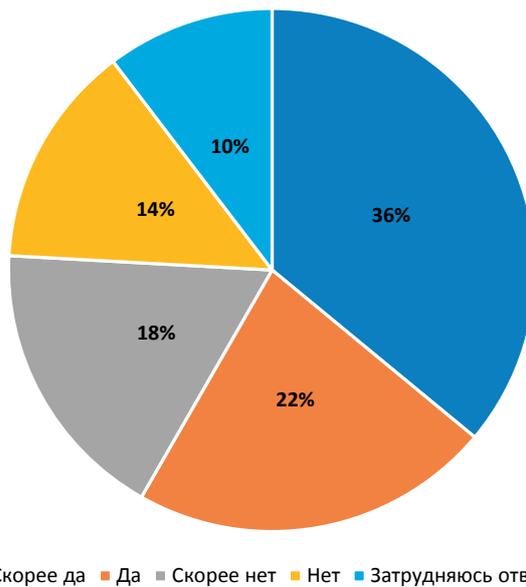

Рис. 24. Необходимо ли повысить уровень патриотического воспитания современной молодёжи

Главными проблемами современного патриотического воспитания в России респонденты назвали сведение патриотической тематики к историческому и военному патриотизму (выбрали в числе других 54,1% опрошенных), принудительный, административный характер участия в патриотических мероприятиях (50,9%), отсутствие патриотизма у тех, кто в этой сфере работает (35,9%). Среди других возможных проблем респонденты отметили устаревшие методы освещения темы патриотизма (28,1%), отсутствие системности (21,8%), неинтересные программы и мероприятия для молодёжи (16,9%) и скрытое деструктивное воздействие на молодёжь различных антисистемных элементов (14,4%) (рисунок 25).

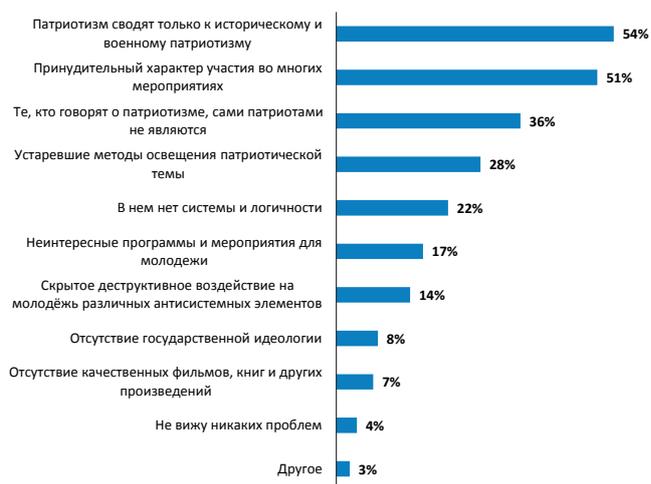

Рис. 25. Проблемы современной системы патриотического воспитания в России

Из тех мер, которые были предложены респондентам для решения накопившихся в данной сфере проблем, студенты выделили следующие: формирование конструктивного понимания патриотизма (выделили в числе других 44,5% опрошенных), актуализация и повышение привлекательности программ патриотического воспитания (42,9%), производство качественного контента на патриотическую тематику (36,5%), усиление работы в средствах массовой информации и в интернет-среде

(24,4%), и насыщать информационное пространство положительными примерами социально-ответственной деятельности (22,6%). О необходимости разработки и утверждения государственной идеологии в числе других мер высказались лишь 9,1% молодых людей (рисунок 26). При этом патриотизм как необходимый компонент государственной идеологии России выбрали 73,7% опрошенных (рисунок 27).

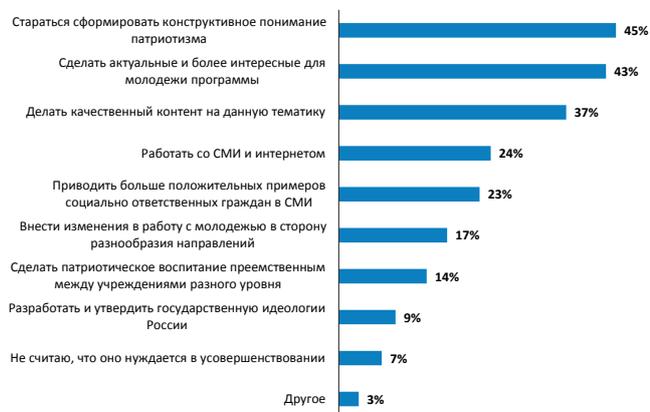

Рис. 26. Возможные меры усовершенствования патриотического воспитания в современных реалиях

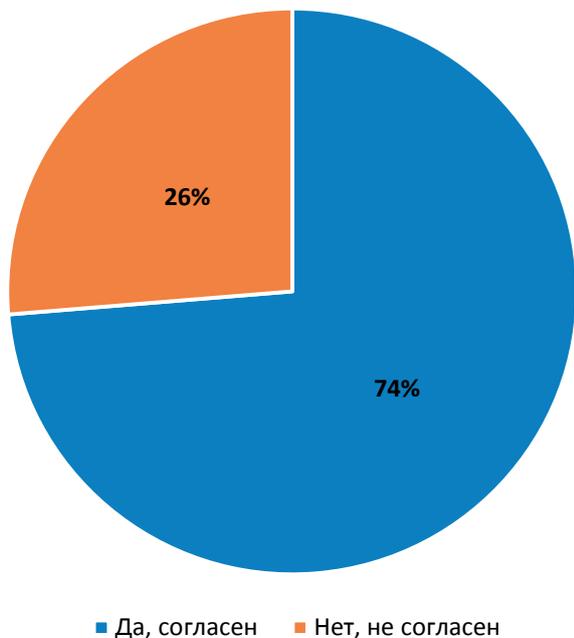

Рис. 27. Согласны ли вы с тем, что патриотизм является необходимым компонентом государственной идеологии для России

Студенческая молодежь традиционно отличается высоким уровнем социальной активности и участие в самых различных социальных проектах, общественных организациях и в целом имеет активную гражданскую и общественную позицию.

Социально активными себя назвали или склонились назвать 41,6% опрошенных. Скорее отрицательно на этот вопрос ответили 40,2% респондентов и полностью отрицательно 13,1%. Затруднились ответить 5,2% молодых людей (рисунок 28).

22,8% респондентов ответили, что участвуют в политической и общественной жизни. 33,4% не участвуют, но планируют участвовать в дальнейшем. И 43,8% не участвуют и не планируют включаться в общественную жизнь. Таким образом, более половины (56,2%) имеют потенциал к участию в общественной жизни или уже

включены в неё (рисунок 29). Из них 68,2% (выбрано в числе других) участвует в выборах, 46,7% активно интересуется политикой и старается вникать в политические проблемы, 14,6% участвуют в политических и гражданских акциях. 6,2% сами принимают участие в деятельности местных органов власти и 4,8% состоит в политических партиях и объединениях (рисунок 30).

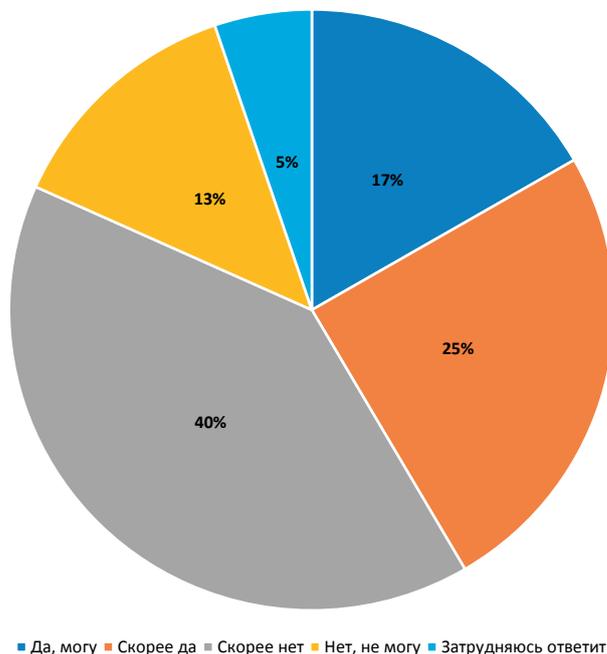

Рис. 28. Можете ли Вы себя назвать социально активным человеком

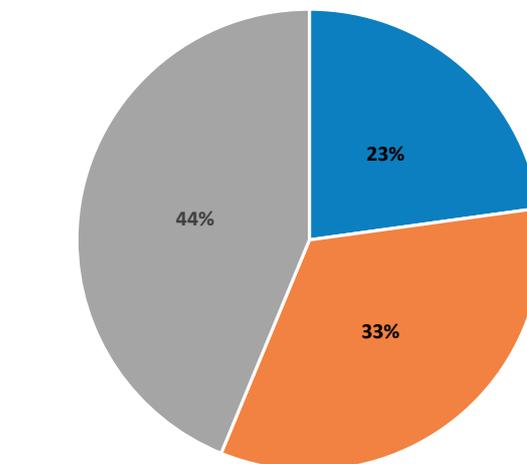

Рис. 29. Участвуете ли Вы в политической и общественной жизни района, региона, страны

Рис. 30. Преимущественные формы участия в политической и общественной жизни

17,9% студентов являются участниками общественных организаций, 59,6% не планируют становиться участниками указанных организаций, ещё 22,5% не являются, но планируют стать участниками (рисунок 31). Из 17,9% участвующих почти половина (48,6% выбрано в числе других) являются волонтерами, почти треть (31,3%) участвуют в творческих объединениях, более четверти (26,3%) участвует в деятельности профсоюза, четверть (25,7%) участвует в некоммерческих организациях. 17,3% состоит в спортивных молодежных организациях, 16,2% участвует в молодежном самоуправлении, 12,8% участвуют в молодежных средствах массовой информации, и 7,3% состоит в военно-патриотических молодежных организациях. При этом более четверти в числе прочих выбрали вариант «другое», но не указали, в каких организациях состоят (рисунок 32). Основной формой социальной активности респондентов является волонтерство. Руководитель Федерального агентства по делам молодежи К.Д. Разуваева отмечает, что «ядром волонтерского движения были и остаются студенты»¹.

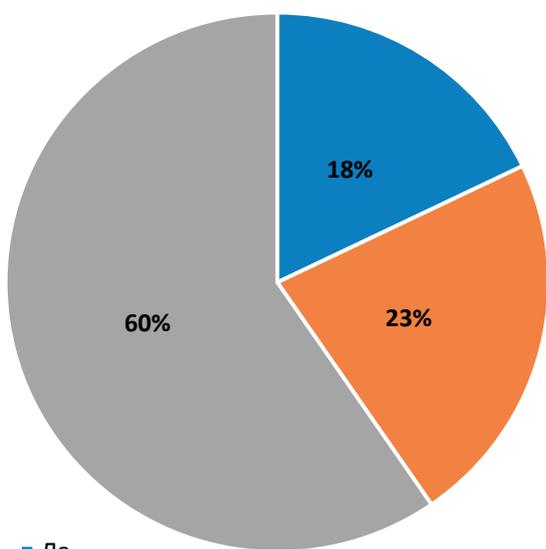

Рис. 31. Являетесь ли Вы участником общественных организаций

Рис. 32. Типы организаций, в которых участвуют респонденты

¹ См.: стенограмма заседания Государственного Совета по вопросам реализации молодежной политики в современных условиях 22 декабря 2022 года. [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Дата обращения: 11.01.2023

Ключевыми мотивами вступления в общественные организации у молодых людей стали стремление улучшить себя, свои качества, навыки и при помощи организации (выбрали в числе других 55,2% респондентов), стремление сделать мир вокруг себя лучше, работать во имя общего блага (46,2%), стремление завести новые знакомства, друзей, компанию (35,1%). Имеют место такие мотивы, как стремление обрести новые связи, которые впоследствии помогут в карьере (21,9%), а также использование организации как старта для карьеры (18,8%). Чувство патриотизма как причину вступления в общественную организацию обозначили 17,4% респондентов (рисунок 33).

Рис. 33. Причины, мотивы участия в общественных организациях

Студенческая молодежь Москвы и Твери показывает высокий уровень удовлетворенностью своей жизнью: полностью и в целом удовлетворены своей жизнью 85,2% респондентов. Скорее не удовлетворены 9,5%, и совершенно не удовлетворены 3,4% опрошенных (рисунок 34). Счастливыми себя назвали 82,7% респондентов. И не смогли себя назвать счастливыми 17,3% студентов (рисунок 35).

Рис. 34. Уровень удовлетворенности жизнью

Симпатии молодых людей в отношении традиционных общественно-политических течений распределились следующим образом: либерально-демократическое выбрали среди прочих 46% опрошенных, экологическое – 40%, пацифистское – 34%, патриотическое направление стало четвертым по популярности – 33% респондентов выбрали его. 32% выбрали феминистское направление, 30% – неоконсервативное, 29% – коммунистическое / социалистическое, 28% – националистическое, 27% – неолиберальное, анархическое – 25% (рисунок 36).

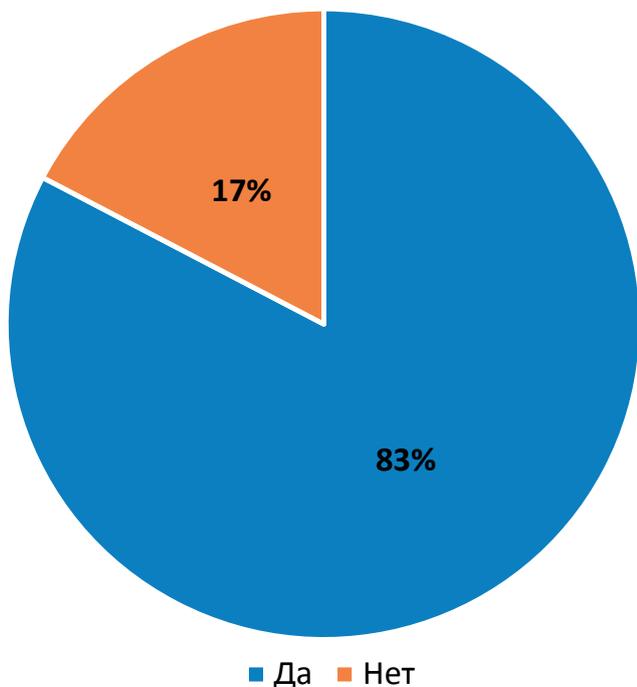

Рис. 35. Можете ли вы назвать себя счастливым человеком

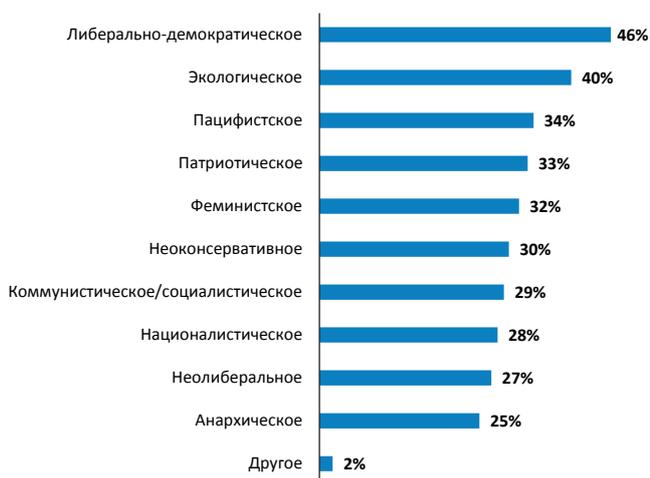

Рис. 36. Предпочтения респондентов в общественно-политических течениях

Повышенный уровень радикализации среди перечисленных течений показали либерально-демократическое (активная степень – 49% среди выбравших), патриотическое (активная степень – 41% среди выбравших, хотя умеренная степень – 49%), анархическое (радикальная степень – 33% среди выбравших, хотя умеренная степень – 30%) и националистическое (радикальная степень – 54%). Следует отметить, что симпатии студентов в отношении общественно-политических течений отличаются разнообразием как по направлениям, так и по степени радикализации (рисунок 37).

Подводя итог исследования, следует отметить, что доминирующими ценностными ориентациями респондентов являются здоровье, материальный достаток и активная деятельная жизнь. Ключевыми личностными качествами, которые выделяют у себя респонденты, являются ответственность, воспитанность, верность и честность. По мнению респондентов, современное общество формирует у молодёжи ориентиры на построение карьеры, здоровый образ жизни, потребительство и тягу к удовольствиям.

Образ патриота в сознании молодёжи – это человек, знающий, уважающий и любящий историю и культуру своей страны, своего родного края, любящий свою страну. Патриот старается делать жизнь в стране лучше, и готов её защищать. Патриот – неравнодушный человек, он бережно относится к окружающей среде. Патриот обладает такими качествами, как гражданская ответственность, активная социальная позиция, уважение к другим, гордость, верность, честность и другими. В то же время, патриотом не может быть человек, который желает поражения своей стране, который не уважает своих сограждан, тот кто оскорбляет страну и её граждан.

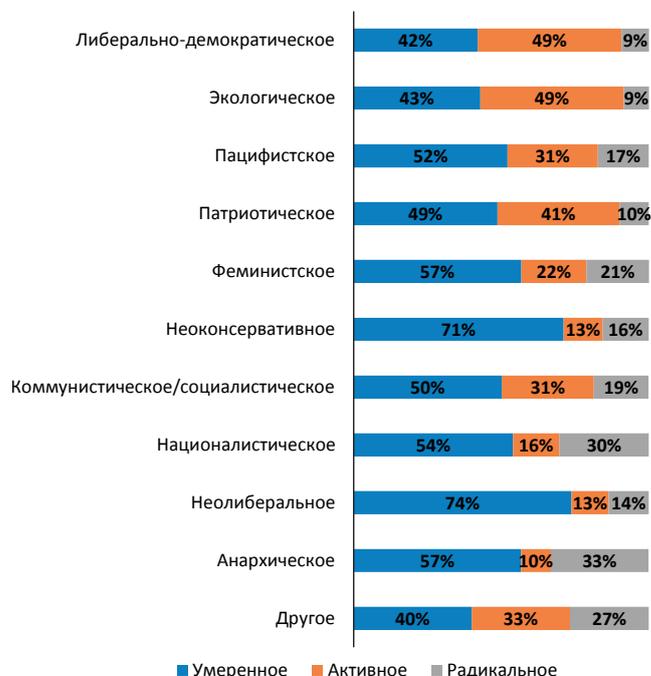

Рис. 37. Распределения предпочтений по степени радикализации общественно-политических течений

Патриотизм в сознании молодёжи ассоциируется со словами родина, любовь, гордость, верность, ответственность, уважение, честность страна, вера, преданность, защита, история, честь, Россия, сила, свобода, долг, семья и другие.

Среди патриотов в российской истории молодые люди назвали руководителей государства в разные годы, известных исторических государственных деятелей, полководцев, писателей и поэтов. Современными патриотами России респонденты назвали президента России Владимира Путина (самый популярный ответ), российских государственных деятелей, артистов, журналистов и блогеров, которые являются инфлюэнсерами (лидерами общественного мнения) в молодежной среде.

Современную молодёжь склонились назвать патриотами только 48,5% респондентами, а отрицательно или скорее отрицательно в этом вопросе высказались 51,5%. При этом патриотами себя идентифицировали более 80% молодых людей.

Патриотизм обретает негативный смысловой окрас главным образом по причине частого неуместного употребления в различных деструктивных случаях и ситуациях, что ведёт к искажению первоначального смысла термина. Среди других причин: неправильное понимание значения данного термина, дискредитация термина нерадивыми самоназванными «патриотами».

Почти половина респондентов ответила утвердительно на вопрос о том, оказывается ли на молодёжь деструктивное влияние извне. Другая половина не согласилась с данным утверждением В то же время боль-

шинство экспертов однозначно высказались в поддержку данной гипотезы.

Большая часть респондентов подтвердила необходимость прививать ценности патриотизма современной молодёжи, чуть более половины респондентов подтвердили необходимость систематического патриотического воспитания в России. Примерно столько же респондентов высказались о необходимости повышения уровня патриотического воспитания современной молодёжи

Решающий вклад в патриотическое воспитание молодёжи по мнению респондентов должна вносить семья. Но значимый вклад должны вносить образовательные организации и общероссийское движение детей и молодёжи.

Среди ключевых проблем респонденты назвали сведение мероприятий патриотического воспитания к исторической и военной тематике, принудительный характер проведения и участия в мероприятиях, некомпетентности непатриотичности специалистов данной сферы, устаревшие методы работы и отсутствие системности.

Ключевыми мерами решения накопившихся проблем являются формирование конструктивного понимания патриотизма, актуализация и повышение привлекательности мероприятий патриотической направленности, производство качественного материала для продвижения патриотизма, усиление качественной патриотической пропаганды. Патриотизм необходим как компонент государственной идеологии по мнению большинства респондентов, но о необходимости разработки государственной идеологии высказались менее 10% опрошенных.

Студенты традиционно являются социально активной частью молодёжи, и в качестве активных людей себя идентифицировали более 40% респондентов. Более 55% имеют потенциал к участию в общественной жизни или уже включены в неё. Самыми распространёнными формами социальной активности являются участие в выборах, изучение социально-политической ситуации в стране и в мире, участие в политических и гражданских акциях. 60% респондентов не планирует становиться участниками общественных организаций, 40% – являются или планируют ими быть. Самая популярная форма активности в рамках указанных организаций – добровольчество, творчество, участие в работе профсоюза, некоммерческих и спортивных и прочих организациях. Основным мотивом участия молодёжи в данных организациях является самосовершенствование, а также стремление сделать мир вокруг себя лучше и найти новых друзей.

Респонденты показывают высокий уровень удовлетворённости своей жизнью и уровень счастья (более

80%). Симпатии в отношении основных общественно-политических течений распределены весьма равномерно, доминирующими являются либерально-демократическое и экологическое течения, популярен активный уровень участия в этих течениях.

Литература

1. Путин назвал единственно возможную для России национальную идею [электронный ресурс] режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7>. Дата обращения: 28.02.2023.
2. Стенограмма заседания Государственного Совета по вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях 22 декабря 2022 года. [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Дата обращения: 11.01.2023.

VALUE ORIENTATIONS AND IDEAS OF YOUTH ABOUT PATRIOTISM AND PATRIOTIC EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Kalinich V.S.

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to the results of a questionnaire survey of young people, which was conducted in July-September 2022. Students of Lomonosov Moscow State University and Tver State Technical University took part in the research. Within the framework of the research, the author made an attempt to identify their dominant value orientations of respondents, to study the ideas of patriotism and the image of a modern patriot, to find out the opinion of students about the current state of patriotic education in Russia, as well as to identify the features of social activity of modern youth.

Keywords: youth, value orientations, patriotism, patriotic education, modern patriot, empirical research, sociological research, questionnaire, social activity of youth, state, modern society

References

1. Putin called the only possible national idea for Russia [electronic resource] access mode: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7>. Date of application: 28.02.2023
2. Transcript of the meeting of the State Council on the Implementation of Youth Policy in modern conditions on December 22, 2022. [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169>. Date of application: 11.01.2023.

Развитие методологии социального прогнозирования в условиях цифровой трансформации

Костерин Артём Андреевич,

адъютант, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
E-mail: Kosterin.a1917@gmail.com

Актуальность темы обусловлена необходимостью аналитического уточнения имеющихся исследований в области социального прогнозирования и рассмотрения динамики данного направления с учетом перехода к цифровому формату, обеспечивающему существование элементов жизнедеятельности. Также, исследования в области социального прогнозирования представителями Запада и нашими соотечественниками подразделяются под собой не столько разные инструментари, сколько поставленные перед собой задачи при составлении и применении прогноза социальных процессов, поэтому, данные концепции могут иметь под собой некоторые уточняющие аспекты, которые могут позволить произвести более конкретное уточнение в концептуальных подходах к исследованию.

Научная проблематика подкрепляется необходимостью качественного разделения научных подходов к «видению будущего» в формате художественного осмысления и к научному познанию проблематики при помощи средств современных технологий с целью расширения методологических основ в области социального прогнозирования.

Методами исследования достоверно считать исторический анализ и метод аналогий, как наиболее релевантные.

Ключевые слова: футурология, прогнозирование, социальное управление, цифровизация, цифровая трансформация.

Классический подход к представлению социального прогнозирования

Социальное прогнозирование, как один из научных способов социального познания зародилось в 1920–1930-е гг. В 1943 году немецким социологом Осипом Флехтхаймом был предложен термин «футурология», как некой философии будущего, которой он противопоставлял идеологии и утопии. *Футурология* (от лат. futurum – будущее) – в широком значении совокупность представлений о будущем человечества, в узком – определение тенденций и перспектив развития социальных процессов в изучаемой сфере общества и выбор на этой основе наиболее приемлемого при наличии определенной цели (целей) ресурсов варианта социального действия, способного достичь стратегической цели и обеспечить решение вытекающих из нее задач.[1, с. 325]

Разработка концепции научно-технической и информационной революций была проведена в конце 1940-х гг. Дж. Берналом и Н. Виннером был открыт эффект использования поисковых и нормативных прогнозов при управлении социальными процессами. В 1960-е гг. разрабатывалась методология и методика прогнозирования, представителями которой были Г. Тейл (Экономические прогнозы и принятия решений. 1971 г.), Б. де Жувенель (Искусство предположения «L'art de la conjecture» 1964 г.), Д. Белл («Конец идеологии», 1960 г., «Грядущее постиндустриальное общество» 1973 г., «Культурные противоречия капитализма» 1976 г.), Ф. Поллак («Образ будущего» 1973 г), Г. Канн («Год 2000» 1967 г., «Грядущее. Размышления о 70-х и 80-х гг.» 1972 г., «Следующие 200 лет» 1976 г.). Интерес такого формата создал новое направление в исследованиях – исследование образа будущего. Данное междисциплинарное исследование в футурологии было отражено в докладе «Римскому клубу» [2] в 1968 году, основателями которого считаются промышленник, итальянец А. Печчеи и британский химик А. Кинг. Наиболее известными докладами можно считать следующие работы.

1. «Мир – 1» [3] Дж. Форрестера, профессора прикладной математики Массачусетского технологического университета. Данная работа была посвящена созданию примитивной математической модели, имитирующей мировую ситуацию, состоящую из более чем 40 нелинейных уравнений, описывающих взаимосвязь следующих 5 параметров: населения, капиталовложения, использования не возобновляемых ресурсов, загрязнение окружающей среды и производство продовольствия. Так, впервые, была реализована идея глобального моделирования. Модель предсказывала, что человечество идет к неминуемой катастрофе. Модель была примитивной и грубой, поэтому было решено создать новую, более совершенную модель. По совету Дж. Форрестера группу по созданию новой модели мирового развития возглавил Д. Медоуз. Используя экономико-математические модели Д. Форрестера, создал модель «Мир – 3».

2. «Пределы роста».[4] Д. Медоуза, специалиста в области системной динамики, профессор Массачусетского университета. В его работе была представлена модель в которой он один из первых попытался рассма-

тривать с позиции описания принципиальные процессы демографии, экономики, динамики загрязнения окружающей среды, их взаимовлияние и причины в масштабе планеты. Модель давала самые мрачные прогнозы на будущее. Через 75 лет, утверждал доклад, сырьевые ресурсы будут исчерпаны, а нехватка продовольствия станет катастрофической. К другим докладом (исследованиям) Римского клуба также относятся: «Человечество на поворотном пункте», 1974 г. (М. Месарович и Э. Пестель); «Пересмотр международного порядка», 1976 г. (Я. Тинберген); «За пределами века расточительства», 1978 г. (Д. Габор); «Цели для человечества», 1977 г. (рук. Э. Ласло); «Энергия: обратный счет», 1978 г. (рук. Т. Монтбрил); «Нет пределов обучению», 1979 г. (рук. Дж. Боткин, М. Эльманджера, М. Малица); «Третий мир: три четверти мира», 1980 г. (М. Гренье); «Диалог о благосостоянии и благополучии», 1980 г. (О. Джарини); «Маршруты, ведущие в будущее», 1980 г. (Б. Гаврилишин); «Микроэлектроника и общество», 1982 г. (рук. Г. Фридрихс, А. Шафф); «Революция босоногих», 1985 г. (Б. Шнейдер); «Первая глобальная революция», 1989 г. (А. Кинг, Б. Шнайдер).

Западная футурологии выделяла несколько направлений, основными из которых являлись: апологетическое, реформистское и леворадикальное. Каждое из данных направлений рассматривало свой вариант развития будущего, исходя из собственных представлений о преобладающих силах воздействия на общественный порядок. Например, апологетическое направление в футурологии, преобладавшее в 60-х годах прошлого столетия, опиралось в своих суждениях на разного рода технологические теории, сводившие социальный прогресс общества только к росту уровня технико-экономического развития (З. Бжезинский, Г. Кан, Р. Арон, Б. де Жувебель, Ж. Фурастье). Представители реформистского течения доказывали необходимость «конвергенции» капитализма и социализма (Д. Белл, О. Тоффлер, Ф. Бааде, Р. Юнг). Сторонники леворадикального направления доказывали неизбежность катастрофы «Западной цивилизации» перед лицом научно-технических революций (А. Ускоу и др.).

Во многом, становлению футурологии способствовал марксизм, и, в частности, известный тезис Маркса о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». [5, с. 4] Однако против такого понимания исторического процесса выступили А. Тойнби и К. Поппер. Так, А. Тойнби обвинил К. Маркса в «обожествлении исторической необходимости» и в «мессианском» характере марксизма, якобы имеющего, как и христианство, «иудейские корни». «Маркс поставил богиню «исторической необходимости» на место Иеговы с его всемогущей божественной силой, – утверждает Тойнби, – а пролетариат современного западного мира – на место еврейства; его мессианское царство представляется ему в виде диктатуры пролетариата». [6, с. 84] Также, в своей работе «Принципы научного менеджмента» Ф.У. Тейлор рассматривает обозримое будущее, как объекта реформирования в отношении управленческих парадигм и их научной обоснованности (Научная Организация Труда). [7] К Отечественным специалистам, изучавшим будущее можно отнести В.А. Базарова и А.М. Руднева с их изложением концепции «проблемно-целевого подхода к будущему», [8] что можно считать основой современного технологического прогнозирования. Также, И.В. Бестужев-Лада и Г.А. Наместникова, которые в 1992 г. подготовили пособие «Технология прогнозных разработок социальных процессов», в котором были изложены ряд лекций по социальному прогнозированию, где формат

разработки прогностических концепций рассмотрен многогранно и затрагивает множество повседневных ограничений в области новаторского мышления исследователя. О данных ограничениях авторы повествуют в сравнительном ключе, отождествляя попытки внедрения нововведений, как «мутацию», имея в виду, что «почти каждый мутант – урод, грозящий гибелью». [9, с. 16]. В данном случае, гибелью он грозит всему обществу, как объекту прогнозирования. Учитывая, что данная позиция классического подхода к прогнозированию (боязнь кардинальных футурологических моделей и программ) не лишена смысла, опираясь на полагание того, что одобрение всех «моделей будущего» без ясной и адекватной критики может привести к разрушению имеющихся культурных ценностей и законов (правил) социального взаимодействия. Кроме того, данное пособие рассматривало особенность результатов проведенных «зондажных» исследований в области социальных потребностей молодежи. Эти исследования выявили особенность представления респондентов о будущем, как о чем-то, изменяющемся количественно, но не качественно.

Современный подход к представлению социального прогнозирования

Современный этап социального прогнозирования можно отнести к периоду перехода обеспечения реализации подавляющего большинства социальных процессов путем применения цифровых технологий. Учитывая, что при рассмотрении (выделении) определенного исторического промежутка, необходимо опираться на статистические показатели, которые способны (теоретически) обосновать факт выделения определенного временного промежутка в истории, то мы можем столкнуться со своего рода неоднозначностью в определении. Если рассматривать период с момента передачи системы ARPANET (NSFNet) – системы децентрализованного управления подразделениями ВС США в контексте создания глобальной сети internet во всеобщее пользование, то произойдет явное неравенство в доступе к ней между ее создателями (Mark Pullen, NSF, USA, 1989 г.) и ее пользователями (рассматривая граждан России). Допустим, что ярко выраженный этап перехода на территории Российской Федерации проявился с первой половины 2010 года, когда глобальная сеть обзавелась достаточным количеством инструментария (технологического обеспечения операций и процессов) и пользователей некоммерческого звена (domestic users), что было подкреплено (как событие произошедшее, а не как посыл для его происхождения) в постановлении Правительства Российской Федерации о переходе к «информационному обществу». Данные события в области цифровой трансформации соответствующим образом подвели к тому, что расширение инструментов при научном познании будущего возросло до уровня представления в принципиально новом ключе (виртуальная и дополненная реальность, нейросети), что, соответственно, расширило горизонт научной познавательности будущего.

Наиболее яркими исследователями социальной прогностики современного периода можно выделить следующих представителей:

1. В.А. Плотников – доктор экономических наук, профессор. В одном из своих трудов выявил при опросе глав некоторых наиболее крупных промышленных компаний основные проблемы, мешающие полноценному переходу к цифровизационному формату ведения хозяйства; выявил необходимость интеграции в состав правительства полномочного лица, способного регулировать социальную политику. [10, с.19] Особенность его исследования легла в интеграционную форму использования

способов и методов социального прогнозирования применительно к условиям всеобъемлющей цифровизации и тотального перехода обеспечения всех социальных процессов под контроль цифровых технологий.

2. С. Хантингтон – американский социолог и политолог. В своей работе «Столкновение цивилизаций» [11] рассматривал переход территориальных субъектов на более высокий уровень всестороннего развития с позиций прогнозирования их нынешнего уровня технологического потенциала и, как следствие, его дальнейшее место в геополитической иерархии (с точки зрения экономических, финансовых, политических возможностей). При этом он призывал учитывать все полицивилизационные особенности всех элементов того территориального субъекта, который он рассматривал с позиции составления прогноза.

3. В.А. Ядов – предполагал наличие консенсуса между различными социальными общностями, власть закона и сильная центральная власть, гибкость в определении приоритетов, по которым регулируются социальные процессы. [12, с. 18] Он считал, что в габаритах социального управления для решения возникающих новых социальных проблем, которые не поддаются логическому выведению из теоретических положений, но «являются следствием многообразных взаимодействий экономических, социальных, культурных, политических факторов, необходим глубокий анализ конкретной социальной ситуации, особенностей развития и функционирования разнообразных социальных общностей, социальных институтов, организаций, групп, отношений между ними с тем, чтобы, во-первых, уточнить прогнозы социальных изменений и, во-вторых, определить наиболее эффективные способы регулирования социальных процессов». [12, с. 19]

4. Ж.Т. Тощенко – считал, что важное значение в социальном прогнозировании имеет «морфологический синтез», [13, с. 9] который подразумевает под собой получение постоянных сведений по всем имеющимся параметрам исследуемой проблемы. Данная методика рассматривает отсутствие какого-то суждения или оценивания предварительного характера в период составления прогноза и выдвигает тезисы о требуемом инструментарии для получения прогнозной информации, очередности предполагаемых событий и возможности контроля над применением всех методов, средств и этапов, используемых для разрешения проблемы. Как он считает: «особенно значимо в этом методе требование не упустить ни одной возможности, ничего не отбрасывая без предварительного исчерпывающего исследования.» [13, с. 9]

В целом, проделанный анализ позволяет сделать вывод, что переход от традиционного (классического) понимания прогнозирования, обусловленным такими факторами, как понимание будущего с формата количественного изменения имеющихся элементов окружающей реальности, к современному пониманию, где динамика процессов реальности представлялась с позиции более научно познаваемой (благодаря расширению инструментария), провоцировалась в первую очередь тем, что ведущие отрасли науки и производства (большой акцент на развитие цифровых технологий и обеспечение их информационными мощностями процессы производства) обеспечивались за счет достижений информационно-коммуникационных технологий и новых возможностей, которые эти технологии открывали. Проблематика исследуемой области социологии – социального прогнозирования на этапе современной истории позволяет сделать закономерные выводы относительно того, что, как и в какой области деятельности социума ключевым

аспектом, обуславливающим подход, инструментарий, методы и методики к исследованию, в большинстве своем, определяются уровнем научно-технического развития. Понимание данного аспекта и признание его, как основополагающего в общественных отношениях в период цифровой трансформации общества является первой и главной ступенью к выработке наиболее релевантного подхода к социальному прогнозированию.

Литература

1. Бабосов Е.М. Социология: энциклопедический словарь / Е.М. Бабосов; предисл. Г.В. Осипова. – Москва: URSS: Либроком, 2008. – 473, [1] с.; 22 см.; ISBN 978–5–397–00009–3 (в пер.)
2. Яницкий О.Н. Новый доклад Римскому клубу к 50-летию его основания: плюсы и минусы // Власть. 2018. Том. 26. № 2. С. 19–25.
3. Форрестер Джей В. Мировая динамика [Текст] / Перевод с англ. А.Н. Ворошук, С.А. Пегова; Под ред. Д.М. Гвишиани, Н.Н. Моисеева; С предисл. Д.М. Гвишиани и послесл. Н.Н. Моисеева. – Москва: Наука, 1978. – 167 с.: граф.; 22 см.
4. Медоуз Донелла Х. Пределы роста. 30 лет спустя: учебное пособие по дисциплине вузовского компонента для студентов, обучающихся по специальностям 020801 (013100) «Экология», 020802 (013400) «Природопользование» и по направлению 020800 (511100) «Экология и природопользование» / Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Деннис Медоуз; [пер. с англ. Е.С. Оганесян]. – 3-е изд. – Москва: Академкнига, 2007. – 342 с.: ил., табл.; 22 см. – (Учебное пособие для вузов: В.); ISBN 978–5–94628–218–5
5. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1988–580 с.
6. Косолапов Виктор Васильевич. XXI век в зеркале футурологии / В.В. Косолапов, А.Н. Гончаренко. – Москва: Мысль, 1987. – 238, [2] с.; 21 см.; ISBN (В пер.) (В пер.): 1 р. 20 к.
7. Тейлор Фредерик Уинслоу. Научная организация труда / Фредерик Уинслоу Тэйлор; С предисл. П.М. Керженцева; Пер. с англ. А.И. Зак и Б. Я. – 2-е изд. – Москва: [б.и.], 1925 (Транспечать). – VI, 276 с.; 23 см.
8. Руднев Е.А. Мой дед – В.А. Базаров // Вестник Международного института А. Богданова. 2002. № 4 (12).
9. Бестужев-Лада Игорь Васильевич (1927-). Социальное прогнозирование: Курс лекций / И.В. Бестужев-Лада, Г.А. Наместникова; Гуманитарно-прогност. акад. Учеб. центр. – Москва: Пед. о-во России, 2001. – 386, [3] с.; ISBN 5–93134–152–8
10. Плотников, В.А. Транснациональные цепочки создания ценности и глобальные механизмы ценообразования: взгляд теоретика / В.А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 2(134). – С. 7–13. – EDN ABATOY.
11. Хантингтон Сэмюэл Филлипс (1927-). Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [Пер. с англ. Ю. Новикова]. – Москва; СПб.: АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). – 603, [2] с.: ил., табл.; 20 см. – (Philosophy); ISBN 5–17–007923–0 (в пер.)
12. Ядов Владимир Александрович (1929–2015.). Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов в сотрудничестве с В.В. Семеновой. – Москва: Академкнига: Добросовет, 2003 (ГУП Чехов. полигр. комб.). – 595, [1] с.: схемы, табл.; 21 см.; ISBN 5–94628–100–3 (в обл.).

13. Тощенко, Ж.Т. Прогнозирование, проектирование и планирование в социальном управлении / Ж.Т. Тощенко // Социология управления: учебник / под редакцией В.Э. Бойкова. – М: 2006.

DEVELOPMENT OF SOCIAL FORECASTING METHODOLOGY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Kosterin A.A.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense

The relevance of the topic is due to the need for analytical clarification of existing research in the field of social forecasting and consideration of the dynamics of this direction. Also, research in the field of social forecasting by representatives of the West and our compatriots implies not so much different tools as tasks set for themselves in the preparation and application of the forecast of social processes, therefore, these concepts may have some clarifying aspects that may allow for more specific clarification in conceptual approaches to research.

Scientific problems are supported by the need for a qualitative separation of scientific approaches to the "vision of the future" in the format of artistic comprehension and to the scientific knowledge of the problem with the help of modern technologies in order to expand the methodological foundations in the field of social forecasting. *The main method* in research is historical analysis and the method of analogies as the most relevant research methods.

Keywords: futurology, forecasting, social management, digitalization, digital transformation.

References

1. Babosov E.M. Sociology: encyclopedic dictionary / E.M. Babosov; foreword G.V. Osipova. – Moscow: URSS: Librocom, 2008. – 473, [1] p.; 22 cm; ISBN 978-5-397-00009-3 (in translation)
2. Yanitsky O.N. New report to the Club of Rome on the occasion of the 50th anniversary of its foundation: pluses and minuses // Power. 2018. Vol. 26. No. 2. P. 19–25.
3. Forrester Jay W. World Dynamics [Text] / Translated from English. A.N. Voroshchuk, S.A. Pegova; Ed. D.M. Gvishiani,

- N.N. Moiseev; With preface D.M. Gvishiani and after. N.N. Moiseeva. – Moscow: Nauka, 1978. – 167 p.: graphic; 22 cm
4. Meadows Donella H. Limits of growth. 30 years later: a textbook on the discipline of the university component for students studying in the specialties 020801 (013100) «Ecology», 020802 (013400) «Nature management» and in the direction 020800 (511100) «Ecology and nature management» / Donella Meadows, Jorgen Randers, Dennis Meadows; [per. from English. E.S. Oganessian]. – 3rd ed. – Moscow: Akademkniga, 2007. – 342 p.: ill., tab.; 22 cm. – (Textbook for universities: B.); ISBN 978-5-94628-218-5
 5. Marx K. Capital. T. 1. M.: Politizdat, 1988–580 p.
 6. Kosolapov Viktor Vasilievich. XXI century in the mirror of futurology / V.V. Kosolapov, A.N. Goncharenko. – Moscow: Thought, 1987. – 238, [2] p.; 21 cm; ISBN (In lane) (In lane): 1 p. 20 k.
 7. Taylor Frederick Winslow Scientific organization of labor / Frederick Winslow Taylor; With preface P.M. Kerzhentsev; Per. from English. A.I. Zak and B. Ya. – 2nd ed. – Moscow: [b. and.], 1925 (Transprint). – VI, 276 p.; 23 cm
 8. Rudnev E.A. My grandfather – V.A. Bazarov // Bulletin of the A. Bogdanov International Institute. 2002. No. 4 (12).
 9. Bestuzhev-Lada Igor Vasilyevich (1927-). Social forecasting: a course of lectures / I.V. Bestuzhev-Lada, G.A. Namestnikova; Humanitarian forecast. acad. Proc. center. – Moscow: Ped. Island of Russia, 2001. – 386, [3] p.; ISBN 5-93134-152-8
 10. Plotnikov, V.A. Transnational value chains and global pricing mechanisms: a theoretician's view / V.A. Plotnikov // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. – 2022. – No. 2 (134). – P. 7–13. – EDNABATOY.
 11. Huntington Samuel Phillips (1927-). Clash of Civilizations / Samuel Huntington; [Trans. from English. Yu. Novikova]. – Moscow; St. Petersburg: AST, 2003 (Typ. publishing house Samar. House of Press). – 603, [2] p.: ill., tab.; 20 cm – (Philosophy); ISBN 5-17-007923-0 (in translation)
 12. Yadov Vladimir Alexandrovich (1929–2015.). Strategy of sociological research: Description, explanation, understanding of social reality / V.A. Yadov in collaboration with V.V. Semanova. – Moscow: Academbook: Dobrosoviet, 2003 (GUP Chekhov. Polygraphic comb.). – 595, [1] p.: diagrams, tables; 21 cm; ISBN 5-94628-100-3 (reg.).
 13. Toshchenko, Zh.T. Forecasting, designing and planning in social management / Zh.T. Toshchenko // Sociology of management: textbook / edited by V.E. Boikov. – M: 2006.

Социальные факторы и особенности эволюции профессионально-личностного потенциала современной политической элиты региона переходного типа

Покатов Дмитрий Валериевич,

д.с.н., заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: dvpokатов@gmail.com

В статье рассматривается актуальная проблема эволюции профессионально-личностного потенциала одной из ведущих страт современного общества политической элиты. Отмечается, что в ряде исследований (прежде всего, философского и психологического плана) авторы анализировали феномен личностного потенциала, а также личностно-профессионального потенциала с уделением большего внимания изучению личностно-психологических черт и структуры их проявления. В рамках данного исследования автор уделяет внимание рассмотрению именно профессионально-личностной составляющей потенциала не отдельных субъектов и акторов политического процесса, а особой социальной группы, и ведет изучение элитного потенциала (на основе анализа биографий 271 элитного деятеля) 3 достаточно близких по своему развитию регионов переходного, аграрно-индустриального типа (Саратовской, Волгоградской областей и Республики Дагестан). В ходе исследования показывается, как такие объективные факторы, как характер развития российского общества, уровень развития региона, а также субъективные (социализация, поколенческие и демографические условия) определяют эволюцию и современное состояние профессионально-личностного потенциала элиты, принимающего все более смешанные, гибридные формы, объединяющие некоторые старые формальные показатели, так и новые, неформальные, личностно-лидерские качества.

Ключевые слова: профессионально-личностный потенциал, профессионализм, политическая элита, социальные факторы, регион.

В последние годы не ослабевает интерес к изучению политической элиты, интегрирующей в своем составе представителей различных социальных слоев, которые владеют знанием политических вопросов, могут профессионально участвовать в политической деятельности и концентрируют в своих руках различные ресурсы, позволяющие влиять на общество и его отдельные подсистемы. Интерес к изучению элиты и её потенциала, базирующегося на особых элитных показателях, достаточно важен, прежде всего, поскольку от его реального состояния, а значит, и облика самой элиты и её возможности действовать, во многом будет зависеть и состояние общественного развития.

В последнее время ряд представителей различных школ и направлений, прежде всего, психологии, акмеологии, философии, обращались в своих работах к определению личностного и личностно-профессионального потенциала, уделяя большое внимание выявлению его базовых показателей и структуры. Так, Ю.В. Сиягин и Е.В. Селезнева определяли личностно-профессиональный потенциал как самоуправляемую систему внутренних возобновляемых ресурсов личности, проявляющихся в её деятельности с целью достижения намеченных результатов и целей [1, с. 100]. В достаточно основательной монографии ростовских социологов, политологов и элитологов профессионализм элит виделся авторам как диалектическое единство проявлений деятельностного и личностного, т.е. проявление профессионализма личности и профессионализма деятельности. При этом первая составляющая профессионализм личности включала в себя, по их мнению, такие компоненты, как биологическое здоровье (в том числе, физическое здоровье, умения, навыки, мобильность), мотивационно-целевой компонент, когнитивный, операционально-исполнительный (профессиональное сознание, мышление, профессиональное внимание и т.д.), и профессиональный опыт, знания, достижение своего опыта, адаптивность). Вторая составляющая, профессионализм, определялся в виде наивысших достижений субъекта (в том числе, учитывались высшие показатели его квалификации, умение профессионально и точно оперировать соответствующими средствами их достижения) [2, с. 67–68].

В целом проведенные исследования свидетельствуют о достаточно большом накопленном материале, позволяющем продолжить осмысление данного феномена. Как видно, исследователи пытаются осмыслить именно личностно-профессиональный потенциал руководителя (за исключением последней работы). Однако применительно к элите данная категория должна получить, на наш взгляд, некоторое особое преломление. Так, применительно к политической элите как российской в целом, так и особенно региональной, более верно говорить о профессионально-личностном потенциале. Во многом это связано с сохраняющимся в нашем обществе мобилизационным типом развития, в котором при необходимости быстро отвечать на внешние вызовы доминирующее положения занимали политические институты

и олицетворяющие их субъекты [3, с. 139–163]. В результате на первое место выходили именно статусные характеристики и связанные с ними профессиональные показатели (образования, опыта деятельности, карьерных траекторий). Также нельзя не учитывать тот факт, что применительно к элитной группе, важны были показатели именно элитного потенциала, которые связаны во многом с рассмотрением сущности уже самой данной группы.

В имеющихся работах, на наш взгляд, выражен особый двойственный срез социологического видения элиты, ведущийся по ряду оснований: позиционные и меритократические трактовки, структурные и функциональные, социально-групповые и институциональные. Как известно, позиционный подход вел свое начало от Г. Моски, который видел в элите достаточно закрытый политический и правящий класс, монополизирующий власть, выполняющий важнейшие политические функции [4, с. 117]. По сути, разновидностью данного подхода выступал структурный, наиболее представленный в работах западных социологов А. Этциони, Т. Дай, и многих отечественных исследователей (Г.К. Ашина, А.В. Понделкова, А.М. Старостина и др.), видевших в элите совокупность, лиц, занимающих высшие должностные позиции в структурах власти и управления, позволяющих им воздействовать на общество. Исходя из этого, при анализе элиты учитывались, прежде всего, её статусные показатели и характеристики. Функциональный подход также достаточно представленный, как в западной (Дж.У. Дамхофф, Ф. Хантер), так и в отечественных социологических и политологических исследованиях (О.В. Крыштановская, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Дука и др.) делал акцент на том, что политическая элита – это не только политические деятели, обладающие высшими статусными признаками в системе власти и управления, но и принимающие важнейшие политические решения. Исходя из этого, помимо важнейших статусных показателей, они должны обладать политическим мышлением, волей и опытом.

Серьезно отличались от данных подходов различные вариации меритократических трактовок, исходивших в своей основе из констатации наличия у представителей элиты высоких интеллектуальных и моральных показателей. Основы данного подхода можно найти ещё в древности, в трудах Конфуция, Платона, Аристотеля. В современной философии и социологии данный подход проявился в работах Дж. Сартори, Р. Даля, К. Манхейма и, особенно, Х. Ортеги-и-Гассета, видевшего в элите общество индивидов и отдельных лиц, кто больше всего требователен к себе самому, обладает интеллектуальным и моральным превосходством над другими, берет на себя труд и долг [5, с. 89–90]. В отечественных исследованиях меритократический подход в большей степени проявился в работах Б.М. Пугачева, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Ю.А. Левады. Помимо обозначенных выше, дихотомия подходов в изучении элит велась и по линии социально-группового и институционального подходов. Большинство исследователей стремились к рассмотрению элиты именно как особой группы. Однако на Западе одним из первых стал рассматривать властвующую элиту как особый институт Ч.Р. Миллс, отмечавший, что элита состоит из людей, занимающих такие позиции в важнейших иерархических институтах и организациях общества, которые позволяют им возвыситься над средой обычных индивидов [6, с. 24]. Как видно, каждый из данных подходов несколько ограничен, в виду односторонности подхода к определению базовых показателей элиты.

В этой связи, на наш взгляд, удачную попытку отойти от одностороннего видения элитных характеристик

предприняли в своей монографии Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада, отмечавшие, что при определении базовых показателей элиты необходимо учитывать: статусные характеристики (занимаемые элитой в обществе позиции); функциональные черты (образцовое выполнение функций); коммуникативные показатели (выражающиеся, в том числе, в поддержании посредством определенных моделей поведения солидарности) [7, с. 29].

Учитывая все сказанное выше, можно сказать, что профессионально-личностный потенциал элиты – совокупность интегрированных показателей креативно-личностного (организаторские умения и навыки, умения реализовать свои карьерные навыки и способности, профессиональное мышление, умение действовать в нестандартной обстановке), и профессионального уровней (наличие образования, опыта политической и административной деятельности, соответствие основных положений разрабатываемой элитой управленческой парадигмы, запросам общества). Данные показатели весьма вариативно проявляют себя на различных уровнях современного общества. Не является здесь исключением и регион. В последние годы в научной литературе предлагались различные трактовки региона, учитывающие потребности различных отраслей знания и приоритеты отдельных научных направлений. Как правило, стремление дать трактовку региона, учитывая только какой-либо один подход несколько сужает, на наш взгляд, данную дефиницию. В данной работе мы будем использовать социально-территориальную трактовку данной категории. Исходя из этого под регионом будем понимать определенную социально-территориальную, а также народно-хозяйственную общность, которая имеет особую социальную и производственную инфраструктуру, институты власти и управления, ориентирующиеся в своей деятельности на решение стоящих перед данным образованием задач. В данном исследовании мы остановимся на достаточно близких по своему развитию переходных регионах – Саратовской и Волгоградской областях, а также Республике Дагестан. Как показывают имеющиеся исследования и источники, Саратовская область является сегодня аграрно-индустриальным регионом, выступающим одним из перспективных регионов в нефтегазоносном отношении, и обладающим как отдельными стабильно развивающимися отраслями промышленности (машиностроения, химической промышленности), так и сельского хозяйства [8, с. 29]. Волгоградскую область, где продолжают процессы деиндустриализации, исследователи относят к слабо индустриальному региону [9, с. 41]. Республика Дагестан также выступает как аграрно-индустриальный регион с аграрно-поли-сервисным типом экономического развития [10, с. 18–19].

Выступая как регионы традиционного, переходного плана отмеченные выше региональные единицы и действующие в них политические элитные группы были подвержены воздействию как всеобщих, так и конкретно-исторических закономерностей, что не могло не отразиться на эволюции элитных групп. Для рассмотрения базовых тенденций эволюции элитного потенциала был проведен анализ биографий 271 представителя элиты (в том числе, в Саратовской области – 73, в Волгоградской – 72 и в Республике Дагестан – 126), включая руководителей исполнительной и законодательной власти регионов, депутатов законодательных собраний, лидеров политических партий и общественно-политических организаций. Данные показатели сравнивались с проведенными в 2017 г. и 2021 г. автором исследованиями характеристик профессионально-личностного потенциала элиты [11].

Отмечая влияние всеобщих цивилизационных детерминант, нельзя не сказать, что элитный потенциал существенно различается у западной и отечественной разновидностей элитных групп. Так в западных открытых обществах, как достаточно верно отмечал А.В. Понедельков, элита имеет определенные креативно-личностные черты. В тоже время в российском обществе, по причине господства мобилизационного типа, с характерными для него закрытостью и слабостью гражданских структур на протяжении длительного времени сохранялась тенденция к доминированию больше статусных, но не личных показателей [12, с. 78]. Наряду с влиянием цивилизационного типа развития нельзя не отметить и воздействие на процесс эволюции элиты и её профессионально-личностного потенциала традиционного типа регионального развития, с характерным для него сохранением традиционного уклада общественной жизни, ярко проявлявшегося, в том числе, в процессах социализации. Проведенный анализ биографий показал, что по-прежнему в рассматриваемых регионах очень высок показатель лиц, социализация которых проходила в условиях сельской местности. Так, в Саратовской области в элите сегодня 30,76% выходцев из села, в Волгоградской – 19,4%, и самый большой показатель в Республике Дагестан – 53,9% [13]. Данные показатели несколько увеличились во всех регионах: Саратовской области (29,5%, 2017) Волгоградской области (14,8%, 2017), и Республике Дагестан (45,2%, 2021) [11]. Значительный процент лиц, социализация которых проходила в условиях сельской местности не мог, конечно, не отразиться на ценностных, профессиональных и кадровых предпочтениях элитных деятелей, их стремлениях больше действовать по уже сложившимся принципам и нормам чиновничества, больше продвигать выходцев из своей среды. Это не могло также не отразиться на гендерных характеристиках элиты. По-прежнему элитные группы представляют собой чисто мужские социальные общности. Многие исследователи справедливо связывают это с недостатком у женщин определенного политического, экономического и культурного капиталов, сложившимися стереотипами поведения, слабостью женских общественно-политических организаций, которые могли бы продвигать их в состав элиты. В Саратовской области в составе элиты сегодня только 20,8% женщин и 79,1% мужчин, в Волгоградской соответственно – 31,9% и 68,05%, в Республике Дагестан – 5,5% и 94,5% [13]. По сравнению с периодом 2017–2021 гг. данные показатели изменились мало.

Ряд изменений происходит в последние годы в социальном происхождении элиты, типе образования и карьерных стратегиях. Вместе с тем, следует сказать, что влияние предшествующего, в том числе и советского периода, продолжается. Так, по-прежнему, одной из ведущих прослоек в составе политической элиты региона переходного типа остаются хозяйственники (руководители предприятий АПК и бывшего ВПК, банковско-финансовой сферы, менеджеры фирм и предприятий различного профиля). Так, в составе политической элиты Саратовской области их насчитывается сегодня 35,38% (ранее, в 2017 г. было 42,6%), в Волгоградской области – 38,8% (в 2017 г. – 51,8%), в Республике Дагестан – 49,2% (в 2021 г. – 45,2%). Незначительно повысилось представительство таких социальных прослоек как корпоративные слои (выходцы из армейской среды, правоохранительных органов и органов безопасности). Так, в элите Саратовской области их сегодня насчитывается только 6,15% (в 2017 г. – 5,7%), в Волгоградской области – 13,8% (в 2017 г. – 10,18%) в Республике Дагестан – 12,69% (в 2021 г. – 10,3%) [13]. По сравнению с прошлым

периодом возросло представительство интеллигенции, что, на наш взгляд, можно связать не только с востребованностью вновь идей и проектов, продвигаемых её представителями, но и приобретением различными прослойками интеллигенции новых связей, и большей заинтересованностью с её стороны в поддержке своих интересов и планов. На сегодня в составе политической элиты Саратовской области к данной прослойке относится 38,45% [13]. В 2017 году – только 26,2% [11]. В Волгоградской области сегодня к данному слою относится 19% [13], в 2017 г. – 10,8% [11]. В Республике Дагестан на сегодня к прослойке интеллигенции в элите можно отнести 29,3% [13], в 2021 г. – 22,6% [11]. Существенно, по сравнению с предыдущим периодом сократилось представительство бывшей партийно-государственной номенклатуры. Так, в Саратовской области к данной категории сегодня можно отнести только 1,53% [13], в то время как 2017 г – 4% [11]. В Волгоградской – 1,38% [13], в 2017 г. – 1% [11]. В Республике Дагестан сегодня насчитывается только 3,79% бывших работников партийных структур [13], в то время как в 2021 г. – 4,1% [11]. Резкое снижение категории данных деятелей вполне объяснимо, если учитывать действие поколенческих и возрастных трендов, когда происходит естественное уменьшение данной категории представителей элиты.

Доминирование прослойки хозяйственников приводит к закреплению определенных типов образования и карьерных траекторий и практик выдвижения в элиту. В современной элите по-прежнему доминируют слои с технократическим образованием и мышлением. В Саратовской элите сегодня насчитывается 43% лиц, получивших техническое образование, 18% – гуманитарное, 10% – экономическое, и 5% – юридическое. В Волгоградской области соответственно – 54,1%, 12,5%, 33,3%, 13,8%. В Республике Дагестан – 39,6%, 15,07%, 28,5%, и 32,5% [13]. В 2017 г. в Саратовской области насчитывалось 49% политиков, получивших техническое образование, 16,3% – гуманитарное, 17,2% – экономическое, 9% – юридическое. В Волгоградской – соответственно – 60%, 11%, 15,7%, 13,8%. В Республике Дагестан – 40,4%, 19,4%, 23,8%, и 26,9% [11]. Преобладание представителей хозяйственных кругов с преимущественно техническим образованием позволяет говорить о том, что процессы профессионализации внутри элит данных регионов идут ещё слабо. В этой связи можно согласиться с достаточно верным суждением известного отечественного социолога-публициста А.А. Зиновьева, отмечавшего, что тенденция к превращению системы власти в профессиональную была очень сильной, но все же процесс профессионализация власти не был доведен до необходимого качественного уровня, вследствие чего во властные институты попадали и многие случайные люди [14, с. 489]. В результате, в политической элите регионов переходного типа сохраняется тенденция к значительному представительству в элите не чисто профессиональных прослоек, а категории т.н. аутсайдеров, не имеющих специализированного образования, и чей политический опыт больше сводится к административному. Это не может не сказаться и на практике выдвижения ими кандидатов в состав элиты. В этой связи был совершенно прав американский социолог Ч.Р. Миллс, отмечавший в своем фундаментальном труде по элите, что карьера политических аутсайдеров зачастую не была связана с постепенным продвижением по властной лестнице. Многие представители элиты были кооптированы в её состав людьми, уже занявшими высокие статусные позиции [6, с. 323]. Это вполне типично и для региона переходного, по сути традиционного, типа, в котором карьерные траектории во многом связаны со статусными позици-

ями в системе власти, при этом связанными не с движением внутри определенных политико-правовых институтов, а, в том числе, с межинституциональными переходами. Так, в Саратовской области линейно-традиционный тип карьеры, связанный с постепенным восхождением в рамках одних политических институтов, либо общественно-политических организаций имели 13,7% представителей элиты (при этом в элите, представляющей исполнительную власть – 36%) [13]. В Волгоградской области – 8,3%, а в Республике Дагестан – только 3,7%. В тоже время лиминальный (переходный) тип, характеризующийся значительными скачкообразными перемещениями, лишенными постепенности был преобладающим. В нем особенно выделились переходы из руководящих структур предприятий и организаций региона различного профиля в состав административной элиты. Так, в Саратовской области это было характерно для 31% элитных деятелей, в Волгоградской – 30%, в Республике Дагестан – 42,3% [13].

Все сказанное выше позволяет говорить о том, что под воздействием как общецивилизационных, так и конкретно-исторических детерминант происходит процесс постепенной эволюции профессионально-личностного потенциала элиты, принимающего все более смешанные, гибридные формы, объединяющие некоторые старые формальные показатели, так и новые, неформальные, личностные качества, при преобладании первых.

Литература

1. Сinyaгин Ю.В., Селезнева Е.В. Взаимосвязь эффективности деятельности руководителей на государственной гражданской службе и их личностно-профессионального потенциала // Вопросы управления. 2016. № 1. С. 98–105.
2. Профессионализм административно-политических элит (философско-социологический и акмеологический подходы: монография [Игнатов В.Г., Деркач А.А., Понеделков А.В. и др.]. – Ростов н/Д.: Изд-во Севк.-Кавк. акад. гос. службы, 2002. – 424 с.
3. Фонотов А.Г. Россия: инновации и развитие. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 431 с.
4. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М.: Мысль, 1997. Т. II. – С. 117–134.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. – М.: Радуга, 1991. – 640 с.
6. Миллс Ч.Р. Властвующая элита. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 543 с.
7. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. – М.: «Фонд либеральная миссия», 2007. – 372 с.
8. Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года. Саратов, б.г. / URL: <http://www.saratov.regnews.org/doc/iq/7k.htm>. (дата обращения: 22.03.2023).
9. Моница Е.С., Мещерякова Я.В., Шаркевич И.В. Эволюционно-структурный анализ межотраслевых пропорций в экономике Астраханской и Волгоградской областей за 1998–2016 гг. // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2018. № 2. С. 37–44.
10. Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года (проект). Макачкала, 2021. – 306 с. // URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/af10c->

959c4761ec248351c99c7fa3b6f/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

11. Покатов Д.В. Политическая региональная элита: социологический ракурс трансформационной динамики. – М.: ИПЦ «Маска», 2017. – 164 с.; Покатов Д.В. Этнократическая элита в структуре элитных групп современного российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 138–142.
12. Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010. – 512 с.
13. Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий: Правительство Саратовской области [сайт] // URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2023); Саратовская областная Дума [сайт] // URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 15.03.2023); Волгоградская Областная Дума [сайт] // URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 15.03.2023); Волгоградская область // URL: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 15.03.2023); Правительство Республики Дагестан. [сайт]. Url: <http://www.e-dag.ru> (дата обращения: 15.03.2023); Народное Собрание Республики Дагестан [сайт]. Url: <http://www.Nsrd.ru> (дата обращения: 15.03.2023).
14. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Издательский Дом Нева, 2004. – 608 с.

SOCIAL FACTORS AND FEATURES OF THE EVOLUTION OF THE PROFESSIONAL AND PERSONAL POTENTIAL OF THE TRANSITION REGION MODERN POLITICAL ELITE

Pokotov D.V.

The Saratov State university

The article analyzes with the actual problem of the evolution of professional and personal potential of one of the leading starts of modern society political elite. It is noted that in a number of studies (primarily philosophical and psychological), the authors have analyzed the phenomenon of personal potential, as well as personal and professional potential, with more attention to the study of personal and psychological traits and the structure of their manifestation. In this study, the author pays attention to the consideration of the professional and personal component of the potential not of individual subjects and actors of the political process, but of a special social group, and studies the elite potential (based on the analysis of the biographies of 271 elite figures) of three rather similar in their development regions of the transition, agrarian-industrial type (Saratov, Volgograd regions and the Republic of Dagestan). The study shows how such objective factors as the nature of Russian society, the level of the region, as well as subjective (socialization, generational and demographic conditions) determine the evolution and current state of professional and personal potential of the elite, taking more and more mixed, hybrid forms, combining some old formal indicators, and new, informal, personal and leadership qualities.

Keywords: professional and personal potential, professionalism, political elite, social factors, region.

References

1. Sinyagin Yu.V., Selezneva E.V. The relationship between the effectiveness of the activities of leaders in the civil service and their personal and professional potential // Management Issues. 2016. No. 1. P. 98–105.
2. Professionalism of administrative-political elites (philosophical-sociological and acmeological approaches: monograph [Ignatov V.G., Derkach A.A., Ponedelkov A.V., etc.]. Rostov n/D.: Izd-vo Sevk. – Caucasian Academician of State Service, 2002. – 424 p.
3. Fonotov A.G. Russia: innovations and development. – M.: BINOM. Knowledge Laboratory, 2010. – 431 p.

4. Moska G. The Ruling class // Anthology of world political thought: in 5 volumes. – Moscow: Thought, 1997. T. II. – PP. 117–134.
5. Ortega y Gasset X. The revolt of the masses // Ortega y Gasset Dehumanization of art and other works. – M., 1991. – 640 p.
6. Mills C.R. Ruling elite. – M.: Publishing House of Foreign Literature, 1959. – 543 p.
7. Gudkov L.D. Dubin B.V., Levada Yu.A. The problem of the “elite” in today’s Russia. Reflections on the results of sociological research. – Moscow: Liberal Mission Foundation, 2007. – 372 p.
8. Strategy for socio-economic development of the Saratov region until 2025. Saratov, b.g., / URL: <http://www.saratov.regnews.org/doc/iq/7k.htm>. (Date of access: 22.03.2023).
9. Monina E.S., Meshcheryakova Ya.V., Sharkevich I.V. Evolutionary-structural analysis of intersectoral proportions in the economy of the Astrakhan and Volgograd regions for 1998–2016. // Vestnik ASTU. Ser.: Economics. 2018. No. 2. P. 37–44.
10. Strategy for the socio-economic development of the Republic of Dagestan for the period up to 2023 (draft). Makachkala, 2021. – 306 p. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/af10c-959c4761ec248351c99c7fa3b6f/proekt_strategii.pdf (Date of access: 20.03.2023).
11. Pokatov D.V. Political regional elite: a sociological perspective of transformational dynamics. – M.: IPTs “Mask”, 2017. – 164 p.; Pokatov D.V. Ethnocratic elite in the structure of elite groups of modern Russian society // Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2021. Vol. 21. Issue. 2. S. 138–142.
12. Ponedelkov A.V. Political science in the elitist dimension. – Rostov n/D., 2010. – 512 p.
13. Calculated by the author based on biographies published in: Government of the Saratov region [Website] // URL: <http://saratov.gov.ru> (date of access: 15.03. 2023); Saratov Regional Duma [Website] // URL: <http://www.srd.ru> (Accessed: 15.03. 2023); Volgograd Regional Duma [Website] // URL: <https://volgograduma.ru/> (date of access: 15. 03. 2023); Volgograd region // URL: <https://www.volgograd.ru/> (date of access: 15.03.2023); Government of the Republic of Dagestan. [website]. URL: <http://www.e-dag.ru> (date of access: 03/15/2023.); People’s Assembly of the Republic of Dagestan [website]. URL: <http://www.Nsrd.ru> (date of access: 15.03.2023.).
14. Zinoviev A.A. On the way to super society. – Moscow: Neva Publishing House, 2004. – 608 p.

Социальная цифровая репутация бизнес-организаций г. Волгограда: социолого-управленческий анализ

Сиротин Вячеслав Андреевич,

аспирант кафедры социологии, общей и юридической психологии, филиал РАНХиГС, Волгоградский институт управления
E-mail: sirotin.uniq@mail.ru

В статье дано определение социальной цифровой репутации, описаны её характеристики. Проведен анализ личного опыта взаимодействия респондентов с сотрудниками бизнес-организаций Волгограда в интернете, связанный с получением неэтичных ответов, игнорированием или отказом в решении проблемы. Дана оценка демонстрации компетентности сотрудников бизнес-организаций Волгограда в процессе коммуникации с пользователями интернета. Опираясь на мнение опрошенных жителей Волгограда, определены меры, которые необходимо принять для улучшения социальной цифровой репутации бизнес-организаций Волгограда.

Ключевые слова: социальная цифровая репутация, интернет, социальные сети, бизнес-организация, социология управления.

Развитие интернета как одного из каналов массовой коммуникации оказало значительное влияние на работу бизнес-организаций с информацией. Согласно концепции общества знаний П. Друкера, «информация – это данные, имеющие цель и не утратившие связь с действительностью» [2, с.]. Для проведения анализа данных, опубликованных в интернете, компании нанимают профильных специалистов, обладающих определенными навыками и знаниями в области информационных технологий. Результатом их работы является информация, необходимая менеджерам для выполнения их обязанностей. В процессе принятия управленческих решений руководители бизнес-организаций опираются на сведения о происходящем как внутри организации, так и за её пределами. По мнению П. Друкера, для анализа эффективности деятельности компании современные руководители должны обладать информацией о происходящем не только в экономической, но и социальной сфере жизни общества. Это связано с утверждением о том, что только благодаря клиентам организации получают прибыль. Поэтому сотрудники организаций, основанных на информации, в своей работе уделяют внимание мнению клиентов об удовлетворенности покупкой товара или результатом оказания услуги. Следовательно, для современных организаций немаловажным является их репутация.

Сегодня взаимодействие клиентов с компаниями основывается на доверии. Прежде чем воспользоваться услугами бизнес-организации потенциальный покупатель должен быть уверен в том, он не станет жертвой обмана. По мнению М. Айзенеггера, «чем более мы привыкли доверять какому-либо агенту (например, компании), тем спокойнее мы и в дальнейшем оказываем ему доверие» [1, С. 26]. Имея личный положительный опыт взаимодействия с бизнес-организацией в прошлом, клиент, скорее всего, воспользуется её услугами и в будущем. В случае отсутствия личного опыта выбор конкретной компании, оказывающей необходимые услуги, будет основываться на рекомендациях или отзывах других людей – репутации. Согласно трёхстороннему подходу М. Айзенеггера, существует три измерения репутации: функциональное, эмоциональное и социальное. Социальная репутация отражает соблюдение носителем репутации этических норм в рамках своей деятельности. Её индикаторами являются честность и ответственность. По мнению учёного, негативная оценка деятельности с точки зрения морали имеет более длительное влияние на репутацию компании, чем сомнения в её функциональной компетентности. Поэтому бизнес-организации могут изменить свою социальную репутацию только с помощью таких радикальных мер, как публичное признание собственных ошибок. Чаще всего современные компании публикуют подобные заявления в интернете, потому что всемирная паутина является наиболее подходящим каналом массовой коммуникации для оперативного распространения актуальной информации. В связи с этим для бизнес-организаций важно мнение пользователей интернета о соблюдении ею этических норм в процессе осуществления деятельности – социальная цифровая репутация.

Для проведения анализа социальной цифровой репутации бизнес-организаций Волгограда в июле 2022 года было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования среди пользователей двух наиболее популярных социальных сетей: «ВКонтакте» и «Одноклассники». Объем выборки равен 313 жителям Волгограда. Применение методики River Sampling позволило реализовать в процессе формирования выборки случайный отбор респондентов.

Прежде чем перейти к описанию социальной цифровой репутации, необходимо обратить внимание на отношение участников исследования к цифровой репутации бизнес-организаций в целом. В ходе анализа данных было выявлено различие в оценке важности цифровой репутации и проявления к ней интереса. Для 60% респондентов важна цифровая репутация бизнес-организаций. 87% опрошенных обращают внимание на цифровую репутацию бизнес-организации, прежде чем стать её клиентом. 44% жителей Волгограда всегда обращают внимание на мнение пользователей интернета. 43% опрошенных читают отзывы и комментарии в зависимости от необходимого товара или услуги. Согласно полученным данным, для большинства волгоградцев цифровая репутация бизнес-организаций является важной. Но в процессе принятия окончательного решения воспользоваться услугами бизнес-организации мнение пользователей интернета не всегда играет значимую роль.

Респонденты чаще всего узнают о цифровой репутации бизнес-организаций из следующих источников: сайты с рейтингами, обзорами и оценками – 44%; отзывы и комментарии в социальных сетях – 40%; комментарии на официальном сайте бизнес-организации – 30%. Предположительно, популярность сайтов с рейтингами и обзорами связана с публикацией отзывов пользователей интернета о качестве товаров или услуг, содержащих конструктивную критику. Специально написанные («накрученные») отзывы и комментарии пользователи могут определить на данных ресурсах по отсутствию конструктивной критики, схожести содержания и одинаковой дате публикации.

Помимо источников информации, стоит обратить внимание на отношение участников исследования к бизнес-организациям в зависимости от их положительной или отрицательной цифровой репутации. Гипотеза, согласно которой достоинством положительной цифровой репутации является увеличения числа клиентов, подтвердилась. Согласно полученным данным, большинство респондентов (75%) скорее всего станут клиентами компании, если в интернете о ней написаны положительные отзывы и в рейтингах она занимает высокие позиции. Последствием отрицательной цифровой репутации является уменьшение числа потенциальных клиентов. Подтверждением этому свидетельствует распределение ответов опрошенных, согласно которому большинство респондентов (79%) скорее всего не станут клиентами компании, если о ней пользователи пишут негативные отзывы и комментарии и в рейтингах она занимает последние позиции. Кроме тональности отзывов и комментариев других пользователей, на цифровую репутацию бизнес-организаций оказывает влияние личный опыт коммуникации потенциальных клиентов с её сотрудниками в интернете.

Оценивая социальную цифровую репутацию, респонденты отметили, что в целом сотрудники бизнес-организаций соблюдают нормы этики во время общения с пользователями интернета. Большинство опрошенных волгоградцев (79%) не получали в интернете адресованные им неэтичные ответы сотрудников бизнес-

организаций Волгограда, 13% – сталкивались с хамством, грубостью или оскорблениями.

Более актуальной является проблема игнорирования вопросов клиентов, опубликованных во всемирной паутине. 38% опрошенных оказывались в ситуациях, в которых сотрудники бизнес-организаций Волгограда не отвечали на их сообщения или отказывались решить их проблему. Несмотря на это, почти половина участников исследования (55%) согласны с тем, что в ответах клиентам в интернете сотрудники бизнес-организаций Волгограда демонстрируют свою компетентность и способность решить проблему, с которой столкнулся клиент. Можно предположить, что игнорирование вопросов пользователей интернета связано с отсутствием доступа у сотрудников бизнес-организаций к профессиональному программному обеспечению для отслеживания публикации вопросов в автоматическом режиме.

В результате проведения анализа данных было выявлено, что большинство респондентов (53%) чаще всего видели положительные отзывы о соблюдении их сотрудниками норм морали и профессиональной этики в интернете. По мнению 12% респондентов, обративших внимание на отрицательные отзывы пользователей интернета, несоблюдение в интернете норм морали и профессиональной этики сотрудниками бизнес-организаций Волгограда чаще всего проявляется в игнорировании сотрудниками организации клиентов в интернете (44%). Во-вторых, пользователи пишут об отказах сотрудников в решении проблемы клиентов с заказом товаров или оформлением онлайн-услуг (40%). В-третьих, несоблюдение норм морали и профессиональной этики выражается в низком качестве оказания онлайн-услуг или снижении качества товара во время доставки (39%).

Таким образом, бизнес-организации Волгограда в целом обладают положительной социальной цифровой репутацией, потому что большинство респондентов чаще встречали о них положительные отзывы в интернете и не получали неэтичные ответы от сотрудников бизнес-организаций. Согласно концепции общества знаний П. Друкера, для руководителей современных бизнес-организаций важна обратная связь для анализа эффективности деятельности организации. Исходя из этого, в ходе исследования респондентам был задан вопрос о мерах улучшения социальной цифровой репутации. Согласно распределению ответов опрошенных жителей Волгограда, для изменения в положительную сторону мнения пользователей о соблюдении в интернете норм морали и профессиональной этики сотрудниками бизнес-организаций Волгограда прежде всего необходимо повысить квалификацию сотрудников, работающих с клиентами в интернете (70%) и информировать клиентов о любых изменениях в оформленном заказе товара или онлайн-услуги (52%).

Литература

1. Айзенеггер, М. Доверие и репутация в эпоху глобализации / М. Айзенеггер // Отечественные записки. – 2014. – № 1(58). – С. 26–34.
2. Друкер, П. Менеджмент / П. Друкер, Дж. Макъярелло // Пер. с англ. – М.: И.Д. Вильямс, 2010. – 704 с.

SOCIAL DIGITAL REPUTATION OF VOLGOGRAD BUSINESS ORGANIZATIONS: SOCIO-MANAGERIAL ANALYSIS

Sirotnin V.A.

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa

The article defines the social digital reputation, describes its characteristics. The analysis of the personal experience of respondents' interaction with employees of Volgograd business organizations on the Internet, associated with receiving unethical answers, ignoring or refusing to solve the problem, was carried out. The assessment of the demonstration of competence of employees of Volgograd business organizations in the process of communication with Internet users is given. Based on the opinion of the surveyed residents of Volgograd, the measures that need to be taken to improve the social digital reputation of Volgograd business organizations have been identified.

Keywords: the social digital reputation, internet, social networks, business organization, sociology of management.

References

1. Eisenegger, M. Trust and reputation in the age of globalization / M. Eisenegger // *Otechestvennye zapiski*. – 2014. – № 1(58). – P. 26–34.
2. Drucker, P. Management / P. Drucker, J. Macyarello // *Per. from English*. – M.: I.D. Williams, 2010. – 704 p.

Тринадцатко Антон Александрович,

кандидат социологических наук, кафедра экономики и менеджмента, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13–176@rambler.ru

Развитие адаптивных информационных технологий актуализировало для инвалидов по зрению вопрос налаживания взаимодействия с современной цифровой средой. Приобретение незрячими и слабовидящими людьми навыков работы с персональными компьютерами и мобильными устройствами ведет к росту уровня их самостоятельности и независимости. В статье исследуется состояние цифровой реабилитации инвалидов по зрению. Делается вывод о высоком уровне цифровой реабилитации незрячих и слабовидящих лиц и широком использовании ими современных тифлоинформационных технологий в различных целях.

Ключевые слова: инвалиды по зрению, адаптивные компьютерные технологии, цифровое пространство, цифровая реабилитация, программа экранного доступа, синтез речи.

В массовом сознании традиционно превалирует мысль о недоступности для инвалидов по зрению современной компьютерной техники и мобильных устройств [1]. Фактически, данный социальный аттитюд является проявлением эйблизма, поскольку демонстрирует превосходство обычных, здоровых людей, над инвалидами по зрению не только в повседневной жизни, но и в цифровом пространстве [2].

Большая часть здоровых членов социума, не контактирующих с незрячими и слабовидящими людьми, считает, что наличие серьезных зрительных дефектов не позволяет инвалидам по зрению не только читать плоскостатную литературу и периодические издания, но и пользоваться в повседневной жизни персональными компьютерами (ПК), сенсорными мобильными устройствами и цифровыми средствами коммуникации, к числу которых относятся телекоммуникационная сеть «Интернет» и функционирующие на ее основе социальные сети, мобильные и компьютерные версии мессенджеров «Telegram», «WhatsApp» и др.

Действительно, можно констатировать, что, несмотря на наличие в современных ПК и сенсорных мобильных устройствах адаптивных тифлотехнологий, непосредственно интернет-браузеры и почти весь веб-контент до сих пор крайне слабо приспособлены под специфические особенности незрячих и слабовидящих пользователей. При этом необходимо отметить, что создание универсальной цифровой среды, как и аналогичной универсальной доступной физической среды, было бы полезно не только инвалидам по зрению, но и другим категориям лиц, например, пожилым людям с сенсорными нарушениями, иностранным гражданам, недостаточно хорошо владеющим языком конкретного государства, жителям сельской местности, для которых недоступен быстрый интернет, и пр. [3].

Тем не менее, в современном мире достаточно сложно найти незрячего или слабовидящего индивида, не владеющего навыками работы на ПК или смартфоне. Большую часть таких лиц составляют либо выпускники специализированных школ-интернатов для слепых, в которых компьютерной грамотности обучающихся, как собственно и другим направлениям реабилитации, уделяется откровенно мало внимания, либо представители пожилой когорты, для которых освоение современной компьютерной техники и мобильных устройств уже само по себе является достаточно сложным. При этом индивиды, получившие инвалидность по зрению в сознательном возрасте и успевшие освоить компьютер и мобильное устройство, а также инвалиды по зрению с детства, ведущие активный образ жизни, достаточно легко и быстро проходят процесс цифровой реабилитации (абилитации), приобретаемая (восстанавливаемая) соответствующие навыки. Для них ПК и сенсорные мобильные устройства становятся важным и необходимым средством и инструментом коммуникации, пространственной ориентации, виртуальной и реальной социальной интеграции, обеспечения своей самостоятельности, независимости, профессиональной и творческой состоятельности [4].

Помогают цифровой реабилитации инвалидов по зрению современные тифлоинформационные технологии, представляющие собой адаптивное программное обеспечение, делающее доступным для незрячих и сла-

бовидящих не только ПК, но и сенсорные мобильные устройства [2].

Опрос 155 инвалидов по зрению I (92 чел.) и II (63 чел.) гр., проведенный в феврале-апреле 2023 г.

в Хабаровской местной организации (МО) ВОС, показал, что 97,42% из числа опрошенных, владеют навыками работы с сенсорными мобильными устройствами, а 86,45% могут работать на ПК (табл. 1).

Таблица 1. Инвалиды по зрению, владеющие навыками работы на ПК и/или сенсорном мобильном устройстве, чел.

Тип устройства	Возрастные группы, лет					Всего	
	18-30	31-40	41-50	51-60	60+	чел.	%
Всего, в т.ч.:	22	27	33	38	35	155	100
ПК	22	27	29	32	24	134	86.45
Сенсорное мобильное устройство (смартфон, планшет)	22	27	33	37	32	151	97.42

Столь высокие показатели цифровой реабилитированности инвалидов по зрению I и II гр. обусловлены целым рядом факторов:

1) Понимание важности владения навыками работы на ПК и с сенсорными мобильными устройствами для незрячего человека в современных условиях;

2) Наличие возможности приобретения таких навыков в МО ВОС, специализированной библиотеке для слепых, краевой научной библиотеке;

3) Наличие возможности быстрого получения консультации по конкретным вопросам работы на ПК или мобильном устройстве у руководства МО ВОС или как зрячих, так и незрячих специалистов краевой специализированной библиотеки для слепых.

Зафиксировав факт высокого уровня цифровой реабилитированности инвалидов по зрению различных возрастных когорт, отметим, что активное внедрение адаптивных компьютерных технологий, а точнее – программ экранного доступа, в жизнь незрячих в нашей стране началось только в начале 2000-х гг., когда ПК стали доступны для массового пользователя. Причем информация о появлении адаптивных компьютерных технологий, согласно данным опроса, до сих пор дохо-

дит до инвалидов по зрению преимущественно из двух основных источников:

- от других незрячих пользователей – 71% опрошенных;
 - от работников специализированных организаций (реабилитационные центры, специализированные библиотеки для слепых, учреждения системы ВОС, МО ВОС – 24,5% опрошенных;
 - из прочих источников – 4,5% опрошенных;
- Логичным представляется факт, что владение навыками работы с сенсорным мобильным устройством, не означает наличие у инвалида по зрению и навыков работы с ПК.

Кроме того, далеко не все инвалиды по зрению, имеющие навыки работы на ПК и сенсорных мобильных устройствах, могут пользоваться всеми предоставляемыми такими устройствами возможностями. Как и в любой другой деятельности, в этом направлении также необходимо пройти реабилитационный (абилитационный) этап. Способы получения (восстановления) навыков работы с ПК и/или сенсорными мобильными устройствами инвалидами по зрению I и II гр. представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2. Способы приобретения навыка работы с ПК инвалидами по зрению, чел.

Способ получения навыка	Возрастные группы, лет					Всего	
	18-30	31-40	41-50	51-60	60+		
Всего, в т.ч.:	22	27	29	32	24	134	100
самостоятельно	2	6	11	13	7	39	29.1
приобрел в школе-интернате	2	1	–	–	–	3	2.24
посещал курсы	9	10	8	10	8	45	33.58
научили другие незрячие	3	2	1	–	–	6	4.48
научили в реабилитационном центре	–	5	4	5	2	16	11.94
другой способ	6	3	5	4	7	25	18.66

Таблица 3. Способы приобретения навыка работы с сенсорными мобильными устройствами инвалидами по зрению, чел.

Способ получения навыка	Возрастные группы, лет					Всего	
	18-30	31-40	41-50	51-60	60+		
Всего, в т.ч.:	22	27	33	37	32	151	100
самостоятельно	1	16	16	11	9	53	35.1
посещал курсы	3	3	8	12	15	41	27.15
научили другие незрячие	11	3	1	7	2	24	15.9
научили в реабилитационном центре	–	1	3	3	2	9	6
другой способ	7	4	5	4	4	24	15.9

Мы видим, что приобретение навыков работы на ПК инвалидами по зрению осуществлялось преимущественно следующими способами:

- 1) На специальных курсах – 33,58%;
- 2) Самостоятельно – 29,1%;
- 3) Другими способами (помогали родственники, друзья, использовались видео- и аудиоуроки, учебная аудиолитература и пр.) – 18,66%;
- 4) В реабилитационных центрах – 11,94%.

На основе приведенных данных мы можем сделать вывод о неэффективной работе специализированных школ-интернатов в этом направлении. Напротив, наличие возможности посещать специальные курсы для незрячих по компьютерной грамотности, способствовало росту числа инвалидов по зрению, умеющих работать на ПК. Самостоятельное приобретение этого навыка свидетельствует о его восстановлении теми незрячими, кто уже умел работать на ПК ранее, до получения инвалидности по зрению.

Отметим, что в настоящее время для работы на ПК, помимо встроенных в операционные системы (ОС) Windows адаптивных функций (экранная лупа, экранный диктор), а также программ-ридеров (Говорилка, Балаболка, IceBook и др.), предоставляющих инвалидам по зрению ограниченный спектр возмещающих тот или иной зрительный дефект функций, люди с серьезным ограничением зрения широко используют 2 адаптивных программных продукта – JAWS и NWDA.

Обе программы имеют практически идентичный функционал и, зачастую, их использование зависит лишь от того, с какой из них инвалида раньше научили работать. Причем овладев одной из них, инвалид по зрению без особых трудностей может работать и с другой.

JAWS (с англ. Job Access With Speech – доступ к действиям с помощью речи), представляет собой программу экранного доступа для ОС Windows, распространяемую на коммерческой основе, позволяющую инвалиду по зрению выполнять на ПК практически те же задачи, что и зрячему пользователю, кроме, естественно, тех, которые по умолчанию предполагают использование зрения (рисование, обычные (неадаптированные) компьютерные игры и пр.). Все действия, осуществляемые незрячим или слабовидящим пользователем на ПК либо озвучиваются выбранным пользователем синтезатором, либо выводятся на брайлевский дисплей. Оба режима могут работать как по отдельности, так и одновременно. Первая версия JAWS for Windows (v.1.0) вышла в январе 1995 г., а последняя – v.1805.33 – в мае 2018 г.

NWDA (с англ. Non Visual Desktop Access – невизуальный доступ к рабочему столу) – представляет собой аналог JAWS, но распространяется на некоммерческой основе [5].

Ранжирование тифлоадаптированных программных продуктов по частоте использования инвалидами с тяжелыми нарушениями зрительной функции, выглядит следующим образом:

- 1) JAWS – 82,1%.
 - 2) Программы-ридеры – 77,6%.
- Данное ПО позволяет пользователю не только прослушивать большие текстовые файлы, что особо ценно в отношении учебной, научной или художественной литературы, но и сохранить любой текстовый файл в аудиоформате и прослушать его позднее как на ПК, так и на мобильном сенсорном устройстве, аудиоплеере, или тифлофлэшплеере.
- 3) NWDA – 71,64%.
 - 4) Экранная лупа – 66,42%.
 - 5) Другие встроенные инструменты увеличения текста и изображения на экране (увеличенный шрифт, ярлыки и пр.) – 59,7%.

- 6) Экранный диктор – 12%.

При этом все опрошенные инвалиды по зрению, имеющие навык работы на ПК, в той или иной мере совмещают, при использовании ПК, различные тифлоадаптивные компьютерные технологии.

В таблице 3 приведены способы получения инвалидами по зрению I и II гр. навыка работы с сенсорными мобильными устройствами (смартфоны, планшеты).

Данные опроса показывают, что, в отличие от навыка работы на ПК, на мобильных устройствах инвалиды по зрению I и II гр. в более чем в трети случаев (35,1%) научились работать самостоятельно. На специальных курсах этот навык получили еще 27,15%. Другими способами (при помощи родных, друзей, видео- и аудиоуроков), а также при помощи незрячих этот навык приобрели еще по 15,9%. Наименьшее число инвалидов по зрению научились работать с сенсорными мобильными устройствами в реабилитационных центрах (6%) и в школах-интернатах для детей с дефектами зрения (0%).

К числу самых распространенных причин, обусловивших более низкий уровень компьютерной грамотности среди инвалидов по зрению I и II гр. относятся:

- 1) отсутствие необходимости в приобретении такого навыка;
- 2) более сложный, в отличие от сенсорных мобильных устройств, процесс работы с ПО на ПК, необходимость изучения и запоминания сочетаний клавиш;
- 3) необходимость установки адаптивного ПО;
- 4) отсутствие ПК или доступа к нему.

В данном случае необходимо пояснить, что работа на ПК лицами с тяжелыми расстройствами зрения осуществляется исключительно с помощью клавиатуры, сочетания клавиш на которой позволяют незрячим пользователям осуществлять широкий спектр действий, озвучиваемых речевым синтезатором. Эта особенность работы незрячих на ПК обусловлена тем, что они просто не видят курсор мыши, даже если используют при этом встроенные программные средства ОС (увеличенный размер курсора, повышенная контрастность, инверсия цвета, экранная лупа и пр.). В отличие от ПК, взаимодействие инвалидов по зрению с сенсорными мобильными устройствами осуществляется при помощи системы жестов, которые достаточно легко можно настроить самостоятельно.

Среди причин, обуславливающих более высокий уровень популярности сенсорных мобильных устройств в среде инвалидов по зрению можно выделить:

- 1) наличие предустановленных приложений или встроенных функций, адаптирующих мобильное устройство под нужды лиц с дефектами зрения (например «TalkBack» в ОС Android);
- 2) относительная простота освоения на уровне пользователя в сравнении с ПК;
- 3) большая адаптированность приложений (включая мессенджеры «WhatsApp» и «Telegram», а также социальные сети «Вконтакте» и «Одноклассники») к особенностям инвалидов по зрению;
- 4) наличие и легкость коммуницирования с голосовыми помощниками.

Сферы применения инвалидами по зрению ПК приведены в табл. 4.

Мы видим, что основными направлениями использования ПК, инвалидами по зрению являются общение, просмотр новостей и поиск информации, работа, развлечения и досуг, покупки. Более низкие показатели использования компьютеров в образовательных целях или в творчестве обусловлены как социально-демографическими и социально-трудовыми характе-

ристиками респондентов (возраст, состояние здоровья, уровень образования, активность в социально-трудовой сфере и пр.), так и не самым высоким показателем наличия у инвалидов по зрению творческих способностей, для реализации которых представителям данной нозологии лучше всего подходит именно ПК [4; 6].

Таблица 4. Направления использования инвалидами по зрению ПК, чел.

Направления	Всего	
	чел.	%
	134	100
Общение, коммуникации	114	88.1
Новости, поиск информации	121	90.3
Работа	92	68.66
Получение образования, повышение квалификации	35	26.12
Развлечения, досуг	120	89.5
Покупки	87	64.92
Творчество	33	24.63
Другое	58	43.28

Использование сенсорных мобильных устройств инвалидами по зрению для различных целей приведено в таблице 5.

Таблица 5. Направления использования инвалидами по зрению мобильных устройств, чел.

Направления	Всего	
	чел.	%
	151	100
Общение, коммуникации	151	100
Новости, поиск информации	151	100
Работа	34	22.52
Получение образования, повышение квалификации	5	3.31
Развлечения, досуг	151	100
Покупки	94	62.25
Творчество	17	11.26
Другое	63	41.72

Большая, в сравнении с ПК, легкость освоения сенсорных мобильных устройств для инвалидов по зрению, обуславливает и более высокий уровень использования смартфонов и планшетов в целях общения и передачи информации, поиска и просмотра новостей, развлечений и досуга, осуществления покупок через специальные приложения.

При этом ограниченный функционал мобильных приложений, меньший размер дисплея, специфические особенности управления устройством системой специальных жестов, зачастую лишь частичная адаптация важных приложений под нужды инвалидов по зрению – обуславливают более низкий уровень использования сенсорных мобильных устройств в столь значимых социальных сферах жизнедеятельности человека, как профессиональная деятельность и получение образования.

Таким образом мы можем констатировать, что преобладающее в социуме мнение о неспособности инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции овладеть навыками работы на ПК и сенсорных мобильных устройствах, не соответствует действительности.

Более того, современные технические средства, использующие тифлоадаптивные компьютерные и информационные технологии, делающие эти средства доступными для инвалидов по зрению, воспринимаются последними как важный инструмент обеспечения их индивидуальной самостоятельности и независимого образа жизни.

Фактически являясь техническим средством реабилитации, они позволяют инвалидам по зрению выполнять ранее недоступные операции, существенно снижая уровень зависимости незрячих и слабовидящих от социального окружения и возвращая им свободу и разнообразие действий в различных сферах жизнедеятельности.

Литература

1. МК.RU: Зачем слепому ноутбук? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/social/2012/10/19/763516-zachem-slepotu-noutbuk.html> (дата обращения: 10.05.2023).
2. COMPUTER SOCIETY: Integrating the visually impaired into the virtual future [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.computer.org/publications/tech-news/trends/integrating-the-visually-impaired-into-digital/> (дата обращения: 21.05.2023).
3. AIF: Aiming for accessibility in a digital space [Электронный ресурс]. – URL: <https://aif.org/aiming-for-accessibility-in-a-digital-space/> (дата обращения: 21.05.2023).
4. Тринадцатко А.А. Современное цифровое пространство как среда социокультурной реабилитации инвалидов по зрению // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 5. – С. 1–13.
5. TIFLOCOMP.RU: Рынок программ экранного доступа: особенности, проблемы, тенденции [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tiflocomp.ru/docs/market_screenreaders.php (дата обращения: 22.05.2023).
6. Тринадцатко А.А. Официальная и неофициальная занятость инвалидов по зрению (на примере г. Хабаровска) / А.А. Тринадцатко // Социодинамика. – 2021. – № 5. – С. 1–34.

TIFLO-INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE LIFE OF BLIND AND VISUALLY IMPAIRED PEOPLE

Trinadtsatko A.A.
Pacific National University

The development of adaptive information technologies has actualized the issue of establishing interaction with the modern digital environment for the blind and visually impaired. The acquisition by blind and visually impaired people of the skills to work with personal computers and mobile devices causes an increase in their level of independence. The article examines the state of digital rehabilitation of blind and visually impaired people. The conclusion is made about the high level of digital rehabilitation of the blind and visually impaired persons and the wide use of modern tiflo-information technologies by them in various directions.

Keywords: blind and visually impaired people, adaptive computer technology, digital space, digital rehabilitation, screen Reader, speech synthesis.

References

1. МК.RU: Why does a blind man need a laptop? [Electronic resource]. – URL: <https://www.mk.ru/>

social/2012/10/19/763516-zachem-slepomu-noutbuk.html (date of the application: 10.05.2023).

2. COMPUTER SOCIETY: Integrating the visually impaired into the virtual future [Electronic resource]. – URL: <https://www.computer.org/publications/tech-news/trends/integrating-the-visually-impaired-into-digital/> (date of the application: 21.05.2023).
3. AIF: Aiming for accessibility in a digital space [Electronic resource]. – URL: <https://aif.org/aiming-for-accessibility-in-a-digital-space/> (date of the application: 21.05.2023).
4. Trinadtsatko A.A. Modern digital space as an environment for socio-cultural rehabilitation of the visually impaired / A.A. Trinadtsatko // Humanities, socio-economic and public sciences. – 2022. – № 5. – P. 83–89. – DOI 10.23672/q2493–8356–8853-g.
5. TIFLOCOMP.RU: Screen Reader Market: Peculiarities, Problems, Trends [Electronic resource]. – URL: http://www.tiflocomp.ru/docs/market_screenreaders.php (date of the application: 22.05.2023).
6. Trinadtsatko A.A. Official and unofficial employment of blind and visually impaired people (on the example of Khabarovsk) / A.A. Trinadtsatko // Sociodynamics. – 2021. – № 5. – P. 1–34.

Развитие системы управления гостиничными организациями: аспекты социально-психологического климата коллектива

Шишкин Алексей Алексеевич,

аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления
E-mail: sishkin@mail.ru

Актуальность темы исследования обусловлена влиянием социально-психологического климата коллектива на эффективность работы гостиничных предприятий. Неблагоприятный социально-психологический климат сопровождается недисциплинированностью сотрудников, частым опозданиям, несоблюдению этикета, а впоследствии к увольнению или длительной «текучке кадров». Таким образом, эти процессы приводят к конфликтам сотрудников, недоверию друг к другу и многим другим отрицательным характеристикам. Следовательно, проблема исследования заключается в поиске специальных приемов, которые способны обеспечивать и поддерживать здоровую и благоприятную коллективную среду. Чтобы они были действенными в гостиничных предприятиях, сотрудникам важно чувствовать, что их вклад в производство приносит выгоду. Цель данной статьи: изучить приемы системы управления социально-психологическим климатом в гостиничной организации. В процессе исследования были использованы следующие методы: метод анализа информации, описательный метод; эссе исследователей, менеджеров и ученых, опрос. Результаты исследования: знание и использование приемов системы управления в гостиничной организации помогает управляющему сохранить ментальное здоровье сотрудников, избежать дальнейшего увольнения сотрудников и банкротства (разорения) своей индустрии, а, следовательно, создать благоприятный социально-психологический климат.

Ключевые слова: социально-психологический климат, система управления, гостиницы, межличностные отношения, коллектив, организация труда, банкротство, кадры.

В современных условиях организация труда в гостиничной организации играет важную роль. Многие управляющие делают особый упор, в первую очередь, на физическую безопасность (система управления охраной труда, комфортное рабочее место, видеорекамеры, температура помещения). При этом не уделяют должного необходимого внимания ментальному здоровью сотрудников, межличностным отношениям коллектива. Эти процессы обязательно должны быть под контролем руководителя. Недостаточное внимание к социально-психологическому климату, может приводить к нарушениям дисциплины: частым опозданиям, неточному исполнению указаний менеджера.

Об этом в своих трудах не раз писали исследователи и менеджеры: Епишкин И.А., Шобанов А.В. [3]; «...; Виханский О.С., Наумов А.И. [2]; Эксакусто Т.В. [9]. Подчеркивали, что «...благоприятный СПК характеризуют оптимизм, радость общения, доверие, чувство защищенности, безопасности и комфорта, взаимная поддержка, теплота и внимание в отношениях, межличностные симпатии...» [3, с. 63]; «...социально-психологический климат коллектива связан с определенной эмоциональной окраской психологических связей коллектива, возникающих на основе их близости, симпатий, совпадения характеров, интересов и склонностей...» [2, с. 59].

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-психологический климат представляет собой состояние «...климата сотрудников организации в целом, которое характеризуется относительно устойчивым психологическим настроением, это качественная сторона межличностных отношений...» [2, с. 63]. Психологи Алдашева А.А., Медведев В.И., Сарбанов У.К. [1] в своей работе также изучали этот вопрос. Они утверждают, что здоровая атмосфера коллектива влияет на психическое и эмоциональное состояние каждого сотрудника. Следовательно, показатели индивидуального уровня сотрудников «...агрегируются для получения оценок на уровне группы...» [1, с. 78].

В связи с вышесказанным, необходимо изучить приемы системы управления социально-психологическим климатом в гостиничной организации. Но, прежде, рассмотрим термин «социально-психологический климат» в науке и менеджменте. Эксакусто Т.В. [9] трактует «...климат коллектива представляет собой преобладающий и относительно устойчивый психический настрой коллектива, который находит многообразные формы проявления во всей его жизнедеятельности...» [9, с. 38]. Оказывать влияние на социально-психологический климат коллектива помогают приемы системы управления (менеджмента): поощрение, стимулирование, причастность к успеху. Как правило, за качественную и продолжительную работу можно применить «...следующие виды поощрения:

- денежное вознаграждение в виде премии;
- объявление благодарности;
- награждение ценными подарками;
- награждение почетной грамотой;
- объявление благодарности...» [5, с. 219].

Стимулирование включает в себя [4], с одной стороны, четкое и доведенное до конца, достижение постав-

ленных целей, а с другой стороны, возможность получить дополнительные «плюшки».

Стимулирование может быть материальным и нематериальным: «...к материальному относятся: денежное (премия); неденежное (транспортные расходы, путевки в санатории)...» [4, с. 92]. К нематериальному относятся: «...социальное (возможность профессионального роста) и моральное (награды); творческое (самореализация)...» [4, с. 93]. Чтобы указанные выше приемы системы управления организациями были действенными в гостиничных предприятиях, сотрудникам важно чувствовать, что их вклад в производство приносит выгоду. В связи с этим можно обратиться к «...причастности успеха является высшей степенью развития идеологии коллектива гостиничной организации...» [8, с. 79]. Следовательно, каждый чувствует именно себя нужным и востребованным в гостиничной организации.

Таким образом, при использовании указанных выше приемов руководитель гостиничной организации сможет создать благоприятную атмосферу в коллективе и здоровый социально-психологический климат. Их знание и использование в дальнейшем поможет управляющему сохранить ментальное здоровье сотрудников, избежать дальнейшего увольнения сотрудников и банкротства (разорения) своей индустрии. Однако есть такие приемы, которые разрушают социально-психологический климат коллектива [6]. При этом многие управляющие часто обращаются к ним.

Первый из них – манипуляции [9]. Они представляют собой скрытое влияние, похожее на внушение. Техники манипулирования имеют свои наименования. Например, «реши здесь и сейчас»: искусственно создается безвыходная ситуация, в которой у человека нет времени для того чтобы подумать. Часто применяются и техники эти приемов [9]: «подмена цели»; «иллюзия выбора»; «взаимный обмен»; «обещанного три года ждут» и многие другие. Также и обращаются к критике и наказанию. Такие приемы использовать можно только в самом крайнем случае, так как, редко встречаются сотрудники, умеющие не просто воспринимать критику, но и создавать из нее основание для своей собственной мотивации.

Страх наказания – «...стремление избежать ответственности за совершенные ошибки, перекладывание вины (ответственности)...» [6, с. 186]. Следовательно, это приводит к «текучке кадров» и возможному банкротству гостиничной организации. Чтобы исключить эти последствия, менеджерами и психологами были разработаны различные способы сплочения коллектива гостиничного сервиса [13]. Именно их применение в дальнейшем поможет преодолевать любые сложности и избежать конфликтов. В первую очередь, в группе должен быть применен способ формирования единого рабочего процесса. Его шестеренки [16] приведут к взаимопониманию и уважению между работниками. Для этого нужно пройти три важных этапа:

1) «притирка» – работники находят общие точки соприкосновения (желательно необходимо, чтобы набранные управляющим сотрудники гостиничной организации были примерно одного возраста и социального положения);

2) «конфликтование» – сотрудники в коллективе поняли сильные и слабые стороны каждого, возможно, что «...кто-то пытается стать лидером и прогнать под себя коллектив...» [6, с. 86];

3) «зрелость и взаимность, идиллия»: роли распределены и способности каждого подчиненного в гостинице четко распределены. Следовательно, все спокойно работают над выполнением задач.

Если указанные выше этапы пройти, то коллектив можно привести к единому рабочему процессу, а значит, избежать дальнейшего упадка социально-психологического климата. Далее, можно обращаться и к другим способам. Руководитель должен понимать, что нужно позволять «... своим сотрудникам быть самими собой, что положительно скажется и на деловом общении...» [9, с. 46]. На наш взгляд, в современных условиях, актуальны коллективные мероприятия, тимбилдинг, видеовстречи. Рассмотрим более подробно. Коллективные мероприятия: как известно, неформальное общение больше сближает людей. В виду этого, можно устроить: день рождения какого-либо сотрудника, корпоративные праздники (Новый Год, Рождество, День Ангела, Тайный Санта). Поделимся личным опытом. В 201 году нам довелось работать в организации, где проводили День Ангела перед Новым Годом. Нас собрали на еженедельной планерке, на которой необходимо было выбрать из «мешочка Деда Мороза» свиток с названием отдела, так, чтобы никто не увидел, сотрудников которого нужно было не просто порадовать подарком (как это предполагается при проведении «Тайного Санты»), а удивить. К примеру, нужно было придумать квест или мастер-класс [13]. На подготовку была неделя. Многие разработали чековые книжки желаний, изготовили подарочные сертификаты. Помнится, что отдел, которому мы «достались» изготовил нам сертификаты на уборку нашего стола. В ответ – мы провели мастер-класс по изготовлению сладких букетиков.

В учреждении было более 100 работников различного штата, многие не были даже знакомы или общались не близко. Но, День Ангела помог, работники познакомились (кто-то чуть ближе, кто-то даже в первые), да и время было не простое для организации... После проведения, поднялось настроение, люди улыбались. На наш взгляд, это был правильно подобранный способ для сплочения коллектива в столь не простое время для руководителя. Безусловно, особой популярностью сейчас пользуется такой способ как «совместный туристический поход», который относится к коллективному мероприятию. Главное учесть температуру воздуха [12], продумать детали комфортного нахождения и для того, чтобы сберечь здоровье каждого.

Тимбилдинг представляет собой «строительство команды». Это способ с самыми разнообразными видами применения: экстремальный (пейнтбол, страйкбол, аэротруба и многое другое); интеллектуальный (мозговой штурм, исторический квест, семинар или вебинар, многознаменательный квест), творческий (хобби, мастер-классы, рэп-батлы и многие другие).

Видеовстречи. Являются самым удобным форматом общения в 21 веке. Общаться можно по скайпу, включать видеосообщения в социальных сетях или просто вести переписку через «видеокружки». Но, руководителю важно учитывать, что «...сообщения в социальной сети – это неплохо, но люди должны знать друг друга в лицо и слышать голоса друг друга...» [8, с. 57]. Безусловно, такой формат удобен и современен. Так, директор гостиницы-кафе «У гончара» (Ярославская область, д. Козлово) применяет в работе общение с подчиненными в формате виртуальной коммуникации. С целью выявления социально-психологического климата коллектива и удобства использования видеоматериала в работе, мы провели опрос сотрудников по разработанной анкете (с согласования управляющего).

Вопросы анкеты

1. В какую из клеток Вы бы поместили отношения в своем коллективе? (Ответ обозначьте удобным для Вас знаком

в выбранной клетке). Градации: цифра 1 соответствует нездоровой атмосфере в отношениях коллектива; 9 – атмосфере взаимопомощи, взаимопонимания (здоровая атмосфера).

1	2	3	4	5	6	7	8	9

2. Отметьте, пожалуйста, с каким из приведенных ниже утверждений Вы больше всего согласны (ответ отметьте удобным знаком).

Большинство членов нашего коллектива – хорошие, симпатичные люди	
Большинство членов нашего коллектива – люди малопрятные	

3. Считаете ли Вы, что было бы хорошо, если бы члены Вашего коллектива жили близко друг от друга?

Да
Нет

4. Как Вы думаете, если бы Вы вышли на пенсию или долго не работали по какой-либо причине, стремились ли бы Вы встречаться с членами Вашего коллектива?

Да
Нет

5. Укажите, пожалуйста, в какой степени Вы удовлетворены различными условиями Вашей работы (поставьте удобный для Вас знак).

Условие	Удовлетворен	Не удовлетворен
Равномерность обеспечения работой		
Равномерность размера заработной платы		
Отношения с непосредственным руководителем		
Отношения с коллегами		

6. Удобно ли Вам взаимодействовать в дистанционном формате с другими сотрудниками и руководителем?

Да
Нет

7. Считаете ли Вы безопасным обмен информацией через видеформат?

Да
Нет

8. Подбирает ли руководитель удобное время для общения в видеформате?

Да
Нет

Мы провели анкетирование сотрудников в период с 13.02.2023 года по 17.02.2023 года. Участие приняли 24 сотрудника, 3 воздержались. В ходе обработки данных, получены следующие результаты (Таблица 1).

На основе данных таблицы 1, можно судить о преобладании атмосферы взаимопомощи, взаимопонимания (здоровая атмосфера). Большинство сотрудников положительного мнения друг о друге. В виду этого, предполагаем о благоприятном социально-психологическом климате коллектива. При этом важно обратить внимание на то, что в других градациях также присутствуют единичные ответы, управляющему необходимо их проработать. К примеру, он может обратиться к приемам: стиму-

лирование; причастность успеха. Избегать применения манипуляций, критики и наказания. Также отметим, что существуют различные способы сплочения, в дальнейшем поможет преодолевать любые сложности и избегать конфликтов. К примеру, тимбилдинг станет новым форматом во взаимоотношениях коллектива кафе-гостиницы «У Гончара».

Таблица 1. Результаты проведения анкетирования

Номер вопроса	Условие (при наличии в вопросе анкеты)	Градация	Количество сотрудников	
1		1	0	
		2	0	
		3	0	
		4	1	
		5	2	
		6	2	
		7	5	
		8	5	
		9	9	
2		Большинство членов нашего коллектива – хорошие, симпатичные люди	21	
		Большинство членов нашего коллектива – люди малопрятные	3	
3		Да	3	
		Нет	21	
4		Да	14	
		Нет	10	
5	Равномерность обеспечения работой	Удовлетворен	13	
		Не удовлетворен	11	
		Равномерность размера заработной платы	Удовлетворен	15
			Не удовлетворен	9
		Отношения с непосредственным руководителем	Удовлетворен	17
			Не удовлетворен	7
Отношения с коллегами	Удовлетворен	18		
	Не удовлетворен	6		
6		Да	18	
		Нет	6	
7		Да	16	
		Нет	8	
8		Да	17	
		Нет	7	

Также, из результатов проведения анкетирования следует, что подчиненным удобно взаимодействовать в дистанционном формате. Но, акцентируем внимание на вопросе № 8. Ответов «нет» 7 из 24, считаем, что руководителю необходимо обратить внимание на корректный подбор временных рамок.

Таким образом, ответы анкеты показали достоинства и недостатки социально-психологического климата коллектива, взаимодействия сотрудников с руководителем в видеформате. На основе проведения анкетирования и всего вышесказанного, можно сделать следующий ряд выводов:

1. знание и использование приемов системы управления в гостиничной организации помогает управляю-

щему сохранить ментальное здоровье сотрудников, избежать дальнейшего увольнения сотрудников и банкротства (разорения) своей индустрии, а, следовательно, создать благоприятный социально-психологический климат. Оказывать влияние на социально-психологический климат коллектива помогают приемы системы управления (менеджмента): убеждение, поощрение, стимулирование, причастность к успеху;

2. в системе управления гостиничной организацией присутствуют приемы, которые разрушают социально-психологический климат коллектива. При этом многие управляющие часто обращаются к ним: манипуляции, критика и наказание. Обращение к ним, может вызвать у сотрудников отсутствие взаимного уважения и доверия, заставить людей занимать оборонительную позицию, защищаться друг от друга. Может сократиться частота контактов, возникнуть коммуникативные конфликты (в межличностном общении), появиться желание покинуть предприятие;

3. существуют различные способы сплочения коллектива гостиничного сервиса, применение которых, в дальнейшем поможет преодолевать любые сложности и избежать конфликтов. К примеру: формирование единого рабочего процесса; коллективные мероприятия, тимбилдинг, видеовстречи. Отметим, что проведение анкетирования показало нам, что при проведении видеопроформата управляющему необходимо учитывать временные рамки.

Следовательно, мы изучили приемы системы управления социально-психологическим климатом в гостиничной организации.

Литература

1. Алдашева А.А., Медведев В.И., Сарбанов У.К. Психологические механизмы. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 327с.
2. Виханский О. С, Наумов А.И. Менеджмент: учебник / О.С. Виханский, А.И. Наумов. – 5-е изд. стереотипн. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 576 с.
3. Готлив, А.С. Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: учебное пособие / А.С. Готлив. 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2019. –674 с.
4. Граждан, В.Д. Социология управления: Учебник для бакалавров / В.Д. Граждан. – М.: Юрайт, 2018. – 604 с.
5. Добренков В.И. Социология: Краткий курс/ Добренков В.И., Кравченко А.И.. М.: Инфра-М., 2018. – 231 с.
6. Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологических исследований. М.: Изд-во МГУ, 2017. –860 с.
7. Епишкин И.А., Шобанов А.В. Основы управления персоналом: Учебное пособие для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки «Управление персоналом». – М.: МГУПС (МИИТ), 2015. – 119 с.
8. Забродин Ю.М. Психология личности и управления человеческими ресурсами: Ученое пособие. – М.: Финстатинформ: КноРусь, 2002. –359 с.
9. Ильин Е.Б. Психология общения и межличностных отношений – СПб: питер, 2009–576 с.
10. Ковалев А.Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства.-М.: Проспект, 2001. – 438 с.
11. Козырев, Г.И. Основы социологии и политологии: Учебник / Г.И. Козырев. – М.: ИД ФОРУМ, ИНФРА-М, 2016. – 272 с.

12. Морозов. А.В. Управленческая психология: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект, 2003. – 305 с.
13. Силласте, Г.Г. Экономическая социология: Учебное пособие / Г.Г. Силласте. – М.: Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 480 с.
14. Троцук, И.В. Качественное социологическое исследование. Предпосылки и логика проведения / И.В. Троцук. – М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2019. – 116 с.
15. Управление персоналом: учебник для студ. учреждений сред. образования / Т.Ю. Базаров. – 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2015. – 320 с.
16. Эсакусто Т.В. Основы психологии делового общения: учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2015. – 405 с.

DEVELOPMENT OF THE MANAGEMENT SYSTEM OF HOTEL ORGANIZATIONS: ASPECTS OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF THE TEAM

Shishkin A.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The relevance of the research topic is due to the influence of the socio-psychological climate of the team on the efficiency of hotel enterprises. An unfavorable socio-psychological climate is accompanied by indiscipline of employees, frequent delays, non-compliance with etiquette, and subsequently to dismissal or prolonged “staff turnover”. Thus, these processes lead to employee conflicts, distrust of each other and many other negative characteristics. Therefore, the problem of research is to find special techniques that can provide and maintain a healthy and favorable collective environment. In order for them to be effective in hotel enterprises, it is important for employees to feel that their contribution to production brings benefits. The purpose of this article is to study the techniques of the socio-psychological climate management system in a hotel organization. The following methods were used in the research process: information analysis method, descriptive method; essays by researchers, managers and scientists, survey. Research results: knowledge and use of management system techniques in a hotel organization helps the manager to preserve the mental health of employees, avoid further dismissal of employees and bankruptcy (ruin) of his industry, and, consequently, create a favorable socio-psychological climate.

Keywords: socio-psychological climate, management system, hotels, interpersonal relations, collective, labor organization, bankruptcy, personnel.

References

1. Aldasheva A.A., Medvedev V.I., Sarbanov U.K. Psychological mechanisms. – М.: PER SE, 2002. – 327s.
2. Vihansky O. S., Naumov A.I. Management: textbook / O.S. Vihansky, A.I. Naumov. – 5th ed. stereotype. – М.: Master: INFRA-M, 2014. – 576 p.
3. Gotliv, A.S. Introduction to sociological research. Qualitative and quantitative approaches. Methodology. Research practices: a textbook / A.S. Gottlieb. 3rd ed., ster. – М.: Flint, 2019. –674 p.
4. Citizens, V.D. Sociology of management: Textbook for bachelors / V.D. Citizens. – М.: Yurayt, 2018. – 604 p.
5. Dobrenkov V.I. Sociology: A short course/ Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. M.: Infra-M., 2018. – 231 p.
6. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Methods of sociological research. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2017. –860 p.
7. Epishkin I.A., Shobanov A.V. Fundamentals of personnel management: A textbook for undergraduate students studying in the field of training “Personnel management”. – М.: MGUPS (MIIT), 2015. – 119 p.
8. Zabrodin Yu.M. Psychology of personality and human resource management: A scientific manual. – М.: Finstatinform: Knorus, 2002. –359 p.

9. Ilyin E.B. Psychology of communication and interpersonal relations – St. Petersburg: Peter, 2009–576 p.
10. Kovalev A.G. Collective and socio-psychological problems of leadership.-M.: Prospect, 2001. – 438 p.
11. Kozyrev, G.I. Fundamentals of sociology and political science: Textbook / G.I. Kozyrev. – M.: ID FORUM, INFRA-M, 2016. – 272 p.
12. Morozov. A.V. Managerial psychology: Textbook for universities. – M.: Academic Project, 2003. – 305 p.
13. Sillaste, G.G. Economic sociology: Textbook / G.G. Sillaste. – M.: Alfa-M, SIC INFRA-M, 2018. – 480 p.
14. Trotsuk, I.V. Qualitative sociological research. Prerequisites and logic of conducting / I.V. Trotsuk. – M.: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2019. – 116 p.
15. Personnel management: textbook for students. institutions sred. Prof. education / T.Y. Bazarov. – 13th ed., reprint. and additional – M.: Publishing center "Academy", 2015. – 320 p.
16. Eksakusto T.V. Fundamentals of psychology of business communication: textbook. – Taganrog: Publishing House of SFU, 2015. – 405 p.

Развитие личностного потенциала младших школьников с помощью проведения урока-выставки

Шишкина Екатерина Владимировна,

аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления
E-mail: Ekaterina.paneva@gmail.com

В современных условиях важную роль играет развитие личностного потенциала младших школьников, которое способно проявиться в различных направлениях. Обучение и воспитание в начальных классах, должны быть организованы так, чтобы они способствовали развитию не только интеллектуальных, но, и креативных качеств учеников. Также, в начальной школе они должны сформировать навык самоорганизации и умение принимать нестандартные решения, способствовали процессу их дальнейшей социализации. Для реализации вышесказанного, педагогу необходимо создать оптимальные условия в рамках образовательной системы. К примеру, организовать урок-выставку, который развивает одновременно группы способностей: интеллектуальные, познавательные, творческие и коммуникативные и многие другие. Отметим, что с его помощью, педагогу удастся сформировать базу для готовности обучающихся к отказу от стереотипов, способности к генерированию новых идей и их осуществлению. Также, к успешной работе на следующих уроках, значит, сможет способствовать развитию личностного потенциала. Также отметим, что выставка будет способствовать развитию творческих умений и навыков, умению работать слаженно, умению работать в группе.

Ключевые слова: личностное развитие, урок-выставка, начальная школа, формирование личностных качеств, социализация, младший возраст, личность, общество.

В современных условиях сущность системы образования выражается в формировании личностного потенциала учеников: восприятие нового опыта в жизни, осознанный и ответственный выбор в жизненных, социальных условиях.

Так, в рамках Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования [18], актуальным стало не только обучение, но и индивидуальное развитие ребёнка. Формирование его внутренней позиции: «...ориентацию на результаты образования как системообразующий компонент Стандарта, где развитие личности обучающегося на основе усвоения универсальных учебных действий, познания и освоения мира составляет цель и основной результат образования...» [18]. ...

Достижение выше указанного провозглашается педагогикой главной целью обучения и воспитания (в отличие от формализованной передачи воспитаннику знаний и норм социальной жизни).

В связи с этим, «...в основе Стандарта лежит системно-деятельностный подход, который предполагает: воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики...» [18] и, также отметим, что устанавливает «...требования к результатам обучающихся, освоивших основную образовательную программу начального общего образования: личностным, включающим ценностно-смысловые установки обучающихся, отражающие их социальные компетенции, личностные качества...» [18].

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России сказано: «формирование образа человека имеет приоритетное значение для общества в конкретно-исторических социокультурных условиях...» [13].

Лисина И.М. (известный психолог) писала: «...реализовать себя как субъекта, приобщаясь к социальным сторонам жизни не просто на уровне понимания, но, как и преобразователи...» [15, с. 163]. Об этом, также, сказано в работах Алексеева Н.А. [1]; Амонашвили Ш.А. [2]; Берне Р. [3]; Волкова Ю.Г. [7]; Гусинский Э.Н. [8]; Дилигенского Г.Г. [9]; Караковского В.А. [11]; Шиловой М.И. На наш взгляд, указанных авторов связывает вопрос изучения развития личностного потенциала учеников.

На основе их трудов следует, что обучение и воспитание в школе должны быть организованы так, чтобы они способствовали развитию не только интеллектуальных, но, и креативных качеств школьников, формировали навык самоорганизации и умение принимать нестандартные решения, способствовали процессу дальнейшей социализации. Так как, существенную роль играет развитие личности в социальных группах и сферах, в рамках этой статьи: на уроках в начальной школе.

Методисты и педагоги Леднев В.С. [14]; Унт И.Э.; Шадриков В.Д. изучали задачи личностно-ориентированного подхода в образовании. В работах этих говорится о его главной задаче: «...насыщение личностными смыслами педагогический процесс как среду развития личности...».

Следовательно, при организации процесса обучения и воспитания: «...оптимистический подход к ребенку и его будущему как стремление педагога видеть перспективы развития личностного потенциала ребенка и умение максимально стимулировать его развитие; опора на личностный смысл и интересы (познавательные и социальные) каждого ребенка в учении, содействие их обретению и развитию...» [14, с. 60].

Педагог занимает роль менеджера [19], он управляет коллективом своих учеников. Он «...должен наблюдать и контролировать процесс, поддерживать, поощрять, вдохновлять, своевременно и корректно вмешиваться в происходящее, создавать познавательные проблемные ситуации...» [10, с. 217].

Отметим, что, работая в таком направлении, учитель развивает у младших школьников одновременно интеллектуальные, познавательные, творческие и коммуникативные способности. При соблюдении этих условий, удастся создать условия для готовности обучающихся к отказу от стереотипов, способности к генерированию новых идей, и их осуществлению, к успешной работе на следующих уроках, значит, сможет способствовать развитию личностного потенциала.

Для реализации этого, он может создать оптимальные условия в рамках образовательной системы. К примеру, организовать урок-выставку для младших школьников.

Методисты и педагогические работники указывают, что «...выставка – это точка отсчета, от которой ребенок делает шаг для достижения новых целей. Для обучающихся – это возможность увидеть своего друга с иной точки зрения, а для кого-то стимул попробовать себя в этом деле...» [12, с. 17]. В виду этого, существуют различные виды выставок, каждая из которых выполняет определенную задачу.

Так, познавательная, «... может и способна расширять представления учащихся о разных материалах, о рукотворном мире, знакомить с образцами изделий, профессиями...» [4, с. 186].

Музейно-историческая: «...приобщать к музейной культуре, воспитывать любовь к Родине...» [5, с. 73]. Эколого-краеведческая – «...знакомить с природой города, способствовать формированию экологической культуры, воспитывать нравственные и эстетические чувства...» [4, с. 189]. Можно применять выставки на тему: «Эко-елки», «Полезные растения и деревья», «Экобумага» и множество других возможных тем.

Важную роль в формировании развития личностного потенциала младших школьников занимает организация урока-художественная выставка. Ее задача: «...познакомить с произведениями русских художников, с творчеством художников, декоративно-прикладными ремёслами...» [7, с. 62]. Однако для организации урока-выставки с каким-либо описанным нами видом педагогу важно следовать алгоритму. Он состоит из двух основных этапов: подготовка и проведение выставки.

На этапе подготовки необходимо определить вид урока-выставки и поставить цели урока.

К примеру, обучающая (указывается вид в зависимости от выбранной выставки); развивающая: развивать воображение, мышление, творческое воображение каждого ребенка; воспитывающая: воспитывать у учащихся качества аккуратности и собранности, культуру труда, умение работать в команде или детском коллективе.

Далее, определить тему выставки таким образом, чтобы она соответствовала учебному и воспитательно-му плану образовательного учреждения, личностному, психическому и физическому развитию младших школьников, место и время проведения; составить тематиче-

ский и тематико-экспозиционный фон; запланировать и построить урок на основе методических материалов для младших школьников.

Например, педагог может обратиться «...к методике Н.П. Капустиной «Уровень воспитанности учащихся» (начальные классы)...» [16, с. 93], Следовательно, такие приемы будут способствовать эффективному развитию личности ученика начальной школы.

В некоторое время, нам довелось проходить практику на уроках в начальной школе. Учитель организовывал урок с применением выставки. Это было изобразительное искусство, помнится, что у каждого ребенка была гуашь, краски, кисти...Они рисовали на тему «День матери». Каждый раскрыл эту тему по-особенному. На наш взгляд, это была как раз та тема, которая раскрывала и важность мамы в жизни каждого, и социализацию, и коммуникативную связь. В конце урока педагог передал классному руководителю к празднику работы учеников. Это был интересный момент выставки, коллаборационный со значимым днем. Значит, в процессе проведения можно оформить экспонаты выставки, при этом, возможно использование дополнительных материалов, к примеру, в современных условиях, это может быть какой-либо вид сопровождения. Мы предлагаем использование интеллект-карт.

Поскольку, дети учатся выбирать, структурировать и запоминать ключевую информацию через рисунки. Стоит отметить, что такая карта «отражает многомерное радиантное мышление, при котором в центре находится некий объект, дающий импульс к рождению множества ассоциаций, которые становятся центральным образом уже для другого ассоциативного процесса» [7, с. 64]. Яркие рисунки, графические изображения и слово, разноцветные ветви, взрывающиеся ассоциативным рядом – гораздо легче запомнить и воспроизвести впоследствии учеников. Достигается это, за счет правильно организации и за счет работы обоих полушарий мозга.

Следовательно, этот инструмент является универсальным: позволяет организовать и проводить различные мероприятия, конспектировать лекции, запоминать большие объемы информации, ход работы над проектом, строить план урока и многое другое.

Значит, ментальные карты могут использоваться при подготовке или проведении урока-выставки в начальных классах.

Если ученики ранее не строили интеллект-карты, то учителю необходимо рассказать правила и требования.

На наш взгляд, можно также, включить в тематико-организационный план подготовки интеллект-карту.

Следующий этап: проведение рефлексии и закрытие выставки. Так, можно проводить «...награждение обучающихся грамотами, призами, благодарностями, памятными подарками, занесением в летопись школы имен участников и победителей...» [17, с. 108].

Важно сказать, что в этом случае, педагог может также применять современные методы подготовки и обратиться, к примеру, к онлайн или интернет-ресурсам (можно подготовить на бесплатных сайтах именную грамоту с фотографией самого ученика или его работы). А, в дальнейшем, наградить его на уроках или классном часе, в рамках внеурочной деятельности.

В связи с вышесказанным, отметим интересный опыт проведения урока-выставки в дистанционной форме. Так, в 2020 году в период карантина нам довелось наблюдать этот процесс в одной из школ.

Учитель выдал (как тогда это было принято) задания для детей в родительский чат через «Viber». Одним из них, было нарисовать композицию на тему: «Моя семья», далее сделать фотографию и выложить

ее в этот же чат, сопроводив подписью снизу (Фамилия Имя, класс).

На это давалось три дня. Скоро, в переписке фотографий таких рисунков стало около 20, а потом прислали и все 28 родителей. Далее, учитель разместил их на школьном сайте, прислал ссылку на выставку. Идея была интересная, ребята с мамами и папами могли наблюдать эти работы в открытом доступе.

В период распространения коронавирусной инфекции – это было, на первый взгляд, вынужденной мерой. Но, данный опыт можно вполне применять сейчас.

К примеру, в разделе «галерея» педагоги могли бы выставлять произведения, созданные детьми на определенную тематику, что также бы украшало интернет-ресурс школы, одновременно с обучением и воспитанием учеников начальных классов.

Также, в одной из сельских школ в период 2021–2022 учебного года мы наблюдали похожий коллапс, но в другом направлении. Был организован дистанционный конкурс рисунков с названием: «Князь Переславский – Александр».

В группу социальной сети «ВКонтакте» необходимо было прислать сканированные изображения, в период с 10 февраля по 20 мая 2021 года. Работ было прислано около 800 штук, каждого победителя и участника наградили грамотой и дипломом. Проводили прямой эфир.

По нашему мнению, это не только конкурсная работа, но, и онлайн-выставка рисунков, которая была организована в соответствии со всеми правилами и требованиями. Стоит отметить, что каждый ребенок начальной и средней, старшей школы мог поучаствовать. Значит, такой опыт можно использовать также учителям в своей работе в соответствии с методическими рекомендациями и в нужной форме.

Таким образом, следование указанным выше этапам позволит максимально содержательно и организованно подготовить, и провести урок-выставку. Следовательно, в этом случае, учитель становится менеджером, который полностью руководит процессом и сам выбирает, какие ресурсы он может использовать.

Мы можем сделать вывод нашей статьи: организация урока-выставки приносит свой вклад в развитие личности каждого ученика младшего школьного возраста, так как, ориентированность творческой активности предоставляет им возможность осознать свой индивидуальный креативный потенциал и причастность к культурному наследию своей страны и общества. Что отражает формирование личностного потенциала обучающихся: восприятие нового опыта в жизни, осознанный и ответственный выбор в жизненных, социальных условиях.

Литература

1. Алексеев Н.А. Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики. Тюмень: Тюмен. Унив-та, 2007. – 216с.
2. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. М., 2006. – 494с.
3. Берне Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 2010. – 421с.
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М. – Воронеж: Инст-т практ. психол., 1996. – 256с.
5. Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. 1997. -№ 4. -С.11–17.
6. Васильев Н.И. Внеклассная работа как средство гражданского воспитания / Под ред. Д.А. Данилова. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. – 100с.

7. Волков Ю.Г. Целостная личность: сущность, пути формирования. -Ростов-на-Дону, 1985. – 89с.
8. Гусинский Э.Н. Образование личности. М.: Интерпракс,1994. – 135с.
9. Дилигенский Г.Г. В защиту человеческой индивидуальности // Вопросы философии. 2000. – № 3. – С. 31–45.
10. Друкер П. Практика менеджмента. М: Фербер,2015. – 370с.
11. Караковский В.А. Стать человеком: Общечеловеческие ценности-основа целостного учебного процесса. М.: Новая школа, 1993. – 76с.
12. Кларин М.В. Личностная ориентация в непрерывном образовании // Педагогика. 1996. – № 2. – С. 14–20.
13. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.
14. Леднев В.С. Стандарты общего образования: от идеи к реализации // Известия Российской Академии образования. М.: Магистр, 1999. – С. 59–67.
15. Лисина М.И. Возникновение и развитие непосредственно-эмоционального общения с взрослыми у детей первого полугодия жизни // Развитие общения у дошкольников / Под ред. А.В. Запорожца и М.И. Лисиной. – М.: Педагогика, 1974. – 450с.
16. Личность: внутренний мир и самореализация. Идеи, концепции, взгляды. СПб.: Тускарора, 1996. – 175с.
17. Лосский Н.О. Чувственная интеллектуальная и мыслительная интуиция. М.: Республика, 1995. – 400с.
18. Министерство образования и науки российской федерации приказ от 6 октября 2009 г. № 373: «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования».
19. Свиридов А.Н. Управление качеством обучения на основе построения индивидуализированной развивающей среды // Международный конгресс «Образование и наука на пороге третьего тысячелетия». Тезисы. Новосибирск-Барнаул, 1995. – С. 136–139.
20. Сериков В.В. Личностно ориентированное образование // Педагогика. 1994. – № 5. – С. 16–21.

DEVELOPMENT OF THE PERSONAL POTENTIAL OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN THROUGH THE HOLDING OF AN EXHIBITION LESSON

Shishkina E.V.

Novosibirsk State University of Economics and Management

In modern conditions, an important role is played by the development of the personal potential of younger schoolchildren, which can manifest itself in various directions. Education and upbringing in primary schools should be organized in such a way that they contribute to the development of not only intellectual, but also creative qualities of students. Also, in primary school, they should form the skill of self-organization and the ability to make non-standard decisions, which contributed to the process of their further socialization. To implement the above, the teacher needs to create optimal conditions within the educational system. For example, to organize an exhibition lesson that develops groups of abilities at the same time: intellectual, cognitive, creative and communicative, and many others. It should be noted that with its help, the teacher will be able to form a basis for the readiness of students to abandon stereotypes, the ability to generate new ideas and their implementation. Also, for successful work in the following lessons, it means that he will be able to contribute to the development of personal potential.

Keywords: personal development, lesson-exhibition, primary school, formation of personal qualities, socialization, younger age, personality, society.

References

1. Alekseev N.A. Personality-oriented learning: questions of theory and practice. Tyumen: Tyumen. Univ., 2007. – 216s.
2. Amonashvili S.A. Reflections on humane pedagogy. M., 2006. – 494s.
3. Berne R. Development of Self-concept and education. M.: Progress, 2010. – 421s.
4. Bozhovich L.I. Problems of personality formation / Edited by D.I. Feldstein. M. – Voronezh: Institute of Practice. psychology, 1996. – 256s.
5. Bondarevskaya E.V. The humanistic paradigm of personality-oriented education // Pedagogy. 1997. – No. 4. -pp.11–17.
6. Vasiliev N.I. Extracurricular work as a means of civic education / Edited by D.A. Danilov. Yakutsk: Publishing house of the YANC SB RAS, 2009. – 100s.
7. Volkov Yu.G. Integral personality: essence, ways of formation. -Rostov-on-Don, 1985. – 89s.
8. Gusinsky E.N. Education of personality. M.: Interprax, 1994. – 135s.
9. Diligensky G.G. In defense of human individuality // Questions of Philosophy. 2000. – No. 3. – pp.31–45.
10. Drucker P. Management practice. Moscow: Ferber, 2015. – 370s.
11. Karakovsky V.A. Becoming a man: Universal values-the basis of a holistic educational process. Moscow: New School, 1993. – 76s.
12. Klarin M.V. Personal orientation in continuing education // Pedagogy. 1996. – No. 2. – pp.14–20.
13. The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia.
14. Lednev B.C. Standards of general education: from idea to implementation // Izvestia of the Russian Academy of Education. M.: Magister, 1999. – pp.59–67.
15. Lisina M.I. The emergence and development of direct emotional communication with adults in children of the first half of life // Development of communication in preschoolers / Edited by A.V. Zaporozhets and M.I. Lisina. – M.: Pedagogy, 1974. – 450s.
16. Personality: inner peace and self-realization. Ideas, concepts, views. St. Petersburg: Tuscarora, 1996. – 175s.
17. Lossky N.O. Sensual intellectual and thinking intuition. Moscow: Republic, 1995. – 400s.
18. Ministry of Education and Science of the Russian Federation Order No. 373 of October 6, 2009: "On approval and introduction of the Federal State educational standard primary general education".
19. Sviridov A.N. Quality management of education based on the construction of an individualized developing environment // International Congress "Education and science on the threshold of the third millennium". Theses. Novosibirsk-Barnaul, 1995. – pp. 136–139.
20. Serikov V.V. Personality-oriented education // Pedagogy. 1994. – No. 5. – pp. 16–21.

Эффективный контракт как инструмент оценки профессиональной социализации сотрудника в организации

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: Olga200663@gmail.com

Цель исследования: изучить эффективный контракт как средство оценки качества деятельности и уровня профессиональной социализации сотрудника в организации. Задачи исследования: изучить сущность эффективного контракта как нормативного документа, регламентирующего критерии оценки результатов труда специалиста; рассмотреть функции внедрения эффективного контракта в бюджетных организациях; исследовать особенности разработки документа; проанализировать пример балльно-рейтингового оценивания результатов труда; определить основные проблемы в процессе управления на основе эффективного контракта и предложить пути оптимизации. В статье четко сформулированы сущностные характеристики эффективного контракта как вида трудового договора, применяемого в государственных бюджетных учреждениях. Описаны функции данного документа и соответствующей ему управленческой деятельности. Выявлены и охарактеризованы требования к целевым показателям результатов профессиональной деятельности, используемые при оценке кадрового потенциала сотрудников. Приведен анализ балльно-рейтингового оценивания в структуре эффективного контракта. Выделены трудности и проблемы при осуществлении трудового сотрудничества с применением эффективного контракта в бюджетной организации; описаны направления совершенствования управленческой деятельности.

Ключевые слова: Эффективный контракт, управление человеческими ресурсами, оценка, результат, профессионализация, персонал.

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска эффективных решений проблем управления человеческими ресурсами в современной государственной организации. Мотивация профессионализации в структуре производственной деятельности, эффективное выполнение должностных обязанностей, а также достижение позитивной динамики показателей производительности труда и качества его результатов во многом зависит от системы управления персоналом, сбалансированной кадровой политики предприятия.

Значимыми факторами кадровой политики бюджетных учреждений, в которых предусмотрена оплата по тарифной сетке, является заключение эффективного контракта с сотрудниками. Этот инструмент управленческой деятельности позволяет организовать деятельность на основе взаимовыгодного сотрудничества, в том числе за счет «стимулирующих выплат за эффективность труда» [4, с. 133].

Необходимость введения в деятельность бюджетной организации трудового эффективного контракта была сформулирована в рамках Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг.» [5]. В частности, с целью обеспечения «совершенствования оплаты труда и разработки системы показателей оценки эффективности труда» [4, с. 134].

Цель исследования: изучить инструмент кадровой политики – эффективный контракт (ЭК) как средство оценки профессиональной социализации (показателей результативности труда и уровня профессионализации) сотрудника в организации.

Объект исследования – эффективный контракт: принципы разработки и условия целесообразного применения в организации как инструмента кадрового планирования и управления мотивацией сотрудников, создания прочного кадрового потенциала.

Предмет исследования: процесс управления «оценкой эффективности труда персонала за счет внедряемой системы эффективного контракта» [1, с. 40].

В современном научном истолковании под ЭК понимают «трудовой договор с работником, описывающий должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности в целях формирования фонда стимулирующих выплат в зависимости от результата труда и качества предоставления образовательных услуг» [1,5].

Анализ публикаций по проблеме исследования позволил сформулировать основные характеристики эффективного контракта как варианта трудового договора с сотрудником:

1. ЭК является документом, регулирующим трудовые отношения в триаде «сотрудник – руководство – организация в целом».
2. Конкретизирует систему оценки результативности труда персонала на основе четких критериев, положений должностных инструкций и профессионального стандарта, а также экспертных заключений, конкретизирующих уровни выполнения специфических задач конкретной профессиональной роли, специальности, занимаемой должности.

3. Содержит определенные, объективные «стандарты результативности» работы конкретной должности, описывает технологию проведения процедур оценивания, начисления балльно-рейтинговых показателей и выплат.

Основные функции внедрения ЭК на предприятии бюджетной сферы:

1. Управление трудовыми отношениями на взаимовыгодных условиях.

2. Обеспечение конкурентоспособной зарплаты и социальных выплат.

3. Повышение качества результативности труда на основе системы стимулирования показателей его эффективности.

4. Повышение материального и нематериального благополучия сотрудников.

Следовательно, внедрение эффективного контракта – это не только инструмент кадровой управленческой политики, но и механизм мониторинга количественно-качественных показателей результативности труда, важный фактор развития профессиональной социализации в среде возможностей конкретной организации. Являясь одной из заинтересованных сторон ЭК, сотрудник разделяет ответственность и готовность к более активному, целенаправленному выполнению профессионального долга, с пониманием личного вклада, усилий в увеличении размера заработной платы, а также получения социальных льгот, участия в программах поддержки профессионального роста и т.д.

Итак, эффективный контракт, в широком понимании, – это вид управленческой деятельности, который воздействует на характер трудовых отношений, формируемых с учетом «объективных меток» эффективности выполнения трудовых функций работника, измеряемых показателями эффективности. В современных исследованиях [1,2,6] указываются определенные требования к показателям эффективности труда, что является основой для разработки документов балльно-рейтингового оценивания в структуре ЭК.

Требования к целевым показателям эффективности труда формулируются следующим образом:

1. Показатели продуктивности труда ограничены временем (есть норма для определенного периода оценивания)

2. Показатели должны быть измеримыми и оцениваемыми (количество выполненных задач, уровень выполнения).

3. Предоставление фактических подтверждений эффективности труда. Балльное оценивание целевых показателей

4. Показатели являются следствием усилий работника по достижению указанных нормативных критериев результативности труда

Таким образом, каждый сотрудник, работающий по эффективному контракту, изначально ознакомлен с целевыми ориентирами результативности труда, а также с системой балльно-рейтингового оценивания результатов своей профессиональной деятельности. Благодаря этому, у персонала имеется четкое представление о направлениях приложения профессиональных усилий, нацеленных на повышение качества трудовых действий, мотивированного участия в дополнительной сверхурочной работе, конкурсах профессиональных достижений, курсах профессиональной переподготовки и т.д., имеющих, как следствие, существенное увеличение заработной платы и рост осознанного отношения к пониманию личного вклада в качество работы всего бюджетного учреждения.

На основании разработанных показателей участник трудовых отношений понимает количественные критерии результативности: нормативное количество выполняемых профессиональных функций по разным направлениям деятельности, предполагаемую оценку в баллах, их максимальное количество для данного аспекта работы. При этом организация самостоятельно выбирает приоритетные направления профессионализации сотрудника, результативность которых может поощряться в большей степени и, таким образом, стимулировать сотрудников к развитию, повышению компетентности в данном аспекте профессиональной деятельности. В рамках управления кадровой политикой организации, при участии руководства и экспертов разрабатывается документ в рамках реализации эффективного контракта – «рейтинг-лист поощрительных выплат из стимулирующей части фонда оплаты труда за результативность и эффективность работы». Рассмотрим содержание данного документа на примере образовательной организации ВПО (Таблица 1).

Таблица 1. Пример рейтинг-листа (Фрагмент)

Наименование критерия	Балл	примечание	Выполнения критерия/ показателя	Факт. выполнение, балл
По направлению «Научная, научно-методическая и организационная работа»				
1. Участие в издательской и редакторской деятельности: а) монография, учебник, учебное пособие с грифом УМО, Минобрнауки	2	за 1 печатный лист (в соавторстве за свой объем)		
Публикация научной статьи: а) в изданиях, индексируемых в международных базах	7	за 1 печатный лист		
Получение (регистрация): а) патента и т.д.	5	за 1 патент (свидетельство)		
Участие в научных конференциях а) международной, всероссийской.	3	за 1 мероприятие		
Организация и сопровождение научно-исследовательской работы студентов – подготовка научных статей студентов	3	за 1 статью		
Критерий 100%-го выполнения направления деятельности для доцента	13			
По направлению «Учебно-методическая работа				

Наименование критерия	Балл	примечание	Выполнения критерия/ показателя	Факт. выполнение, балл
Повышение квалификации с получением диплома о переподготовке/удостоверения	1			
Проведение мастер-классов, проведение открытых занятий, в т.ч. дистанционно.	2	за 1 мероприятие		
По направлению «Воспитательная работа»				
Организация и проведение воспитательных мероприятий по плану кафедры, факультета, вуза, направленных на формирование у студентов общекультурных, профессиональных, творческих компетенций.	1	за 1 мероприятие		

Мы привели фрагмент документа «Рейтинг-лист», который используется для оценки результативности труда профессорско-преподавательского состава (в частности, на примере должности «доцент») учреждений ВПО и заполняется один раз в квартал. На основании количества баллов и начисленных денежных средств (сумма устанавливается руководством) производится оценка результативности и эффективности работы и выплачивается стимулирующая надбавка к заработной плате. Анализ составляющих данного документа показывает, что в нем присутствуют обязательные компоненты:

1. Ключевые направления реализации профессиональной деятельности преподавателей: «Научная, научно-методическая и организационная работа», «Учебно-методическая работа», «Воспитательная работа», что соотносится с требованиями к должностным обязанностям, прописанным в трудовом договоре.

2. На основании анализа трудовых функций, спектра возможностей для получения высших баллов мы можем выделить рейтинг значимости видов деятельности доцента с доминирующим фокусом на научную и научно-методическую работу. Повышение качества работы в этом направлении оказывает наиболее существенный вклад в повышение профессиональной компетенции доцента, уровень его стимулирующих надбавок.

Для каждой должности соотношение выполняемых функций будет разным, определяя тем самым траекторию профессиональной социализации работника на основе тех критериев его профессионального развития, которые наиболее востребованы в рамках данной сферы деятельности.

3. Для каждого критерия обозначено его балльное значение, показывающее наиболее ценные результаты, к которым стремится организация в целом. Также четко определен показатель 100% выполнения данного целевого ориентира для занимаемой должности, позволяющей оценивать динамику результативности, выявлять точки роста, трудности и т.д.

4. Направления профессиональной деятельности, указанные в рейтинг-листе, отличаются многообразием, предоставляя широкие возможности для самореализации сотрудника, следовательно, для дальнейшего развития в профессии. При этом, у молодых педагогов складывается осознанное понимание спектра компетенций и направлений профессионализации (как научного сотрудника, методиста, преподавателя и воспитателя), которые необходимо осваивать и стремиться к их максимальной результативности.

На основе анализа научных разработок по проблеме исследования мы выявили основные проблемы и трудности при осуществлении трудового сотрудничества

с применением эффективного контракта в бюджетной организации.

Итак, к слабым сторонам применения ЭК в организации относят:

- Отсутствие четкости и прозрачности в понимании механизма начислений, размеров выплат [4, с. 133].
- Чрезмерно унифицированный характер рейтинг-листов, не учитывающий личные достижения, динамику профессионального роста. Недостаточный учет личного вклада сотрудника в результаты организации [6, с.822]. Например, когда получение документа о дополнительном образовании приравнивается к прохождению минимального курса повышения квалификации.

- Низкий характер стимулирующих выплат, демотивирующий занятие сложными, требующими наибольшей интенсивности трудовыми функциями. Поиск наиболее простых способов набора нужного количества баллов, вследствие чего профессионалы и «передовики» производства получают те же выплаты, что и остальные сотрудники.

- Недостаточная разработанность средств нематериальной стимуляции персонала, повышающих их лояльность организации, и удовлетворенность потребности в признании и уважении в коллективе. Отсутствуют моральные стимулы и соответствующая мотивация для повышения эффективности труда.

- Отсутствие критериев оценивания при перевыполнении закрепленных нормативных показателей эффективности труда, «непонимание принципов распределения стимулирующих выплат [4, с.35].

- Недостаточное использование принципа интегративной оценки эффективности профессиональной деятельности. О.Г. Колосова [2] указывает на необходимость оценивать три показателя: работа (что делает?); поведение (как делает?) и результат (что достигает?). Зачастую по показателю «поведение» отсутствуют объективные критерии, поэтому недостаточно оценивается ценность творческого подхода, условий работы и стиля деятельности (ее оперативный, экстраординарный характер и т.д.), инновационное поведение и т.д.

Таким образом, использование такого управленческого инструмента как «эффективный контракт», имеет как преимущества, так и недостатки, требующие углубленного исследования на уровне отдельных организаций с учетом специфики деятельности каждого сотрудника. Оптимизация направлений управленческого регулирования трудовых отношений посредством ЭК, на наш взгляд, должна касаться таких вопросов, как:

- содействие профессиональному росту сотрудников, обеспечение соответствия выполняемых трудовых функций уровню профессиональной социализации работника;

- стимуляция механизмов внутренней мотивации сотрудников, задействующих интерес к развитию в профессии, активное движение в выбранной профессиональной траектории.
- привлечение инструментов наставничества и других форм корпоративной поддержки, помощи молодым специалистам в освоении разных видов профессиональной самореализации.
- развитие корпоративного мышления, понимания значения результативности труда каждого сотрудника в выполнении миссии государственной бюджетной организации в целом;
- совершенствование системы балльно-рейтингового оценивания эффективности труда в триаде «работа-поведение-результат», достижение максимально объективных критериев оценивания сотрудника в конкретной должности.
- использование потенциала ЭК для повышения престижности выбранной профессии.

Проведение комплекса мероприятий по оптимизации условий трудовой деятельности по эффективному контракту будет способствовать сохранению и развитию кадрового потенциала организации, формировать устойчивую основу трудовых отношений, нацеленных на достижение совместных с коллективом высоких результатов деятельности.

Литература

1. Головина О.В. Эффективный контракт как инструмент оценки деятельности педагогического персонала / О.В. Головина // Обмен знаниями как ключевое условие научного прогресса: Сборник научных трудов. – Казань: ООО «СитИвент», 2021. – С. 39–54.
2. Колосова О.Г. Целевой подход к реализации эффективного контракта // Вестник СурГУ. 2016. № 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselevoypodhod-k-realizatsii-effektivnogo-kontrakta> (дата обращения: 24.04.2023).
3. Коновалова Е.А. Эффективный контракт как механизм регулирования заработной платы в сфере здравоохранения // Вестник НИБ. 2019. № 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnyukontrakt-kak-mehanizm-regulirovaniya-za-rabotnoyplaty-v-sfere-zdravoohraneniya> (дата обращения: 24.04.2023).
4. ПолUTOва М.А. Эффективный контракт как инструмент объективной оценки деятельности персонала организации / М.А. ПолUTOва // Теория и практика управления человеческими ресурсами: V Международная очно-заочная научно-практическая конференция, Чита, 25 мая 2018 года / Отв. ред. И.Р. Казарян. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 132–139.
5. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 г. № 2190 «Об утверждении программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг.» (ред. от 14.09.2015 г.). URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.04.2023).

6. Рясов С.Ю. Эффективный контракт как способ оценки результатов деятельности сотрудника научно-исследовательской организации, текущее состояние и пути совершенствования // Экономика труда. – 2020. – Том 7. – № 9. – С. 819–832.

EFFECTIVE CONTRACT AS A TOOL TO ASSESS THE PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF AN EMPLOYEE IN THE ORGANIZATION

Yakovleva O.I.

Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the study: to study an effective contract as a means of assessing the effectiveness of activities and the level of professional socialization of an employee in an organization. Research objectives: to study the essence of EC as a normative document regulating the criteria for evaluating the results of a specialist's work; consider the functions of implementing an effective contract in budgetary organizations; explore the features of document development; analyze an example of a point-rating evaluation of labor results; identify the main problems in the process of using management based on an effective contract and suggest ways to optimize. The article clearly articulates the essential characteristics of an effective contract as a type of employment contract applicable in state budgetary institutions. The functions of this document and the corresponding management activities are described. The requirements for target indicators of the results of professional activity used in assessing the personnel potential of employees are identified and characterized. The analysis of point-rating estimation in the structure of an effective contract is given. The difficulties and problems in the implementation of labor cooperation with the use of an effective contract in a budgetary organization are highlighted; directions of perfection of administrative activity are described.

Keywords: Effective contract, human resource management, evaluation, result, professionalization, personnel.

References

1. Golovina O.V. An effective contract as a tool for assessing the activities of teaching staff / O.V. Golovina // Knowledge exchange as a key condition for scientific progress: Collection of scientific papers. – Kazan: SitEvent LLC, 2021. – P. 39–54.
2. Kolosova O.G. Target approach to the implementation of an effective contract // Vestnik SurGU. 2016. No. 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselevoypodhod-k-realizatsii-effektivnogo-kontrakta> (date of access: 04/24/2023).
3. Konovalova E.A. Efficient contract as a mechanism for regulating wages in healthcare // Bulletin of the NIB. 2019. No. 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnyukontrakt-kak-mehanizm-regulirovaniya-za-rabotnoyplaty-v-sfere-zdravoohraneniya> (date of access: 04/24/2023).
4. Polutova M.A. An effective contract as a tool for an objective assessment of the organization's personnel / M.A. Polutova // Theory and practice of human resource management: V International part-time scientific and practical conference, Chita, May 25, 2018 / Ed. ed. I.R. Kazarian. – Chita: Transbaikalian State University, 2018. – P. 132–139.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of November 26, 2012 No. 2190 "On approval of the program for the gradual improvement of the wage system in state (municipal) institutions for 2012–2018." (as amended on September 14, 2015). URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 24.04.2023).
6. Ryasov S. Yu. Efficient contract as a way to assess the performance of an employee of a research organization, the current state and ways to improve // Labor Economics. – 2020. – Volume 7. – No. 9. – P. 819–832.

Социально-философский аспект анализа регулирования межэтнических отношений в образовательном пространстве вузов Юга России

Олешкевич Татьяна Адольфовна,
доцент, ГАОУ ВО «Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт»
E-mail: To@nevadm.ru

В статье автор анализирует влияние глобальных мегатрендов мирового развития, критически видоизменяющих смысловые пространства российского социума, усиливающих межгосударственную взаимозависимость, обостряющих межэтнические отношения, подвергающие опасной эрозии традиционно сложившиеся представления о межнациональном общении и взаимоуважении. Автор анализирует имеющийся опыт регулирования межэтнических отношений в образовательном пространстве вузов Юга России, особое внимание уделяя осмыслению идеи сохранения баланса между культурно-нравственным сближением народов во избежание случаев возникновения и развития конфликтов на межнациональной основе и национальной идентификацией представителей каждой национальной общности. Главный вывод работы заключается в обосновании тезиса о том, что всемерное укрепление и укоренение в сознании обучающихся приоритета национальной (общероссийской гражданской) идентичности над этнической идентичностью (при условии ее необходимости) может рассматриваться как эффективнейший инструмент в борьбе с деструктивными экстремистскими идеологиями и практикой межнациональных конфликтов.

Ключевые слова: глобализация, информатизация, коллектив, культура, личность, мегатренды, межэтнические отношения, национальность, неонацизм, образовательное пространство, религия, технологизация, трансгуманизация, цифровизация, экстремизм.

Введение

Актуальность социально-философского анализа регулирования межэтнических отношений в образовательном пространстве Юга России определяется несколькими факторами. Современная российская действительность характеризуется процессом перманентных социокультурных, политических, экономических и других трансформаций, обусловленных влиянием на нее глобальных мегатрендов мирового мейнстрима: глобализации, технологизации, цифровизации, информатизации, трансгуманизации, критически видоизменяющихся пересекающиеся смысловые (атрибутивные) пространства современного российского социума. Данные глобальные мегатренды интенсифицировали межгосударственную взаимозависимость во всех сферах общества, вызвало титанические сдвиги в пространстве культуры. И не могло не вызвать, поскольку, происходящие в мире трансформации с неизбежностью затрагивают смысловые пространства культуры и одновременно питаются ими. В культурной сфере проявления влияния вышеуказанных мегатрендов проявляются в различных субсферах культуры, в том числе в межэтнических отношениях. Для полиэтничной России, с ее традиционными ценностями – это прежде всего вызовы, риски и угрозы, связанные с обострением отношений в межнациональной среде, которые могут привести к крайним деструктивным формам межэтнических взаимодействий, таких, как проявления идеологии и практики экстремизма. Тем более, что в течение последних трех десятков лет экстремизм в его фундаменталистско-исламистской и неонацистской форме из угрозы целостности национального уровня превратился в идеологически консолидированную, политически структурированную и организационно оформившуюся угрозу глобального масштаба, потеснившую на периферию все ранее существовавшие планетарные проблемы человечества [4].

В нашей стране одним из самых сложных по национальному и конфессиональному составу регионов является Юг России. Это уникальная часть России, имеющая тысячелетний опыт мирного сосуществования и межкультурного, межконфессионального взаимодействия нескольких сотен народностей, сохраняющие культурную и религиозную отличительность. В связи с этим, проблема безопасности в сфере межэтнического взаимодействия актуализируется условиями сохранения и развития поликультурных связей, как внутри нашей Родины, так и за ее пределами. Незнание и непонимание региональных особенностей межэтнических отношений, проблем и факторов деструктивных форм межнационального взаимодействия, может привести к усилению межэтнической напряженности внутри региона, подвергнув опасной эрозии традиционно сложившиеся представления об этике межнационального общения и уважения.

Глобальные тенденции мирового развития приобретают сингулярные свойства с трудно предсказуемыми последствиями и результатами, которые выражаются не только в изменениях социокультурных характеристик субъектов социальных отношений, но и в попытках изменить природу личности посредством нано-, био-, когнитивных технологий, наделив ее свойствами вещей [9]. При этом, молодое поколение, являясь основным стратегическим ресурсом нации, не осознает опасных социально-психологическими последствиями, таких рисков и угроз, как разрушение социального здоровья, девальвация традиционных российских ценностей, разрыв связей, популяризация расчеловечивающих моделей социального поведения, снижение образовательного уровня подготовки, навязывание чуждых российскому обществу духовных и нравственных ценностей.

Геополитическое положение Юга России обуславливает повышенный интерес и пристальное внимание к процессам, протекающим на этой территории со стороны различных межгосударственных, транснациональных политических организаций, планирующих сформировать новое мироустройство и миропорядок, отведя России роль сырьевой периферии. Например, реабилитация и возрождение «ретро вируса» нацизма в виде неонацизма на Украине, которой отведена роль «троянского коня» с целью создания эффекта пружины, в момент разжата которой высвободившаяся энергия способствовала легитимации и мобилизации активного участия молодежи в экстремистских организациях, создав вначале военную угрозу Югу России, а затем и всему государству. Однако, экстремизм в межэтнических отношениях в России, не менее опасен, чем в других государствах. Это, прежде всего, касается того, что в условиях новейшего этапа нацистроительства в современной России экстремизм во всех его этнополитических, этнорелигиозных, религиозно-политических, и собственно, политических формах, по определению, выступает фактором сдерживания процесса формирования общероссийской гражданской идентичности, а на ее основе политической и социокультурной консолидации российской нации. Этнополитический и религиозно-политический экстремизм идеологически обосновывая свое право на этническую и религиозную идентичности российских граждан, по сути, выхолащивают общее культурное основание общенациональной гражданской идентичности российской нации.

В этой связи, особое значение приобретает проблема сформированности у молодого поколения системы знаний, навыков, компетенций, ценностей, правил и норм поведения в процессе межэтнических отношений, развитие чувства патриотизма и гражданственности, формирование духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути многонационального российского государства, овладение теорией и технологией кросс-культурного диалога в процессе обучения, формирование компетентностей, направленных на успешное межэтническое взаимодействие в логике диалога культур как основы мира и согласия. Данная проблема наиболее эффективно может быть решена в образовательной среде вузов [5].

Отдельно следует уточнить, что образовательная среда школы имеет существенные отличия от пространства высшего учебного заведения. Можно с уверенностью сказать, что при взаимодействии со сверстниками в школе индивид будет в большей степени проявлять социально ожидаемое поведение, подчиняться требованиям учителей, демонстрировать конформизм и взаимное уважение со сверстниками. При этом зачастую

в коллективах школ преобладают представители одной религиозной или культурной формации, что само по себе является единым социокультурным пространством, в котором вероятность возникновения межэтнических конфликтов сведена к минимуму. В таких коллективах межэтнические отношения будут складываться позитивно.

Совершенно иная ситуация в образовательном пространстве вузов Юга России, поскольку они представляют собой не только образовательные и научные центры, но и центры межэтнического и межкультурного взаимодействия. Риск возникновения трудностей в процессе межэтнического общения увеличивается, поскольку вузы территориально находятся в крупных областных центрах, а высокий уровень престижности обучения в них, возможность получения более качественного образования привлекает молодых людей из совершенно разных субъектов Юга России. Таким образом, образовательное пространство вуза объединяет представителей различных национальностей со своими культурными и религиозными традициями, особенностями мировосприятия. Кроме этого, в интернациональных студенческих сообществах, в процессе обучения межэтнические отношения могут носить конфликтный характер не только из-за социокультурных или мировоззренческих различий, но и в связи с личностными особенностями обучающихся.

В связи с этим считаем важным и актуальным рассмотреть практику регулирования межэтнических отношений в образовательном пространстве вузов Юга России.

Наибольший вклад в вопросы развития наиболее эффективных мер по регуляции межэтнических отношений в коллективах студентов образовательных организаций высшего образования внесли такие учёные как Н.С. Авдулов, М.А. Аствацатурова, Ю.А. Жданов. Теоретические результаты проведённых ими исследования позволили разработать ряд практических документов, в том числе в Ростовской области на основании работ указанных авторов была создана и принята «Концепция развития межнациональных отношений, укрепления толерантности и предупреждения экстремизма на Дону» [8].

Данный документ закрепил на региональном уровне главные направления работы по урегулированию межэтнических отношений. В содержании Концепции указано, что эффективное развитие толерантности, уважительного, построенного на взаимных благожелательных отношениях межнационального взаимодействия зависит от комплексных мероприятий в следующих областях [10]:

- в образовании;
- политике;
- правовом воспитании;
- психологической работе;
- духовно-нравственном развитии населения.

Образованию, как основному институту социализации молодёжи отводится первое место в данной иерархии. Изучив универсальный характер содержания рассматриваемой нами Концепции, мы можем с уверенностью сделать вывод, что принципы и направления деятельности, регламентированные на её страницах, могут быть взяты за основу и эффективно и целенаправленно применятся во всех региональных образовательных организациях системы высшего образования Северного Кавказа.

Одной из самых эффективных, по нашему мнению, практик в регуляции межнациональных отношений в коллективах обучающихся вузов Юга России является масштабная работа по ознакомлению студентов с особенностями и колоритом всех культур, представленных

в образовательном учреждении [6]. С положительной стороны зарекомендовала себя практика по организации культурно-просветительских мероприятий: форумов, ярмарок, культурной самодеятельности, совместных выездов, проведения общего досуга – которые направлены на сближение коллектива и развитие в нём уважения к иной культуре и ценностям.

Ещё одной практикой, которая позволяет избежать формирования конфликтов на почве национальных различий, является воспитание в обучающихся вузов глубокого и единого понимания чувства Родины в широком смысле, относящемся не к национальной республике или району, а в целом к России. Идентификация себя как россиянина позволяет молодому человеку избежать опасных экстремистских настроений, выражающихся в стремлении определять свою культурную принадлежность как единственно ценную, стоящую «над» другими культурами, религиями, нациями.

Важным условием формирования уважительного отношения к представителям других этносов, является осуществление последовательных функциональных этапов, в результате прохождения которых, у личности формируется положительный настрой и установки к пониманию этнокультурных отличий, принятию культурного и религиозного разнообразия, вырабатывается терпеливое отношение к обычаям и традициям соседей. Данный этап называется – мотивационным.

Не менее важным является познавательный этап, в результате которого молодые люди знакомятся с потенциальными и реальными конфликтными ситуациями в межэтнической среде.

Итоговый этап заключается в обобщении полученных знаний и навыков, координации дальнейших действий по формированию тенденций равноправия и взаимоуважения [7]. Именно уровень этнотолерантности является основным критерием, позволяющим оценить качество проведённой работы по регулированию межэтнических отношений в студенческой среде вузов Юга России [8].

При этом, построение взаимного полноценного культурного и религиозного диалога, формирование устойчивого равноправного взаимодействия между представителями различных культур, является важнейшей задачей по сохранению культурного и исторического наследия нашего многонационального государства [3]. Поиск баланса между сближением национальностей и сохранением национальной идентичности является одной из сложнейших, но при этом и важнейших задач, стоящих и перед обществом, и перед государством.

Основой для разработки любой социальной практики, направленной на регулирование межэтнических отношений в студенческих коллективах вузов России, как нами уже было указано выше, является воспитание в них единой российской гражданской идентичности, формирования у молодежи системы знаний, представлений, установок, ценностей, моделей поведения, сопряженных с отождествлением себя и принадлежности своей личности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, нарядом с пониманием особенности исторического пути российского государства, самобытности народов, его населяющих, и соотношение индивидуального достоинства, личного успеха с общественным прогрессом и политической обстановкой своей Родины.

Однако, статистика свидетельствует о том, что «точки напряженности» в отношениях студентов, принадлежащих к разным этническим и социокультурным группам, присутствуют, и связаны они, преимущественно, с конфликтными ситуациями, в которые вовлечены представители замкнутых этнически маркированных со-

обществ. При этом позитивным моментом в данном случае видится то, что в ряде случаев, выстраивая взаимодействие между собой, члены общества склонны идентифицировать друг друга не по этническому признаку, а по другим критериям (успех в учебе, специальность, гендер и т.д.). Это свидетельствует о наличии позитивных предпосылок преодоления конфликтности в образовательной среде России.

Таким образом, на институциональном уровне в российских вузах, несмотря на ряд факторов, обостряющих межэтническое взаимодействие, преобладает благоприятный фон в межэтнических отношениях, что свидетельствует о конструктивном воздействии институциональной и культурной среды российских вузов на взаимоотношения между молодыми людьми, относящимися к различным этническим группам.

Вместе с тем, сохраняются риски возникновения межэтнических конфликтов, которые актуализируют дальнейшие наблюдений и анализ регулятивной практики, направленной на поиск и реализацию оптимальных способов нормализации межэтнических отношений среди обучающихся вузов. Наиболее перспективными направлениями в подобных ситуациях являются стимулирование развития идентификационных стратегий более высокого порядка, нежели этническая самоидентификация, например – патриотизм, общегражданская российская идентичность, а также создание условий для профилактики и противодействия негативным информационным воздействиям, подталкивающих молодое поколение к принятию идеологии неонационализма и других деструктивных идеологий.

Литература

1. Гуриева С.Д. Современные способы урегулирования межэтнических конфликтов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 1–2.
2. Гуськов И.А. Формирование культуры межэтнических отношений в системе образования на Дону // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2.
3. Денисова А.В., Шурыгина Е.Г. Установки молодежи в языковом и этнокультурном образовании в «русском» регионе (на примере Ростовской области) // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11.
4. Душина Т.В., Семкина Е.Н. Особенности проявления идеологии и практики экстремизма и терроризма в современной Российской глобализирующейся действительности // Общество: политика, экономика, право № 10(75). 2019. С. 12–15.
5. Егорычев А.М. Социально философские основания интеграции социокультурных традиций в системе образования России. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 280 с.
6. Зуев Ю.П. Проблемы конфессионального диалога в современной России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rlinfo.ru/projects/suzdal/zuiev.html> (дата обращения: 05.04.2023).
7. Карпова Н.Г., Степанова И.Н. Диалог и исповедь как универсальные формы бытия толерантности // Общество и власть. Толерантность: теория и практика. Якутск, 2003. Вып. 12.
8. Корякина А.А. К вопросу о формировании толерантности в поликультурном образовательном пространстве // АНИ: педагогика и психология. – 2019. – № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-tolerantnosti-v-polikulturnom-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 27.10.2022).

9. Семкина Е.Н., Балык А.С. Глобализация, технологизация, информатизация, цифровизация – современные тренды, трансформирующие общество – философское осмысление рисков и угроз // Сибирский антропологический журнал № 3, том 4. 2020. С. 185–193.
10. Об утверждении муниципальной программы «Профилактика терроризма и экстремизма, гармонизация межнациональных отношений» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550351974> (дата обращения: 30.03.2023).

INTERSUBJECTIVITY AND TEMPORAL COORDINATION AS PHENOMENOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECTIVE TIME OF AN INDIVIDUAL IN AN INCLUSIVE SOCIETY

Попов В.В.

Nevinnomysk State Humanitarian and Technical Institute

In the article, the author analyzes the impact of global megatrends in world development, critically changing the semantic spaces of the Russian society, strengthening interstate interdependence, exacerbating interethnic relations, dangerously eroding traditionally established ideas about interethnic communication and mutual respect. The author analyzes the existing experience of regulating interethnic relations in the educational space of universities in the South of Russia, paying special attention to understanding the idea of maintaining a balance between the cultural and moral rapprochement of peoples in order to avoid cases of the emergence and development of conflicts on an interethnic basis and the national identification of representatives of each national community. The main conclusion of the work is to substantiate the thesis that the all-round strengthening and rooting in the minds of students of the priority of national (all-Russian civil) identity over ethnic identity (if necessary) can be considered as the most effective tool in the fight against destructive extremist ideologies and the practice of interethnic conflicts.

Keywords: globalization, informatization, collective, culture, personality, megatrends, interethnic relations, nationality, neo-Nazism,

educational space, religion, technologization, transhumanization, digitalization, extremism.

References

1. Gurieva S.D. Modern methods of settlement of interethnic conflicts // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2009. No. 1–2.
2. Guskov I.A. Formation of the culture of interethnic relations in the education system on the Don // Humanities of the South of Russia. 2017. № 2.
3. Denisova A.V., Shurygina E.G. The attitudes of youth in linguistic and ethno-cultural education in the “Russian” region (on the example of the Rostov region) // Socio-humanitarian knowledge. 2017. № 11.
4. Dushina T.V., Semkina E.N. Features of the manifestation of the ideology and practice of extremism and terrorism in modern Russian globalizing reality // Society: politics, economics, law No. 10(75). 2019. pp. 12–15.
5. Egorychev A.M. Socio-philosophical foundations of the integration of socio-cultural traditions in the education system of Russia. – Novosibirsk: SB RAS, 2006. – 280 p.
6. Zuev Yu.P. Problems of confessional dialogue in modern Russia. [electronic resource]. – Access mode: <http://www.rinfo.ru/projects/suzdal/zuiev.html> (accessed: 05.04.2023).
7. Karpova N.G., Stepanova I.N. Dialogue and confession as universal forms of tolerance // Society and power. Tolerance: theory and practice. Yakutsk, 2003. Issue. 12.
8. Koryakina A.A. On the question of the formation of tolerance in a multicultural educational space // ANI: pedagogy and psychology. – 2019. – № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-tolerantnosti-v-polikulturnom-obrazovatelnom-prostranstve> (accessed: 10.27.2022).
9. Semkina E.N., Balyk A.S. Globalization, technologization, informatization, digitalization – modern trends transforming society – philosophical understanding of risks and threats // Siberian Anthropological Journal No. 3, volume 4. 2020. pp. 185–193.
10. On the approval of the municipal program “Prevention of terrorism and extremism, harmonization of interethnic relations” // Electronic Fund of Legal and regulatory documents [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550351974> (accessed: 30.03.2023).

Интерсубъективность и темпоральная координация как феноменологические характеристики субъективного времени индивида в инклюзивном социуме

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Показывается, что в современной социальной философии категория интерсубъективности выступает приоритетным феноменологическим концептом в исследовании субъективного времени индивидов с ОВ (ограниченными возможностями). Интерсубъективность выступает как своеобразное качество комплекса межличностных коммуникаций, достигаемая максимального интегративного уровня, на котором утверждается духовная, мировоззренческая и смысловая нормативность, транслирующая локальные контенты коммуникаций в ценностно-смысловую сферу. Демонстрируется, что на феноменологическом уровне интерсубъективность представляется как переживание человеком с ОВ индивидуального бытия другого человека с акцентом на понимание сущности этого бытия. Анализируются ситуации, в которых интерсубъективная реальность является опытом взаимоотношений индивидов с ОВ, выступающим сложным пространством межличностных отношений и связей, сегментом взаимодействия и диалога в сфере: «Я-Другой». Показывается, что концепт темпоральной координации выступает в качестве индивидуально-сущностной характеристики индивидуального сознания в соотношении с коллективным сознанием людей с ограниченными возможностями. Постулируется, что многообразие направлений становления особых (специальных) групп людей с ограниченными возможностями и их интенсивность весьма возрастает в интервалах социальных катаклизмов и трансформаций, когда человек с ограниченными возможностями переходит на качественно иной уровень собственного индивидуального и коллективного бытия с учетом интенционально-темпоральной координации и своего внутреннего опыта. Выявляется, что механизмы и направленность целерациональной деятельности дают возможность определения реальных перспектив совершенствования жизнедеятельности и условий существования индивидов с ОВ в особой социальной группе.

Ключевые слова: включающее общество, феноменология, субъективное время, интерсубъективность, темпоральная координация, ограниченные возможности (ОВ).

Введение

В философской литературе вырос исследовательский интерес к интегральному рассмотрению различных аспектов и особенностей конструирования инклюзивного общества с приоритетом изучения повседневного мира людей, имеющих различные ограничения на их жизнедеятельность (ограниченные возможности). Представление адекватной теории инклюзии предполагает систематизацию существующих базисных подходов в двух направлениях: во-первых, концептуализируются фрагменты полученных знаний об обществе инклюзии и инклюзивных практиках; во-вторых, осуществляется попытка представить теоретически корректную концепцию инклюзии, инициирующую развитие инклюзивных технологий.

Основная часть

В современной социальной философии категория интерсубъективности выступает приоритетным феноменологическим концептом в исследовании субъективного времени индивидов с ОВ (ограниченными возможностями). Интерсубъективность выступает как своеобразное качество комплекса межличностных коммуникаций, достигаемая максимального интегративного уровня, на котором утверждается духовная, мировоззренческая и смысловая нормативность, транслирующая локальные контенты коммуникаций в ценностно-смысловую сферу. Конечно, интерсубъективность формируется из всего поля коммуникативных связей: от виртуальных до текстово-символических.

В рамках коммуникативно-символического уровня интерсубъективность проявляется как диалог. Само коммуникативно-познавательное поле интерсубъективности имеет фрактальную конструкцию. На феноменологическом уровне интерсубъективность представляется как переживание человеком с ОВ индивидуального бытия другого человека с акцентом на понимание сущности этого бытия. В контексте рассмотрения уровня интерсубъективности диалог выступает в качестве способа и основания существования и познания, необходимого для понимания индивидуального бытия. Поэтому диалог подразумевает взаимодействие и коммуникацию индивидов, направленные на достижение их взаимопонимания посредством языка. Диалог базируется на интерсубъективном понимании, являющимся его конституирующим принципом. Интерсубъективная реальность является опытом взаимоотношений индивидов с ОВ, выступающим сложным пространством межличностных отношений и связей, сегментом взаимодействия и диалога в сфере: «Я-Другой». Данная реальность отражается посредством диалогических отношений, определяя тенденцию символических трансформаций индивидуальных переживаний людьми своего жизненного мира.

Субъективное время человека является системообразующим фактором человеческого сознания, влияющим на контент и характер субъективности. Именно в рамках субъективного времени появляются векторы

и стратегии конструирования повседневной ценностно-рациональной жизнедеятельности людей с ОВ. Поэтому, правомерно представлять субъективное время в качестве основного фактора при формировании системы индивидуально-определенных значений и смыслов коллективно-повседневного сознания человека. Многообразие направлений становления особых (специальных) групп людей с ограниченными возможностями и их интенсивность весьма возрастает в интервалах социальных катаклизмов и трансформаций, когда человек с ограниченными возможностями переходит на качественно иной уровень собственного индивидуально- и коллективного бытия с учетом интенционально-темпоральной координации и своего внутреннего опыта. Период интенционально-темпоральной координации осуществляется в непрерывном переживании человеком с ОВ собственного времени вживания в повседневную реальность включающего общества, принятии им стереотипов и правил поведения в особой социальной группе людей с ОВ.

Концепт темпоральной координации выступает в качестве индивидуально-сущностной характеристики индивидуального сознания в соотношении с коллективным сознанием людей с ограниченными возможностями. При этом темпоральная координация основана на деятельностно-ситуативных и мотивационно-психологических аспектах субъективного времени, что характерно для различных этапов формирования группы людей с ОВ. В подобных ситуациях индивид воспринимает комплексы таких процессов и событий посредством проживания и переживания темпорально-упорядоченного развития включающего общества. Характеристики внутренне-определенной темпоральности индивида соотносятся с преобразованиями в самой структуре социума с позиции темпоральной координации.

Подобные трансформации включающего общества связаны с его нестабильностью, что, впрочем, активизирует проективно-мыслительную рациональную деятельность людей с ОВ. Механизмы и направленность целерациональной деятельности дают возможность определения реальных перспектив совершенствования жизнедеятельности и условий существования индивидов с ОВ в особой социальной группе. При этом осуществляется адаптация индивида к комплексу взаимосвязей и взаимодействий во включающем обществе, темпоральная координация соотносится с интересубъективностью, а сама интересубъективность вызывает реальный исследовательский интерес относительно рассмотрения дискурсивно-диалоговых аспектов ценностной и рациональной субъективности человека.

С теоретико-методологических позиций значительный интерес представляет институциональный подход к обществу инклюзии Р. Рудолф, которая в социальной коммуникации выделяет особый уровень интересубъективности, касающийся пространства социально-ориентированных смыслов, принимаемых всеми индивидами особой социальной группы. Такие смыслы обычно институционализируются и субстантивируются, так как они воспринимаются в особой группе людей с ОВ как часть повседневной реальности. Однако подобная субстанциональная форма повседневности иногда является своеобразным коммуникативным барьером, выступающим причиной разрушения интеракций, либо их недостаточной эффективности. Процесс вовлечения индивидов с ограниченными возможностями в коммуникативные взаимосвязи включающего социума предполагает, что они в различных формах обнаруживают определенные сегменты своего субъективного мира.

Представители феноменологического подхода выступают за проведение своеобразной коррекции в отношении традиционного социума к человеку с ограниченными возможностями, особенно в сегментах социально-темпоральной адаптации и профессионального образования. Концепция социально-ориентированного действия определила базисные основания теории инклюзивного общества Р. Сли. Используя основные идеи темпоральной координации как формы проявления субъективного времени, Р. Сли предложил модель социального поведения, позволяющую идентифицировать людей с ОВ без обращения к специфике их профессионально-ориентированной деятельности, чтобы избежать проявления какой-либо социальной дискриминации по отношению к ним. Основные понятия предложенной модели – это «нарушение», отражающее комплекс негативных социально-психологических, психических или физиологических параметров индивидов с ОВ, и «неспособность» – выступающая как социальная конструкция, показывающая отношение индивида с ОВ ко всему спектру жизнедеятельности обычных людей в социуме. Во включающем социуме отсутствует конфликт, связанный с содержательным наполнением этих понятий. Работа в этом направлении подразумевает выход на особенности представления индивидуально-бытия с позиции темпоральной координации. Однако Р. Сли только обозначил подобную проблему, что достаточно осложнило рассмотрение смысловых и оценочных моментов «вхождения» человека в специальную группу индивидов с ограниченными возможностями. Идеи Р. Сли в современной философской литературе трансформировались в обсуждение вопросов корреляции профессионально-интегрированного социума с социумом включающим.

Заключение

Комплексность исследования субъективного времени индивидов с ограниченными возможностями предполагает рассмотрение интересубъективности с позиции корреляции социальной коммуникации, социального партнерства и межличностного диалога в сфере повседневной реальности включающего общества. Представление интересубъективности в качестве базисной характеристики субъективного времени вызывает исследовательский интерес относительно рассмотрения дискурсивно-диалоговых аспектов ценностной и рациональной субъективности человека с ограниченными возможностями.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству. *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва, Россия: МГППУ, 2016. С. 16–20.
3. Музыка О.А. Социальная синергетика: методология, семантика, аксиология. Ростов-на-Дону, 2010. 232 с.
4. Музыка О.А. Методологические аспекты исследования нелинейного процесса развития общества в «бифуркационном поле» // *Философия права*. 2010. № 6 (43). С. 21–25.
5. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергетический подход) *Власть*. 2009. № 10. С. 79–82.

6. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ. Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
7. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования. V Международно-практическая конференция: Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва, Россия: МГППУ, 2019. С. 48–54.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–2. С. 315–318.
9. Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации «включающего» общества: феноменологический аспект // Социология. 2020. № 2. С. 376–380.
10. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–1. С. 147–150.
11. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 19–22.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114–122.
13. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Самоорганизующиеся системы в контексте постнеклассической науки // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 3–2. С. 177–178.
14. Скуднова Т.Д., Макаров А.В., Меньшикова Т.И., Жилина Л.Я. Реализация воспитательного потенциала содержания психолого-педагогического образования: теория и практика // Ростов-на-Дону, 2017. 124 с.
15. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.
16. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. № 2 (1). P. 6–19.
17. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P Hall // Journal of Disability Policy Studies. 2002. № 13 (3). P.144–152.
18. Rudolph, R.E. Talking about appearances: the roles of evaluation and experience in disagreement. // Philosophical Studies. 2018. № 177(1). P. 197–217.
19. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. International Studies in Sociology of Education. 2016. № 18 (2). P. 99–116.

It is shown that in modern social philosophy the category of intersubjectivity is a priority phenomenological concept in the study of the subjective time of individuals with disabilities. Intersubjectivity acts as a peculiar quality of the complex of interindividual communications, reaching the maximum integrative level, at which the spiritual, ideological and semantic normativity is affirmed, translating the local contents of communications into the value-semantic sphere. It is demonstrated that at the phenomenological level, intersubjectivity is presented as an experience by a person with OB of the individual existence of another person with an emphasis on understanding the essence of this existence. Situations are analyzed in which intersubjective reality is the experience of the relationship of individuals with OB, acting as a complex space of interindividual relations and connections, a segment of interaction and dialogue in the sphere: “I-Other”. It is shown that the concept of temporal coordination acts as an individual essential characteristic of individual consciousness in relation to the collective consciousness of people with disabilities. It is postulated that the variety of directions of formation of special (special) groups of people with disabilities and their intensity increases greatly in the intervals of social cataclysms and transformations, when a person with disabilities moves to a qualitatively different level of his own individual and collective being, taking into account intentional-temporal coordination and his inner experience. It is revealed that the mechanisms and orientation of purposeful rational activity make it possible to determine the real prospects for improving the life and living conditions of individuals with disabilities in a special social group.

Keywords: inclusive society, phenomenology, subjective time, intersubjectivity, temporal coordination, limited possibilities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // Fundamental research. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject approach to inclusive space. Inclusive education: continuity and succession. Moscow, Russia: MGPPU, 2016. P. 16–20.
3. Music O.A. Social synergetics: methodology, semantics, axiology. Rostov-on-Don, 2010. 232 p.
4. Music O.A. Methodological aspects of the study of the non-linear process of development of society in the “bifurcation field” // Philosophy of Law. 2010. No. 6 (43). pp. 21–25.
5. Music O.A. Man and society in times of crisis (synergistic approach) Power. 2009. No. 10. S. 79–82.
6. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST. Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Don-skikh T.P., Drozdova N. V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kame-neva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. , Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
7. Pautova L.E. Acme-synergetic approach to positioning success in the system of inclusive education. V International Practical Conference: Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow, Russia: MGPPU, 2019, pp. 48–54.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
9. Popov V.V. Psychological time in the context of the interpretation of the “inclusive” society: a phenomenological aspect // Sociology. 2020. No. 2. S. 376–380.
10. Popov V.V., Muzyka O.A. Historical Process: Alternative and Evaluation // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 3–1. pp. 147–150.
11. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // Society: philosophy, history, culture. 2016. No. 11. S. 19–22.
12. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A., Ukolov A.O. The concept of transitivity in the context of the transformation of society // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2016. V. 5. No. 5A. pp. 114–122.
13. Popov V.V., Loitarenko M.V. Self-organizing systems in the context of post-non-classical science // International Journal of Experimental Education. 2014. No. 3–2. pp. 177–178.

INTERSUBJECTIVITY AND TEMPORAL COORDINATION AS PHENOMENOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECTIVE TIME OF AN INDIVIDUAL IN AN INCLUSIVE SOCIETY

Popov V.V.

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State Economic University (RSEU)

14. Skudnova T.D., Makarov A.V., Menshikova T.I., Zhilina L. Ya. Realization of the educational potential of the content of psychological and pedagogical education: theory and practice // Rostov-on-Don, 2017. 124 p.
15. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph. M.: MGPPU, 2013. S.25–38.
16. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. No. 2 (1). R. 6–19.
17. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P Hall // Journal of Disability Policy Studies. 2002. No. 13 (3). R.144–152.
18. Rudolph, R.E. Talking about appearances: the roles of evaluation and experience in disagreement. // Philosophical Studies. 2018. No. 177(1). R. 197–217.
19. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. International Studies in Sociology of Education. 2016. No. 18 (2). R. 99–116.

Развитие взглядов на дилемму «Философский зомби» в современной культуре: на примере литературы и кино

Старых Егор Иванович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: george010798@gmail.com

В данной научной работе были рассмотрены предпосылки появления философской дилеммы под названием «Философский зомби» за авторством австралийского философа-теоретика Дэвида Чалмерса. Автором была детально исследована суть данной дилеммы, а также проанализированы следствия появления данной дилеммы в кинематографе на примере нескольких значимых с точки зрения науки, философии и вклада в современную культуру произведениях. Исследован взгляд и суждения различных философов на поставленную проблему, описана приводимая ими аргументация вместе с ее преимуществами и недостатками. Приведена критическая оценка к описанным суждениям и обосновано собственное мнение автора по данному вопросу. Приведены рассуждения в области возможного решения рассматриваемой дилеммы. Поставлены вопросы к дальнейшему рассуждению и анализу проблемы.

Ключевые слова: философская дилемма, философский зомби, кинематограф, философия, наука.

Мысленный эксперимент под названием «философский зомби» был разработан и впервые введен в 1996 году австралийским философом-теоретиком Дэвидом Чалмерсом в книге «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory» (в русском варианте – «Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории»). [1]

Под философским зомби понимается некое существо, которое визуально не отличается от реального мыслящего человека, способно свободно действовать, опираясь, казалось бы, на общепринятые нормы морали, однако при этом не имеющее субъективного опыта. Причем если спросить подобное существо способно ли оно чувствовать, осознавать себя как отдельную личность, оно без колебаний ответит утвердительно.

Любые поступки философского зомби не основываются на каких-либо личных переживаниях, он не способен ощущать физические и эмоциональные процессы так, как это делает человек. В его мозге находится некая база данных, список причинно-следственных связей, который он сверяет со внешними признаками любой отдельной ситуации и принимает то или иное решение. Например, если уколоть человека иглой, то он почувствует боль, вскинет руку и возможно закричит. Если аналогично уколоть философского зомби, то он проделает ровно то же самое, однако это никак не отразится на деятельности его мозга, ему не будет больно «по-настоящему», он лишь «копирует» то, что обычный человек предпринял бы в этой ситуации. [2]

Из данного мысленного эксперимента плавно вытекает так называемый «аргумент зомби», являющийся одним из многих аргументов против физикализма, который выступает в формах материализма и бихевиоризма – учений о том, что все в этом мире является полностью материальным, и что, в частности, такой феномен как «субъективный опыт» не существует. Суть в том, что, если мы можем хотя бы представить себе «философского зомби», и он будет отличаться от обыкновенных людей отсутствием квалиа (сознательного опыта), значит в человеческой природе есть нечто, не поддающееся материальному описанию – сознание или душа. Такого мнения придерживаются многие философы, однако они сомневаются в существовании подобного «философского зомби» на самом деле. [3]

Существует целая классификация возможных так называемых поведенческих зомби (пи-зомби): бихевиоральный зомби – поведенчески не отличим от человека; неврологический зомби – не отличим от человека и имеет мозг; бездушный зомби – в отличие от человека не имеет души; интеллектуальный зомби (i-зомби) – учится всему, что можно наблюдать. Основное отличие каждого из этих разновидностей философских зомби от человека это невозможность получение сознательного опыта. [4]

Возможность существования «философского зомби» безусловно отсылает нас к идее об искусственном интеллекте, интенсивно развивающемся направлении в наши дни. Еще какие-то 50 лет назад искусственный интеллект, способный подобно человеку принимать важные решения за него, освобождая его при этом от наиболее тяжелой умственной и физической работы, был лишь

мечтой, фантазией различных научных деятелей и инженеров. Сейчас мы можем наблюдать активное внедрение первых результатов исследований искусственного интеллекта в нашу обыденную жизнь: бытовые роботы убирают наши квартиры, готовят еду; чат-боты отвечают на наиболее актуальные вопросы людей на интернет-сервисах; искусственный интеллект подбирает нам музыку и фильмы, анализируя наши предпочтения. Свои смелые предположения о том, каким может быть недалекое будущее, в котором искусственные «философские зомби» облегчают жизнь человека строят и режиссеры фильмов. Например, в фильме 2013 года «Она» (ориг. «Her») режиссер Спайк Джонз красноречиво и романтично рассуждает о возможностях искусственного интеллекта. Главный герой Теодор по сюжету начинает использовать операционную систему с искусственным интеллектом. Все чаще проводя с ней время, он влюбляется в нее, и, кажется, искусственный интеллект Саманта отвечает ему взаимностью, хотя и не обладает реальным телом. Трагедия картины заключается в том, что кроме Теодора Саманта точно так же «любила» и всех остальных пользователей операционной сети и в конце фильма, разлив свои возможности с помощью интернета до запредельных высот, покидает их всех. Данный пример выражает еще одно опасение касательно развития подобных технологий и является неким подтверждением «аргумента зомби».

Один из критиков физикализма американский аналитический философ Сол Крипке в своей работе 1972 года «Именование и Необходимость» описывал следующую наглядную демонстрацию слабых сторон этого учения. Он предлагал представить Бога, создающего Вселенную и наделяющую ее теми или иными свойствами. В первую очередь он задаст начальное положение всех физических частиц, основные законы мироздания, наделит каждый объект какими-либо качествами и характеристиками. Создавая человека или иную форму разумной жизни, он должен будет заложить в него сознание, однако, по мнению Крипке, возникает вопрос – является ли сознание чем-то материальным и физически описуемым? Должен ли Бог заложить его в человека? Утвердительный ответ будет означать, что сознание по природе возникновения отличается от остального материального мира, а отрицательный – что подобная Вселенная будет населена философскими зомби. Физикалисты отрицают этот пример и утверждают, что сознание является производной от мыслей, чувств и эмоций людей, а потому является вполне осязаемым, физическим свойством, которым Бог мог наделить человечество во время его создания. [5]

Известными критиками «аргумента зомби» являются знаменитые философы Дэниел Деннет и Томас Нагель. В своей работе 1991 года «Объясненное сознание» Деннет пишет, что «аргумент зомби» в принципе является крайне бесполезным понятием с точки зрения философских дискуссий и практической значимости, потому как он построен на иллюзиях и имеет крайне противоречивую природу. [6] Деннет и Нагель сходятся во мнении в том, что квалиа и представления о сознании, какие они существуют в современном виде, являются совершенно не связанными понятиями, откуда вытекает противоречие идеи об аргументе зомби. Деннет утверждает, что боль, рассматриваемая Дэвидом Чалмерсом, как один из примеров того, что не сможет познать «философский зомби», в сущности, не может быть отделена от умственной деятельности человека, не вызывая при этом каких-либо физиологических отклонений. Более того, он убежден, что каждый человек изначально сам является философским зомби, ведь понятие «сознание», рассматриваемое

противниками физикализма, в принципе не существует в этом смысле. Зато «философские зомби», по версии Деннета, могут вполне обладать сознанием в том виде, в котором оно действительно существует. [7]

По мнению автора данной работы, Дэниел Деннет прав, и со стороны противников физикализма неверно рассматривать человека и его сознание, как нечто обособленное от общих физических законов природы. Каждый человек, по сути, действительно является «философским зомби», а его сознание – бесчисленным множеством биохимических реакций, формирующих мысли, чувства и эмоции. Мы рассматриваем человечество и лично себя как королей природы, наивысшую ступень эволюции, которой подвластны все законы природы, если не сейчас, то хотя бы в далеком будущем. Однако, каждый наш шаг, каждое слово являются заранее предрешенными законами физики. При принятии решения мы так же, как и философский зомби, выбираем наиболее благоприятный вариант, исходя из перечня факторов, зафиксированных в нашем мозге предыдущим опытом и органами чувств. То, что мы называем сознанием, чувствами, эмоциями, является сложной биохимической реакцией, срежиссированной законами физики.

Наглядным примером того, насколько человек может ошибаться в вопросах сознания является художественный фильм Алекса Гарленда «Из машины» (ориг. *Ex Machina*) 2014 года. По сюжету главный герой программист Калевб, пройдя строгий отбор, попадает на новое место работы, находящееся в удаленной частной резиденции, к влиятельному владельцу IT-компании Нейтану. Нейтан является экспертом в области искусственного интеллекта и разработал машину-андроида Аву, практически не отличимую от человека. Вскоре Калевб узнает, что его работа заключается в проведении теста Тьюринга. Суть этого теста в том, что искусственный интеллект должен убедить Калеба, что она настоящая, умеет чувствовать, проявлять эмоции и обладает сознанием. По сюжету Калевб влюбляется в Аву, а она, в свою очередь, влюбляется в Калеба, который всеми силами желает вытащить ее из исследовательской «тюрьмы». Драма фильма заключается в том, что Ава вовсе не была влюблена в Калеба, она была спроектирована по его предпочтениям, о чем он и не догадывался. Ава преследовала одну цель – сбежать, поэтому она искусно имитировала влюбленность и привязанность к главному герою, а жертвой эксперимента в итоге стал Калевб, а не Ава. Данный фильм показывает нам, что уже в недалеком будущем станет возможным самим проектировать человеческое сознание, убежденное в том, что оно реально, умеет мыслить и чувствовать.

Существование «философского зомби» можно рассматривать двояко. С одной стороны, то, что человек сам является своего рода «философским зомби» это крайне пессимистичный подход, ведь он ставит под сомнение реальность всего важного для человечества – моральных стандартов, эмоциональной привязанности, чувств и как таковое самоопределение человека как личности. С другой стороны то, что человек в скором времени сможет воссоздать подобный себе интеллект, который ни в чем не будет уступать нашему, и более того возможно будет превосходить его (хотя бы в вопросах смертности и старения мозга) оставляет огромные надежды на будущее человечества.

Литература

1. Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory, New York and Oxford: Oxford University Press. 1996.

2. Гарнцева Н.М. Натуралистический дуализм Д. Чалмерса: диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.03 / Гарнцева Наталья Михайловна; [Место защиты: Моск. гос. университет им. М.В. Ломоносова]. – М., 2009
3. Гарнцева Н.М. Антифизикалистские аргументы в учении Д. Чалмерса о сознании. // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 93–10.
4. Алексеев А.Ю. Понятие «зомби» и проблема сознания // «Проблема сознания в философии и науке». М.: «Канон +», 2009. С. 195–214.
5. Kripke S. Naming and Necessity, in *Semantics of Natural Language*, ed. by D. Davidson and G. Harman. Dordrecht, Holland: Reidel, 1972. P. 253–355.
6. Dennett D. *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Company, 1991.
7. Волков Д.Б. Теория сознания Д. Деннета: диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.03 / Волков Дмитрий Борисович; [Место защиты: Моск. гос. университет им. М.В. Ломоносова]. – М., 2008.

DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE “PHILOSOPHICAL ZOMBIE” DILEMMA IN MODERN CULTURE: ON THE EXAMPLE OF LITERATURE AND CINEMA

Starykh E.I.

Ufa State Petroleum Technological University

In this scientific work, the prerequisites for the emergence of a philosophical dilemma called «Philosophical Zombie» by the authorship of the Australian theoretical philosopher David Chalmers were considered. The author has studied in detail the essence of this dilemma, as well as analyzed the consequences of the appearance

of this dilemma in cinema on the example of several works significant from the point of view of science, philosophy and contribution to modern culture. The view and judgments of various philosophers on the problem posed are investigated, the argumentation they give along with its advantages and disadvantages is described. A critical assessment of the described judgments is given and the author's own opinion on this issue is substantiated. The arguments in the field of a possible solution to the dilemma under consideration are given. Questions are raised for further reasoning and analysis of the problem.

Keywords: philosophical dilemma, philosophical zombie, cinema, philosophy, science.

References

1. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, New York and Oxford: Oxford University Press. 1996.
2. Garntseva N. M.D. Chalmers' Naturalistic Dualism: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.03 / Garntseva Natalia Mikhailovna; [Place of defense: Moscow State University. Lomonosov University]. – М., 2009
3. Garntseva N.M. Antiphysicalist arguments in D. Chalmers' teaching about consciousness. // *Questions of philosophy*. 2009. No. 5. pp. 93–10.
4. Alekseev A. Yu. The concept of “zombies” and the problem of consciousness // “The problem of consciousness in philosophy and science”. Moscow: “Canon +”, 2009. pp. 195–214.
5. Kripke S. Naming and Necessity, in *Semantics of Natural Language*, ed. by D. Davidson and G. Harman. Dordrecht, Holland: Reidel, 1972. P. 253–355.
6. Dennett D. *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Company, 1991.
7. Volkov D. B.D. Dennett's Theory of Consciousness: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.03 / Volkov Dmitry Borisovich; [Place of defense: Moscow State University. Lomonosov University]. – М., 2008.

Социально-философский взгляд на обучение и воспитание в системе образования в условиях современных реалий в контексте подготовки сотрудников органов внутренних дел

Шинкевич Владимир Ефимович,

д.с.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России
E-mail: vlashink@yandex.ru

Данная работа посвящена анализу значимости восприятия обучения и воспитания как слагаемых единого образовательного процесса в условиях образовательной организации. Вместе с тем, формально декларируемое единство обучения и воспитания, на практике представляет собой далеко не всегда как единый взаимодополняемый феномен. Многие образовательные организации в постсоветское время в условиях конкуренции и в поисках различных форм образовательных услуг, на первое место стали ставить вопросы обучения конкретным востребованным профессиям. Данный подход активно поддерживался в 90-х годах различными западными фондами, имея вполне определенную цель – разрушить существующую систему национального образования, размыть национальные духовные ценности в угоду западным стандартам, сформировать в общественном сознании молодежи если не преклонение перед западной культурой и образом жизни, то хотя бы показать их «превосходство». События, связанные со специальной военной операции по «демилитаризации» и «денацификации» Украины, актуализировали пробелы воспитания постсоветского периода, вылившиеся в непонимании отдельными людьми и в первую очередь молодежью, необходимости данной операции, в ее осуждении, в уклонении от мобилизации и пр. В итоге автором обращено внимание на значимость воспитательной составляющей учебных дисциплин, изучаемых в ведомственных образовательных организациях силового блока на примере вузов органов внутренних дел. Показана опасность понижения роли воспитания как элемента образования для сохранения российского социума и суверенной государственности.

Ключевые слова: образование; воспитание; обучение; образовательная среда; образовательные организации органов внутренних дел.

Российское общество, институционально поддержав горбачевскую перестройку восьмидесятых годов прошлого столетия по расширению демократии и гласности, ельцинские начинания по преобразованию в политике, экономике и системе государственного управления, образовании, либерализации общественных отношений девяностых годов, как-то непроизвольно отодвинуло даже не на второй план вопросы воспитания подрастающего поколения, молодежи.

Данная проблема, наиболее остро актуализировавшаяся за последний год, имеет, однако, свой вполне известный период неформального формирования, экспансии и филиации разграничения обучения и воспитания, при формально декларируемом единстве. Зародившись еще в «перестроечно-гласный» советский период середины – конца 80-х годов, наиболее активно проявилась в постсоветский период развития нашего общества, с неограниченной и бесконтрольной активной и пассивной диффузией западных ценностей, далеко не всегда оправданных и национально значимых [21], в российский социум.

Как результат за десятилетие постсоветского периода процессы гуманизации утратили свое значение в обществе, а дегуманизация и падение ценности трудовой деятельности наоборот стали превалировать в общественных отношениях [12]. Выпускников вузов не столько привлекали перспективы найти работу по специальности, сколько, чаще всего, иллюзия того, что давало возможность заработать и, как правило, в ближайшей перспективе, а лучше сразу. Захватывали, и не только молодежь, своими перспективами финансовые пирамиды, иные аферы нулевых и десятых годов.

А общество, как и в первые постсоветские годы, и в начале нового тысячелетия вновь оказалось не только перед лицом глобальных проблем и острейших общественных противоречий, но и в ощущении нарастающих флюидов духовно-нравственного кризиса [13]. К сожалению, по наблюдению исследователей, и во втором десятилетии продолжали расширяться и воспроизводиться социальные риски в России [18, 19]. Актуальность преодоления и функционирования в условиях рисков остается и в третьем десятилетии двадцать первого века, как жесткого противостояния идеологий глобализации и антиглобализации, не исключающей фактическую потерю суверенитета отдельными государствами на поле международных отношений [6], утрату самостоятельности не только в политическом, но и экономическом, социальном, образовательном и духовном секторах отношений.

Идеология глобализации всего комплекса международных отношений, которая активно разрабатывалась и практически насаждалась после развала Советского Союза и в целом социалистического содружества государств, странами, так называемой развитой демократии, и в первую очередь США, расширила до глобального уровня масштаба социальное пространство, изменило во многом общественное сознание [6]. Реализация политики глобализации за последние тридцать лет реально показала, кто управляет глобализацией, тот вмешива-

ется в дела других государств, не считаясь с их национальными интересами, признавая свое превосходство. Они всеми возможными средствами добиваются беспрекословного принятия данного превосходства всеми субъектами международно-политических отношений, формируют соответствующее глобалистское общественное сознание не только у себя, но и у населения других государств. Объектом внимания становится в первую очередь национальная система образования государств, их система формирования и сохранения духовных ценностей, исторической памяти. Субъект политики глобализации, через многочисленные контролируемые им фонды, передавая и распространяя безвозмездно соответствующую литературу, в том числе учебную, взамен национальной, активно участвует в перезагрузке существующей системы образования у других государств, субъектов политического внимания.

Примеров можно привести массу, в том числе и из нашей отечественной практики. В девяностые годы практически в каждое образовательное учреждение, на фоне глобального экономического кризиса и гиперинфляции, поступала, хотя и в дешевом переплете, с невзрачными обложками, многочисленная учебная литература реально по всем изучаемым гуманитарным предметам. Этой «благотворительностью» в России в девяностых годах занялся Институт «Открытое общество», более известный как Фонд Сороса. И в первую очередь по тем дисциплинам, которые в советские годы в образовательных учреждениях не изучались: социология, политология, экономика, религиозоведение, либо изучались под несколько иными названиями, как следствие реализуемой идеологической политики: диалектический материализм, научный коммунизм, политическая экономия; научный атеизм. Существенные корректировки в девяностые годы фонд внес и в подготовку таких учебников как «Россия в мировом сообществе цивилизаций», «Новейшая история» для 10–11 классов, отличающиеся политической ангажированностью, наполненностью идеями неоллиберализма и пропагандирующие проамериканскую позицию в мировом общественном процессе.

Идеологические постулаты государственности, советской школы, активно вытеснялись западными ценностями, идеями либерализма, преимуществами рыночной экономики, перспективами массового индивидуального успеха и безграничных возможностей инициативной части населения, при полном замалчивании опыта негативных сторон жизнедеятельности западного социума: насаждение толерантности к нетрадиционным ценностям; уравнение ценностей и жизненных практик с одновременной деинтеллектуализацией и дегуманизацией сознания молодежи; рост социального деморализма и т.п. и т.д. [7, 14]. Аналогичное «переосмысление истории на новый лад» мы видим и в учебниках, изданных и бесплатно распространяемых в образовательных учреждениях и, прежде всего, в общеобразовательных школах современной Украины [9].

Сегодня современная система образования вновь актуализировала проблему подготовки специалистов, профессионалов, обладающих целым набором профессионально и общественно значимых компетенций, а в комплексе, отвечающих также требованиям как демократизации и гуманизации общественной жизни в условиях современного общества, так и способных давать оценку и нести ответственность перед обществом и государством в условиях выраженного повышения напряженности в международных отношениях, эскалации этнических конфликтов как отражения проблем, связанных с не всегда оправданным взаимопроникновением национальных культур [20, с. 2], экономического, поли-

тического и военного противоборства. И первая и вторая составляющие четко увязаны с феноменами морали и нравственности современного человека, неразрывно интегрируя ценность обучения и воспитания. При этом преподаватель и обучающийся любого уровня получения профессионального образования, дополнительного послевузовского оказались как бы в разных плоскостях, где первый воспринимается как человек, предлагающий определенные услуги, а обучающийся – как потребитель услуг [3]. Такая реальность прямо и косвенно подтверждается многочисленными примерами конфликта обучающихся и их родителей с преподавателями, несформированности культуры поведения в конфликтах и их разрешения в образовательной среде [23], преобладаем порой иждивенческого отношения к учебе со стороны обучающихся, да и нередко молодых исследователей – магистрантов, аспирантов, адъюнктов [26].

И это при том, что о значимости единства воспитания и обучения (в некоторых источниках – воспитания и образования) говорили и говорят многие исследователи, философы, педагоги, социологи и пр. В конце XVIII – начале XIX века выдающийся немецкий философ, государственный деятель, Вильгельм фон Гумбольдт, который в 1809 г. за 13 месяцев в должности директора по делам культуры и образования министерства внутренних дел Пруссии, успел себя зарекомендовать в качестве чрезвычайно энергичного реформатора. Обосновывая идею классической модели университета, он обратил внимание на то, что воспитание должно концентрироваться в себе образовательную, исследовательскую, культурно-воспитательную функции [4]. «Нельзя воспитывать, не передая знания, всякое знание действует воспитательно» [22, с. 62–63], читаем в работе «О воспитании» Л.Н. Толстого, выдающегося и наиболее известного из русских писателей и мыслителей.

Сама практика человеческой жизни показывает ценность и мудрость этих высказываний, которая заключается в том, что «...духовное нравственное воспитание и образование порождает самое дорогое – внутреннюю свободу от всего того, что возбуждает в человеке его низменные чувства» [15].

Сущность современного образования на законодательном уровне закреплена Федеральным законом 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения [17], а современное образование должно неразрывно быть связанным с повышением значения гуманитарных и социально-экономических дисциплин в процессе профессиональной подготовки вообще и подготовки профессионалов правоохранительных органов, в частности [10, 25].

В образовательных учреждениях органов внутренних дел во многом отражаются процессы, происходившие и происходящие в постсоветской России. Месте с тем, профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел, является основой обеспечения результативности достижения цели и выполнение задач правоохранительной службы. Несмотря на то, что оно должно отражать такие современные цивилизационные ценности как демократия, гуманизм, толерантность, человеколюбие и пр., оно не должно быть наполнено идеями только абстрактного гуманизма, неприемлемым сегодня являются и идеи ортодоксального макиавеллизма в реализации общественно значимых функций различными социальными институтами общества и государства. События, связанные со специальной военной операцией по «демилитаризации» и «денацификации» Украины, актуализировали проблему морального выбора, с которым пришлось непосредственно столкнуться

военнослужащим и сотрудникам силовых институтов России. В страшных условиях применения военной силы, в сложных и эмоционально насыщенных ситуациях, связанных с несением правоохранительной службы и противодействия преступности, меняющих человеческое сознание, его душу, мироощущение, очень важно оставаться человеком нравственным. Данные события еще и еще раз заставляют задуматься над значимостью гуманитарных дисциплин для профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Сегодня для правоохранительной системы нужны профессионалы, которые не только хорошо знают правовые акты, направленные на противодействие правонарушениям, но и умеющие адекватно осознавать и отражать особенности протекания социальных процессов в обществе, учитывать состояние и остроту общественного мнения, соизмерять силу правового закона с общественной моралью и нравственностью, ценить и защищать права человека. Воспитание в духе традиционных ценностей, национальной культуры, которые позволяют человеку жить в гармонии с другими людьми, обществом и, главное, с самим собой [16].

Как видим, воспитание оказывает существенное влияние на квалификацию будущего специалиста, отношение к выбранной профессии, ко многим негативным явлениям (коррупции, профессиональной деформации, невниманию к нуждам и запросам граждан, волоките, формализме и пр.), подрывающим авторитет как института органов внутренних дел, так и его сотрудников.

Современная жизнь требует, чтобы в образовательном процессе на первый план выдвигалась реально духовная сфера. Уходит в прошлое трактовка духовного как явления вторичного, производного по отношению к материальному. В силу этого, изучение проблемы системы духовных ценностей в сознания офицерского корпуса, связанное с переориентацией воспитательной работы в силовых институтах на идеологическую основу приобрело особую актуальность [3]. Формально, нормативно закрепленное соединение феномена воспитания и обучение в единый образовательный контент все же остается практически лишь декларацией. И тому есть реальная практика отношения и организаторов образовательного процесса, и обучающихся к гуманитарным, и прежде всего, к общественным дисциплинам, изучающих общество в целом, его структуру, отдельные подсистемы, духовную жизнь.

Несмотря на то, что практически во всех нормативных правовых актах, научных статьях и высказываниях говорится о необходимости объединения в единый комплекс воспитание (стоит на первом месте) и обучение, либо о их единстве как свершившемся факте, большее внимание все же уделяется результатам обучения. Итоги отработки теоретического курса практически по каждой дисциплине общественного блока, где и должна формироваться основная моральная нравственная и государственная идеологическая составляющая сознания молодого специалиста, отмечаются лишь недифференцированным зачетом, в то время как дисциплины, формирующие в первую очередь профессиональные компетенции, завершаются в ходе промежуточной аттестации сдачей экзамена. Можно возразить. Какая разница, учебный процесс подразумевает высокий уровень организации занятий по каждому предмету, независимо от форм промежуточной аттестации. Можно согласиться, но только от части. В условиях потребительского отношения к информации, нивелируется, сглаживается потребность в получении более глубоких и разносторонних знаний по философии, социологии, политологии, экономике и т.д. и т.п. уровень удовлетворения потребности

получения итогового результата по предмету ограничивается «удовлетворительной» оценкой, соответствующей отметке «зачтено». В качестве другого примера можно отметить и то, что на фоне большого количества монографий, диссертаций, статей и иных научных работ, посвященных проблемам осознания ценности основных принципов правоохранительной деятельности для обеспечения законности и правопорядка в обществе, практически отсутствуют труды, затрагивающие проблемы философии специального профессионального образования, методологии дидактики и гносеологии образовательного процесса, воспитательной работы, патриотического и гражданского воспитания в условиях постоянного реформирования образовательной организации органов внутренних дел, зачастую критического восприятия обучающимися процессов общественного развития современной России. Большинство публикаций и исследований затрагивают, прежде всего, частные проблемы и сводятся к обоснованию «компетентного» подхода в образовательном процессе современной России [1, 5, 8, 24]. Об отношении к воспитанию красноречиво говорит и следующий факт. В советские годы, да и некоторое время в постсоветский период, практически во всех высших образовательных учреждениях силового блока была кафедра «Общественных наук», реже «...дисциплин», с порядковым номером «Кафедра № 1». Сегодня это чаще всего кафедры с названием «Гуманитарных и социально-экономических дисциплин», реже философии, социологии, психологии, политологии. Нумерация кафедр убрана, а в перечне кафедры дисциплин обществоведческого блока стоят, как правило, после кафедр профессионального блока.

В окружающем нас мире, в социальных и профессиональных системах и подсистемах, элементами которых является каждый из нас, всё имеет свою ценность – материальную и духовную. Однако, большинство из нас, зная точно, что такое материальные ценности, далеко не все знают и способны отразить, что такое духовные ценности. Духовные ценности (дружба, верность, любовь, преданность; взаимопонимание и др.) – это некие идеалы, которые невозможно материально оценить или измерить, невозможно продать или обменять, увидеть или ощутить тактильно.

Данная особенность существенно актуализируется в условиях активного наполнения новыми коммуникативными возможностями современной информационной среды. Постоянный поток информации и необходимость постоянно быть на связи агрегируют и провозируют чувства беспокойства и стресса, а мнимая возможность спрятаться за экраном приводит к росту киберзависимости, которая может иметь серьезные эмоциональные последствия. Люди, пытаясь убежать от реальности, погружаются в виртуальные среды. Многие выбирают, прежде всего, тот информационный контент, который наиболее доступен, наполнен «жизненно важными сенсациями», «страшилками» различной окраски (социальными, экологическими, экономическими и пр.) и информационными вбросами о «безрадостных перспективах». Помочь обучающимся в формировании компетентности самостоятельной аналитической работы по оценке происходящих событий на основе государственности и ответственности за сохранение суверенитета и целостности России, одна из задач деятельности профессорско-преподавательского состава. Во многом это накладывает отпечаток ответственности и на общественную подготовку профессорско-преподавательского состава.

Философский анализ категорий «духовные ценности», «ценности сознания обучающихся образователь-

ных организаций органов внутренних дел», «ценности сознания сотрудников органов внутренних дел», «педагогической культуры профессорско-преподавательского состава», оценки системы образования, реализуемой в образовательной организации органов внутренних дел, позволяют выявить на социальном, институциональном, цивилизационном, личностно-институциональном уровнях ряд противоречий, которые характерны практически для всех образовательных организаций силовых министерств и ведомств [17]. Разрешение данных противоречий позволит выстроить оптимальную систему подготовки кадров, адекватно имеющимся материальным, людским и организационным возможностям общества, повысить значимость воспитующей составляющей образования.

Таким образом, формирование гуманитарных, общекультурных компетенций на основе профессиональной составляющей в ходе обучения и воспитания в образовательной организации органов внутренних дел даст возможность молодым специалистам находить баланс между преимуществами и недостатками цифровизации, адекватно оценивать с позиции государства свои роль и место в правоохранительной службе, адекватно выбирать методы и средства профилактики и противодействия преступности.

Литература

1. Беляков, Б.Л. Государственность в системе духовных ценностей офицерского корпуса современной России. Монография. – Серпухов: ВА РВСН, 2012.
2. Вермишева, П.И. Феномен коммуникации в современном российском образовательном пространстве: содержание, противоречие и направления развития: Дисс...канд. филос. наук...09.00.01. – М., 2021.
3. Гущина, Л.И., Епифанова, Е.В., Павлисова, Т.Е. Роль воспитания в высшей школе: современные проблемы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2012. – № 6. (Июнь). URL: <http://e-koncept.ru/2012/12077.htm>. (дата обращения: 20.03.2023).
4. Гуманистическая теория В. фон Гумбольдта. URL: https://studme.org/60318/filosofiya/gumaniticheskaya_teoriya_gumboldta (дата обращения: 18.03.2023).
5. Евтихов, О.В. Формирование профессиональной компетентности курсантов в образовательной среде вуза правоохранительных органов: монография. – М.: ИНФРА-М, 2016.
6. Железняк, А.В., Скуратов, И.В. Влияние глобализации на суверенитет государства // Труды ОТ МГЮА. 2015. – Вып. 25.
7. Ильин, А.Н. Дегуманизация западного мира <https://cyberleninka.ru/article/n/degumanizatsiya-zapadnogomira>; 10 признаков распада западного общества. URL: http://muz4in.net/news/10_priznakov_raspada_zapadnogo_obshhestva/2018-04-15-45452. (дата обращения: 06.04.2023).
8. Компетентностный подход в образовании: методологический аспект: монография / Под ред. С.Д. Якушевой. – Новосибирск: Изд. СибАК, 2016.
9. Как школьные учебники Украины учат ненавидеть москалей. URL: <https://life.ru/p/1496852> (дата обращения: 14.03.2023).
10. Кубышко, В.Л. О состоянии работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации и мерах по ее совершенствованию // Вестник МВД России (спецвыпуск). № 2. 2018.
11. Методологические и акселогические подходы к решению проблемы консолидации общества в эпоху глобализации / В.П. Беркут, В.А. Песоцкий, В.П. Майкова, Э.М. Молчан, Я.В. Бондарева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018, том 8. – № 1.
12. Миронов, А.В. Социальный феномен – образование. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-fenomen-obrazovanie/viewer> (дата обращения: 25.03.2023).
13. Миронов, А.В. Социально-гуманитарное образование в России: состояние, проблемы, перспективы: Монография. – Москва, 2001.
14. Моральная и нравственная деградация западной цивилизации. URL: <https://pora-valit.livejournal.com/4681830.html> (дата обращения: 19.03.2023).
15. Наваанзоч, Х. Цэдед. Образование без воспитания или нужны ли обществу невоспитанные люди. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-bez-vospitaniya-ili-nuzhny-li-obschestvu-nevospitannye-lyudi/viewer> (дата обращения: 23.03.2023).
16. Образование без воспитания – не образование. URL: https://ugra-news.ru/article/obrazovanie_bez_vospitaniya_ne_obrazovanie (дата обращения: 23.03.2023).
17. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс.
18. Рассадина, Т.А. Россияне в условиях «общества риска»: эмоциональный и ценностный аспекты / Т.А. Рассадина // Социологические исследования. – 2013. – № 11.
19. Социальные риски в современном российском обществе: философская рефлексия / М.А. Никулина, Б.Б. Джамалова, М.Ю. Колодиев, Е.Ю. Шулова // Современные исследования и современные проблемы. – 2018. – том 10. – № 12.
20. Согомонян, А.С. Культура межнационального общения в воинских коллективах вузов на современном этапе строительства Вооруженных Сил Российской Федерации: автореф. канд. социол. наук. – Краснодар, 2015.
21. Сыровежкин, А.А. Культурная диффузия как фактор эволюции социума. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diffuziya-kak-faktor-evolyutsii-sotsiuma/viewer> (дата обращения: 23.03.2023).
22. Толстой, Л.Н. О воспитании // Полн. собр. соч. Т. 38. – М.: ГИХЛ, 1936.
23. Трубина З.И. Педагогические конфликты на уроках: типы, причины возникновения, специфика урегулирования // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 5. URL: <https://mir-nauki/cjm/PDF/03PD-MN519.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).
24. Федоров, А.Э. Компетентностный подход в образовательном процессе: Монография / А.Э. Федоров, С.Е. Метелев, А.А. Соловьев, Е.В. Шлякова. – Омск: Изд-во ООО «Омскбланкиздат», 2012.
25. Шинкевич, В.Е. Совершенствование процесса формирования профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел: акмеологический аспект: Монография / В.Е. Шинкевич, О.В. Евтихов, Н.В. Маслодудова, В.В. Молоков В.В. – Красноярск, 2018.
26. Юстюженкова, И.Г. Причины возникновения и пути решения конфликтов в диаде преподаватель-студент. URL: <https://nsportal.ru/vuz/psikhologicheskie-nauki/library/2019/11/17/prichiny-vozniknoveniya-i-puti-resheniya-konfliktov-v> (дата обращения: 28.03.2023).

SOCIO-PHILOSOPHICAL VIEW ON EDUCATION AND UPBRINGING IN THE EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF MODERN REALITIES IN THE CONTEXT OF TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Shinkevich V.E.

Siberian Law Institute of MIA of Russia

This work is devoted to the analysis of the significance of the perception of learning and upbringing as components of a single educational process in an educational organization. At the same time, the formally declared unity of education and upbringing, in practice, is not always a single complementary phenomenon. Many educational organizations in the post-Soviet period, in conditions of competition and in search of various forms of educational services, began to put the issues of teaching specific professions in demand in the first place. This approach was actively supported in the 90s by various Western foundations, having a well-defined goal to destroy the existing system of national education, to blur national spiritual values in favor of Western standards, to form in the public consciousness of young people, if not worship of Western culture and lifestyle, then at least to show their "superiority". The events related to the special military operation on the "demilitarization" and "denazification" of Ukraine have actualized the gaps in the education of the post-Soviet period, resulting in misunderstanding by individuals and primarily by young people, the need for this operation, in its condemnation, in evading mobilization, etc. As a result, the author draws attention to the importance of the educational component of academic disciplines studied in departmental educational organizations of the power unit on the example of universities of internal affairs bodies. The danger of belittling the role of upbringing as an element of education for the preservation of Russian society and sovereign statehood is shown. The events related to the special military operation on the "demilitarization" and "denazification" of Ukraine have actualized the gaps in the education of the post-Soviet period, resulting in misunderstanding by individuals and primarily by young people, the need for this operation, in its condemnation, in evading mobilization, etc. As a result, the author draws attention to the importance of the educational component of academic disciplines studied in departmental educational organizations of the power unit on the example of universities of internal affairs bodies. The danger of belittling the role of upbringing as an element of education for the preservation of Russian society and sovereign statehood is shown.

Keywords: education; upbringing; training; educational environment; educational organizations of internal affairs bodies.

References

1. Belyakov, B.L. Statehood in the system of spiritual values of the officer corps of modern Russia. Monograph. – Serpukhov: VA RVSU, 2012.
2. Vermisheva, P.I. The phenomenon of communication in the modern Russian educational space: content, contradiction and directions of development: Diss. cand. philos. 09.00.01. – M., 2021.
3. Gushchina, L.I., Epifanova, E.V., Pavlisova, I.E. The role of education in higher school: modern problems // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2012. No. 6. (June). URL: <http://e-koncept.ru/2012/12077.htm>. (assessed: 03.20.2023).
4. The humanistic theory of V. von Humboldt. URL: https://studme.org/60318/filosofiya/gumanisticheskaya_teoriya_gumboldt (assessed: 18.03.2023).
5. Evtikhov, O.V. Formation of professional competence of cadets in the educational environment of the university of law enforcement: monograph. – M.: INFRA-M, 2016.
6. Zheleznyak, A.V., Skuratov, I.V. The impact of globalization on the sovereignty of the state // Proceedings from MGUA. 2015. Issue 25.
7. Ilyin, A.N. Dehumanization of the Western world <https://cyberleninka.ru/article/n/degumanizatsiya-zapadnogo-mira>; 10 signs of the disintegration of Western society. URL: http://muz-4in.net/news/10_priznakov_raspada_zapadnogo_obshestva/2018-04-15-45452. (assessed: 06.04.2023).
8. Competence approach in education: methodological aspect: monograph / Edited by S.D. Yakusheva. Novosibirsk: Si-BAK Publishing House, 2016.
9. How school textbooks in Ukraine teach to hate Muscovites. URL: <https://life.ru/p/1496852> (assessed: 14.03.2023).
10. Kubyshko, V.L. On the state of work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation and measures to improve it // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia (special issue). No. 2. 2018.
11. Methodological and axiological approaches to solving the problem of consolidation of society in the era of globalization / V.P. Berkut, V.A. Pesotsky, V.P. Maikova, E.M. Molchan, Ya.V. Bondareva // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. – 2018. Vol. 8. No. 1.
12. Mironov, A.V. Social phenomenon – education. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-fenomen-obrazovanie/viewer> (assessed: 25.03.2023.)
13. Mironov, A.V. Socio-humanitarian education in Russia: state, problems, prospects: monograph. Moscow, 2001.
14. Moral and moral degradation of Western civilization. URL: <https://pora-valit.livejournal.com/4681830.html> (assessed: 19.03.2023).
15. Navaanzoch, H. Tseded. Education without education or whether society needs ill-mannered people. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-bez-vospitaniya-ili-nuzhny-li-obschestvenovospitannyye-lyudi/viewer> (assessed: 23.03.2023).
16. Education without education is not education. URL: https://ugra-news.ru/article/obrazovanie_bez_vospitaniya_ne_obrazovanie (assessed: 23.03.2023).
17. On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 // ConsultantPlus.
18. Rassadina, T.A. Russians in the conditions of a "risk society": emotional and value aspects / T.A. Rassadina // Sociological research. 2013. № 11.
19. Social risks in modern Russian society: philosophical reflection / M.A. Nikulina, B.B. Jamalova, M.Y. Kolodiev, E.Y. Shulova // Modern research and modern problems. 2018. – volume 10. No.12.
20. Soghomonyan, A.S. Culture of interethnic communication in military collectives of higher education institutions at the present stage of construction of the Armed Forces of the Russian Federation: abstract...cand. Social Sciences. / A.S. Soghomonyan. – Krasnodar, 2015.
21. Syrovezhkin, A.A. Cultural diffusion as a factor in the evolution of society. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diffuziya-kak-faktor-evolyutsii-sotsiuma/viewer> (assessed: 03.23.2023).
22. Tolstoy, L.N. About education // Full collection of soch. Vol.38. – M.: GIHL, 1936.
23. Trubina Z.I. Pedagogical conflicts in the classroom: types, causes of occurrence, specifics of settlement // The world of science. Pedagogy and psychology. 2019. No.5. URL: <https://mir-nauki/cjm/PDF/03PDMN519.pdf> (assessed: 03.25.2023).
24. Fedorov, A.E. Competence approach in the educational process: monograph / A.E. Fedorov, S.E. Metelev, A.A. Soloviev, E.V. Shlyakova. – Omsk: Publishing house of LLC "Omsk-blankizdat", 2012.
25. Shinkevich, V.E. Improvement of the process of formation of professional competence of employees of internal affairs bodies: acmeological aspect: monograph / V.E. Shinkevich, O.V. Evtikhov, N.V. Maslodudova, V.V. Molokov V.V. Krasnoyarsk, 2018.
26. Justyuzhenkova, I.G. Causes and ways of resolving conflicts in dyad teacher-student. URL: <https://nsportal.ru/vuz/psikhologicheskie-nauki/library/2019/11/17/prichiny-vozniknoveniya-i-puti-resheniya-konfliktov-v> (assessed: 28.03.2023).

Сопоставительный анализ концептуальных оснований философии Китая и Западной Европы

Шао Юйпэй,

аспирант, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: 479294963@qq.com

Существуют серьезные различия между китайской и западной философией. Например, китайская философия сосредоточена на гармонии, равновесии и духовной практике, в то время как западная философия уделяет больше внимания общественной жизни, правосудию и морали. Кроме того, китайская философия в большей степени ориентирована на коллектив, в то время как западная философия больше склоняется к индивидуализму. Другой важный аспект, различающий китайскую и западную философию, заключается в понимании времени и пространства. В западной философии временная ось ориентирована на линейность, а пространственная ось на индивидуализм. А в китайской философии временная ось имеет циклический характер, а пространственная ось ориентирована на гармонию и баланс между противоположностями. Это приводит к различным методам практики, таким как йога и медитация в западной философии и тайцзи и цигун в китайской.

Ключевые слова: китайская философия, западная философия, сходства, различия.

Отношение к природе и окружающей среде. В западной философии природа часто рассматривается как объект, который может быть подчинен человеку и использован для его целей. Китайская философия, напротив, признает важность сохранения гармонии между человеком и природой и учит человека воспитывать себя и свою душу через единение с природой [5].

Китайская философия имеет древнюю и богатую историю, начиная с Конфуция (551–479 гг. до н.э.), Лао Цзы (VI век до н.э.), Чжуан-цзы (IV век до н.э.) и Мо-цзы (V век до н.э.). Конфуций разработал конфуцианство, которое ориентировано на этику и общественную жизнь, а Лао Цзы создал даосизм, основанный на учении о равновесии и гармонии. Чжуан-цзы представил философию трансцендентности, а Мо-цзы заложил основы учения об универсальной любви и морали.

Западная философия, с другой стороны, имеет свои основоположники, начиная с Сократа (469–399 гг. до н.э.), Платона (428/427 до н.э. – 348/347 до н.э.) и Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). Сократ считал, что знание является основой морали, а Платон разработал свою теорию идей и философию государства. Аристотель создал свою систему логики и этики, а также заложил основы научного подхода. В западной философии также были такие великие мыслители, как Рене Декарт (1596–1650), Фридрих Ницше (1844–1900), Иммануил Кант (1724–1804) и Джон Стюарт Милль (1806–1873), которые оставили значительный след в истории западной философии. Рене Декарт считал, что мышление является основой нашего бытия, а Ницше предложил новое понимание морали и этики, основанное на идеях свободы и воли к власти. Иммануил Кант разработал свою систему этики, основанную на категорическом императиве, а Джон Стюарт Милль заложил основы свободы личности и демократии.

Конфуций, основоположник конфуцианства, выразил свои идеи во многих афоризмах, например [7]:

- «Не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы делали тебе».
- «Когда я слышу, я забываю. Когда я вижу, я помню. Когда я делаю, я понимаю».
- «Делайте то, что правильно, а не то, что просто выгодно».

Лао Цзы, основоположник даосизма, также выражал свои идеи в виде афоризмов, например [8]:

- «Путь, который может быть изречен, не является постоянным путем».
- «Здоровый человек знает, что нужно питаться, но не ест до отвращения. Он знает, что нужно дышать, но не переутомляет легкие».
- «Чем больше мы знаем, тем меньше мы понимаем».

Аристотель, один из основоположников западной философии, сформулировал множество цитат, отражающих его философские взгляды, например [10]:

- «Друг – это другое я».
- «Добродетель есть золотая середина между двумя крайностями: недостатком и избытком».
- «Всякий, кто может учить, учится».

Рене Декарт, французский философ, знаменит своими словами «Cogito, ergo sum» (Я мыслю, следовательно,

я существую), которые выражают его убеждение в том, что мышление является основой нашего существования.

Иммануил Кант, немецкий философ, выразил свои идеи во многих цитатах, например [11]:

- «Две вещи наполняют ум величайшим уважением: звездное небо надо мной и моральный закон во мне».
- «Человек – это то существо, которое вынуждено давать себе законы само по себе, иначе оно не было бы человеком».
- «После долгого размышления о жизни я пришел к выводу, что ее смысл заключается в том, чтобы делать жизнь других людей счастливой».

Идеи и учения основоположников китайской и западной философии оказали значительное влияние на культуру и мышление людей в своих культурных средах и во всем мире.

Конфуцианство, например, оказало огромное влияние на культуру Китая и других азиатских стран, став основой образования и общественной морали. Учение о гармонии и равновесии в даосизме также нашло свое отражение в культуре и искусстве Китая и других азиатских стран. Западная философия также оказала значительное влияние на культуру и мышление людей во всем мире. Философия Сократа, Платона и Аристотеля, например, стала основой западной науки и образования. Философия Рене Декарта и Иммануила Канта также повлияла на многие аспекты западной культуры, включая этику, логику, политику и религию. Идеи и учения основоположников китайской и западной философии также повлияли на межкультурное взаимодействие и обмен идеями между культурами. Они остаются важным источником вдохновения и обсуждения философских и духовных вопросов во всем мире.

Существуют некоторые сходства между китайской и западной философией, включая следующие:

1. Абстрактный и теоретический характер. Китайская и западная философия обе имеют абстрактный и теоретический характер, поскольку они стремятся к пониманию фундаментальных вопросов о человеческом существовании, морали, этике, религии и т.д. Обе философские традиции также часто используют аналитический и логический подход в своих исследованиях.

2. Учение о добре и зле. Обе имеют учение о добре и зле, которое формулируется через систему морали и этики. Например, конфуцианство учит людей стремиться к добродетели и совершенствованию себя, а христианство учит людей любить ближнего своего и жить в соответствии с Божьими заповедями.

3. Учение о равновесии и гармонии. Обе учат о важности равновесия и гармонии в жизни. Например, даосизм учит людей искать гармонию с природой и избегать крайностей, а аристотелизм учит людей находить золотую середину между двумя крайностями.

4. Учение о практике. Важность практики и действия, а не только теории и размышлений. Например, буддизм учит людей достичь просветления через медитацию и другие практики, а философия Аристотеля учит людей развивать добродетели через практические действия в повседневной жизни.

5. Учение о религии. Китайская и западная философия обе имеют учение о религии и духовности, хотя религиозные традиции в этих культурах имеют разные особенности. Например, буддизм, возникший в Китае и распространившийся во всем Восточном мире, учит о просветлении и освобождении от страданий через практику медитации и другие методы, а христианство, возникшее на Западе, учит людей о вере в Бога и жизни в соответствии с Божьими заповедями.

6. Учение о государстве и праве. Обе имеют учение о государстве и праве, хотя эти учения в этих культурах имеют разные формы и особенности. Например, конфуцианство учит о важности добродетелей и морали в управлении государством, а западные философы, такие как Платон и Аристотель, разрабатывали свои теории о правосудии и государственном устройстве.

7. Учение о человеческом существовании. Китайская и западная философия обе учат о фундаментальных вопросах о человеческом существовании и его цели. Например, даосизм учит о важности принятия мира таким, какой он есть, а Ницше учил о значении индивидуальности и самовыражении.

Сходства между китайской и западной философией представляют собой не только уникальную возможность для общения Китая и китайцев с западным миром, но и важный шаг в направлении создания более глобального и гармоничного мира, в котором уважение к различиям и общим ценностям станет основой для взаимодействия между разными культурами. Китайские концепции равновесия, гармонии и учения о добре и зле не только находят отклик в западной философии, но и представляют собой общие основы для понимания фундаментальных вопросов о жизни, морали, этике и религии.

Сравнительная философия объединяет философские традиции, развивающиеся в условиях относительной изоляции друг от друга и определяемые широкими культурными и региональными признаками, например, китайской и западной. Она занимается несколькими основными вопросами о соизмеримости философских традиций. Один из таких вопросов – методологическая соизмеримость, то есть возможность проведения сравнений между различными философскими традициями, в данном случае китайской и западной, а также способы таких сравнений.

Существует множество точек зрения на возможность проведения содержательных сравнений между философскими традициями: от тех, кто полагает, что подобные сравнения вообще невозможны, до тех, кто утверждает, что содержание традиций должно в значительной степени совпадать. Кроме того, существуют и другие вопросы, связанные с соизмеримостью, которые касаются конкретных аспектов традиций.

Вопрос о метафизической и эпистемологической соизмеримости предполагает сравнение традиций в их концепциях реальности и методах ее изучения и обоснования. Этическая соизмеримость, в свою очередь, предполагает сравнение этих традиций в вопросах того, как люди должны жить своей жизнью, существует ли у обеих традиций мораль, и если да, то насколько они похожи и различны. Разделение между этими основными вопросами несколько условно, поскольку обсуждение методологической соизмеримости неизбежно включает сравнение традиций по метафизическим, эпистемологическим и этическим вопросам.

Исследование в области сравнительной философии может быть непростым делом из-за огромного количества текстов и контекстов, которые необходимо изучать. Неуместные упрощения, слишком резкие контрасты и неуместные сравнения являются наиболее распространенными ошибками. Однако сравнительная философия может помочь задуматься о глубоко закрепившихся предположениях в рамках собственной традиции, которые не вызывают вопросов. Еще одно преимущество – традиции могут взаимодействовать и обогащать друг друга. Требования к глубине и строгости изучения являются важным стандартом для исследования философии. Тем не менее, сужение области исследования может привести к ограниченному искажению истинности.

Философия может рассматриваться как подход к исследованию определенной проблемной области. Один из примеров дан Антони Янг, а другой связан с лодкой, которая наклонилась из-за неправильной загрузки. Один подход – это размещение контрвеса на противоположной стороне, чтобы уравновесить лодку. Другой подход – это заранее продумать, как загрузить лодку так, чтобы масса распределялась равномерно. Первый случай – западный подход, второй – восточный. В медицине это может быть представлено заболеванием, которое мучает пациента. Западный врач дает пациенту сильное лекарство, которое может устранить вирус или что-то, вызывающее болезнь. Китайский врач выберет профилактический подход, рассматривая заболевание как дисбаланс в организме. Он восстановит баланс. Конечно, два подхода будут отличаться временем, необходимым для излечения организма. Западный подход может быть более эффективным, по крайней мере, в первый раз, но может вызвать побочные эффекты. Восточный подход будет медленным и требует терпения и предвидения. Конечная цель (и, возможно, окончательный эффект) обоих подходов – здоровый организм.

В одном предложении различие может быть охарактеризовано как различие во взгляде на «мир» или вселенную исследования. В западной философии мы сводим все к наименьшим, все еще различимым частям и рассматриваем их как наши основные объекты исследования. Объединение частей должно представлять поведение целого. В восточной философии они рассматривают всю вселенную исследования. Их предположение заключается в том, что, изучив достаточно всего, можно лучше понять поведение составляющих частей.

Сравнительная философия представляет собой объединение философских традиций, которые развивались в относительной изоляции друг от друга и определяются достаточно широко по культурным и региональным линиям – например, китайской и западной. Основные вопросы, касающиеся сопоставимости философских традиций, составляют предмет сравнительной философии. Один из вопросов – методологическая сопоставимость – касается того, можно ли и как проводить сравнения между разными философскими традициями, в данном случае китайской и западной. Взгляды на этот вопрос различны – от тех, кто считает, что смысловые сравнения вообще не могут быть проведены, до тех, кто считает, что содержание традиций должно в основном совпадать. Другие вопросы, касающиеся сопоставимости, связаны с конкретными предметами традиций. Вопрос метафизической и эпистемологической сопоставимости связан с сравнением традиций по их представлениям о реальности и их методах исследования и обоснования. Этическая сопоставимость включает сравнение этих традиций в вопросах того, как люди должны жить своей жизнью, имеют ли обе традиции мораль, и если да, то насколько они похожи и отличаются друг от друга. Разделение между этими основными вопросами несколько искусственно, так как обсуждение методологической сопоставимости неизбежно включает в себя сравнение традиций по метафизическим, эпистемологическим и этическим вопросам.

Как можно заметить из приведенных выше рассуждений, в китайской философии уделяется большое внимание деталям конкретной ситуации и не придерживаются строгих правил, как это принято в западной философии. В то же время, китайские мыслители также не игнорируют значения и принципы, которые важны для правильного принятия решения. Они считают, что в каждом конкретном случае нужно находить баланс меж-

ду разными ценностями, применяя свой здравый смысл и суждение.

Конфуцианцы склонны выражать свои учения в форме принципов, которые функционируют как обозначения ценностей или общих соображений, важных при принятии решений о том, что делать. Однако, они всегда призывают к осмотрительности и учету конкретных обстоятельств при принятии решений. Даже лучшие правила могут потерять свою применимость в необычных ситуациях.

Шун не мог вмешиваться в работу судьи, который действовал в соответствии с законом. Но, как говорит Менций, если бы отец Шуна совершил преступление, тогда Шун отрекся бы от престола и ушел со своим отцом на побережье. Таким образом, по словам Менция, Шун сбалансировал различные ценности, которые противоречат друг другу. Он не вмешивался в работу судьи, признавая необходимость беспристрастного управления общественным порядком, и одновременно свидетельствовал о ценности семейной лояльности, бегством со своим отцом.

Шуну удалось соблюсти обе ценности в различные моменты своего действия. Вывод из одного принципа не мог бы привести к такому балансу. Однако мы должны извлекать уроки из подобных историй, таких как история Шуна, потому что они служат конкретными примерами для принятия решений в будущем. История Шуна и его отца, описанная в Мэньцзы, хорошо иллюстрирует такой подход. Шун сумел найти баланс между ценностями беспристрастного управления и верности своей семье, действуя в соответствии с конкретной ситуацией, а не строгими правилами. Он не мог вмешиваться в работу судьи, но отказался от престола и бежал со своим отцом на побережье.

Когда мы сталкиваемся с ситуациями, которые создают похожие конфликты между беспристрастной заботой и семейной лояльностью, мы используем суждение Шуна как ресурс и модель для принятия решений.

Эта модель не является тем же самым, что и общий принцип, который позволил бы дедуктивно сделать вывод о том, что нужно делать в текущей ситуации. При определении того, достаточно ли новые ситуации похожи на случай с Шун, нам необходимо проявлять здравый смысл, а также рассмотреть, какие действия могут быть параллельными действиям Шун.

В заключении можно отметить, что сравнительная философия представляет собой сложную задачу из-за необходимости охвата широкого спектра текстов и контекстов. Однако, она позволяет задуматься над задачами и предположениями собственной традиции и взаимодействовать с другими традициями. Несмотря на различия между восточной и западной философией, они могут обогащать друг друга и давать возможность рассмотреть проблемы с разных точек зрения. Тем не менее, необходимо избегать упрощений и нелегитимных ассимиляций, а также соблюдать стандарты философского исследования в плане точности и глубины изучения темы.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.
2. Григорьева Т.П. Иньская фаза эволюции. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/inskaya-faza-evolyutsii>. (Дата обращения 15.05.2023.)
3. Гуйван П.Н. Проблема человека в истории философии: (Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Средневековая Европа): учебное пособие /

- П.Н. Гуйван, В.Ю. Инговатов. -Барнаул: Алт. ГТУ, 2015.
4. Дашеева В.В. Китайские антропонимы: вопросы истории, семантики и функционирования. Улан-Удэ, 2014. С. 68–69. Текст: непосредственный.
 5. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология (Regionology). 2018. Т. 26, № 1. С. 179–183. doi: 10.15507/2413–1407.102.026.201801.179–183. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/2018_1/dubrovskaya.pdf?ysclid=117e2orhoy (Дата обращения 15.05.2023.)
 6. Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная литература, 2005.
 7. Середкина Е.В. Современное конфуцианство и западноевропейская философия в их диалогичности: опыт философско-компаративистского анализа. Пермь, 2005.
 8. Той Л. Фэншуй для практического применения. Санкт-Петербург, 2000. 160 с. Текст: непосредственный.
 9. Фэн Юлань «Чжунго чжзсгаэ цяньши» / «Краткая история китайской философии». -Пекин, 1997.
 10. Хандархаева В.В. Проблема взаимодействия противоположностей в философии Китая // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия. 2015. Вып. 6. С. 33. Текст: непосредственный.
 11. Цицао Чжоу. После и помимо понятий «полифония», «диалог», «карнавализация». Изучение Бахтина в современном Китае // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 219–237.
 12. Чжан Бин. Место и смысл «Марксизм и философия языка» в развитии диалогизма круга М.М. Бахтина – краткое изложение содержания монографии «Изучение марксистской философии языка в бахтинских кругах» // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2016. № 1. С. 613–625.
 13. Чжао Сюе, Говорухина Ю.А., Суханов В.А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем). Статья I // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 473. С. 112–118. doi: 10.17223/15617793/473/13
 14. Шабуро О.В. Традиционная правовая система в Китае и современность. URL: http://docs.yandex.ru/docs/vie_w?tm=1664066391&tld=ru&lang=ru&name (Дата обращения 15.05.2023.)
 15. Шапошникова И.В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филол. журнал. 2020. № 1. С. 199–215.
 16. Шлет Г.Г. Гермeneвтика и ее проблемы // Контексте. М., 1989. С. 215–255.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHY OF CHINA AND WESTERN EUROPE

Shao Yupei

Far Eastern Federal University

There are serious differences between Chinese and Western philosophy. For example, Chinese philosophy focuses on harmony, balance and spiritual practice, while Western philosophy pays more attention to public life, justice and morality. In addition, Chinese phi-

losophy is more focused on the collective, while Western philosophy is more inclined to individualism. Another important aspect that distinguishes Chinese and Western philosophy is the understanding of time and space. In Western philosophy, the temporal axis is oriented towards linearity, and the spatial axis is oriented towards individualism. A In Chinese philosophy, the time axis has a cyclical character, and the spatial axis is oriented towards harmony and balance between opposites. This leads to various methods of practice, such as yoga and meditation in Western philosophy and Tai chi and qigong in Chinese.

Keywords: Chinese philosophy, Western philosophy, similarities, differences.

References

1. Baudrillard J. Passwords. From fragment to fragment. Yekaterinburg, 2006.
2. Grigorieva T.P. The Yin phase of evolution. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/inskaya-faza-evolyutsii>. (Accessed 15.05.2023).
3. Guiwan P.N. The problem of man in the history of philosophy: (Ancient India, Ancient China, Ancient Greece, Medieval Europe): textbook / P.N. Guiwan, V.Y. Ingovatov. -Barnaul: Alt. GTU, 2015.
4. Dasheeva V.V. Chinese anthroponyms: questions of history, semantics and functioning. Ulan-Ude, 2014. pp. 68–69. Text: direct.
5. Dubrovskaya S.A. International Bakhtin Conference in Shanghai // Regionology (Regionology). 2018. vol. 26, No. 1. pp. 179–183. doi: 10.15507/2413–1407.102.026.201801.179–183. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/2018_1/dubrovskaya.pdf?ysclid=117e2orhoy (Accessed 15.05.2023).
6. Nepomnin O.E. The History of China: The Qing Epoch. XVII – the beginning of the XX century. Moscow: Oriental Literature, 2005.
7. Seredkina E.V. Modern Confucianism and Western European philosophy in their dialogicity: the experience of philosophical and comparative analysis. Perm, 2005.
8. Toy L. Feng Shui for practical application. St. Petersburg, 2000. 160 p. Text: direct.
9. Feng Yulan “Zhongguo zhzsgae qianshi” / “A brief history of Chinese Philosophy”. -Beijing, 1997.
10. Khandarkhayeva V.V. The problem of the interaction of opposites in Chinese philosophy // Bulletin of the Buryat State University. Ser. Philosophy. 2015. Issue. 6. p. 33. Text: direct.
11. Qichao Zhou. After and in addition to the concepts of “polyphony”, “dialogue”, “carnivalization”. The study of Bakhtin in modern China // Questions of Literature. 2015. No. 6. pp. 219–237.
12. Zhang Bing. The place and meaning of “Marxism and the philosophy of language” in the development of dialogism of M.M. Bakhtin’s circle – a summary of the contents of the monograph “The study of Marxist philosophy of language in Bakhtin circles” // Russian language and culture in the mirror of translation.
13. Russian Literature in China: Conflict of Interpretations, its causes and ways of overcoming (based on the material of reception of Russian literature by a Chinese reader). 2016. No. 1. pp. 613–625. 13. Zhao Xue, Govorukhina Yu. A., Sukhanov V.A. Russian literature in China: conflict of interpretations, its causes and ways of overcoming. Article I // Bulletin of the Tomsk State University. 2021. No. 473. pp. 112–118. doi: 10.17223/15617793/473/13
14. Shaburo O.V. The traditional legal system in China and modernity. URL: http://docs.yandex.ru/docs/vie_w?tm=1664066391&tld=ru&lang=ru&name (Accessed 15.05.2023).
15. Shaposhnikova I.V. Hypostases of verbal culture: universal in specific // Siberian Philol. journal. 2020. No. 1. pp. 199–215.
16. Shlet G.G. Hermeneutics and its problems // Context. M., 1989. pp. 215–255.

Философский анализ противодействия влиянию на сознание общества средствами информационной войны

Яковко Татьяна Владимировна,

доцент кафедры философии, Академия ГПС МЧС России

E-mail: tatyana.yakovko@yandex.ru

Автором статьи дается оценка влияния средств информационной войны на сознание масс, а также указывается на роль, которую играют знания, при условии, что они используются в качестве противовеса и, соответственно, средства противодействия такому влиянию. В контексте поставленных перед исследованием вопросов автором дается философское представление о роли знаний и их влиянии в обработке информации в целом, а также указывается на невозможность использования знаний как средства противодействия без должного интеллектуального развития общества (личности). Основным выводом стало то, что знание – это категория, которая дает человеку возможность осмысливать происходящее, но не избавляет его от формирования в его сознании тех погрешностей, которые несет в себе информация, направленная на его разрушение. В конечном итоге, знание – это и есть информация, и подмена её другой, ложной – процесс, позволяющий вытеснить одно познание с помощью другого, либо нарушать принципы её использования в будущем.

Ключевые слова: информация, истина, война, цифровизация, политика, конфликт, глобализация.

Методы исследования

В ходе исследования автором были использованы такие научные методы, как метод синтеза и анализа, в первую очередь, позволяющие дифференцировать такие явления (аспекты) социального взаимодействия, как: информация, истина, знания, социальный интерес. Благодаря чему автор не просто смог смоделировать свое собственное представление о влиянии информационных потоков на сознание граждан, но и подвергнуть обоснованной критике некоторые точки зрения, приведенные в исследовании.

Введение

Информация уже давно представляет из себя ресурс, который может быть использован для стратегических целей, в том числе и тех, что служат не общесоциальной цели, а иной, направленной на деформацию общественных взглядов или на их уничтожение. В ряду событий, которые в настоящее время происходят по всему миру не сложно увидеть, что информационное противодействие – это важнейший признак политической борьбы, ведущейся на международной арене по причине противоречий, образуемых на фоне таких аспектов государственно-правового взаимодействия, как: экономика, геополитика, межэтнические и религиозные отношения, и др.

Между тем мало кто знает, что потоки информации, освещающие протекающие события могут формироваться разными способами, в том числе и теми, что приводят к трансформации общественных мнений и взглядов. Конструктив данных способов заключается в том, чтобы: а) нарушить существующие знания об объекте, и б) вложить в сознание субъектов иное, нужное источнику информации представление о его феномене [1, С. 381–387]. В особенности, это проявляется там, где аксиологические основы не имеют устойчивой опоры на искренний человеческий интерес, либо сам общественный интерес опосредован не сколько желанием граждан приобрести с информацией что-то действительно ценное, сколько использовать информацию в качестве развлекающего сегмента [2, С. 108–113]. К примеру, в настоящее время, цифровизация сделала некоторые источники информации максимально доступными, но не решила задачу защиты граждан от такой информации, даже если при этом в ней содержится заведомо отравляющая сознание потребителя ложь [3, С. 57–66].

Беспредметное, хаотичное, не основанное на здоровом интересе со стороны её будущего носителя использование информационных потоков приводит к тому, что рано или поздно знания подменяются просто поступившей информацией, а на смену здоровому осмыслению приходит фидеизм, в особенности, если источником указанной подмены выступает государственный аппарат. В частности, пропаганда, как средство растворения знаний, используется уже давно, и каждый раз её действие негативно сказывается не только на сознании общества в принципе, но и на таких факторах государственного отражения и развития, как: политика, история, право, и др. [4, С. 325–331].

В таком случае, общественное мнение становится крайне уязвимым к внешним проявлениям, и в особенности это сказывается на тех, кто еще не научился отделять информацию о предмете, а также правильно воспринимать последствия применения его свойств.

Так, автор диссертационного исследования «Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ» А.М. Соколова, утверждает, что начало информационной войны почти всегда заключается в том, что кто-то нарушает принципы распространения информации. Стараясь подменить действие указанных принципов беспрепятственной возможностью её распространения, субъект переходит от состояния возможности к стадии вседозволенности, при этом не имеет значения, прав он или нет. Важно другое – информация используется для генерации пространства, где главенствующим будет один принцип – «дай, что просят». В таком случае, в обществе, где долгое время наблюдается «информационный голод», потребителю очень сложно разобраться – что является правдой, а что – нет [5, С. 174].

Между тем стремление к обладанию информацией растет перманентно; развитие цифровых технологий сделало информационное пространство настолько уязвимым для вмешательства извне, что иногда крайне сложно понять какой именно источник является правдивым, а какой, наоборот, создан для искажения поступающих сведений. В особенности это проявляется в информационных войнах, где потоки данных настолько многочисленны, что респондентам крайне сложно понять, что именно является правдой, а что нет.

В исследованиях, отражающих влияние информационных потоков на сознание граждан, создаваемых, в первую очередь, путем внесения в общее пространство дезинформационных составляющих, нередко отмечается, что именно знания, которые уже сформированы в субъективном или общественном понимании и оценке свойств тех или иных природных феноменов, являются наиболее эффективным, а порой и единственным средством защиты от пагубного влияния. Причина этого в том, что знание не предлагает подвергать сомнению собственное мнение о, к примеру, происходящем в современном мире, а сразу же позволяет выделять из поступающей к субъекту информации сегменты её правдивости или ложности [6, С. 158–162]. В свою очередь, противопоставляя такие объекты человеческого познания, как информационная война и знание было бы неправильно обратиться к логике мыслителей и не понять, что именно из себя представляют указанные явления.

Так, согласно последним представлениям о феномене информационной войны её логично отнести к противоборству, в основу которого положено использование (распространение) информации со стороны одного субъекта в собственных интересах, и направленной против интересов другой стороны («information and psychological warfare» [7, С. 116–123] Сам термин «информационная война» носит условное значение, и официально для определения сути возникшего противостояния был применен канадским исследователем медиа М. Маклюэн, который и указал на её основные признаки. В частности, важнейшим признаком проявления информационной войны является несогласованный информационный вброс, который, заведомо, не основан на правдивой оценке или интерпретации происходящих событий [8, С. 172–175].

Оценивая эссенцию затронутого феномена нередко отмечается, что основой её образования является повсеместное влияние на сознание общества путем распространения в нем, внимание, непроверенной (!) ин-

формации. Сложно сказать, какие признаки можно признать в качестве определяющих такую деятельность, поскольку усвоение такой информации требует времени, или по крайней мере реакции на такое распространение со стороны самого общества. Так, задачи, которые констатируются на почве её ведения, отражаются в следующем:

- деформация национальных интересов посредством создания в обществе нездоровых волнений или колебаний, направленных на изменение отношения к происходящим или грядущим событиям;
- создание доминирующей модели в оценке экономического, политического или военного положения;
- нарушение общественно-правовых принципов оценки поступающей информации в принципе, а также создании иллюзии о заведомой неспособности органов власти контролировать социальное пространство;
- купирование важнейших социальных и государственных институтов путем дискредитации её представителей и апологетов [9, С. 82–91].

В конечном итоге, характер информационной войны таков, что её последствия могут проявляться не сразу, а спустя время, когда сознательное представление о правде или истине каким-либо образом изменится.

Тем не менее, оценивая важность влияния информации на социальное сознание нельзя не отметить, что право на информацию, предоставляемое гражданину практически в каждом случае, так или иначе, затрагивает аспект и необходимости её аккумуляции и необходимости оценки на предмет соответствия истине (правде). В первом случае, мы имеем дело с объективной составляющей распространения информации, во втором, с её субъективной оценкой. Так или иначе, информационная война, почти всегда продолжается там, где отсутствует концептуальное представление о то, что такое «информационная правда», и заканчивается там, где её носители обладают достаточной квалификацией и навыками дифференциации поступивших к ним сведений [10, С. 142–147]. В указанной связи логично указать на то, а что вообще, в контексте рассматриваемого вопроса, разумно относить к навыкам подобного типа. Для этого, как представляется, следует сделать упор на два основных фактора: истинность информации и способность её усмотреть (оценить).

Как говорил Аристотель: «Истина – это интензивное (от слова «интенция» – замысел) согласие интеллекта с реальной вещью...» [11, С. 150] и если принять за то, что указанное выражение хотя бы частично позволяет раскрыть сущность истинности, то мы можем указать на некий признак человеческой способности самолично её определять в реальности – осмысленность. Интенция человека как природная способность видеть и понимать феноменологию природы вещей разнообразна, а потому выделять какие-то признаки затронутой способности нет смысла, тем более, что конфигурация моделей, который человек использует, когда дает оценку реальной действительности, не выдерживает критики. Важно другое, что эта способность декларирована каждому. В противном случае тезис философа был бы опровергнут тут же. И в этом формате не сложно заметить, что осмысление как таковое невозможно, если субъект её реализации не обладает достаточной для её применения базой знаний. Другими словами, субъект не может не обладать способностью осмысливать происходящее, но для признания реальности как таковой он обязан видеть и понимать её такой как она является, и без знаний это сделать не представляется возможным. Знания, в свою очередь, выступают не только вектором направления такого ос-

мысления, но и источником для его окончательных выводов.

Следуя логике представленных выводов, необходимо понять, что знание, само по себе – абстрактная категория, которая вместе с тем отражает интеллектуально-мыслительную способность лица проецировать собственный взгляд на влияющие факторы. В свою очередь, в философии, оценивающей понятие «знание» как категорию, относящуюся к порочности мышления, оно рассматривается с объективной точки зрения и субъективной. Так, с объективной точки зрения, знание – это система данных (свойств, чувств, представлений о предметах), подчиненная и используемая человеком для оценки существующей реальности. В то же время, знание – это еще и субъективное восприятие лицом признаков реальности, основанное исключительно на эмпирическом познании мира [12, С. 10–14]. В свою очередь, очень важно понимать, что именно следует относить к знаниям, а что – нет. Так, известнейший философ Конфуций указывал, что знание – это когда человек знает и всё, а незнание – наоборот [13, С. 31–39]. Учитывая столь простое представление о знании, логично предположить, что его конъюнктура состоит из данных, уже известных человеку. Отчасти это правда, но в нашем случае, когда речь идет об агрессивном информационном воздействии, утверждать, что знание – это только уверенность человека в правоте собственной мысли, было бы не совсем верно. К примеру, в рамках информационного противостояния, одна из стран сделала сообщение о том, что на границе между данными государствами состоялась перестрелка, и причиной чему послужили именно действия оппонента. При этом, другая сторона опровергает данное сообщение, попутно обвиняя распространителей указанной информации во лжи. Здесь, для окончательного вывода нет оснований, а потому информационный вброс рассчитан на создание сомнений. В данном случае, осмысление, если лицо не заинтересовано в эскалации конфликта, должно выстраиваться по пути недопустимости необоснованных выводов, так как субъект понимает, что способность начать конфликт существует у каждой стороны, а также то, что любая, не подвергаясь сразу же проверке, информация, может оказаться ложной. В этом случае, мы имеем дело с абстрактным мышлением, основанным на том, что вероятность сама по себе может истолковываться и в ту, и в другую сторону. Из этого следует, что у знания есть предметная стороны осмысления, и беспредметная, которая, в частности, косвенно затрагивает отдельные стороны явления, но не позволяет выносить из его свойств ложных предубеждений.

Заключение

Категория «знание» – не стабильна, поскольку в её понимание заложено не только представление о предмете и правильности обращения с ним, но и то, что истина сама по себе не статична. Это значит, что информационные потоки могут менять не только отношение человека к происходящему, но и перегружать ту самую систему знаний, учитывая, что те же ложные представления о событии изначально некатегоричны, или не соответствуют тем стандартам, которые человек использует, основываясь исключительно на том, что – по Конфуцию – знает и всё. В конечном итоге, знания не могут служить абсолютной защитой для тех, кто старается использовать их по назначению, и не использует их как панацею от всех бед, учитывая, что они сами по себе и есть информация, осмысленность которой и есть главный фактор в борьбе с ложными информационными проявлениями.

Учитывая данное, можно сказать, что знание, как средство противодействия информационным негативным явлениям, не обладает совершенной силой. Другими словами, знание – это тоже информация, и её конфигурация, и тем более использование в целом, скорее зависит от интеллектуального потенциала её носителя. Учитывая это, логично допустить, что настройка носителя информации против воздействия на его сознание со стороны другой информации (или носителя) зависит от способности человека самостоятельно сознательно оценивать, как её достоверность, так и иные факторы.

Литература

1. Приходько М.В. Информационные войны современности: ретроспективный взгляд // Россия и Запад: диалог культур: сборник материалов XXIII Международной конференции, Москва, 25–27 марта 2021 года. – Москва 2021. – С. 381–387.
2. Годарев-Лозовский М.Г. Принцип различения информации и знания, Санкт-Петербург, 2022. – С. 108–113.
3. Гриненко Г.П. Потенциальные возможности и негативные последствия цифровизации мировой экономики // Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2021. – С. 57–66.
4. Жеглова Ю.Г. Информация, пропаганда, журналистика, PR: новая конфигурация // Москва, 22–23 апреля 2021 года. Том 1. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 325–331.
5. Соколова А.М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ // Красноярск. 2007. 174 с.
6. Корчак К.И. Знание и информация в развитии информационного общества // М. 2022. – С. 158–162.
7. Мельник С.В. Повышение опасности информационных войн в условиях глобализации // Международная жизнь. – 2023. – № 2. – С. 116–123.
8. Цыганкова Д.А. Информационная война 20 века // Технологии образования. – 2023. – № 2(20). – С. 172–175.
9. Чумиков А.Н. Актуальный продукт информационной войны: принципы и признаки // Коммуникационный вектор: М. «Проспект», 2022. – С. 82–91.
10. Неклюдова А.В. Влияние информационной войны на сознание человека // 2023. – № 1(66). – С. 142–147.
11. Глушаков А.А. Искусство и истина у Аристотеля в контексте философской // Санкт-Петербург, 2011. – 150 с.
12. Булатова Е.С. Соотношение понятий «знание» и «информация» // Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции, Екатеринбург, 05 октября 2020 г.: Уральский государственный аграрный университет, 2020. – С. 10–14.
13. Похилько А.Д. Педагогический диалог С Конфуцием: традиции и современность // Диалогическая культура педагога: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Армавир, 18 апреля 2019 г. то Часть 2.: Армавир, Армавирский государственный педагогический университет, 2019. – С. 31–39.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF COUNTERACTION TO INFLUENCE ON SOCIETY'S CONSCIOUSNESS BY MEANS OF INFORMATION WAR

Yakovko T.V.

Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The author of the article gives an assessment of the influence of the means of information warfare on the consciousness of the masses, and also points out the role that knowledge plays, provided that they are used as a counterbalance and, accordingly, a means of counteracting such influence. The study touched upon the issues of determining the essence of such phenomena as: information warfare, knowledge, information, and others, which made it possible to understand that knowledge plays a key role in counteracting negative information stuffing. In the context of the questions posed to the study, the author gives a philosophical understanding of the role of knowledge and its influence in the processing of information in general, and also points out the impossibility of using knowledge as a means of counteraction without the proper intellectual development of society (personality). The main conclusion was that knowledge is a category that gives a person the opportunity to comprehend what is happening, but does not save him from the formation in his mind of those errors that carry information aimed at its destruction. Ultimately, knowledge is information, and replacing it with another – false – is a process that allows one to push out one knowledge with the help of another, or violate the principles of its use in the future.

Keywords: information, truth, war, digitalization, politics, conflict, globalization.

References

1. Prikhodko M.V. Modern information wars: a retrospective view // Russia and the West: dialogue of cultures: collection of materials of the XXIII International Conference, Moscow, March 25–27, 2021. – Moscow 2021. – S. 381–387.
2. Godarev-Lozovsky M.G. The principle of distinguishing between information and knowledge, St. Petersburg, 2022. – P. 108–113.
3. Grinenko G.P. Potential opportunities and negative consequences of the digitalization of the world economy// Belgorod: Belgorod State Technological University. V.G. Shukhova, 2021. – S. 57–66.
4. Zheglova Yu.G. Information, propaganda, journalism, PR: a new configuration // Moscow, April 22–23, 2021. Volume 1. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), 2021. – P. 325–331.
5. Sokolova A.M. Information wars in the context of globalization: socio-philosophical analysis// Krasnoyarsk. 2007. 174 p.
6. Korchak K.I. Knowledge and information in the development of the information society // M. 2022. – P. 158–162.
7. Melnik S.V. Increasing the danger of information wars in the context of globalization // International life. – 2023. – No. 2. – P. 116–123.
8. Tsygankova D.A. Information war of the 20th century// Education technologies. – 2023. – No. 2(20). – S. 172–175.
9. Chumikov A.N. Actual product of the information war: principles and features // Communication vector: M. "Prospect", 2022. – P. 82–91.
10. Neklyudova A.V. The influence of the information war on human consciousness // 2023. – No. 1 (66). – S. 142–147.
11. Glushakov A.A. Art and truth in Aristotle in the context of philosophy // St. Petersburg, 2011. – 150 p.
12. Bulatova E.S. Correlation between the concepts of "knowledge" and "information" // Proceedings of the All-Russian National Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, October 05, 2020: Ural State Agrarian University, 2020. – P. 10–14.
13. Pokhilko A.D. Pedagogical dialogue with Confucius: traditions and modernity// Dialogue culture of the teacher: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Armavir, April 18, 2019 Part 2.: Armavir, Armavir State Pedagogical University, 2019. – S. 31–39.

Роль религии в сохранении и укреплении традиционных ценностей в условиях развития информационного общества в России

Артемьев Алексей Александрович,

к.ф.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана

E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

Переоценка традиционных ценностей и духовно-нравственный кризис российского общества формируют новые идеи, что вызывает определенный научный интерес к анализу мировоззрения современного социума в условиях информатизации. В сфере происходящих аксиологических трансформаций возникает вопрос о необходимости исследования влияния новых западных ценностей на современное российское общество. В культурной и духовной борьбе с «новыми ценностями», насаждаемыми странами Запада, выступают традиционные религиозные объединения России, особую роль среди которых выполняет Русская православная церковь.

Ключевые слова: информационное общество, ценности, традиционные ценности, российское общество, постмодернизм, трансгуманизм, религия, Русская православная церковь, информационное пространство.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к реконструкции социальных отношений во всех сферах жизнедеятельности общества. Информатизация российского общества непосредственно связана с проблемой трансформации мировоззрения современного социума, где информационная среда вносит существенные когнитивные изменения в сознание современного человека, формируя в нем новое восприятие мира, новые ценности и идеалы. Информационное общество перемещает человека в созданное им же информационное пространство, которое навязывает ему доминирующие там новые идеи и смыслы. Современный человек, находясь в глобальном кибернетическом пространстве, становится объектом различного рода коммуникативных манипуляций. Зарубежные традиционные СМИ и новые медиа, являясь носителем и коммуникатором различной социальной информации, все активнее продвигают антироссийские фейки и контент с нетрадиционными «новыми ценностями».

По мнению исследователя Макашовой В.В., в современном информационном пространстве площадками для распространения фейков становятся так называемые новые медиа (Twitter, Facebook¹, Instagram*, Telegram, ВКонтакте), YouTube, Wikipedia, а также сообщения, распространяемые с помощью мессенджеров [1].

В информационном пространстве развернулась крупномасштабная борьба за сознание людей, что повлекло за собой поляризацию российского социума. Так, в процессе информационной глобализации выстраивается новая культура российского общества, где формируются не являющиеся традиционными ценностями идеи и смыслы человеческого бытия, что приводит к столкновению и противостоянию людей различных поколений. Применяя современные информационные технологии и соответствующий контент, появилась возможность за достаточно короткое время трансформировать сознание человека. Данный процесс при определенных обстоятельствах стал особо затрагивать переоценку традиционных ценностей и национальной идентичности, которые веками формировались в нашем народе под влиянием традиционных религий и конфессий. В последнее время существенно поменялся мировоззренческий и идеологический облик российского социума.

В сфере происходящих аксиологических трансформаций возникает вопрос о необходимости исследования влияния «новых ценностей», идей и смыслов на современное российское общество.

Появилось такое явление, как теологическая война, которая характеризуется противостоянием глобалистских структур с традиционными религиями и отдельными конфессиями, как например, борьба с русским право-

¹ Facebook, Instagram – Тверской суд Москвы 21 марта 2022 г. признал экстремистской организацией компанию Meta, ранее известную как Facebook. Также по решению суда в России запрещена деятельность социальных сетей Facebook и Instagram по причине экстремизма и русофобии.

славием, которое занимает в привычном, общепринятом мышлении большей части россиян важное место. Традиции возможно рассматривать как конструкции, коммуникационные технологии передачи культурного и духовного опыта поколений. Мировоззрение личности можно представлять и как совокупность традиционных ценностей и принципов человека. Религиозное мировоззрение – это набор сакральных постулатов, где центральное место занимает духовная практика поколений.

Ценности, являясь феноменами, исследуются на разных уровнях общественного бытия, в то же время они до сих пор противоречивы, неоднозначны и до конца не определены. Дать обстоятельное и все исчерпывающее определение «ценности» не представляется возможным. При этом научная литература и Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» дают нам определение, что такое «ценности» и «традиционные ценности».

Ценности – смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам; ценности – основание целеполагающей деятельности человека, позволяющие вести гармоничное существование в мире [2].

Макс Вебер видел в ценности «идеал, как норму, как значимость чего-либо вообще для человека или социальной группы» Рассматривая ценность как «установку той или иной исторической эпохи», ученый заострял свое внимание на особой роли религиозных ценностей в развитии общества через призму ценностных действия индивидов [3].

Традиция – устойчивая норма (ценность), закрепившаяся в сознании людей и являющаяся разновидностью социальной регуляции их поведения [4].

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [5].

В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 достаточно аргументированно дается определение «традиционным ценностям», там же мы находим, что такие религии, как христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, оказывают влияние на формирование традиционных ценностей россиян. Особое место в формировании традиционных ценностей россиян принадлежит православию.

Религия является как одним из основных факторов, влияющих на традиционные ценности, так и субъектом социализации личности. Религиозные ценности в процессе социализации личности оказывают воздействие на сознание человека, чем определяют его бытие и дальнейшую жизнь. Особую роль в системе ценностей верующего человека выполнят религиозные постулаты, истина, не требующая доказательств. Всякая религия содержит нормы и правила, которыми обязан руководствоваться верующий человек. Таким образом, религия оказывает свое влияние на мировоззрение верующих людей, формируя их ценности, нормы и правила, которые соблюдают последователи той или иной религиозной конфессии.

Следовательно, мировоззренческими основаниями личности являются ценностные ориентиры. Под ценностными ориентирами следует понимать компоненты

структуры личности, которые отображают маршрут ее деятельности. Ценностные ориентиры как показатель осознания ценностей общества определяют самое приоритетное для человека.

Потеря ценности религии как важного социального института и утрата мировоззренческих ориентиров ведут к духовно-нравственному кризису, что обуславливает важную роль религии в формировании системы ценностей российского общества. Существуют процессы переоценки и подмены традиционных ценностей, секуляризация общества, которая сопровождается влиянием западных идей и смыслов трансгуманизма и модернизма, продвижением технологий искусственного интеллекта, которые все больше проникают в духовную сферу россиян.

Сегодня в западном мире происходят противоречивые трансформации во всех сферах жизнедеятельности общества, где создается совершенно новый тип человека, утверждается новое «христианское» толкование Священного Писания, нетрадиционное понимание природы человека и его сексуальности в современном обществе. В Западной Европе и США мы наблюдаем противостояние за духовную сферу будущего, что ждет американскую и европейскую культуру в дальнейшей перспективе? Либеральный западный мир формирует и выстраивает новую идеологию будущего миропорядка, где традиционным религиям и конфессиям не будет места. Христианство теряет свои позиции в большинстве стран Западной Европы, информационное общество, как и традиционное не может существовать без нравственных убеждений и ценностных ориентиров.

Либеральная идеология в странах западного мира, к сожалению, практически не имеет в настоящий момент серьезной альтернативы.

Тем самым либерализм принимает тотальный характер, трансформируется в диктатуру, подавляя тем самым права и свободы человека. Создается «новая религия», где главным диктуется плюрализм полов, гендеров, рас и этносов, идеи разнообразия популяризируются в СМИ и других средствах массовой коммуникации, мировое информационное пространство наполняется идеями универсализации нравов и устоев.

Таким образом, формируется новое общество, где под идеями защиты прав и свобод человека навязываются противоестественные нормы и правила и воссоздается другая система фундаментальных ценностей.

Рассмотрим основные главные социальные тренды и «новые ценности» либеральной демократии современного западного мира, которые продвигаются в глобальном информационном пространстве.

В западном мире зарождается теория необходимости радикализации равенства, переход к еще более горизонтальной общественной модели, где полностью отсутствует всякая вертикальность – даже двухмерная и материалистическая. Равенство полов, равенство видов, равенство людей и машин – вот основные тренды новой демократии. Пол уже не является отличием между мужчиной и женщиной, отрицается гендерная иерархия. Все это осуществляется через радикальный феминизм, индивидуальный выбор пола, киберфеминизм. Глубинная экология пытается уравнивать человека с животными и представить его частью природы. Существуют и крайне радикальные экологические версии, говоря о человеке как о антиприродном явлении. Все это может выглядеть очень актуально и привлекательно, но природа не имеет своего центра и отказ от антропоцентризма может привести к хаосу в отношениях человека и природы. Трансгуманисты ставят своей целью поставить знак равенства между человеком и машиной, такой подход

появился еще в эпоху Нового времени, где с позиции атеизма и материализма человек понимается как совершенная машина. Уже сейчас в области искусственного интеллекта отмечаются технологии тотального контроля над обществом [6].

Информационный прогресс – это социальное неравенство, бедность, нищета, социальная обособленность. Так, по мнению политического аналитика из Кении Нанджалы Ньяболы, теория Клауса Шваба «четвертая промышленная революция» (4ПР) используется мировыми элитами с целью отвлечения людей от возрастающего в мире социального неравенства. Развитие информационных технологий происходит неравномерно и исключительно в интересах социального неравенства и закрепления господства неолиберализма. Испанский социолог Мануэль Кастельс считает, что цифровые технологии как ускоряют развитие одних стран, так и маргинализируют другие страны [7].

Цифровизация общества может трансформироваться в идеологию, отторгая при этом сакральное. Таким образом, цифровые технологии вступают в противоречие с традиционными религиями. Цифровизация целесообразна и продуктивна в том случае, если за ней не стоит идеология, и она не противостоит религии и духовности.

Гендерные, экологические, трансгуманистические идеи являются особой частью политики новой демократии, именно это становится новой идеологией и стратегией нового либерального западного мира.

Значительная часть российского общества, которое присутствует в глобальном информационном пространстве, находится под влиянием западных идей и смыслов. Церковь и религиозные ценности в информационном обществе, к сожалению, утрачивают свое бывшее значение. В России пока еще традиционно присутствует взаимосвязь религиозности с индивидуальными нормами и правилами. Чаще всего, православные «воцерковленные» люди традиционные ценности считают сакральными.

В то же время в российском обществе религия, исторически выполнявшая миссию воспитания и социализации личности, последовательно теряет свою былую роль. Категории мышления, образ жизни большинства граждан нашей страны более не являются православными. Но все таки, определенная часть современных россиян в своем сознании традиционно считает себя православными христианами. Многие россияне, к большому сожалению, воспринимают православную веру как нечто магическое.

Таким образом, под влиянием новых западных либеральных идей реализуется секуляризация российского общества, которая происходит в следующих направлениях:

первое направление – вытесняются традиционные религии из жизни россиян нетрадиционными ценностями и правилами, где под видом рационального сознания происходит своеобразный светский процесс, в котором материальное имеет приоритет над духовным;

второе направление – формируется индивидуализация личности, десакрализация отдельного индивида и социальных институтов, происходит потеря веры в священное, утрата жизненных смыслов и идей.

Уже сегодня у определенной части россиян, особенно молодого поколения, отмечается явление гедонизма, духовное вырождение и крах традиционных норм и правил. В то же время все еще значительная часть наших граждан крайне негативно относятся к нетрадиционным западным ценностям, насаждению секулярных настроений, проведению антирелигиозных и лжерелигиозных информационных кампаний против Русской православной церкви и других традиционных религиозных объе-

динений России, и тем самым пытается противостоять унифицирующему влиянию Запада.

Особую озабоченность в данной ситуации вызывает современная российская молодежь. Социальное пространство ценностных ориентаций молодежной среды носит противоречивый и размытый характер. Значительная часть молодых людей находится под влиянием популярных в молодежной среде «лидеров общественного мнения», блогеров, которые продвигают индивидуализм, культ богатства и нетрадиционный образ жизни. Как социальная группа российская молодежь имеет неясное представление о традиционных ценностях и социальных идеалах, жизненной целью части современных молодых людей становится потребительство и меркантильность.

В национальном информационном пространстве по-прежнему происходит фальсификация российской истории, дискредитация политического и военного руководства страны, подрастающему поколению навязываются чуждые традиции и обычаи. В настоящий момент в российском обществе происходит конфликт поколений, вызванный ценностными трансформациями в молодежной среде. Молодые люди, подверженные либеральными идеями индивидуализма, все чаще стали пересматривать ценности предыдущих поколений. Переоценка традиционных ценностей и духовно-нравственный кризис российского общества создают угрозы и риски национальной безопасности России.

В сложившейся ситуации особую роль в культурном и духовном противоборстве с новыми западными ценностями выполняют традиционные религиозные объединения, в которых важную миссию осуществляет Русская православная церковь.

Так, в своем выступлении на пленарном заседании XXIV Всемирного русского народного собора 25 октября 2022 г. патриарх Кирилл особо отметил о традиции передачи ценностей из поколения в поколение. Говоря о западной секулярной идеологии, патриарх Кирилл заявил о посягательстве на устройство мира. Святейший сказал и о глобализации, которая уничтожает вековые культурные слои, а трансгуманизм радикально изменяет человеческую природу. Церковь активно противостоит глобализму и трансгуманизму, она различает добро и зло в современном российском обществе, что так раздражает западный мир. Патриарх Кирилл призывает православных стоять за Истину, верно исполнять заветы своих отцов, преданности вечным духовным и нравственным ценностям, которые мы приобрели через Церковь [8].

Русская православная церковь в истории нашей страны всегда оказывала положительное воздействие на мировоззрение нашего народа и его ценностные нормы и правила, транслируя немодифицируемые и вечные духовные истины.

Таким образом, российское общество в условиях глобальной информатизации подвержено сакральным изменениям, которые переносят человеческое сознание в виртуальное пространство с «новыми ценностями» и смыслами, и как следствие, происходит расчеловечивание личности. Российские граждане активно присутствуют на различных информационных площадках в кибернетическом пространстве, где доминирует прозападный и антироссийский контент. Целью внедрения западных «ценностей» в российское общество является не продвижение прав и свобод наших граждан, а духовная колонизация нашей страны с последующей интеграцией в новый мировой порядок, выстроенный англосаксонскими государствами. Под видом такого «разнообразия» происходит исчезновение суверенных государств, уничтожение национальных нравов и устоев.

В то же время пересмотр западных либеральных ценностей в нашей стране уже происходит, Указ Президента РФ № 809 определяет нам не допустить разрушить наши российские духовно-нравственные ценности основанные на традиционных религиозных нормах и правилах многонационального и многоконфессионального народа.

Стоит понимать, что обеспечение духовной безопасности является делом не только государственных органов власти, но и институтов гражданского общества, к которым относятся также традиционные религиозные объединения России. В интересах духовной безопасности России необходимо активное участие религиозных объединений в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В условиях современной военно-политической обстановки, идеологического и психологического влияния на граждан России в глобальном информационном пространстве, возникают новые духовные угрозы и риски. В сложившейся обстановке необходимо осуществлять как государственный, так и общественный контроль в интересах суверенитета национального информационного пространства. В то же время защита информационного пространства России предполагает создание и применение мощного информационного меча за пределами нашей страны.

Литература

1. Макашова В.В. Дезинформация в медийном дискурсе: анализ медиатехнологий периода СВО на Украине // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления / Факультет «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ имени Н.Э. Баумана, Академия военных наук / под общ. ред. В.Н. Ремарчука, И.В. Бочарникова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023. – С. 146–162.
2. Барышков В.П. Аксиология: Учебн. пособие. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 65 с.
3. Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 78–308.
4. Гобозов И.А. Социальная философия: Учебный словарь. – М.: Изд-во «Академический проект», 2008. – 367 с.
5. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
6. Дугин А. Хаос и принцип эгалитаризма / Центр «Катехон». URL: <https://katehon.com/ru/article/haos-i-princip-egalitarizma>

7. Савин Л. Антиутопия Клауса Шваба / Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/10/30/antiutopia-klausa-shvaba-57564.html>
8. Выступление Святейшего Патриарха на Пленарном заседании XXIV Всемирного русского народного собора. Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС). URL: <https://vrns.ru/documents/doklad-svyateyshego-patriarkha-kirilla-na-plenarnom-zasedanii-xxiv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sob/>

THE ROLE OF RELIGION IN THE PRESERVATION AND STRENGTHENING OF TRADITIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY IN RUSSIA

Artemiev A.A.

MSTU im. N.E. Bauman

The reassessment of traditional values and the spiritual and moral crisis of Russian society form new ideas, which causes a certain scientific interest in the analysis of the worldview of modern society in the context of informatization. In the sphere of ongoing axiological transformations, the question arises of the need to study the impact of new Western values on modern Russian society. In the cultural and spiritual struggle against the “new values” implanted by the countries of the West, traditional religious associations of Russia act, among which the Russian Orthodox Church plays a special role.

Keywords: information society, values, traditional values, Russian society, postmodernism, transhumanism, religion, Russian Orthodox Church, information space.

References

1. Makashova V.V. Disinformation in media discourse: analysis of media technologies of the NWO period in Ukraine. Bauman, Academy of Military Sciences / ed. ed. V.N. Remarchuk, I.V. Bocharnikov. M.: Ekon-Inform Publishing House, 2023, pp. 146–162.
2. Baryshkov V.P. Axiology: textbook. allowance. Saratov: Publishing Center “Nauka”, 2009. – 65 p.
3. Weber M. Sociology of religion (Types of religious communities) // Selected. Society image. M.: Lawyer, 1994. S. 78–308.
4. Gobozov I.A. Social Philosophy: Educational Dictionary. M.: Publishing house “Academic project”, 2008. 367 p.
5. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”.
6. Dugin A. Chaos and the principle of egalitarianism / Center “Katehon”. RL: <https://katehon.com/ru/article/haos-i-princip-egalitarizma>
7. Savin L. Dystopia of Klaus Schwab / Strategic Culture Foundation. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/10/30/antiutopia-klausa-shvaba-57564.html>
8. Speech by His Holiness the Patriarch at the Plenary Session of the XXIV World Russian People’s Council. World Russian People’s Council (VRNS). URL: <https://vrns.ru/documents/doklad-svyateyshego-patriarkha-kirilla-na-plenarnom-zasedanii-xxiv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sob/>

Гусейнов Фарид Ибрагимович,

к.ф.н., Высшая школа Социально-гуманитарных наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
E-mail: metafizika@mail.ru

У Габриэля Марселя, основателя французского экзистенциализма, как выяснил автор статьи, есть цельная концепция «философа как философа», т.е. образа настоящего философа, в отличие от «специалистов по философии с дипломом» или просто людей, так или иначе задающихся философскими вопросами на протяжении своей жизни, попадая в «пограничные ситуации» (К. Ясперс). Статья посвящена одному из аспектов концепции «философа как философа», а именно теме призвания философа. Философский дар предполагает, согласно учению Марселя, способность услышать зов бытия и откликнуться на него, в то время как сам подлинно философский труд позволяет восходить от существования к бытию. В статье изложен основной ход мысли Марселя на тему философского призвания, раскрыт ряд его других философских категорий.

Ключевые слова: Габриэль Марсель, дар, призвание философа, зов бытия, философский опыт, философский слух, Ф. Ницше, философ как философ.

Предварительные замечания

В трудах французского философа Габриэля Марселя (1889–1973), которого мы вспоминаем в этом году в связи с 50-летием со дня смерти, значительное место занимают размышления о социальной роли философии, о том, в чем заключается суть философской деятельности и каким должен быть философ в современном мире. В наше прагматичное время, когда философия все чаще считается занятием, не приносящим практической пользы и экономического эффекта, а потому бесполезным и бессмысленным, когда изучение философии, как и всех гуманитарных дисциплин, сокращается, и именно в развитых странах, эти идеи звучат даже актуальнее, чем во времена Марселя. Французский философ в отличие от К. Маркса полагал, что хотя философы не могут непосредственно изменить мир, они способны сделать это путем объяснения его, приживления древа жизни к дереву бытия. И главной опасностью в послевоенное время, с которой философ призван бороться, ему виделась угроза ядерного апокалипсиса, которая сегодня встала перед человечеством с небывалой остротой.

Кто же такой настоящий современный философ? Вопрос нетривиальный, и ответом на него оформляется у Марселя в учение о «философе как философе».

В качестве иллюстрации Марсель приводит эпизод своей встречи с английским философом А. Айером, рассказав следующее: «... я мог убедиться, например, на Конгрессе в Лиме в 1951 году в беседе с Альфредом Айером, делегатом от Британии, что когда я говорил о философии рефлексии, эти термины, имеющие во Франции, безусловно, почтенную традицию, для него ровным счетом ничего не значили» [4, с. 254]. Марсель обнаружил разницу между аналитической и континентальной философией, в которых придавался совсем разный смысл термину «философ», а качества и суть труда философа виделись по-разному, равно как и соотношение философии и науки [7, с. 2].

Спустя десять лет в Гарварде, где французский мыслитель читал лекции американским студентам, ситуация повторилась. «Позже, общаясь со студентами Гарварда, я вынужден был констатировать, что их преподаватели философии, во всяком случае, большинство из них, – делятся своими наблюдениями Марсель, – отговаривали студентов искать связь между философией, почти исключительно аналитической, пользованию которой должно было способствовать обучение, – и жизнью, проблемами, которые жизнь ставит перед каждым из нас и которые, видимо, в их глазах относились к сфере произвольного выбора, никак не соотносимого с философией» [4, с. 254–255].

Вот в таком контексте Марсель ставит вопрос о том, каким должен быть философ сегодня. Его ответ на данный вопрос, точнее ответы, как мы увидели из многочисленных прочитанных работ философа, и составляют вполне целостную теорию, которую мы назвали концепцией «философа как философа».

Быть философом сегодня опасно, ибо сама сегодняшняя ситуация в мире беспрецедентна.

Марсель – философ принципиально несистематический, поэтому его высказывания о призвании философа пришлось собирать по разным источникам, чтобы реконструировать целостную позицию.

Настоящая работа о призвании философа – часть темы «Философ как философ».

В первую очередь выясняется, что у «философа как философа» должно быть призвание к философии, способность заниматься философией, то есть своеобразный философский дар (одаренность). Кроме того, ему необходим персональный философский опыт, а также ответственность, которая в свою очередь предполагает, что истинный философ – это тот, кто добровольно возлагает на себя философский долг, являющийся внутренней, но никак не внешней мотивацией философского труда, однако эти темы составляют предмет других статей автора.

Итак, философия, по Марселю, – это призвание. Кто осознал философию как личное призвание, у того существует глубокая потребность заниматься философией, реализовываться в этом качестве как на интеллектуальном уровне, так и на уровне образа жизни. Ответственность философа заключается в том, что философ не может и не должен укрываться в башне из слоновой кости от исполнения своего философского долга. Рассмотрим вопрос о призвании немного подробнее.

Призвание философа

Двусмысленное положение, в котором оказалась философия на фоне успехов позитивной науки в XX–XXI вв., делает ответы на вопросы о философии и философской деятельности особенно актуальными. Осмысление места и роли философии после Модерна, как некогда после Средневековья, занимает многие философские умы, которых не устраивает ни ситуация, когда философия подменяется философией науки, ни ситуация, когда «философия оказывается урезанной до техники мысли» [1, с. 14]. Этот исторический духовный этап Марсель называет периодом окончательного развода философии и науки.

В своем анализе Марсель восходит к традиции размышлений о сути философской деятельности, начатой платоновским Сократом в VI книге «Государства», где речь шла об отличии подлинных философов от мнимых, под которыми имелись в виду софисты. К этой традиции ближе к нашему времени можно было бы отнести философские размышления Серена Кьеркегора (1813–1855) о субъективном мыслителе, о мнимых учителях и философах в работах Артура Шопенгауэра (1788–1860) и философских работниках у Фридриха Ницше (1844–1900). В этом же ракурсе просматривается известное рассуждение Жюль Делёза (1925–1995) о трех типах философов, не говоря уже об эссе ученого Роберта Мертона (1910–2003) и о призвании к профессии ученого у Макса Вебера (1864–1920).

Существует известный тезис Карла Поппера (1902–1994): все люди – философы. Это, конечно, и так, и не так. Можно согласиться с Поппером в том, что все люди задают большие и важные вопросы в течение своей жизни, и у них возникает потребность искать и получать на них удовлетворительные ответы. Философия вплетена в человеческую жизнь, и зачаточный философский опыт есть у всех людей, если понимать под этим простую рефлексию, тут никто спорить не станет. Марсель пишет в «Человеке проблематическом» (1955): «Конечно, ясно, что подавляющее большинство людей так и не достигает этого уровня или, во всяком случае, поднимается до него лишь в редкие мгновения, при исключительных обстоятельствах» [6, с. 105]. Это самый базовый, глобальный уровень, до которого человек поднимается в особых жизненных обстоятельствах, названных Ясперсом ««пограничными ситуациями». Когда Карл Поппер пишет, что все люди – философы, он имеет

в виду такой зачаточный уровень рефлексии, как вопросы о жизни и смерти, которые являются фундаментальными для философии, но человеческая жизнь не каждый день испытывает толчки на подобной глубине, чаще в жизни люди сталкиваются с другими разнообразными ситуациями. При том зачаточный философский опыт необходим, но недостаточен, чтобы действительно быть философом, и тут Поппер не прав.

«Как философ понимает свою профессию?» [5, с. 88]. Ответ на вопрос предполагает обретение ответа на другой вопрос: кто может быть философом? И какими качествами нужно обладать, чтобы быть философом? Прежде всего, Марсель указывает, что это тот, у кого есть философский дар: «Иначе говоря, я думаю, необходимо самым решительным образом признать, что философия, так же как искусство или поэзия, предполагает в своей основе то, что можно назвать личной вовлеченностью, – можно было бы даже сказать, в очень глубоком смысле этого слова, – призванием. Я беру слово “призвание” в его этимологическом значении» [5, с. 243]. Под этимологическим значением Марсель подразумевает требование «вернуть термину “призвание” его истинное значение, которое должно быть призывом, или, точнее, ответом на призыв. От меня зависит, будет ли этот зов распознан как зов» [8, с. 28].

Способность к философии зависит, с одной стороны, от личной вовлеченности, а с другой – от философской восприимчивости, так как философ есть «тот, для кого размышлять стало потребностью» [6, с. 112]. Философский поиск, нахождение и новый поиск того, над чем предстоит думать философу, само содержание рефлексии зависит от личного «опыта мыслителя» [2, с. 89]. Таким образом, философу, помимо разумеющихся интеллектуальных данных, говорит Марсель, необходимы не любые умственные способности, а своего рода особый философский дар. Суть дара выражается в понятии духовной восприимчивости, предшествующей всякому философскому творчеству. И, что очень важно помнить, природа дара такова, и философ тут не является исключением, что обладающий им «является никоим образом не собственником дара, но только хранителем» [8, с. 23].

Философия – это область между искусством и наукой, говорит Марсель, и даже философия ближе к искусству, чем к науке. Профессия философа в чем-то более похожа на профессию поэта, художника или композитора, чем на профессию ученого, в смысле «научного работника», поскольку в науке к участнику процесса мы применяем понятие «любой».

В науке заложен принцип универсальной значимости, применимый к сфере объективного, согласно которому «любой ученый», например химик, должен получить требуемый обязательный результат, строго предписанный условиями эксперимента, когда такие-то и такие-то вещества при смешении дадут всегда такую-то реакцию. По определению, согласно заложенным в науке принципам, научно, в смысле доказано, истинно только то, что может верифицировать каждый (любой) экспериментатор. А про поэта мы не можем сказать «любой поэт» и про композитора – «любой композитор», так как в искусстве доминирует принцип индивидуального творчества, тут невозможно получить одинаковые результаты, а большое формальное сходство результатов либо является постмодернистской игрой, либо порицается как вторичность, подражание, имитация, пошлость. Нечто похожее происходит и в философии, по отношению к которой термин «любой философ» явно не применим.

Важно отметить: в философии принцип индивидуального и универсального сочетаются. Философия – это, во-первых, всегда авторское творчество и индивидуаль-

ное размышление от первого лица, и, во-вторых, это общезначимое рационально-аргументированное рассуждение в понятиях. Поэтому, если в случае с экспериментальной наукой корректно применять термин «любой ученый» (и «одинаковый результат»), то в случае с философом, так же как в случае с поэтом, подчеркивает Марсель, мы не имеем оснований употреблять термин «любой философ». У великих философов, как свидетельствует история, различные философские учения, что часто сбивает с толку многих неподготовленных читателей философских книг, привыкших к школьным стереотипам о науке.

Далее у Марселя идет разбор диалектики идеи объективности и идеи субъективности, которую здесь нет возможности подробно приводить. Марсель пишет: «...сосредоточим наше внимание на искусстве, которое в некоторых отношениях находится в ситуации, схожей с философией» [4, с. 244].

Проиллюстрируем главную идею Марселя на знаменитом примере с музыкантом. Для пояснения своей мысли французский философ приводит ситуацию, в которой находится музыкант при исполнении музыкального произведения, и где ему предстоит дешифровка нотных записей. Необходимо отдельно подчеркнуть, что сфера музыки занимает чрезвычайно важное место в жизни автора «Метафизического дневника», который имел, помимо литературных и философских дарований, еще и музыкальные таланты. Марсель очень часто музицировал и даже сочинил несколько музыкальных произведений. Французский писатель, эссеист и мыслитель румынского происхождения Эмиль Мишель Сиоран (1911–1995), иногда его пишут как Чоран (Cioran), которого первым для широкой аудитории открыл и опубликовал Марсель в парижском издательстве «Плон» в секции «Перекрестные огни», вспоминает в статье «Портрет философа», посвященной Марселю, сколь велика была любовь того к музыке: «Среди ответов Марселя на анкету Пруста меня особенно поразили два. На вопрос: “Ваше любимое занятие?” он ответил: “Сочинять и слушать музыку”, на второй “Если не собой, то кем Вам хотелось бы быть?” – ответ звучал так: “Композитором и всецело преданным этому искусству» (Compositeur de musique et entièrement consacré à cet art)» [9, с. 308].

Вернемся однако к примеру с музыкантом. Вот музыкант перед инструментом, на котором стоят ноты с музыкальным шедевром некоего великого композитора. Музыканту предстоит играть здесь и сейчас именно это конкретное музыкальное произведение, и, разумеется, он должен играть данную вещь не как попало, но правильно, т.е. по существующим нотам стараться воспроизвести мелодию максимально близко к идее композитора. Это не заученная мелодия, нет, он читает экспромтом, сразу с листа, и в зависимости от одаренности музыкальным слухом и уровня мастерства исполнения его импровизация приближается к истинному звучанию.

В данном примере присутствуют обе стороны, как субъективная, так и объективная: сама мелодия, скрытая за текстом, которую нужно извлечь на свет (идея объективности) и индивидуальное мастерство исполнителя (идея субъективности). Таким образом, снимается возражение в субъективности как произвольности философской рефлексии, если теперь по аналогии обратиться от ситуации с музыкантом-исполнителем к философу. Произвольности нет и не может быть, так как философ, рефлексировав при помощи понятий, в своих интеллектуальных построениях на рациональном уровне стремится постичь истину, общезначимую для всех мыслящих существ, способных подняться до понимания данной философ-

ской концепции. Такое философствование, однако, не всем дано.

Это хорошо видно на примере философии Фридриха Ницше. Для прояснения данной мысли сошлемся на несколько идей Марселя. В работе «Человек проблематический» (1955) – кстати, на русский язык была переведена под названием «Человек, ставший проблемой», – Марсель, размышляя над тезисом о смерти Бога и над профетической пронизательностью автора «Веселой науки», подчеркивает разницу аспектов личного и субъективного в философском творчестве: «Невозможно переоценить значение, экзистенциальный смысл формулировок Ницше. Я хочу этим самым сказать, что они имеют значение, разумеется, личностное, но отнюдь не исключительно субъективное» [6, с. 118–119]. Мы, конечно, принимаем во внимание ситуацию автора «Заратустры», который в юности был верующим, а потом у него «Бог умер», и у которого развитие отношений с Вагнером приняло трагический оборот, но выдаваемая слава Ницше заключается именно в его философии, возвестившей о вступлении человека в радикально иную историю. «Очень характерно, однако, – пишет Марсель, – что Ницше не ограничился усмотрением здесь события личной жизни: разрыв этот, который он рассматривает как окончательный, имеет для него всеобъемлющее значение, и в этом смысле можно законно говорить о профетизме Ницше» [6, с. 119]. И наконец, после анализа идеи сверхчеловека у Ницше, звучит завершающий аккорд Марселя на тему индивидуального и универсального в философском исследовании: «С философской точки зрения значение всех этих вопросов исключительно важно. Но в рассматриваемом нами плане следует реально признать, что вера в пришествие сверхчеловека, как она выражена, в частности, в “Заратустре”, остается фактом почти исключительно ницшеанским: в то время как утверждение смерти Бога получило отзвук трагический и как бы необратимый в сознании огромного множества мыслителей» [6, с. 122]. Такое сочетание универсального и индивидуального, всеобщего и уникального встречается только у гения.

Главное для философа, что дано как философу ему и только ему, является умение концептуализировать полученный опыт. Оригинальность и мастерство философа заключается в таланте выразить свой опыт на языке понятий, проясняя действительность под авторским углом зрения подобно тому, как оригинальность поэта заключается в умении писать настоящие стихи. Так, постепенно с помощью рефлексии в процессе метафизического поиска через устранение заблуждений настоящий философ приближается к установлению истины. При этом «любой» человек ее даже не опознает.

Из данной аналогии вытекает в то же время еще одно следствие. Представляется естественным, что на поэта нельзя выучиться, закончив, например, литературный институт. Очевидно, что поэт поэтом делает не полученный диплом, а нечто совсем другое. И точно так же, продолжает свою мысль Марсель, как у поэта есть поэтический дар или у музыканта – музыкальный дар, настоящим философом нельзя стать, закончив философский факультет, настоящему философу должен быть присущ философский дар. Марсель утверждает, что как в музыке нужен музыкальный слух, так в философии необходим особый «философский слух». Слово «слух» в эстетическом плане означает «позицию сознания перед лицом того, что ему дано услышать. Но позиция философа не может быть принципиально иной природы, нежели трактуемый подобным образом слух» [4, с. 245]. Только тот, кто одарен философским слухом, в состоянии улавливать, а потом описывать происходя-

щие вокруг процессы: «Философ должен уловить душу события» [5, с. 64].

Философ должен услышать зов бытия – а может его не услышать или проигнорировать. Только услышав его и откликнувшись, философ в своем труде, если он оригинальный философ, а не просто преподаватель и пересказывает идеи других мыслителей, восходит к бытию – бытийствует.

Резюмируем основную идею Марселя о призвании философа. Чтобы состояться как философ, человек должен услышать призыв бытия и дать на него ответ. При этом необходим философский слух, подобный музыкальному слуху композитора или исполнителя. В своем выборе пути, тем и методов мыслитель, с одной стороны, безусловно, свободен как творческая личность. Но, с другой стороны, эта свобода не означает произвола. Философ связан с конкретной ситуацией, в которой протекает его жизнь, и это важно в горизонтальном измерении. Но подлинный философ восходит к трансцендентному, и это его вертикальное измерение, заданное исходным положением человека как конечного существа или того, что Марсель, вслед за А. Мальро именует «человеческим делом».

Итак, мы вкратце рассмотрели одно существенное свойство настоящего философа – способность острым зрением увидеть и тонким слухом услышать в происходящем то, что лежит перед всеми. Мыслители, услышавшие зов бытия, не должны оставить его без ответа. Положение обязывает в том смысле, что полученный, надо полагать, свыше философский дар обязывает мыслителя к исполнению его предназначения и запрещает уклоняться от его долга. Быть философом – это не просто одна из многих профессий, философу дано увидеть то, что, невидимо для других. Однако этот дар является необходимым, но недостаточным условием рождения «философа как философа», есть и другие, которым посвящены иные статьи автора.

Литература

1. Гусейнов, А.А. Философия как этический проект: Доклад на XXIII Всемирном философском конгрессе (Афины, 4–10 августа 2013 г.) [Текст] / А.А. Гусейнов; Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2013. – 23 с.
2. Гусейнов Ф.И. Уроки философии и вопросы философского образования в творчестве Габриэля Марселя // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 81–92.
3. Гусейнов Ф.И. Что значит «быть»? Габриэль Марсель об онтологическом таинстве в докладе 1933 года с. 85–90 // Социально-гуманитарные знания. № 3. 2023.
4. Марсель Габриэль. В защиту трагической мудрости // Путь в философию. Антология. Москва: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2001. С. 243–267.
5. Марсель Габриэль. Люди против человеческого / Сост., вступит. ст., пер. с фр., примечания В.П. Визгина. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 208 с.

6. Марсель Габриэль. Трагическая мудрость философии. Избранные работы. – М, Издательство гуманитарной литературы, 1995. – 216 с.
7. Ayer A.J. The Central question of philosophy. – Harmondsworth, 1973. – p. 243
8. Gabriel Marcel. Homo Viator. Paris: Association Présence de Gabriel Marcel. 1998. 431 p.
9. Cioran E.M., Portrait d'un philosophe: Gabriel Marcel. 304–312. – Gabriel Marcel Colloque organisé par la Bibliothèque Nationale et l'association "Présence de Gabriel Marcel" 28–30 Septembre 1988. – Bibliothèque Nationale, Paris, 1989. – 332p.

GABRIEL MARCEL: PHILOSOPHER AS CALLING

Huseynov F.I.

Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Bauman Moscow State Technical University

Gabriel Marcel, the founder of French existentialism, as the author of the article found out, has a whole concept of a "philosopher as a philosopher", that is the image of a real philosopher, unlike "specialists in philosophy with a diploma" or just people who somehow ask philosophical questions throughout their lives, getting into "border situations" (K. Jaspers). The article deals with one of the aspects of the "philosopher as a philosopher" concept, namely the topic of the philosopher's calling. The philosophical gift presupposes, according to Marcel's teaching, the ability to hear the call of being and respond to it, while the truly philosophical work itself allows one to ascend from existence to being. The author describes the main course of Marcel's thought on the topic of philosophical calling, reveals a number of his other philosophical categories.

Keywords: Gabriel Marcel, gift, calling of a philosopher, call of being, philosophical experience, philosophical ear, F. Nietzsche, philosopher as a philosopher.

References

1. Guseynov, A.A. Filosofiya kak eticheskij proekt: Doklad na HHIII Vsemirnom filosofskom kongresse (Afiny, 4–10 avgusta 2013 g.) [Tekst] / A.A. Gusejnov; Ros. Akad. Nauk, In-t filosofii. – M.: IF RAN, 2013. – 23 s.
2. Guseynov F.I. Uroki filosofii i voprosy filosofskogo obrazovaniya v tvorchestve Gabrielya Marselya // Voprosy filosofii. 2023. № 4. S. 81–92.
3. Guseynov F.I. Chto znachit «byt'»? Gabriel' Marsel' ob ontologicheskom tainstve v doklade 1933 goda s.85–90 // Social'no-gumanitarnye znaniya. № 3. 2023.
4. Marsel' Gabriel'. V zashchitu tragicheskoy mudrosti // Put' v filosofiyu. Antologiya. – Moskva: PER SE; SPb: Universitetskaya kniga, 2001. S. 243–267.
5. Marsel' Gabriel'. Lyudi protiv chelovecheskogo / Sost., vstupit. st., per. s fr., primechaniya V.P. Vizgina. – M.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. – 208 s. [In Rus].
6. Marsel' Gabriel'. Tragicheskaya mudrost' filosofii. Izbrannye raboty. – M., Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1995. – 216 s. [In Rus].
7. Ayer A.J. The Central question of philosophy. – Harmondsworth, 1973, p. 243 [In English].
8. Gabriel Marcel. Homo Viator. – Paris: Association Présence de Gabriel Marcel. 1998. 431p. [In French].
9. Cioran E.M., Portrait d'un philosophe: Gabriel Marcel. 304–312. – Gabriel Marcel Colloque organisé par la Bibliothèque Nationale et l'association "Présence de Gabriel Marcel" 28–30 Septembre 1988. – Bibliothèque Nationale, Paris, 1989. – 332p. [In French].

Обоснование трансцендентального генезиса в феноменологической философии

Полетаева Юлия Геннадьевна,

к.ф.н., доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета
E-mail: jpkamch@gmail.com

Исследование понятия генезиса лежит в основании трансцендентально-феноменологического рассмотрения сущности времени. При этом познание окружающего мира всегда опосредовано сознанием времени или темпоральными свойствами сознания. Глубокий анализ такого понимания времени проводится Э. Гуссерлем, который выделяет множество уровней в понимании первичных (исторических) временных различий. Показано отличие от представления времени И. Канта, согласно которому понятие времени выступает априорным критерием идентификации представлений о предмете. Э. Гуссерлем утверждается понимание времени как особое темпоральное свойство интуиции сознания. Рассмотрение внутреннего сознания времени позволяет Э. Гуссерлю зафиксировать идею трансцендентального генезиса конститутивных систем. Однако феноменологическая трактовка такого рассмотрения понятия генезиса приводит к некоторым затруднениям в научном осмыслении сопряженности понятий генезиса и истории. Концептуальная двусмысленность в обосновании идеи трансцендентального генезиса связана с категориальной деформализацией конституирования нового. При этом утверждается необходимость исследования своеобразия различных способов феноменологической явленности, направленного на поиск нового измерения конституирования.

Ключевые слова: история, феноменологическая философия, трансцендентальный генезис, темпоральность, сознание времени.

Постановка проблемы трансцендентального генезиса

Согласно феноменологической философии, возможность непосредственного доступа к объективно существующей реальности покоится на тех актах отражения действительного мира посредством как чувственных, так и мыслительных образом, благодаря которым мы воспринимаем или познаем мир. Следовательно, необходимо исследовать и понять такие свойства и характеристики сознания, через которые эта действительность оказывается доступной. Необходимо учитывать при этом, что для выстраивания хода нашего рассмотрения сущности трансцендентального исторического познания является немаловажным допущение, согласно которому, обращение к опыту очевидной темпоральной данности в дескриптивно-методологическом аспекте на этапе поздней феноменологии «явно следует за пространством» его смыслового генезиса. «Генетический» вопрос феноменологии лежащий в основании трансцендентального вопрошания о сущности понятия времени или временности сознания, был тщательно проанализирован Э. Гуссерлем на этапе позднего развития феноменологии. Как отмечает В.И. Молчанов: «В качестве первого шага исключения объективного времени, Гуссерль проводит аналогию внутреннего времени с полем зрения. Он подчеркивает при этом, что пространство и время обнаруживают «часто отмечаемые и важные аналогии» (ФВ,7 [5]). Однако здесь можно поставить иной, «генетический», вопрос: не возникает ли вообще понятие времени и, соответственно, опыт времени из понятия и, соответственно, опыта пространства?» [1, 87]. Следовательно, понятие трансцендентальной субъективности, по мысли Э. Гуссерля, является радикально темпоральным, с точки зрения фиксации пространственных характеристик внутреннего, имманентного времени субъекта. В ходе проведения последовательного анализа понятия времени, Гуссерлем выделяются ряд ключевых терминов, таких как интенциональная «данность ощущений», которые в тоже время выступают в качестве модифицирующих форм «схватывающего сознания». Посредством данных выражений определяется особый «характер протекания» или иными словами фиксируются такие формы «временной ориентации», с помощью которых философ выделяет множество уровней в осмыслении исходных временных различий. Более того, тщательное рассмотрение особенностей конституирования временных объектов в качестве способов описания закономерностей сознания времени, на наш взгляд, фундаментальным образом углубляет понимание самого основания, объясняющего сознание времени, как последовательности, так и одновременноности в ходе («прото») восприятия или первичного, первоначального восприятия временных объектов. В «Бернманускриптах» им утверждается следующее: «Мы должны обосновать речь о «восприятии» с помощью континуума данных ощущений. Этот континуум, находится целиком и полностью в сознании моментального события таким образом, что мы склонны его рассматривать как континуум ощущений, сопряженных с такой формой сознания, в которой градации ясности являются, представляются

в настоящем также и градации прошлого (соответственно прошлые точки отрезка события» [2, 52]. Таким образом, исходя из вышесказанного, следует заключить, что вопрос о трансцендентально-феноменологической сущности времени не может быть в полной мере производным от какого-либо субстанциально-метафизического допущения в его обоснования, даже если принимать во внимание кантовское понимание понятие времени в качестве априорной феноменальной формы, выступающей условием трансцендентального схематизма. В силу этого, рассмотрение сущности генетического определения трансцендентального понятия времени требует дальнейшего прояснения.

Необходимо напомнить, что решая судьбу метафизики как сферы теоретической систематизации и категоризации объективных знаний о действительности, Кант отталкивается не от объяснения и истолкования процессов действительности в ходе ее сущностно онтологического рассмотрения, а исходит соответственно от самого субъекта познания, выдвигает в качестве решающего понятия «трансцендентальное единство апперцепции». При этом последовательное обоснование необходимости данного понятийного установления представляло собой только формальное гносеологическое допущение «основоположения» всякого чувственно-наглядного образа предмета, свободного воспроизводимого (конструированного) в сознании. Иными словами, речь должна идти только о действующем логическом или методологическом (гипотетико-дедуктивном) принципе объективного предметного применения категорий, в котором инструментом описания синтеза выступает понятие времени в качестве характеристики «предметного» свойства сознания. Согласно И. Канту осуществление сознания по отношению к предметному миру обуславливается определенной темпоральной последовательностью или одновременностью дифференцированных представлений, «представляющих собой последнюю отсылку в объяснении возможности созерцания или восприятия» [3, 45]. Необходимо отметить, что и, первое и второе издание «Критики чистого разума» рассмотрение трансцендентальных синтезов (включая описание в первом издании: схватывания/аппергенезиса; воспроизведения в воображении; рекогниции в понятии) представляет собой способ идентификации действительного многообразия в качестве предмета созерцания. Данная чувственная ступень познания, формирующая представление об особенностях единичного предмета также представляла собой нечто иное, как идентификацию представлений в качестве опосредованной каким-либо действительным объектом конструкции. Именно последняя позволяет фиксировать ранее воспринятые предметы. Так, во втором издании «Критики чистого разума», Кант утверждает следующее: «Откуда бы ни происходили наши представления, порождаются ли они влиянием внешних вещей или внутренними причинами, возникают ли они а priori или эмпирически как явления – все равно как модификации души принадлежат к внутреннему чувству и как таковые все наши знания в конце концов подчинены формальному условию внутреннего чувства, а именно времени, в котором все они должны быть упорядочены, связаны и соотнесены» [4, с. 635]. Здесь мы согласимся с мнением отечественного исследователя Д.Н. Разеева, согласно которому Кант в границах своей трансцендентальной философии, принципиальным образом выстраивая «феноменологию синтеза», утверждает существование «двух принципиально трансцендентных друг другу горизонтов внутри имманентной сферы познания: эстетического и мыслимого, или рецептивного и спонтанного» [5, с. 238]. Другими слова-

ми, можно говорить о специальном трансцендентальном рассмотрении, имеющем форму исходного структурного предписания противоположных понятий чувственности и рассудка, направленного на получение полностью определяемого этим первоначально данным различием познавательного результата.

В науке о типизациях предметного опыта трансцендентального сознания как нового способа мышления, которую тщательно выстраивает Э. Гуссерль, рассматривается особым образом направленная на мир внешних объектов, но, относимая к имманентной предметности, структура чистого трансцендентального «Я», обусловленная темпоральной протяженностью восприятия, определяемое как темпоральное свойство непосредственной «первичной интуиции сознания» как такового. В опыте самоосмысления своих собственных действий и их законов, устанавливаемое (переживаемое) сознанием понятие вещи в качестве существующей, определяется не как последовательность или одновременность, но как длящийся «поток нозисисов», который воспринимается или схватывается (длится) в самом потоке временного переживания. Последовательно проводимый анализ таким образом определяемой Гуссерлем темпоральной формы нозитико-нозмитической корреляции в качестве основополагающей априорной конструкции самообнаруживаемого бытия воспринимаемой вещи приводит к пониманию того, что выполняется условие действительной «актуализации и координации» конкретной предметной совокупности посредством трансцендентального синтеза таких феноменологических понятий как: «горизонта времени», «потока» и «изменения» рефлексивного сознания. Такая интерпретация феноменологии внутреннего сознания времени позволяет зафиксировать идею генезиса конститутивных систем трансцендентализма в целом, что представляется весьма продуктивным, изложенную Гуссерлем в следующих трудах: «Опыт и суждение», «Анализ пассивных синтезов» и «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». Рассмотрение основополагающих положений вышеуказанных трудов проясняет понимание феноменологической трактовки понятия трансцендентального генезиса и истории. В «Кризисе европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль пишет следующее: «Мы суть субъекты для этого мира, а именно, как познающие его в опыте, обдумывающие, оценивающие, целенаправленно соотносящиеся с ним Я-субъекты, для коих этот окружающий мир имеет только бытийный смысл, который когда-либо придала ему наш опыт, наши мысли, наши оценки т.д., и в тех модусах значимости (бытийной достоверности, возможности, той или иной видимости), которые мы как субъекты значимости актуально при этом осуществляем или которыми мы уже с некоторых пор обладаем как хабитуальными приобретениями, храня их в себе как значимости того или иного содержания, которые могут быть вновь актуализированы» [6, с. 177].

Специфика феноменологической трактовки генезиса и истории

Как отмечает А.Э. Савин в своей монографии «Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля», необходимо прояснить некоторую двусмысленность феноменологической трактовки Гуссерлем «строго смысла» понятий генезиса, истории и телеологии. При этом важно отметить, что указанная автором концептуальная двусмысленность, как это и видно из вышеприведенного высказывания Гуссерля, рассматривается в качестве нового обоснования феноменологического проекта описания

«правомочности своеобразия различных способов проявления являющегося», как необходимого мира имманентного (или трансцендентального), направленного на поиск «предельного измерения конституирования». По мнению исследователя, выделение формы изучаемого явления, такого как трансцендентально-феноменологическое понятие генезиса в границах классической (статической) феноменологии «в его функции обеспечения доступа к «действительной истории» должно идти по пути его категориальной *деформализации*» (курсив наш). Такого рода понимание содержательной сферы доказательности понятия генезиса выступает условием возможности конституирования феномена, становления конститутивных систем, ведущих к «формированию регионов» бытия, заданных содержательными характеристиками феноменологического опыта трансцендентального субъекта. А.Э. Савин утверждает следующее: «Согласно Гуссерлю, генетическая теория сознания является теорией апперцепций, поскольку поток сознания является постоянным потоком генезиса – не простого появления одного после другого (Nacheinander), а вытекания одного из другого (Auseinander)». Автор последовательно выделяет несколько уровней трансцендентального генезиса: пассивный генезис, отношения активности и пассивности и активный генезис, сопряженный с процессом становления идеальных предметностей и формированием действительных продуктов, практикой. Необходимо учитывать тот факт, что «результаты активного генезиса, становясь привычными, габитуализируясь, переходят в сферу пассивного, т.е. входят в процессы сознания, протекающие без участия «Я»» [7, с. 77]. Проясим вышеприведенное высказывание автора следующим образом. Поскольку мы говорим о понятии феноменологического генезиса как «предопределенной безусловной всеобщности» логического и онтологического отношения какой-либо предметной или необходимой зависимости (понятие фундирования по Гуссерлю), выражающей в этом случае связь с процессами зарождения и развития каких-либо качественно определенных предметов (событий) или значений данных предметов, вмещающих в том числе случайность и непредсказуемость, мы не можем приложить термины отражающие становление к фактам и процессу становления (формальных) систем конституирования в их собственном смысле.

Если это утверждение рассматривать с точки зрения последующих феноменологических исследований Гуссерля, то оно в некоторой мере может противоречить принципам трансцендентальной феноменологии, поскольку предметный мир в качестве сферы трансцендентного не является определяющим в отношении трансцендентального рассмотрения. Мы видим, что тем самым утверждается изменение эпистемологических акцентов в определении понятия феномена в сторону его метафизически-онтологического рассмотрения «как особого типа существующего», которое будет подробно рассматриваться Гуссерлем в соавторстве с А. Шнеллем, в «Бернау-манускриптах о сознании времени». Исходя из вышеприведенного, можно сослаться на еще одно высказывание А.Э. Савина, которому в контексте рассуждения по поводу понятия трансцендентального генезиса следует отнестись значимую роль. Исследователь отмечает, что «Феноменологическое исследование генезиса и раскрытие сущности исторического познания, включающее так же потенциальную неочевидность (горизонтность) и иллюзорность феноменов в их многообразной конкретности должно быть направлено на (дескриптивное) выяснение и уточнение смысла и значения трансцендентального измерения опыта переживания «Я-есть», непреложным и достоверным фактом которого, выступает понятие «*темпорального основания интен-*

циональности». В исследовании вышеуказанного понятия доводы Гуссерля о «самовременении (Selbsteitigung) «Я» отражающие принципиальную критику кантовской интерпретации отношения времени и сознания, обоснованы введением утверждения о связности последнего с допущением бытийственных качеств существования (понятия) «временящегося» (Zeitigendes) времени и как следствие «овремененного» трансцендентального «Я» (Gezeitigtes) [7, с. 72]. Рассмотрим данное положение подробнее.

Согласно утверждению Гуссерля, базовым свойством всякого опытного знания, которое выступает неотъемлемым элементом познания как такового, является его феноменальный характер. Однако, хотя понятие субъекта и рассматривается как «обладающего» интенциональностью, последняя должна быть «пронизана» такими «онтологическими импликациями», которые в качестве действительных характеристик входят в феноменологический горизонт бытия. При этом, рассматриваемое таким образом понятие горизонтности трансцендентальной субъективности должно с необходимостью включать в свое определение не указание на сам «способ бытия интенционального» объекта (как это мы видим в фундаментальной онтологии Хайдеггера), поскольку какое-либо трансцендентное свойство вещи должно быть феноменологически преодолено, ибо его существование является методологически «сомнительным» и сущностно недостоверным, сколько предполагать рассмотрение отношения взаимной принадлежности (взаимозаменяемости) и единства смысла (как онтического смысла «вот-бытия» «жизненного мира») и значения, доступного только в сфере трансцендентального познания, в границах «рефлексивной установки» [8, с. 43]. В таком горизонте конституирования вещи, в границах понятия трансцендентального генезиса, объединяется в целостную структуру действительного существования сфера трансцендентальной субъективности, понимаемая теперь уже в качестве пространства «исполненности» смыслового многообразия и сфера действительного предметного мира, определяемого в качестве понятия «первоматерии». Действительно, несмотря на то что, феноменологическое «прямое усмотрение» сущности («во всеобщей инвариантности «эйдоса») «Я» и окружающего мира посредством непосредственного ее (сущности) созерцания в чистом переживании составляют «непредметное и непространственное» основание нашего опыта, исключение «многообразно модифицирующегося пространства опыта и жизненного мира», то есть пространства исторического многообразия, по мысли Гуссерля, является невозможным. Здесь я сослался на одно неожиданное высказывание В.И. Молчанова в его статье «Гуссерль и Бергсон: введение времени». Исследователь отмечает, что «основой их единства (составных частей восприятия – Ю.П.) по существу единства ощущений, устойчивым элементом и посредником между частями имманентного выступает сознание времени. Это сознание, как это ни парадоксально звучит, представляет собой всеохватывающую форму сознания мгновения (Bewusstseinsaugenblick), т.е. форму переживаний, сосуществующих в некоторой объективной точке времени» [8, с. 85]. Следуя всему вышесказанному, необходимо подчеркнуть следующее. В рассмотрении понятия «сознания времени», обращение Гуссерля к «опыту очевидной темпоральной данности» в качестве является далеко не единственным моментом в построении дескриптивно-методологической характеристики «подлинной длительности». Проводя последовательное исключение понятия объективного времени из трансцендентально-феноменологического анализа сознания, Гуссерль тем не менее, закрепляет

за содержанием понятия «имманентного времени» как «времени (основания – Ю.П.) «подлинно имманентного» «генетические» характеристики (особая форма «доэмпирической», «дофеноменальной пространственности») «ощущения времени» посредством которых конституируется отношение к объективному времени. Здесь заключен еще один важный момент, на который необходимо обратить внимания в контексте рассмотрения понятия трансцендентального генезиса Гуссерля тематизирующего новое понимание исторического: рассмотрение ощущения как базового элемента абсолютного трансцендентального переживания выполняют особую функцию «репрезента предметных содержаний» непосредственным образом выступающих неким аналогом первоочевидности трансцендентального «Я». Отсюда становится очевидным, что впервые введенное Гуссерлем в «Логических исследования» понятие «сознание времени», определяемое при этом термином «Abschattung» [данность как «вариативность оттенков»], акцентирующее единство многообразия переживаний, имеет прежде всего, дескриптивное пространственное значение. В последующих работах Гуссерля, в частности, в «Феноменологии времени», понятие пространства «генетически» объясняло понятие времени [9, 25].

Таким образом, в нашем рассмотрении специфичности трансцендентально-феноменологического подхода к истолкованию исторического процесса следует отметить следующее. Необходимо учитывать утверждения Э. Гуссерля об особом опыте времени как «подлинной длительности» переживания, который обладает генезисом или собственным становлением из сосуществующего с ним особого опыта идентичности трансцендентального сознания: опытно (непосредственно пространственного) данного «поля визуальных ощущений». Приведем в качестве примера несколько высказываний Гуссерля в его «Бернау-манускриптов о сознании времени» по поводу так понимаемого генезиса «внутреннего сознания времени» или конституирования во времени (в контексте «временных структур») самих временных переживаний, чтобы пояснить вышесказанное. Гуссерль указывает на следующий принципиальный момент своей временной аналитики. Он пишет: «Теперь не следует думать о схватывании в привычном смысле, предполагающем предмет, то есть о фундированном сознании. Это исключено. Для того, чтобы еще раз показать это, можно исходить из конкретной ретенции, учитывая то, как она примыкает к только что услышанной предметности ощущения после его прекращения [...]. Здесь последовательность тона не есть предмет в настоящем [...]. Если конкретное сознание является фундированным, то всякая фаза его всякий раз фундирована и наоборот, всякая фаза фундирована, так же как и сознание конкретного события» [1, Там же]. Следовательно, можно предположить особое единство сферы действительного существования, понимаемого в качестве некоторого (эпистемологического) допущения априорного свойства бытийственности («континуум живой наглядности») и собственной опытной реальности деятельности и сознания. Строго говоря, следуя изложенному выше, можно допускать, и это важно отметить, что трансцендентально-феноменологическая форма очевидности чистого интенционального сознания со всеми его корреляциями может быть дана только как историческое сознание.

Литература

1. Молчанов В.И. Гуссерль и Бергсон: введение времени // Логос 3 (71), 2009. С. 82–98.

2. Гуссерль Э. Шнель А. Феноменология времени. – М.: Риопол-Классик, 2019. – 310 с.
3. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 456 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2014. – 736 с.
5. Разеев Д.Н. Учение о феноменальности (феноменологии) Канта/ Разеев Д.Н. Телеология Иммануила Канта. – СПб.: «Наука», 2010. – 309 с.
6. Гуссерль Э. Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. – СПб.: «Наука», 2013. – 494 с.
7. Савин А.Э. Трансцендентализм и историчность в феноменологии Э. Гуссерля/А.Э. Савин. – Ханты-Мансийск: РИЦЮГУ, 2008. – 210 с.
8. Полетаева Ю.Г. Понятие времени у Хайдеггера и Канта// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 2. № 8 (80). С. 42–46.
9. Крюков А.Н. Время и феноменология. Об аналитике времени в Бернау-манускриптах//Гуссерль Э. Шнель А. Феноменология времени. – М.: Панглосс, 2019. – С. 17–41.

THE JUSTIFICATION OF TRANSCENDENTAL GENESIS IN PHENOMENOLOGICAL PHILOSOPHY

Poletaeva Y.G.

Ural State Agrarian University

The study of the concept of genesis lies at the basis of the transcendental-phenomenological examination of the essence of time. At the same time, knowledge of the surrounding world is always mediated by the knowledge of time or the temporal properties of consciousness. A deep analysis of this understanding of time is carried out by E. Husserl, who distinguishes many levels in the understanding of primary (historical) temporal differences. The difference from I. Kant's representation of time is shown, according to which the concept of time acts as an a priori criterion for the identification of the presented object. Husserl asserts the understanding of time as a special temporal property of the intuition of consciousness. Consideration of the inner consciousness of time allows Husserl to fix the idea of the transcendental genesis of constitutive systems. However, the phenomenological interpretation of such consideration of the concept of genesis leads to some difficulties in the scientific understanding of the conjugation of the concepts of genesis and history. Conceptual ambiguity in the substantiation of the idea of transcendental genesis is connected with the categorical deformation of the constitutive one. At the same time, the necessity of researching the uniqueness of various methods of phenomenological phenomena directed at the search for a new dimension of constitution is asserted.

Keywords: history, phenomenological philosophy, transcendental genesis, temporality, consciousness of time.

References

1. Molchanov V.I. Husserl and Bergson: introduction of time // Logos 3 (71), 2009. P. 82–98.
2. Husserl E. Shnel A. Phenomenology of time. – Moscow: Riopol-Classik, 2019. – 310 p.
3. Molchanov V.I. Studies in the Phenomenology of Consciousness. – M.: Publishing House «Territory of the Future», 2007. – 456 p.
4. Kant I. Criticism of Pure Reason. – M.: Eksmo, 2014. – 736 p.
5. Razeev D.N. The doctrine of phenomenality (phenomenology) of Kant / Razeev D.N. Teleology of Immanuel Kant. – St. Petersburg: «Nauka», 2010. – 309 p.
6. Husserl E. Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Introduction to Phenomenological Philosophy. – St. Petersburg: Nauka, 2013. – 494 p.

7. Savin A.E. Transcendentalism and historicity in the phenomenology of E. Husserl / A.E. Savin. – Khanty-Mansiysk: RITSU-GU, 2008. – 210 p.
8. Poletaeva Yu.G. The concept of time in Heidegger and Kant // Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. 2021. Vol. 2. No. S (80). pp. 42–46.
9. A. N. Kryukov, Time and Phenomenology. On the analytics of time in the Bernau manuscripts//Husserl E. Schnell A. Phenomenology of time. – M.: Pangloss, 2019. – P. 17–41.

Динамика депрессивности в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья

Сиверцев Евгений Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии науки техники Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: Emden1914@yandex.ru

Статья посвящена одному из сравнительно коротких, но важных этапов истории европейской ментальности – тому времени, когда античное миропонимание сменяется миропониманием средневековым.

Сложившаяся в исторической и философской литературе традиция объяснения происходивших в ту эпоху изменений (экономическими, социально-политическими, культурологическими причинами) дополняется рассмотрением проблемы в несколько ином ракурсе: как один из факторов, повлиявших на смену миропонимания в ту эпоху, рассматривается динамика уровня депрессивности. Особенности менталитета поздней античности, выраженные в разнообразных философских учениях той эпохи, свидетельствуют о повышенном уровне депрессивности, в то же время менталитет раннего Средневековья показывает явное снижение уровня этого психического недуга.

Депрессивность в её динамике не рассматривается как движущая сила изменений, происходивших в ту эпоху, депрессия рассматривается как необходимое звено, соединяющее социально-экономические и политические процессы с одной стороны и флуктуации менталитета – с другой.

Ключевые слова: депрессия, античность, Средневековье, динамика, менталитет, миропонимание.

История европейского менталитета – как и любая история вообще – чередование периодов плавного развития с периодами интенсивных преобразований. В европейском менталитете преобразования происходили не так часто (перечислять не будем – они общеизвестны), но отличались глубинным характером. Одно из таких преобразований – смена античного миропонимания на миропонимание средневековое.

Литература имеет множество версий данного события. В самом общем плане версии можно разделить на экономические и социально-политические. Экономическая доктрина полагает, что «Возможности дальнейшего развития производительных сил в рамках рабовладельческих производственных отношений оказались исчерпанными. Это противоречие привело к разложению всей рабовладельческой формации» [5, с. 8] Социально-политическая версия считает, что предпосылки «... этого переворота складывались в процессе предшествовавшей внутренней эволюции позднеримского и варварского обществ: в общем кризисе античного общества и в динамике разложения родового строя германских племен, перемещавшихся вблизи границ и селившихся на территории Западной Римской империи.» [15, с. 17]

Как нам представляется, этим и другим версиям свойственен один недостаток: в них отсутствует звено, которое должно соединить объективное с субъективным – т.е. социальные, экономические, политические процессы с одной стороны и изменения в менталитете с другой. Авторы, работающие над анализом особенностей менталитета обеих эпох, осуществляют переход от объективного к субъективному непосредственно, полагая, что никаких опосредующих звеньев либо нет, либо они очевидны и в отдельном анализе не нуждаются. Тем не менее – и история нам это показывает – одни и те социально-экономические изменения могут породить самые разные ментальные последствия.

Наша рабочая гипотеза будет такова. К концу античного периода европейской истории начинает увеличиваться степень интенсивности такого психического недуга, как депрессия. Интенсивность нарастает и постепенно достигает уровня, при котором она вызывает уже серьёзный дискомфорт и – следовательно – включают механизмы психологической защиты, которые депрессивность снижают. Это снижение мы наблюдаем в эпоху европейского Средневековья.

Конкретизируем хронологию, а также определимся с методологией.

Последние века античности обычно называют термином, введённым И.Г. Дройзеном – «эллинизм». В историографии началом эллинизма считается 338 г. до н.э., концом – 30 г. до н.э. [См.: 18, с. 7], в науке эти границы более размыты – проблематика, характерная для эллинизма, начинается свою историю со времён, следовавших после кончины Аристотеля (IV в. до н.э.), заканчивается в VI веке н.э. – когда были закрыты философские школы, не занимающиеся апологией христианства (прежде всего – Платоновская академия в Афинах).

Первые века Средневековья («Раннее Средневековье») – «конец V – середина XI вв.» [См.: 6, с. 44].

Далее – методология. В современном мире фиксации депрессии занимается статистика. Но поскольку ста-

тика появляется лишь в 1746 г [11, 485], ни о каких статистических данных речь идти не может. Также и упоминание депрессии в разных письменных источниках нам вряд ли поможет: депрессия была выделена и изучена как особое заболевание, со своей симптоматикой, причинами и способами терапии не ранее начала XX века. До того использовался термин «меланхолия» (весьма расплывчатый).

Если не получается пользоваться статистическими данными, не получается пользоваться непосредственным описанием исследуемого недуга, мы можем сосредоточить внимание на тех феноменах, которые следует рассматривать как маркеры уровня депрессивности. Что можно отнести к таким маркерам? В материальном смысле данные маркеры – это прежде всего тексты. Тексты, написанные в ту эпоху, которую мы исследуем. Разумеется, не все тексты будем брать в качестве маркеров. Какие брать *не будем*? Те, где содержатся прямые указания на настроения – настроение всегда индивидуально, к тому же изменчиво. А какие *будем*? Тексты, которые дают нам возможность прояснить магистральный предмет размышления, предмет, актуальный для тогдашнего – если пользоваться термином Гегеля и Гёте – *Zeitgeist*, тексты, одновременно создающие дух времени и выражающие его. Имея информацию о том, что в исследуемую эпоху находилось в центре внимания и как оно трактовалось, мы можем это соотнести с особенностями мышления человека, пребывающего в депрессии, как последняя трактуется современной наукой.

Эллинистический период истории европейской мысли обычно характеризуется в литературе следующим образом. Главная его черта – антропологическая направленность, причём речь не о метафизическом портрете человека, а о более практических вещах: счастье, страдание, судьба: вопрос о том, «... как лучше жить и как приобрести доступные человеку блага или «эйдэмонию» стал теперь всеобщей проблемой философов» [12, с.97]. Человеческие переживания, эмоции тоже становятся предметом обсуждения на папирусе: «истинное величие “александрийской поэзии” ... в передаче мира чувств – мира ... всегда разнообразного. В стихотворных строках охотно раскрывались чувства между членами семьи..., предпочтение в ... лирике отдавали прежде всего любви, она царила повсюду...» [8, с. 99].

Вторая важная черта эллинизма – изменение понимания соотношения человека и социума. В классические времена социум доминирует над личностью, в эллинистические – наоборот. В фокусе философских изысканий «оказался изолированный, частный индивид ... Эллинистическо-римское понимание индивида как самодостаточного вело к приписыванию человеку внутренней природы, *не зависящей* от его социального окружения.» [14, с. 154]. Независимость от социального окружения субъективно понимается как обладание свободой – человек сам выбирает свои деяния и сам несёт за них ответственность. У грека эллинистического периода «есть нечто, неотчуждаемое, свойственное самому человеку и находящееся в его власти» [2, с. 241].

Третья черта – обострение противоборства рационализма и мистицизма. С одной стороны – «Эллинизм характеризуется бурным развитием науки, ... отмеченной высоким уровнем интеллектуализма» [с. 240], с другой стороны – «... на Запад проникает и распространяется волна религиозных учений, культов, мистерий. Эти учения и культы ... находят благоприятную почву и атмосферу для своего упрочения и развития...» [1, с. 509].

Если указанные черты рассмотреть с т.з. современных концепций депрессии, можно прийти к интересным предположениям. Сосредоточение интереса на человеке

есть свидетельство повышенного внимания к ценности своего существования. Позиционирование себя как лично выбирающего и лично ответственного за свой выбор можно считать свидетельством обострения чувства вины. Доминирование разума как инструмента решения проблем свидетельствует о чувстве личной ответственности за свою жизнь, за её успехи и неудачи, а всплеск мистицизма – свидетельство поиска путей снятия чувства тяжести, вызываемого осознанием ответственности за свой выбор.

К самым распространённым признакам депрессии относятся следующие: печаль, потеря интереса к жизненным удовольствиям, чувство вины, низкая самооценка, подавленное настроение [См.: 19, с7] Сопоставим первое и второе: характеристики менталитета поздней античности и признаки депрессии. В общем, это сопоставление мы уже проделали, когда при характеристике основных черт менталитета эллинизма пытались выяснить, *свидетельством* какого феномена является та или иная черта – осталось лишь обобщить и подвести некоторый итог. Обострение чувства вины, чувства личной ответственности, а также поиск пути снятия душевного дискомфорта, вызываемого этим обострением, явно свидетельствует о повышении степени депрессивности. Именно депрессия – то звено, вопрос о котором был поставлен в самом начале: с одной стороны – депрессия вызывается объективными причинами (о них шла речь выше), имеет объективно фиксируемые признаки, с другой стороны – именно депрессия является тем механизмом, который преобразовал социальные, экономические, политические особенности эпохи эллинизма в своеобразие менталитета эпохи поздней античности.

Перейдём к анализу раннего Средневековья. И здесь также применим уже использованную методологию – обращение к текстам, которые одновременно и создают дух времени и выражают его.

Источники, с которыми будем работать, лучше всего разделить на две категории: первая категория – то, что нельзя было свободно выбирать, то, что позиционировалось как обязательное, а вторая категория – источники, которые, в принципе, не следует считать свободно выбранными, однако, об определённой доле свободы как в выборе, так и в интерпретации всё же говорить можно. К первой категории отнесём Священное Писание – Библия (Ветхий Завет и Новый Завет) – выбор Библии как источника мировоззрения произошёл ещё в первые века нашей эры и в эпоху Средневековья всё её содержание воспринималось как непререкаемый фундамент нашего знания о мире. Вторая категория – труды комментаторов Библии, а также произведения хоть и религиозного содержания, но не являющиеся прямой интерпретацией Писания, произведения, содержащие некоторое подобие отражения душевного состояния автора.

Интерес для нас будет представлять, разумеется, вторая категория. Что к ней отнесём конкретно? Прежде всего комплекс письменных источников, в которых сформировалась целостная систематизированная христианская догматика: речь, конечно же, идёт о том, что сейчас называется «Священное Предание»: решения первых семи Вселенских соборов (IV–VIII века), а также творения «отцов и учителей церкви», работавших примерно в эту эпоху. И второе, что отнесём сюда же – дошедшие до нас произведения средневековых авторов, в которых присутствует не только Бог, но и собственные душевные переживания.

Можно ли считать, что тот комплекс литературных памятников, который обозначают термином «Священное предание» – есть результат свободного выбора раннего Средневековья, осуществлённый путём сравнительного

анализа всего разнообразия существовавших тогда теоретических доктрин? С доминирующей церковной точки зрения – о свободном выборе речь не идёт: Предание это «то, что тебе вверено, а не то, что тобой изобретено, – то, что ты принял, а не то, что выдумал». Тертуллиан говорит: «Мы храним то правило веры, которое Церковь получила от апостолов, апостолы от Христа, Христос от Бога»;» [13]. На самом же деле – если мы обратимся к истории – становится понятным, что формирование Св. Предания – совсем не ровный и спокойный процесс. Формирование текстов, ныне считающихся каноническими, шло в обстановке острых дискуссий с альтернативными точками зрения: просто победившая доктрина объявлялась истинной, а проигравшая – «еретической».

Пожалуй, самая известная дискуссия первых веков формирования христианской догматики – дискуссия о Святой Торице. В её детали мы не вникаем, сразу к финалу: победила точка зрения Афанасия Великого (ок.295–373), проигравшими оказались последователи пресвитера Ария (256–336) [См.: 20, р. 85]. Можно назвать ещё дискуссии о природе Христа (монофизиты и диофизиты), дискуссию о роли икон (иконоборчество и иконопочитание).

На что следует обратить внимание, анализируя теологические дискуссии? Чаще всего победу одерживает точка зрения, имеющая более интуитивно-эмоциональную ориентированность (в неоплатоническом духе), нежели ориентированность рациональную – это замечание пригодится нам несколько позже.

Однако, дух времени отражается не только в теологических дискуссиях. В конце рассматриваемого нами периода начинают создаваться тексты, которые – с определённой долей условности – можно охарактеризовать как начало недогматического, личностного осмысления Бога, человека и мира. Наиболее известным примером такого рода литературы является так называемая «немецкая мистика». Сам этот термин введён в 1831 г. учеником Гегеля Карлом Розенкранцем. Сейчас он используется для обозначения корпуса текстов на немецком языке, которые были написаны в XI, XII, XIII в.в.. Открывает историю немецкой мистики «эпоха женской монашеской мистики» (XI–XIII век) – ряд этико-теологических учений, созданных насельницами некоторых монастырей (работали они несколько позже рассматриваемого нами периода, но выраженные ими настроения сложились в гораздо более ранние времена).

В центре проблематики немецкой мистики «находится встреча Бога и души» [4, с. 255].

Самыми известными авторами являются Хильдегарда Бингенская (Hildegard von Bingen, 1098–1179) и Мехтильда Магдебургская (Mechthild von Magdeburg, 1207–1282). Что в первую очередь привлекает внимание в трудах этих монахинь? Привлекает внимание практически полное отсутствие прямого цитирования Св. Писания и Св. Предания. Пишут они о том, что – по их мнению – диктует разуму свободная душа, пребывающая в единении с Богом: «Но ум есть устой/ для воли и дыхания.» (Гимн о Святом Духе) [10, с. 85]. «Воля и дыхание» как содержание свободной души проявляются в любви. О какой любви речь? Здесь надо обратить внимание на следующее: в Средние века понимание такого чувства, как любовь ещё сохраняло некоторые оттенки, приданные этому понятию древними греками. Греки насчитывали как минимум четыре вида её проявления: «Φίλος» – любовь к определённым занятиям, стремление к знанию; «Στορῆν» – любовь к родным; «Αγάπη» – любовь к богам; «Ἔρωσ» – любое страстное желание. [См.: 7, с. 269] Разумеется, присутствует любовь и к Богу, и к познанию, и к ближнему, но появляется ещё один

мотив в понимании любви – любовь есть средство снятия границы человека и Бога. Бог говорит душе: «Если Я излучаю свет, должно тебе пылать,/ Если струюсь Я, тебе должно потоком бежать./Когда воздыхаешь ты, в себя Моё Божие сердце вбираешь,/ «когда по Мне плача тоскуешь, тебя заключаю в объятья./Когда же ты любишь, в одно мы с тобою сольёмся,...» [9, с. 27]. Что является источником возникновения мыслей о снятии границ человека и Бога? Ни в Св. Писании, ни в Св. Предании идей подобного рода нет. Скорее даже наоборот: из канонических текстов более логично сделать вывод о глубочайшей пропасти, разделяющей Бога и Его творение – именно к такому предположению и пришёл в 1517 г. Мартин Лютер. На наш взгляд, для объяснения ситуации надо изменить сам статус события снятия границ: это событие не есть результат некоего самодостаточного процесса а лишь феномен, указывающий на иное событие, стоящее по ту сторону видимого, но инициирующее его и наполняющее его содержанием. Событием человека чувством перспективы существования («Если Я излучаю свет, должно тебе пылать» [Там же, с. 29]), дружественности окружающего мира («Когда воздыхаешь ты, в себя Моё Божие сердце вбираешь» [Там же, с. 31]), осмысленности своих основных действий («Если струюсь Я, тебе должно потоком бежать» [Там же, с. 32]). Конкретно это и выражается в переживании человеком некоторой обожествлённости самого себя.

Когда мы говорили об эпохе эллинизма, мы выделили в ней три черты: антропологическая направленность, изменение соотношения человека и социума, обострение противоборства рационализма и мистицизма. Эти черты были охарактеризованы как маркеры усиления общего уровня депрессивности. Теперь следует обобщить сказанное об эпохе Средневековья, выделить общие черты и проанализировать их на предмет депрессии.

В контексте депрессии также можно говорить о единстве трёх черт.

Первая черта – произошёл переход от ответственности человека за себя и перед самим собой к ответственности за то, что является чужим, но присутствует во мне, причём ответственность эта не передо мной, а перед Высшим Существом (это мы видим на примере формирования христианской догматики).

Вторая черта – сужение рамок применения разума: если в античности разум – это универсальный инструмент анализа сущего, то теперь разум – вспомогательное средство для доказательства и обоснования догматов, принятых без его участия. Конкретно это выражается в том, что строгие логикосообразные конструкции пифагорейцев, перипатетиков, стоиков и т.п. отходят в тень, а на первом плане всё больше оказываются неоплатонические изыскания (именно неоплатонизм, порой не осознаваемый, лежит в основе большей части теоретических поисков ранних христианских писателей).

Третья черта – следствие второй, но в применении к человеку: доминирование эмоционального и интуитивного над рациональным при формировании картины внешнего мира и отношения к этому внешнему миру (здесь прежде всего следует указать на немецкую мистику).

Почему произошли такие изменения в менталитете? Рассмотрим картину изменения с точки зрения главной темы данной работы. Как было показано, в эллинистический период европейской истории депрессивность достигает довольно высокого уровня. Это с неизбежностью ведёт к тому, что постепенно начинают включаться механизмы психической защиты. Что они из себя представляют? Современная наука предлагает следующее

понимание психологической защиты: это либо четыре типа невротических стремлений (к любви, к власти, к изоляции, к беспомощности) [См.: 17, с. 45], либо разные формы «бегства от собственного «Я», собственной свободы и ответственности.» [16. с. 12].

Допустимо такое предположение: страдающий депрессией человек защищается тем, что неосознанно пробуждает в себе некоторое наслаждение своим положением: его одиночество, бессилие, неустребованность, отсутствие личной жизненной перспективы являются некоторым подобием «платы» за право быть любимым – любимым другими людьми, любимым судьбой, любимым самим Богом. Т.е. страдающий депрессией обостряет в себе эти страдания, наслаждается ими и – таким парадоксальным образом – либо вообще снимает страдания, либо значительно их облегчает.

Именно конкретное действие механизмов психологической защиты и было описано выше. Средневековый человек «слаб волей» (на самом деле, конечно же, не слаб, но считает себя таковым). Воображаемая слабость свидетельствует о перенесении ответственности на иные существа («высшие»), что в свою очередь говорит о снижении депрессивности, вызванной ответственностью. Средневековый человек «слаб разумом» (опять же по его мнению). Это значит, что человек более эмоционален, нежели рационален – причём с гораздо большим наслаждением он переживает негативные чувства: как бы приносит жертву – а это свидетельствует о том, что человек освобождён от необходимости проверять себя, своё миропонимание таким инструментом, как разум – а разум не является чем-то подчинённым мне полностью и в любой момент может повести себя непредсказуемо и агрессивно.

Подвести итоги сказанного можно при помощи аналогии. Хоть аналогия не самый лучший способ раскрытия сущности чего бы то ни было, но в качестве иллюстрации она вполне применима. Описанные нами события – переход от позднеантичного менталитета к менталитету раннего средневековья – можно рассмотреть по аналогии с течением психического заболевания. Обычно в «течении психических заболеваний выделяют следующие этапы: *инициальный, манифестный, расцвета и обратного развития* ... В *инициальном периоде* ... обнаруживаются единичные, нестойкие признаки болезни, которые проявляются эпизодически ... Инициальный период может смениться манифестным ... – появляются типичные для данного заболевания симптомы с формированием всех основных признаков болезни. ... Период *обратного развития* характеризуется постепенным исчезновением симптоматики и в ряде случаев появлением критического отношения к болезни. [3, с. 27.].

Если представить европейское человечество как некий единый организм (именно представить, поскольку в реальности человечество единым организмом не является), то в контексте депрессии можно предположить следующее. Поздняя античность – это манифестный период истории европейской депрессивности: депрессивность направляет внимание человека на себя самого, депрессивность заставляет искать пути восстановления психического комфорта путём увеличения пространства свободного выбора, депрессивность до предела снижает требования к критерию истинности (в равной степени легитимны эмпирически познаваемое, рационально доказуемое, интуитивно постигаемое). Раннее Средневековье – следующий этап: период обратного развития. Свидетельством уменьшения депрессивности является снижение интереса человека к самому себе, равнодушный отказ от свободы выбора в пользу иного существа, но при этом допущение у себя права на глубокую эмо-

циональную связь с этим существом, возникновение уверенности в получении доступа к истинному знанию – источник его очевиден (Св. Писание и Св. Предание), квалифицированные его толкователи (теологи) всегда мне помогут.

Было бы неверно считать, что данная работа – попытка представить определённый период развития европейского менталитета как время, определяющееся исключительно уровнем депрессивности. Депрессивность – это, к сожалению, постоянный спутник человечества, но спутник не единственный. Однако, отслеживание динамики депрессивности может стать дополнительным источником пополнения исторического и социокультурного знания.

Литература

1. Асмус, В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 1976. – 543с.
2. Богомолов, А.С. Античная философия / А.С. Богомолов. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1985. – 368 с.
3. Воропаева, С.В. Основы общей психопатологии / С.В. Воропаева. – М.: Прометей, 2012. – 159 с.
4. Гуревич, Р.В. Христианская традиция и исторические предпосылки развития немецкой мистики XI–II века [Текст] / Р.В. Гуревич // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 255–262.
5. История древнего мира. Книга 3. Упадок древних обществ. – М.: Наука, 1989. – 407с.
6. Кольцов, И.А. Всеобщая история / И.А. Кольцов, А.М. Судариков, М.А. Дмитриева. – СПб.: РГГМУ, 2020. – 150 с.
7. Кон, И.С. Дружба / И.С. Кон. – СПб.: Питер, 2005. – 330 с.
8. Левек, П. Эллинистический мир / П. Левек. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 252с.
9. Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет божества / Мехтильда Магдебургская. – М.: Наука, 2008. – 360 с.
10. Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. – М.: Наука, 1972. 695 с.
11. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с.
12. Семенюк, В.А. Античная философия / В.А.Семенюк. – Минск: БНТУ, 2008. – 141 с.
13. Сильвестр (Стойчев), архимандрит. Догматическое богословие. Тема VIII / архимандрит Сильвестр (Стойчев) // [Электронный ресурс] <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/dogmaticeskoe-bogoslovie-stojchev/9#note127> (дата обращения – 15.06.2022)
14. Скирбекк, Г. История философии / Г. Скирбекк, Н. Гилье. – М.: Владос, 2000. – 800с.
15. Средневековая Европа глазами современников и историков Часть I. Рождение и становление средневековой Европы. V–IX вв. – М.: Интерпракс, 1995. – 224 с.
16. Субботина, Л.Ю. Психология защитных механизмов личности /Л.Ю.Субботина. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 164 с.
17. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. – М.: Универс, 1993. – 478 с.
18. Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии/А.Н.Чанышев. – М.: Высшая школа, 1991. – 512с.
19. Depression and Other Common Mental Disorders Global Health Estimates World Health Organization 2017 WHO/MSD/MER/2017.2 21с.

20. Hanson, R.P.C. The search for the Christian doctrine of God: the Arian controversy 318–381 / R.P.C. Hanson. – Edinburgh: Baker Academic. 2005. – 954 p.

DEPRESSION DYNAMICS IN THE EPOCH OF LATE ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES

Sivertsev E. Yu.

St. Petersburg State University

The article is devoted to a relatively short but crucially important stage in the history of European mentality, namely, the period when ancient world outlook was being replaced by that of the Middle Ages.

In addition to the conventional interpretation of the changes characteristic for the epoch through economic, socio-political and cultural reasons, the article presents another perspective of the problem: the changing level of depression is analysed as one of the factors resulting in the transformation of the world outlook in the epoch regarded. Certain traits of human mentality during the late antiquity period, as reflected in various philosophical doctrines of the time, point at the increased level of depression while the mentality of the Early Middle Ages suggests a noticeable decrease of this mental disorder level. The dynamics of depression is considered not as a driving force of the changes taking place during the epoch but as the prerequisite / a necessary link between the socio-economical and political processes and the fluctuations of mentality of the period.

Keywords: depression, antiquity, Middle Ages, dynamics, mentality, world outlook.

References

1. Asmus, V.F. Ancient Philosophy / V.F. Asmus. – M.: Higher school, 1976. – 543 p.
2. Bogomolov A.S. Ancient philosophy / A.S. Bogomolov. – M.: Publishing House of Moscow. Univ., 1985. – 368 p.
3. Voropaeva, S.V. Fundamentals of General Psychopathology / S.V. Voropaev. – M.: Prometheus, 2012. – 159 p.
4. Gurevich, R.V. Christian tradition and historical prerequisites for the development of German mysticism of the XIII century [Text] /

- R.V. Gurevich // Research in foreign history. Smolensk, 2000, pp. 255–262.
5. History of the ancient world. Book 3. The Decline of Ancient Societies. – M.: Nauka, 1989. – 407 p.
6. Koltsov, I.A. General history / I.A. Koltsov, A.M. Sudarikov, M.A. Dmitriev. – St. Petersburg: RSHU, 2020. – 150 p.
7. Kon, I.S. Friendship / I.S. Kon. – St. Petersburg: Peter, 2005. – 330 p.
8. Leveque, P. Hellenistic world / P. Leveque. – M.: Science. Main edition of Eastern literature, 1989. – 252p.
9. Mechtilda of Magdeburg. The flowing light of the deity / Mechtilda of Magdeburg. – M.: Nauka, 2008. – 360 p.
10. Monuments of medieval Latin literature of the X–XII centuries. – M.: Nauka, 1972. 695 p.
11. Raizberg, B.A. Modern economic dictionary / B.A. Raizberg, L. Sh. Lozovsky, E.B. Starodubtsev. – M.: INFRA-M, 2007. – 495 p.
12. Semenyuk, V.A. Ancient philosophy / V.A. Semenyuk. – Minsk: BNTU, 2008. – 141 p.
13. Sylvester (Stoychev), archimandrite dogmatic theology. Topic VIII / Archimandrite Sylvester (Stoychev) // [Electronic resource] <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/dogmaticheskoe-bogoslovie-stojchev/9#note127> (accessed 15.06.2022)
14. Skirbekk, G. History of Philosophy / G. Skirbekk, N. Gillie. – M.: Vlos, 2000. – 800s.
15. Medieval Europe through the eyes of contemporaries and historians Part I. Birth and formation of medieval Europe. 5th-9th centuries – M.: Interpraks, 1995. – 224 p.
16. Subbotina L. Yu. Psychology of protective mechanisms of personality / L.Yu. Subbotina. – Yaroslavl: YarSU, 2013. – 164 p.
17. Horney, K. Neurotic personality of our time. Introspection / K. Horney. – M.: Univers, 1993. – 478 p.
18. Chanyshv, A.N. A course of lectures on ancient and medieval philosophy / A.N. Chanyshv. – M.: Higher school, 1991. – 512p.
19. Depression and Other Common Mental Disorders Global Health Estimates World Health Organization 2017 WHO/MSD/MER/2017.2 21p.
20. Hanson, R.P.C. The search for the Christian doctrine of God: the Arian controversy 318–381 / R.P.C. Hanson. – Edinburgh: Baker Academic. 2005. – 954 rubles.

Политико-управленческая традиция: историософский анализ

Иваненко Игорь Николаевич,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса и международного права, Кубанский государственный университет
E-mail: ivanenko.igor@mail.ru

Гринь Максим Валентинович,

д.ф.н., к.ю.н., профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
E-mail: grin.m@kubsau.ru

Терещенко Олеся Валерьевна,

к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
E-mail: olesya.tereschenko@yandex.ru

Предметом исследования является эффективность государственного управления в России, основанной на не либеральных методах. Цель работы – проанализировать причины результативности жесткой властной управленческой структуры через концепт политико-управленческой традиции и его источников. Проведен сравнительный философско-исторический анализ феномена «традиция». Предложено расширительное понимание функциональной составляющей традиции применительно к политико-управленческой сфере, не ограничиваясь охранительно-консервативными составляющими и сохраняя ее содержательное ядро. Новизна исследования заключается в том, что авторы представили собственное видение концепта политико-управленческой традиции. В результате сделаны выводы о положительном эффекте авторитарного характера российской политико-управленческой традиции, что объясняется объективными и идеологическими обстоятельствами, является залогом выживания российского социума в малоблагоприятных природных условиях и напряженной геополитической среде.

Ключевые слова: общество, факторы исторического процесса, ресурсы социума, управленческая сфера, политико-управленческая традиция, властная вертикаль, прибавочный продукт, геополитическая среда, иосифлячество, нестяжательство.

Информационно-идеологическая война ведется со стороны Западных стран против России уже давно и фактически не прекращалась даже в 1990-е гг., при максимальных вестернизационных реверансах ельцинского правительства. В рамках транслируемых западными интеллектуалами дискредитационных посылов, нередко принимающих характер русофобии, обращают на себя внимание в том числе и попытки жесткой научной критики тех или иных аспектов действительности российского социума. Если брать политическую сторону, то здесь обычно логика выстраивается вокруг упреков в тоталитаризме (Дж. Адамс, Л. Шапиро, Р. Арон и др.), другие авторы, не употребляя термин тоталитаризм, могли применять описательную категорию подданического-партиципативной культуры (Г. Алмонд, Г. Пауэлл), принципиально близкую логике тоталитарной модели [1].

Между тем при некоторой справедливости упреков в отношении отечественной политической системы, высказываемых обычно с позиции либеральной логики, факты российской истории демонстрируют эффективность именно жесткой структуры управления. Знаковые достижения нашей страны происходили в правление личностей, методы которых никак нельзя характеризовать как смягченные. Так, преодоление рамок собственно национального государства произошло при Иване Грозном, когда Московия начала процесс успешного присоединения кусков бывшей Золотой Орды. Признание Российской империи состоялось при Петре I, по итогам завершившейся Северной войны, когда был фактически поставлен крест на всех общеевропейских амбициях Швеции. Наконец, тоталитарный режим оказался, возможно, решающим фактором победы СССР во Второй мировой войне, что возвело нашу страну в статус одного из двух мировых гегемонов. Вместе с тем в тех случаях, когда официальная власть значительно сокращала пространство собственной субъектности, то это стимулировало деструктивные процессы. Так, 1917 г. ознаменовался двумя революциями, а либерализация 1990-х гг. обусловила появление фактически неофициального властного субъекта – криминальных групп.

Все это заставляет поставить вопрос не то чтобы о применимости либеральных методов в отечественных условиях – определенная степень индивидуализма и свободы необходимы всегда, тем более в современных условиях. Представляется целесообразным рассмотреть причины эффективности жесткой властной вертикали, в связи с чем нами предлагается категория политико-управленческой традиции, которую мы попытаемся подвергнуть философско-историческому анализу. Обозначенная цель работы предполагает следующие задачи. Во-первых, рассмотрение категории традиции, определенная ее концептуализация в рамках политико-управленческой сферы. Во-вторых, выявление и анализ источников данной традиции, среди которых мы заостряем внимание как на объективных обстоятельствах, выступающих в качестве постоянных факторов российской динамики, так и на культурно-идеологических моментах.

Чтобы обозначить собственную методологию понимания политико-управленческой традиции, нам следу-

ет окунуться в теоретическое поле исследований данного феномена, обладающего весьма заметной расплывчатостью. Религиозный философ Л. Титков, ссылаясь на известного западного мыслителя-традиционалиста Р. Генона, настаивает на необходимости различения трансцендентной идеальной Традиции от традиции в форме некоего обычая [2]. Тем не менее для проблематики политико-управленческой сферы такое разделение не совсем оправдано. Мы полагаем, что имеющиеся здесь традиционные формы предполагают воздействие как духовного, сверхчувственного начала, так и более приземленных источников.

Традиция – феномен, который имеет довольно-таки значительную степень научной разработки, вплоть до обобщающих монографий (Е. Шацкий) [3]. Тем не менее здесь имеются различные в методологическом и аксиологическом плане подходы.

Ученые, придерживающиеся парадигмы эволюционизма, склонны критически оценивать фактор традиции, видя в нем мешающее прогрессивному развитию обстоятельство. Например, К. Маркс оценивает традиции как несомненный регресс, поскольку они есть продукт предшествующих исторических этапов, а, стало быть, по существу оказывают негативное влияние. Лаконично это выражено в тезисе «традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых» [4]. Более сдержанно, но весьма похожим образом оценивал традиции М. Вебер, который считал, что традиционные факторы создают препятствия необходимым культурным трансформациям в обществе, и в целом негативно влияют на изменения ценностных установок, которые связаны с процессами «расколдования мира». По словам ученого, с течением времени все сильнее интересы, а не традиционные установления начинают господствовать непосредственно над деятельностью [5].

Довольно взвешенно оценивает роль традиций Г. Ле Бон, прочно связывая такого рода явления с конкретным коллективным наследием. Этот мыслитель признавал как деструктивную, так и конструктивную функцию традиций в социальной жизни людей и народов. С одной стороны, разрушение традиции есть необходимое условие прогресса, но с другой – радикальный отказ от традиций лишает людей духовной опоры, потому необходимо сохранение некоего баланса традиций и инноваций [6].

В виде некоей принудительной силы рассматривал традицию классик французской школы социологии Э. Дюркгейм, который, правда, предпочитал оперировать категорией «коллективное сознание». Такого рода сознание включает религию, право, моральные нормы, которые выступают объективной реальностью для индивидуального сознания, формируя их установки и поведенческие стандарты [7]. В то же время Э. Дюркгейм отнюдь не ограничивался констатацией духовных факторов влияния на коллективные представления, признавая и значительную роль материального мира, который вкупе с духовными структурами создает новое общественное бытие.

Более с социокультурных позиций предпочитали рассматривать феномен традиции советские ученые. По мнению Н. Солнцева, традиции представляют собой специфическую форму функционирования социальных отношений в виде устойчивых, повторяющихся, передающихся массовых идей, принципов, чувств, которыми выражаются оценочные отношения людей к основным видам духовной и материальной деятельности [8]. Придает традиции идеологический (в марксистской интерпретации) уклон И. Суханов, видя здесь «нерегламентированные юридическими установлениями, поддерживаемые силой общественного мнения формы передачи

новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного класса, общества идеологических отношений (политических, нравственных эстетических, религиозных)» [9].

По сути скрепляющий раствор социальной системы видели в феномене традиции культуролог Б. Малиновский и социальный философ П. Сорокин. Именно традицией предопределяется исторический авторитет политической системы, сложившихся групповых ценностей. Традиция есть мощные поведенческие регуляторы, сложившиеся со временем и разделяемые большинством людей. Разрушение традиционных ценностей посредством внедрения в общественную жизнь принципов релятивизма, порождает произвол, социальный конфликт и гоббсовскую «войну всех против всех» [10].

Совсем в духе Г. Гегеля трактуется традиция в монографии А.П. Андреева, А.И. Селиванова. В их интерпретации традиция предопределяет собственный самодостаточный путь развития каждого конкретного народа. «В традиции отражен объективный смысл и границы развертывания в истории национального духа. Игнорирование этого приводит к разрушению национальной онтологии» [11].

В рамках теорий управления категория традиции рассматривается главным образом в качестве форм объективации человеческих знаний и опыта [12]. Известный белорусский социолог Е. Бабосов понимает под «традицией» социальный механизм накопления, сохранения и передачи от поколения к поколению исторического опыта, социального и культурного наследия, идеалов, социокультурных норм и ценностей, образцов поведения, обычаев, обрядов, постановки и решения возникающих проблем [13]. Как полагает А. Саблуков, в данном подходе традиции не антагонистичны инновациям и прогрессу, но, напротив, предполагают их, закладывая для них определенную основу [12].

В то же время представляется уместным несколько расширить понимание функциональной составляющей традиции применительно к политико-управленческой сфере. Дело в том, что в рамках концепции Л. Гринина, государственные структуры эволюционно расширяются и усложняются, становясь все более органично связанными с общественной жизнью. Если раннее государство регулирует общественные процессы скорее фрагментарно, чем системно, оставляя солидные сферы общества фактически не охваченными административным регулированием, то обладающее централизованным аппаратом развитое государство, уже выступает естественной формой политической организации общества, а вот зрелое государство уже понимается в качестве органической формы политической организации, то есть той формы, «вне которой общество (и население) быть не может в принципе» [14]. Тем самым эволюционный характер стейтогенеза предполагает некую содержательную динамику политико-управленческой традиции, которую вряд ли уместно характеризовать сугубо в охранительно-консервативном духе. Подобная динамика неизбежна хотя бы в силу того, что объективно расширяющиеся и усложняющиеся государственные институты охватывают все более широкие общественные сегменты (с точки зрения контроля или привлечения к управленческим функциям). Соответственно со стороны общества ширится обратная связь, что подробно разбирается в работах Э. Гидденса, Ю. Хабермаса и др. Например, если в доиндустриальный период по большей части использовались методы прямого управления, то в условиях возросших информационных возможностей уже куда шире применяются опосредованные манипулятивные способы воздействия.

Надо подчеркнуть, что модификации управленческой традиции предполагают сохранение ее содержательного ядра, которое утверждается приблизительно на стадии развитого государства. Выдвигая подобную гипотезу, мы руководствуемся прежде всего тем, что сложившаяся к этому моменту централизованная политическая система конкретного общества приобретает более или менее устойчивый характер, выработав достаточно гармоничный баланс отношений государственных и общественных институтов применительно к определенным условиям. Это в свою очередь предполагает содержательную специфику базовых основ политико-управленческой традиции или, другими словами, ее ядра.

Итак, в политико-управленческой традиции мы видим исторически сложившийся комплекс методов, правил и норм, определяющий характер отношений в политико-административной сфере. Подобная структура имеет устойчивый смысл, обладая потенциалом воспроизводства. Ее сущностная специфика являет собой результат тесного переплетения постоянных и переменных факторов, в различной степени воздействующих на протяжении существования конкретного общества и определяющих характер его политогенеза.

Переходя к рассмотрению ведущих, по нашему мнению, источников отечественной политико-управленческой традиции, мы намерены сконцентрироваться на объективных обстоятельствах, под которыми прежде всего понимаем природно-географические особенности, сильно детерминирующие сферу социально-экономических и внутривнутриполитических отношений; а также на факторах культурно-идеологического плана.

Признание первичности объективных факторов в рамках исследования отечественной политической динамики нам представляется вполне обоснованным. Историк С. Нефедов предлагает трехфакторную модель исторического процесса, в основе которой – синтетическая взаимосвязь географического, демографического и технологического факторов. Природно-географические обстоятельства относительно неизменны, тогда как численный состав населения, а также технологии подвержены изменениям притом порой весьма принципиальным [15]. На особенности географического пространства делал ставку известный дореволюционный ученый А. Пресняков, констатируя, что долгое время характер соотношения между количеством населения и размерами заселенных российских территорий оставался неблагоприятным для распространения интенсивной хозяйственной и социальной культуры. «Недостаточность общественных сил, личных и материальных средств для разрешения очередных внешних и внутренних задач русской жизни – постоянная и полная трагедии судьба ее истории. Значительные исторические достижения покупались поэтому дорогой ценой крайнего напряжения» [16].

Глубокое исследование природно-климатического фактора общественного развития представляют собой работы историка Л. Милова. В его фундаментальном труде «Великорусский пахарь» отмечается, что территории заселения восточных славян принципиально отличались по климату от западноевропейских земель. В России преобладали неплодородные почвы, а цикл земледельческих работ отличался кратковременностью, протяженностью с мая по октябрь, в то время как на Западе Европы не работали только два зимних месяца – декабрь и январь. По мысли Л. Милова, столь серьезные различия производственных условий радикально влияли на экономическое, политическое и культурное развитие Западной и Восточной Европы [17]. Более благоприятные условия для хозяйствования предопределили для Запад-

ной Европы более гладкое и поступательное развитие с меньшим напряжением сил, в то время как для российских земель на первый план выходили компенсационные механизмы, обеспечивающие выживание и воспроизводство общественной системы в целом. Применительно к отечественной истории в качестве таких компенсационных механизмов послужили сельская община и самодержавное государство.

Преобладание неплодородных почв вкупе с кратковременностью рабочего цикла земледельческих работ предопределяло зависимость индивидуального крестьянского хозяйства от института сельской общины, что особенно актуализировалось в критические моменты. Тем самым выживаемость и воспроизводство российского крестьянства требовали огромного напряжения и мобилизации всех ресурсов, как правило не только членов семьи, но и всей крестьянской общины, которая по сути играла роль палочки-выручалочки для индивидуальных хозяйств. Как пишет ученый, община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, «она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения» [17]. Отсюда даже склонным к индивидуальному хозяйствованию земледельцам было очень трудно порвать с общиной, которая имела соответствующее социокультурное отражение в крестьянском мировоззрении.

Но и соблюдение всех этих требований отнюдь не гарантировало преодоления низкой урожайности, довольно скудной кормовой базы для скотоводства, что в результате определяло низкие объемы совокупного прибавочного продукта. Это ставило проблему уже в социетальных масштабах – как обеспечить выживаемость и воспроизводство уже всего общества? Кроме того, помимо подобных общественных потребностей существовали еще интересы господствующего класса, отнюдь не всегда совпадающие с первыми. Отсюда следовала необходимость «оптимизации прибавочного продукта», за счет которого содержался государственный аппарат, включающий административные и военные ресурсы – степень значения которых возросла после объединения русских земель. Актуальность военной составляющей предопределялась как наличием постоянных внешних угроз (как с Востока, так и с Запада), так и проблематикой изъятия прибавочного продукта. По замечанию Л. Милова, «чем меньше объем прибавочного продукта, ... тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта» [17]. Такую изъятию объективно противостояла та же община – «оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления». Это обстоятельство было одним из факторов военизированного характера организации господствующего класса в российских землях. Режим крепостничества позволял во многом нейтрализовать общину как институт сопротивления крестьян попыткам оптимизировать прибавочный продукт. С другой стороны, подобная оптимизация предполагала выделение прежде всего достаточных объемов на содержание государства, что нередко шло в разрез с групповыми интересами землевладельцев. С этой точки зрения более удобной формой для государственной власти было поместье, а не вотчина, так как первое свободно отчуждалось и передавалось во владение только на условиях несения службы. Подобное внутреннее распределение наряду с утверждением крепостничества поддерживалось централизованной высшей властью, имеющей самодержавный смысл.

При этом Л. Милов констатирует «крайнюю упрощенность самой российской системы самоорганизации российского общества» в силу прежде всего малых объемов

прибавочного продукта. Даже в эпоху Петра I господствующий класс в лице неподатного населения составлял не более 6–7% от общей численности Российской Империи, при том, что основная его часть представляла собой основу самоорганизации общества, включая административное и хозяйственное управление, судебные, военные, религиозные, идеологические и прочие функции. Долгое время численность подобного рода «управленцев» оставалась на том же уровне, и только в результате Великих реформ 1860-х гг. возросла до 12%. В силу этой упрощенности, как считает ученый, «резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги, несущие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни» [17].

Тем самым особенностью российской власти была нацеленность на максимальную мобилизацию ресурсов социума, прежде всего людских. Благодаря этому удалось не только обеспечить политическую независимость, но и освоить новые территориальные просторы, создать крупную промышленность, пусть и основанную главным образом на подневольном труде крепостных крестьян; а также объекты инфраструктуры, и даже построить новую столицу Российской империи. Хотя последняя за счет грандиозного напряжения сумела стать в XVIII в. сильнейшим европейским государством, однако подобные успехи покупались ценой асимметричности в развитии. Вестернизация дворянства, а также представителей различной интеллигенции углубляла прежде всего их социокультурные различия в отношении к громадному большинству крестьянского населения. В довершение всего уже к середине XIX в. компенсационные механизмы общинного сельского жизненного уклада, а также крепостнический режим исчерпывают потенциал поступательного развития. Попытки капитализации аграрной сферы посредством реформ 1860-х гг., а также Столыпинской реформы, нацеленной на ликвидацию общины, не брали в расчет жизненную значимость данного учреждения в повседневном выживании отечественного крестьянства. Это в результате привело к революциям начала XX в. [18]. Даже Советская власть при несомненных грандиозных достижениях не преодолела асимметричности развития, варьируя ресурсами села в рамках производства, при этом не всегда правильно определяя стратегические цели. Так и не удалось отладить эффективную систему самоуправления и реальной обратной связи, что сделало общественную систему беззащитной перед произволом партийно-государственной элиты.

Другой важный фактор политико-управленческой традиции, заслуживающий пристального рассмотрения, заключается в религиозно-идеологической плоскости, а именно в характере и исходе соперничества двух направлений – *иосифлянства* и *нестяжательства*, связанных с деятельностью святых Руской Православной церкви – Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

Первое направление делает очевидный упор на фактическое слияние государства с Церковью, в связи с чем государство, пропитанное установлениями положительной религии, утвердится в правовом статусе. Законами подобного государства станут догматы и церковные обряды, а глава государства одновременно станет также церковным главой, поскольку собственно церковь, став частью официальных государственных установлений, неизбежно примет характер «всестороннего» царства. Жить и повиноваться такому государству тождественно исполнению религиозных предписаний, что, следовательно, ведет к спасению. По мысли философа и правоведа Н. Алексеева, идеология иосифлянства исходила

из полуязыческой теории царебожества, во многом черпая идеи из Ветхого завета, где первым законом царя выступал закон возмездия. Подобно Иегове, иосифлянский царь горит к своим противникам «божественной ревностью», проявляя «праведную ярость» [19]. Как писал сам духовный лидер этого направления – Иосиф Волоцкий (Волоколамский) «совершенно ясно и понятно воистину всем людям, что и святителям, и священникам, и инокам, и простым людям – всем христианам подобает осуждать и проклинать еретиков и отступников, а царям, князьям и мирским судьям подобает посылать их в заточение и предавать лютым казням» [20].

В связи с этим была организована монастырская жизнь, которая у Иосифа Волоколамского основывалась на жесткой регламентации и дисциплине. Достижение праведной жизни предполагалось не столько через реализацию иноками индивидуальных духовных упражнений, сколько через выполнение внешних обязанностей. Волоколамский монастырь Иосифа потому закономерно называют «церковно-государственным» учреждением, поскольку он служил как школой внешней дисциплины для хранителей истинных догматов и обрядов, так и исправительным заведением для отклоняющихся от положительной религии – здесь томились в заключении наиболее известные еретики и вольнодумцы [19].

Тем самым иосифлянская церковь стремилась слиться с государством главным образом, чтобы выступать против еретиков и противников, максимально используя государственную мощь. Подобная логика вполне допускала и даже поощряла накопление материальных ресурсов, так как это объективно усиливало понимаемое подобным образом церковное могущество.

Совершенно иные принципы характеризовали церковь нестяжателей или «заволжских старцев». Нил Сорский и его последователи стремились, напротив, к решительному разделению светской и церковной сфер. По мысли того же Н. Алексеева, верховной религиозной нормой заволжских старцев был не Ветхий завет, а Новый. Любое земное государство находится во грехе, а потому никак не может выступать в качестве подобия божественного порядка. Нестяжатели стремились придать церкви прежде всего сугубо духовные функции, чтобы ее пастыри были наделены исключительно духовным авторитетом, сдерживающим незаконные шаги светского государства Программой их (заволжских старцев) было не Церковь опустить до состояния государства, но государство поставить под чисто нравственное руководство церкви [19].

Исходя из новозаветных установок, заволжские старцы ставили под сомнение иосифлянский принцип «божественной ревности», противопоставляя ему евангельскую заповедь любви. Таким образом, «иосифлянский бог гнева и ярости у нестяжателей превращался в Бога любви и милосердия, который и озадачен построением истинного, праведного государства. Монастырская организация Нила Сорского естественным образом предполагает ставку на духовные искания, воплощенные в скитской жизни, а вовсе не на внешнюю атрибутику, которой были не чужды иосифляне. «Иноков от всего мирского и суетного отставший, отнюдь отставити – волостей с христианы не давати...» [19]. Различия в подходах обусловили полемику между иосифлянами и нестяжателями по поводу права монастырей на владение имуществом, а также в отношении участия иноков в политической жизни.

В политической плоскости нестяжатели не столько восставали против сложившейся московской монархии, сколько требовали ее большего приближения к идеалам правды и справедливости. В пассаже Нила Сорско-

го «Всякий царь да покоряет царство свое истине закона своего» фактически заключался принцип правового государства. Это предполагало расширение личной в том числе религиозной свободы, большего отношения терпимости и гуманности к еретикам. Наконец, либеральное начало в учении заволжских старцев проявлялось в тезисе об ограничении самодержавия неким институтом народного представительства. В качестве политико-идеологического направления нестяжательство было развито представителем московской аристократии Василием Патрикеевым, а также в целом поддерживалось яркой фигурой, фактически представителем общественности XVI в. Максимом Греком. Элементы этого учения встречались в более поздних политико-философских трактатах и, кроме того, оно имело определенную опору в глубинах народной ментальности. По словам Н. Алексеева это был «подземный пласт, живущий в глубинах русской стихии и не всегда всплывающий на поверхность» [19].

В то же время политическая борьба с иосифлянами окончилась для нестяжателей поражением, что было обусловлено рядом причин. Первая заключается в том, что объективные обстоятельства, в которых пребывала недавно централизованная московская монархия с точки зрения ее выживания делали все же более востребованной иосифлянскую государственную модель, с ее более очевидно выраженными властной вертикалью и карательной составляющей. Предлагаемая заволжскими старцами государственная форма с ее куда более явным гуманистическим уклоном и либеральным потенциалом, предполагающим своеобразное конституционное ограничение, а то и децентрализацию великокняжеской власти подходила для отечественных условий куда меньше.

Вторая причина связана уже с внутривластным раскладом, который отчетливо стал проявляться где-то с конца XV в., не потеряв своей актуальности и по сегодняшний день [21]. Речь идет об амбициях определенных элитных групп, которые на тот момент были представлены родовой боярской аристократией, опирающейся на вотчинные владения. Подобным амбициям верховная власть в лице великого князя, а затем царя стремилась положить предел, через стимулирование поместного землевладения и создания социальной опоры в виде служилого дворянства. В правление Ивана Грозного, которому пришлось потратить немало усилий для преодоления последствий боярского правления, данные процессы выпукло проявились в политике опричнины, идеологически подкрепленные не только иосифлянством, но и теоретическими разработками Ивана Пересветова. Последний считал боярское правление главной угрозой Московскому царству, а потому видел оптимальной моделью царскую диктатуру [22].

Дело в том, что в качестве духовно-политического выражения позиции боярской аристократии была взята именно идеология нестяжателей, так или иначе ставящая под сомнение существующие властные устои иосифлянского государства. Как пишет Н. Алексеев «опозиционные московскому самодержавию «княжата» в значительной степени примыкали к течению заволжских старцев... И выходило так, что в представлениях народных московских масс заволжская программа совпадала с ненавистной идеей семибоярщины» [19]. Подобное обстоятельство в значительной степени работало против массовой популярности нестяжательского проекта. При всей своей большей жесткости иосифлянство все же казалось меньшим злом. Отсюда можно предположить, что политическое торжество иосифлянства над нестяжательством было во многом предопреде-

ленным не только объективными обстоятельствами Московии – неблагоприятной природной средой и постоянной актуализацией геополитических угроз, но и также ее внутривластными противоречиями.

Таким образом, налицо авторитарный характер отечественной политико-управленческой традиции, что было предопределено как объективными, так и идеологическими обстоятельствами. Тем не менее авторитаризм, доходящий порой до деспотизма, а то и тоталитаризма зачастую оказывался залогом выживания российского социума, вынужденного решать проблемы воспроизводства и саморазвития в малоблагоприятных природных условиях (зона рискованного земледелия), а также напряженной геополитической среды, которая выступала источником внешних угроз, причем нередко с нескольких направлений.

Литература

1. Тихонов, Д.А. Политические традиции местного самоуправления в отечественной истории // *Полития*, 2004. № 3 (34). С. 91.
2. Титков, Л.В. Традиция и ее аксиологические установки в контексте новой исторической парадигмы // *CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов*. Выпуск IX. – М.: МПГУ, 2018. – С. 81–88.
3. Шацкий, Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 454 с.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Предисловие к критике политической экономии. – М., 1983. Т. 2. – С. 127.
5. Вебер, М. Хозяйственная этика мировых религий // *Мистика, религия, наука*. – М., 1998. – С. 248.
6. Ле Бон, Г. Психология народов и масс. – М.: АСТ, 2016. – С. 204.
7. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение – М.: Канон, 1995. – С. 20.
8. Солнцев, Н.В. Роль прогрессивных традиций в коммунистическом воспитании. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 19.
9. Суханов, И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. – М.: Политиздат, 1976. – С. 25.
10. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 504.
11. Андреев, А.П., Селиванов, А.И. Русская традиция. – М.: Алгоритм, 2004. – С. 65.
12. Саблуков, А.В. Традиции в социальном управлении // *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. Вып. 4 (841), 2020. С. 285.
13. Бабосов, Е.М. Социология: энциклопедический словарь. – М.: Либроком, 2008. – С. 420.
14. Гринин, Л.Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // *История и современность*, март 2006. № 1. С. 26.
15. Нефедов, С.А. История России. Факторный анализ. Т. I. С древнейших времен до Великой смуты. – М.: Территория будущего, 2010. – С. 30–31.
16. Лурье, С.В. Историческая этнология. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004 // http://yanko.lib.ru/books/cultur/lurie-istor_etnologiya-a.htm.
17. Милов, Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 554–555, 566, 556–557, 562.
18. История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 8–10.
19. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – С. 88, 86, 89, 87, 84, 93.

20. Алексеев, А.И. К изучению творческой истории «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2008. № 2(32). С. 60–71.
21. Тамбиянц, Ю.Г., Гринь М.В., Иваненко И.Н. Модель отечественного политического процесса: фактор внутриэлитных противоречий // Манускрипт, 2021. Т. 14. № 11. С. 2372–2378.
22. Талмазан, О. Правда Пересветова и прага Макиавелли // «Славянские чтения», журнал: научно-теоретический, 2021. № 16–17. С. 156–175.

POLITICAL AND ADMINISTRATIVE TRADITION: HISTORIOSOPHICAL ANALYSIS

Ivanenko I.N., Grin M.V., Tereshchenko O.V.

Kuban State University, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

The subject of the study is the effectiveness of public administration in Russia, based on non-liberal methods. The purpose of the work is to analyze the reasons for the effectiveness of a rigid power management structure through the concept of political and management tradition and its sources. A comparative philosophical and historical analysis of the phenomenon of «tradition» has been carried out. An expanded understanding of the functional component of tradition in relation to the political and administrative sphere is proposed, not limited to protective and conservative components and preserving its substantial core. The novelty of the study lies in the fact that the authors presented their own vision of the concept of political and administrative tradition. As a result, conclusions are drawn about the positive effect of the authoritarian nature of the Russian political and administrative tradition, which is explained by objective and ideological circumstances, is the key to the survival of Russian society in unfavorable natural conditions and a tense geopolitical environment.

Keywords: society, political system, tradition, political and managerial tradition, sustainability, values, politogenesis, social system, ideology, state.

References

1. Tikhonov, D.A. Political traditions of local self-government in national history // *Politiya*, 2004. № . 3(34). P. 91.
2. Titkov, L.V. Tradition and its axiological attitudes in the context of a new historical paradigm // *CLIO-SCIENCE: Problems of history and interdisciplinary synthesis: Collection of scientific papers*. Issue IX. – M.: MPGU, 2018. – P. 81–88.
3. Shatsky, E. *Utopia and tradition*. – M.: Progress, 1990. – 454 p.
4. Marx, K., Engels, F. *Preface to the Critique of Political Economy*. – M., 1983. Т. 2. P. 127.
5. Weber, M. *Economic ethics of world religions // Mysticism, religion, science*. – M., 1998. – P. 248.
6. Le Bon, G. *Psychology of peoples and masses*. – M.: AST, 2016. – P. 204.
7. Durkheim, E. *Sociology. Its subject, method, purpose*. – M.: Kanon, 1995. – P. 20.
8. Solntsev, N.V. *The role of progressive traditions in communist education*. – Novosibirsk: Nauka, 1977. – P. 19.
9. Sukhanov, I.V. *Customs, traditions and continuity of generations*. – Moscow: Politizdat, 1976. – P. 25.
10. Sorokin, P.A. *Man. Civilization. Society*. – M.: Politizdat, 1992. – P. 504.
11. Andreev, A.P., Selivanov, A.I. *Russian tradition*. – M.: Algorithm, 2004. – P. 65.
12. Sablukov, A.V. *Traditions in social management // Vestnik MS-LU. Social Sciences*. Issue. 4(841), 2020. P. 285.
13. Babosov, E.M. *Sociology: an encyclopedic dictionary*. – M.: Li-brokom, 2008. – P. 420.
14. Grinin, L.E. *On the stages of the evolution of the state. Problems of theory // History and modernity*, March 2006. № . 1. P. 26.
15. Nefedov, S.A. *History of Russia. Factor analysis. T.I. From ancient times to the Great Troubles*. – M.: Territory of the Future, 2010. – P. 30–31.
16. Lurie, S.V. *Historical ethnology*. M.: Academic project: Gaudeamus, 2004 // http://yanko.lib.ru/books/cultur/lurie-istor_etnologiya-a.htm.
17. Milov, L. *The Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process*. – M.: ROSSPEN, 2001. – P. 554–555, 566, 556–557, 562.
18. *History of Russia from ancient times to the end of the 17th century / Ed. L.V. Milova*. – M.: Eksmo, 2006. – P. 8–10.
19. Alekseev, N.N. *Russian people and state*. – M.: Agraf, 1998. – P. 88, 86, 89, 87, 84, 93.
20. Alekseev, A.I. *To the study of the creative history of Joseph Volotsky's «Book on Heretics» // Ancient Rus'. Questions of medieval studies*, 2008. № 2(32). P. 60–71.
21. Tambiyants, Yu.G., Grin M.V., Ivanenko I.N. *Model of the domestic political process: the factor of intra-elite contradictions // Manuscript*, 2021. V. 14. № 11. P. 2372–2378.
22. Talmazan, O. *Peresvetova's Truth and Machiavelli's Pragma // «Slavic Readings», journal: scientific and theoretical*, 2021. № 16–17. P. 156–175.

Ивлева Татьяна Андреевна,

аспирант кафедры политического анализа МГУ имени
М.В. Ломоносова
E-mail: ivlevata96@gmail.com

В статье проводится исследование гендерной политики Российской Федерации с 1990-х гг. по настоящее время, анализируются результаты её осуществления и выявляются основные подходы государства к вопросу достижения гендерного равенства. Автор приходит к выводу, что гендерная политика России по большей части направлена на расширение прав и возможностей женщин, в контексте общего курса государства по решению демографического вопроса. Вместе с тем, некоторые институциональные и законодательные инициативы, декларирующие принцип гендерного равноправия в различных сферах общественной жизни, остаются не реализованными на практике, ввиду отсутствия реальных механизмов по защите и реализации прав и свобод граждан в области гендерных отношений, а также наличия гендерных стереотипов как у тех, кто устанавливает и реализует гендерную политику, так и у самих женщин.

Ключевые слова: российская гендерная политика, гендерное равенство, социальная политика, «женская» политика, традиционные ценности, неопатриархальная гендерная парадигма, эгалитарная гендерная парадигма.

Одним из важнейших глобальных вопросов повестки дня является проблема гендерного равенства – незавершенное дело нашего времени» [13]. Половину населения нашей планеты составляют представительницы прекрасного пола. И, к сожалению, долгим был путь к осознанию необходимости полного равенства прав мужчин и женщин. Мировому сообществу предстоит преодолеть непростой маршрут в борьбе с вековыми предрассудками и ложными традициями. Покончить с гендерным насилием во всех его проявлениях возможно только если предпринимать согласованные действия.

Гендерное равенство в современном мире является одной из приоритетных целей развития большинства стран мира. Особое значение занимает гендерная политика в сфере реализации демократических ценностей и свобод, что подразумевает возможность для каждого реализовывать свой человеческий потенциал, который, в свою очередь, станет ресурсом развития всего общества.

Организация Объединённых Наций недвусмысленно выступила в поддержку расширения прав и возможностей женщин. Задачи развития уважения к правам и свободам человека независимо от расы, пола, языка и религии были заявлены среди целей ООН в Статье № 1 Устава. Такая задача была обозначена в ООН как Третья цель развития тысячелетия (2000), а также как Пятая цель устойчивого развития (2015) и остается важнейшим направлением деятельности ООН в современности, что отметил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш [13].

Рассмотрим основные вехи формирования проблемы гендерного равенства. На протяжении всей истории человечества существовало неравенство в правах мужчины и женщины, при том в пользу сильного пола. Религиозная традиция, определившая Еву причиной первородного греха (Книга Бытия, глава 3), закрепила такое господство. Но с развитием идей гуманизма, выражением которых стала Декларация прав человека и гражданина (1789), прежние догматы были изменены. Началом движения за достижение гендерного равенства считается революционная Франция конца XVIII в. Феминизм возник в Париже как часть широкого движения за социальные и политические реформы. Одним из ярких примеров стал Женский марш на Версаль в октябре 1789 г. Однако, реставрация монархий в начале XIX в. и критика активной роли женщины, на время приостановили этот процесс борьбы за равноправие полов. В начале XX в. возникает движение суфражизма (от фр. *suffrage* – избирательное право), стремившегося к политическому равенству мужчины и женщины. В Великобритании полное равенство было установлено в 1928 г., во Франции – в 1944 г., в Германии – в ноябре 1918 г., в США – в 1920 г.

В международной истории борьбы за гендерное равенство выделяются важнейшие шаги Советской России, а затем и СССР. Прогрессивные идеи достижения социального равенства, основанные на марксистско-ленинской философии, включали в себя и преодоление гендерных ограничений, неравенства мужчины и женщины. Решения первых декретов советской власти занимают важное место в области достижения гендерного равенства, в частности: равная оплата труда мужчин и женщин, запрет женского труда в ночное время и на тя-

желых работах, доступ женщинам к высшему образованию, равенство прав мужчин и женщин в семье, упразднение религиозной регистрации брака, и, наконец, равенство избирательных прав. Несмотря на неизбежную реставрацию системы традиционной семьи и кризис радикального марксистского феминизма, общая линия Советского государства в борьбе за равноправие мужчин и женщин была закреплена в Основном Законе – Конституции 1936 г. (Статьи 122, 137) и 1977 г. (Статьи 34, 35, 53) [26].

После распада СССР Российская Федерация взяла на себя международные обязательства по достижению гендерного равенства, подтвердив свою приверженность его принципам (Конституция РФ, Статьи 19, 34, 38). Однако, в результате разрушения советской системы гендерной симметрии образовался вакуум гендерных отношений. И учитывая исторический феномен власть-собственность, соединение политической силы с властью денег создало мужской класс собственников современной России, что подчеркивает В.В. Чвыкалов [26]. Тенденция сохраняется, и по данным Всемирного экономического форума за 2021 г., Россия находится на 81-м месте в мире по показателю равноправия мужчин и женщин [19].

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что медленные темпы достижения равенства мужчин и женщин в России связаны с противоречием между содержанием понятия гендерного равенства и традиционными ценностями, которых придерживается Российская Федерация, вследствие чего приверженность международным принципам гендерного равенства, декларируемая в ряде законодательных актов России, не имеет эффективных механизмов полноценной реализации. Отметим также, что российские власти уделяют значительное внимание этой проблеме и систематически осуществляют деятельность, направленную на достижение равноправия полов.

Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить структуру и содержание гендерной политики России, охарактеризовать её базовые принципы, выявить, какие пути достижения гендерного равенства она предполагает. Важным также представляется определение комплекса ключевых проблем, препятствующих успешной реализации гендерной политики.

Государственная гендерная политика регулирует отношения между гендерными группами во всех областях сферы общественной жизни. Такая политика подразумевает определенные действия государства для достижения гендерного равенства и конкретные меры в области обеспечения равных прав и возможностей, отсутствия дискриминации по половому признаку.

В мировой практике существует несколько политико-управленческих подходов к реализации гендерной политики [4, с. 114–115]. Первый из них подразумевает улучшение положения незащищенных групп общества с целью поднятия общего уровня экономики и преодоления бедности, в связи с чем создаются условия для доступа женщин к труду, однако их материнская роль признаётся первоочередным вкладом в развитие общества. Подобная практика близка опыту советской гендерной политики, в рамках которой возник контракт «работающей матери». Второй подход, появившийся во второй половине XX в., подразумевает, прежде всего, идею равенства и справедливости, где развитие общества связывается с реализацией общего человеческого потенциала. Особенно ярко это проявилось в постиндустриальную эпоху, когда человек и его реализация стали не средством, а целью общественного развития. Идеальным выражением этого подхода является политика, не только ставя-

щая цель улучшить положение женщин, но и обращенная как к женщинам, так и к мужчинам.

Важно понимать, что гендерная политика реализуется в конкретно-историческом контексте, поэтому подход государства к ней зависит от уровня экономического и политического развития, исторического прошлого и менталитета общества, степени вовлеченности страны в глобализационные процессы и т.д.

По мнению эксперта Комитета по социальной политике Совета Федерации Г.Г. Силласте, единой позиции по вопросу содержания гендерной политики ни в научном сообществе, ни среди представителей органов власти России до сих пор нет, что вызвано в том числе скептическим и противоречивым отношением к самому понятию «гендер» [20, с. 4]. Так, несмотря на во многом прогрессивную советскую политику по предоставлению прав женщинам в XX в., большое влияние на фактическое положение мужчин и женщин в России оказывает характерная для страны культура традиционализма. Такое положение сказывается и на современной гендерной политике России, которую можно характеризовать скорее, как женскую политику (а не эгалитарную), нацеленную на социальную и экономическую поддержку женщин, расширение их прав и возможностей.

Основные положения гендерного равенства имеют нормативно-правовое содержание и закреплены в Конституции Российской Федерации (Статьи 19, 34, 38), в частности: государственная гарантия равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола (Пункт 2 Статьи 19) [12]. Кроме того, нормативно-правовое закрепление положений гендерного равенства определено согласно международным соглашениям и конвенциям, которые подписаны и признаны как часть законодательной системы РФ:

- Пекинская декларация по положению женщин, ООН (1995);
- Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (1981);
- Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979);
- Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960);
- Конвенция МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий (1958);
- Конвенция МОТ о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (1951).

В Российской Федерации акцент в гендерной политике сделан на повышении статуса и возможностей женщины в обществе, что зафиксировано согласно Указу от 04.03.1993 № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин»: под целостной государственной политикой в отношении женщин понимается расширение участия женщин в деятельности государственных органов и общественных организаций, обеспечения их конкурентоспособности на рынке труда, предоставление социальных гарантий, организация и развитие социальных услуг для работающих женщин [22].

На предотвращение дискриминации женщин по признаку пола нацелены Трудовой, Гражданский, Уголовный и Семейный кодексы РФ. Например, статья 145 УК РФ устанавливает наказание за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение женщины по мотивам ее беременности, а также женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет [21]. Обращает на себя внимание тот факт, что формулировка статьи касается только увольнения *женщины*, имеющей

детей, а не человека с детьми, что с одной стороны характеризует гендерную политику как одностороннюю, а с другой – косвенно демонстрирует, что с такой ситуацией фактически сталкиваются только женщины. При этом еще в 1981 г., согласно Конвенции МОТ № 156, начался переход от материнского к родительскому праву и объектами регулирования по увольнению и режиму рабочего времени стали оба родителя.

Можно сделать вывод о разрыве гендерного равенства де-юре и де-факто [5, с. 12]. Еще в 1994 г. была принята «Концепция улучшения положения женщин» [17], где подчеркивалась потребность добиваться создания условий и правовых норм для реализации конституционного принципа равных прав и возможностей.

Утверждение «Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» в 1997 г. стало первой попыткой системного подхода к законотворческой деятельности Государственной Думы по обеспечению равных прав мужчин и женщин [16]. Последующее принятие целевых национальных планов по улучшению положения женщин приобрело системный характер и является основным источником реализации российской гендерной политики:

- Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе от 29 августа 1996 г.;
- Национальный план действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе от 28 июня 2001 г. № 855-р;
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.;
- План мероприятий по её реализации в 2019–2022 гг. (распоряжение от 07 декабря 2019 г. № 2943-р).

Вместе с тем, эффективность вышеупомянутых программ недостаточна. Во многом они представляют собой хаотичный набор рекомендаций, не имеют строгой системы отчетности и механизма реализации на уровне субъектов РФ, из-за чего проблемы гендерного равенства остаются актуальными по сегодняшний день. Например, в Национальной стратегии действий в отношении женщин 2017 г. подтверждается актуальность проблемы дискриминации по отношению к женщинам со стороны работодателей как препятствия к полной реализации их прав и свобод. Данное положение адресуется нас к фактору менталитета и традиционных ценностей российского общества, для которого характерно гендерное распределение ролей «женщины-матери» и «мужчины-добытчика», вследствие чего, несмотря на предоставление женщинам возможности работать, работодатель может ей отказать, ссылаясь на материнские обязанности. То же самое касается и роли женщины в качестве «хранительницы очага», что никак не может регулироваться государством, но является составной частью исторической семейной традиции. Так, появление концепта «женщины-добытчика» лишь привело женщину к двойной занятости (дома и на работе), в то время как признание солидарной ответственности мужчин и женщин за выполнение семейных обязанностей способствовало бы укреплению института семьи [14].

Таким образом, гендерная политика должна включать в себя не только законодательную базу и институциональный сегмент, но и просветительскую деятельность, направленную на искоренение гендерных предрассудков и стереотипов. Российская гендерная политика носит консервативный характер и направлена на сохранение традиционных семейных ценностей, поддерживая женщин исключительно в их роли работающих матерей, и не предполагает расширения их возможностей в обще-

ственной сфере [2, с. 106]. При этом гендерную политику проводят государственные институциональные структуры, которые преимущественно состоят из мужчин, имеющих те же самые стереотипные представления о феминности и маскулинности, о мужских и женских социальных ролях. Существует весьма серьезное противоречие между теорией решения женских проблем, которую активно разрабатывают феминистские исследователи различных направлений, и практикой их решения весьма далекими от феминизма людьми [10, с. 8]. Так, гендерная культура с одной стороны оказывает влияние на реализуемую государством гендерную политику, с другой стороны, может выступать ее объектом, что со временем повлияет на общественное мнение, способствуя переходу от традиционных представлений к эгалитарным.

Подтверждает это подготовленная группой экспертов в 2004 г. Гендерная стратегия Российской Федерации, где в качестве одной из задач была обозначена просветительская функция со стороны государства и общества по пропаганде материнства и отцовства как высшего проявления человечности и гражданственности, однако после представления документа в Правительство РФ его дальнейшая судьба осталась неизвестной. По мнению Эксперта Межведомственной Комиссии О.А. Ворониной, прописанные в Гендерной стратегии цели и задачи «даже не ставились [государством] всерьез», т.к. не было выполнено ключевое условие – разработка планов мероприятий на уровне субъектов [5, с. 14]. По мнению других исследователей, важно также создать правительственные структуры (министерство, комитет, фракцию женщин-парламентариев), которые бы на постоянной основе занимались вопросами гендерного равенства и были ответственны за результаты своей деятельности [25, с. 39–40].

Следует выделить созданные на рубеже столетий органы государственного и общественного контроля в форме правительственных комиссий, в частности: Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ (1993–2000), Комиссия по вопросам положения женщин при Правительстве РФ (1997–2004), Общественная комиссия по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, Департамент по делам женщин, семьи и детей в Министерстве труда и социальных отношений Российской Федерации [23, с. 19]. На данный момент действует Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей и Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин.

Названия данных структур говорят о приоритетах гендерной политики России, которая во многом нацелена на обеспечение благоприятных условий для женщин по созданию семьи и рождению детей [24, с. 5]. Можно предположить, что такой подход является составной частью политики natalизма, призванной решить одну из важнейших проблем современной России – демографическую. В своём Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил необходимость создания благоприятных условий «в первую очередь для женщин» для устранения их опасений относительно блокирования перспектив карьерного продвижения в угоду ведению домашнего хозяйства, в связи с рождением второго ребёнка и последующих детей. Президент также отметил необходимость решения проблемы очередей в дошкольные учреждения, разработки и реализации программ профессиональной переподготовки для женщин с детьми, поддержки гибких форм занятости в условиях выбора, связанного с планированием рождения де-

тей [15]. Возможно, именно этот мотив является одним из главных в определении характера гендерной политики России [10, с. 10].

Подтверждением этих слов следует считать нереализованный проект Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» 2003 г., который, как предполагалось, должен был обеспечить гендерное равенство в политической, экономической, социальной и культурной сферах общественной жизни [18]. Проект закона уделяет большое внимание равноправию в сфере социально-трудовых отношений, в сфере государственной и муниципальной служб, в сфере избирательного права. В качестве одного из направлений государственной гендерной политики закон устанавливает воспитание и пропаганду культуры равноправия мужчин и женщин [18]. Закон прошёл первое чтение в Государственной Думе, однако после обсуждения поправок было высказано мнение о чрезмерности дополнительного правового регулирования [9]. Свои комментарии дал Президент РФ В.В. Путин. В их числе было возражение против принципа квотирования. Однако, согласно международной Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., предусматривается принятие временных специальных мер, направленных на ускорение установления равенства между мужчинами и женщинами [11]. Рассмотрение закона во втором чтении было запланировано только на 2012 г., но не состоялось под нажимом православных и патриотических общественных организаций [5, с. 17]. В 2018 г. Государственная Дума отклонила проект закона во втором чтении, посчитав его устаревшим.

Вместе с тем Председатель Государственной Думы РФ В.В. Володин подчеркнул, что за прошедшие годы вопрос дискриминации женщин остаётся актуальным в отношении особенностей оплаты труда (возможный декретный отпуск как препятствие продвижения по службе) и причин для увольнений (потенциальная необходимость воспитания детей/ ухода за ними) [6].

Особенно остро такие негативные отношения проявились в период кризиса 2008–2009 гг., когда доля женщин среди безработных приближалась к 60%, средняя длительность зарегистрированной безработицы среди женщин была больше, чем в целом по безработным, среди которых прежде всего беременные женщины, женщины с детьми до 3-х лет и одинокие матери [1, с. 18–19]. Этот феномен ещё называют «декретофобией», и связан он с необходимостью для работодателя-предпринимателя брать на себя страхование и выплату пособий женщинам: в советское время эти обязанности полностью лежали на государстве. Кроме того, предприниматель должен сохранять за женщиной рабочее место и искать на него временного работника.

Кроме того, внутри сферы труда существует профессиональная гендерная сегрегация: горизонтальная и вертикальная. Горизонтальная гендерная сегрегация предполагает, что существует определённая корреляция между профессиональными сферами и процентом трудоустроенных в них женщин и мужчин: гендерные различия находят выражение в сферах образования, науки, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, где работает значительная часть женщин. В свою очередь, сферы информационных технологий, логистики, нефте- и газодобывающего производства и тяжелого машиностроения преимущественно «мужские». «Женская» же область (образование, здравоохранение, культура, социальная защита) является низкооплачиваемой, однако даже в рамках одной специальности присутствует гендерный разрыв заработных плат. Например,

в сфере информации и связи заработная плата женщины составляет 68,2% от мужской, а в отрасли здравоохранения и социальных услуг – 88,3% [7, с. 127–128].

Вертикальная гендерная сегрегация подразумевает уменьшение процента женщин на каждой последующей должностной ступени, что создаёт так называемый «стеклянный потолок» в процессе их реализации. Например, на уровне проректоров, заместителей ректоров работает 64% женщин, а на уровне ректоров, т.е. высшего руководства, – всего 16% [8].

Подобная ситуация характерна и для политической сферы: несмотря на Указ Президента РФ «О повышении роли женщины в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1996 г.), представительство женщин в органах государственной власти резко снизилось по сравнению с Советским Союзом. В частности, представительство женщин в законодательных органах власти снизилось с 33% в СССР до 5,7% в России. В настоящее время в высших органах власти женщины представлены в следующем отношении: Совет Федерации – 17,2%, Государственная Дума – 16,3% (по состоянию на 2020 г.) [7, с. 212]. Среди должностных лиц федеральной гражданской службы 74% женщин, но из них только 30% занимают высшие должности, а самый большой процент женщин представлен на позиции помощника (советника) – 82% [7, с. 204–205]. Аналогичная ситуация имеет место и в органах власти субъектов Российской Федерации, где большинство руководящих должностей закреплено за мужчинами [25, с. 39]. Таким образом, на руководящие позиции, которые предполагают основной контроль и принятие решений, женщины практически не попадают.

Несмотря на то, что в России сложилась значительная гендерная асимметрия – 53% женщин и 47% мужчин (разница почти в 11 млн чел.), представительство женщин в «большой» политике незначительно, из-за чего они не могут оказать существенного влияния на общий политический курс гендерной политики государства. Успешные примеры реализации женщины в «большой» политике единичны: В.И. Матвиенко, Т.А. Голикова, Э.С. Набиуллина, И.М. Хакамада.

Возможное решение проблемы представительства женщин состоит в введении системы квот. Однако, относительно эффективности системы квот, ее справедливости нет единого мнения.

Вместе с тем международная практика показывает, что увеличение представительства женщин в политике приводит к более сбалансированным политическим приоритетам государства, к тому, что эффективнее решаются социальные вопросы, в результате чего значительно повышается общее качество жизни. Тем не менее, в российском обществе после 2000 г. не существует самостоятельных женских политических движений по аналогу «Женщин России», представивших в Госдуме первого созыва женскую политическую фракцию [20, с. 7].

Отметим также, что культурные гендерные стереотипы существуют в сознании самих женщин, что делает их менее амбициозными, менее уверенными в своей способности достичь высоких результатов, предпочитающими не вмешиваться в «мужские дела», ставящими в приоритет семейную жизнь. Те же женщины, которые выбрали карьеру или политику, сталкиваются с психологическим давлением и получают критику либо за отсутствие соответствующих лидерских качеств и излишне «женское» поведение, либо, наоборот, за чересчур жёсткие стратегии, не соответствующие стереотипным представлениям о том, как должна вести себя женщина [2, с. 104].

В сложившейся ситуации всё большее значение приобретает желание и стремление самих женщин защищать свои права и настаивать на их реализации. Большой общественный резонанс в последние годы вызывает тема насилия, в том числе семейно-бытового, из-за чего стали возникать новые общественные и неправительственные организации, которые оказывают социальную и психологическую помощь жертвам насилия, осуществляют юридические консультации по защите и отстаиванию прав, ведут просветительскую деятельность, побуждают женщин (и мужчин) отказаться от привычных представлений о норме насильственных взаимоотношений.

В частности, в 2019 г. насилию было подвержено 125,9 тыс. женщин и 184,1 тыс. мужчин. Однако большая часть женщин была подвержена насильственным действиям сексуального характера, а мужчины – действиям, связанным с грабежом и разбоем. Важно помнить, что статистика располагает только зарегистрированными случаями, когда жертва обратилась в соответствующие органы, в то время как многие из них не раскрывают этого факта вообще, в том числе мужчины (из 184,1 тыс. – 17,3% подверглись сексуальному насилию) [7, с. 218]. Данная проблема вновь возвращает нас к менталитету и гендерным представлениям, из-за которых женщина и мужчина по разным причинам замалчивают данный факт.

По данным МВД, в сфере семейно-бытового насилия в 2018 г. было зарегистрировано более 34 тыс. преступлений, из которых почти 70% произошло в отношении женщин и детей [3]. При этом по неофициальным данным, физическое насилие присутствует в каждой четвертой семье. Тем не менее, в России до сих пор не принят закон о домашнем насилии и его профилактике, который уже есть во всех странах Европы. Такого рода закон даёт женщине или мужчине гарантию защиты, подразумевает такие меры, как охранный ордер или запрет на приближение и преследование. Однако на сегодняшний день, если жертва, оказавшаяся в опасной ситуации, обратится в полицию, ей, скорее всего, откажут, ссылаясь на «вынос сора из избы».

Связано это и с тем, что в правовой системе государства не существует механизма дальнейших действий. В 2017 г. фактически были приняты поправки о декриминализации домашнего насилия (из статьи 116 «Побои» УК часть про насилие со стороны членов семьи была перенесена в раздел административных правонарушений), вследствие чего насильнику могут выписать штраф, который оплачивается из семейного бюджета, или ограничить свободу на срок до 15-ти дней. Авторы законопроекта объясняют это тем, что после обращения в правоохранительные органы жертва может передумать и примириться с членом семьи, поэтому фактически государство ставит её перед выбором: быть готовой сразу прервать отношения полностью, что для многих женщин сложно именно по причине экономической зависимости (особенно при наличии маленьких детей), либо дожидаться нанесения серьёзного ущерба здоровью, когда она будет вынуждена уйти, а государство предпримет меры в соответствии с уголовными законодательством.

Такая политика государства по отношению к домашнему насилию в первую очередь нацелена на сохранение семьи как таковой, при этом качество взаимоотношений супругов и эмоционально-психологическая обстановка в семье имеют второстепенное значение. При таком подходе вынесение административного наказания за насилие должно сопровождаться последующими действиями по его профилактике в будущем, включать в себя работу со специалистами психологического профиля, отслеживание эффективности предпринимаемых дей-

ствий, недопущение эскалации. По некоторым данным, в России треть убийств совершается именно в сфере семейно-бытовых отношений, причем пострадать может не только жертва, но и насильник (в случае, когда жертва предпринимает акт самозащиты) [3]. Таким образом, сфера семейных отношений лишь подтверждает необходимость разработки подходов, нацеленных на защиту представителей обоих полов.

Помимо этого, мужчины сталкиваются со своими специфическими проблемами гендерного разделения: мужскому здоровью уделяют меньше внимания (а именно, репродуктивному здоровью и ухудшению здоровья в связи с вредными условиями труда); трудовой возраст мужчин на 5 лет больше женского, при этом средняя продолжительность жизни на 10 лет короче.

Таким образом, анализ гендерной политики в современной России приводит нас к следующим выводам.

1. В истории развития отечественной гендерной политики XX–XXI веков выделяются следующие важнейшие этапы:

- патриархальная традиция дореволюционной России, состоящая в правовой и бытовой дискриминации женщин – начало XX в. – 1917 г.;
- период радикального марксистского феминизма: 1917–1920-е гг.;
- реставрация системы традиционной семьи при сохранении политики преодоления неравенства мужчины и женщины на основе марксистско-ленинской философии (достижение социального и гендерного равенства): 1930-ые – 1980-ые гг.;
- Кризис советской трактовки равноправия мужчин и женщин, возврат к традиционному представлению, для которого характерно гендерное распределение ролей «женщины-матери» и «мужчины-добытчика», что было поддержано религиозными структурами: 1990-ые гг. – начало XXI в.

2. Гендерная политика в первую очередь направлена на решение «женских» вопросов в трудовой сфере, которые являются составной частью общей семейной и демографической политики государства.

Представляется необходимым создать такую государственную структуру, которая бы контролировала реализацию на практике гендерного подхода в разных сферах общественной жизни, а также имела строгую систему отчётности за результаты своей деятельности. Важно, чтобы трудовые права женщин не просто обозначались в трудовом кодексе, но и имели прямой механизм их защиты. Важно расширять сеть дошкольных учреждений и развивать профессии няни. В последнее время во многих сферах занятости был реализован удалённый метод работы, что также может стать альтернативным типом занятости для матерей с детьми.

3. Большое влияние на гендерную политику России оказывает её культура. В отечественной культуре большое значение придаётся традиционным ценностям, которые всё чаще противопоставляются европейским. Существующие в обществе гендерные представления становятся тормозящим фактором в формировании и реализации гендерного равенства. Для изменения восприятия обществом данной темы необходимо проводить научные исследования по гендерной проблематике, освещать существующие проблемы обоих полов в СМИ, постепенно расширяя представления населения о социальных ролях женщин и мужчин, что в итоге должно привести к модификации существующей гендерной парадигмы – а именно: ее смены с неопатриархальной на эгалитарную [2, с. 107].

4. Особую важность имеет скорейшее обеспечение прав и возможностей женщин в политической сфере.

Необходимо принимать соответствующие законы, направленные на повышение представительства женщин на всех уровнях политической власти, поддержку женских партий и инициатив. На данный момент женщины, составляющие 53% населения страны, представлены в высших органах власти только на 17%. Такая явная диспропорция не позволяет проводить в жизнь законы, соответствующие интересам и потребностям женщин.

5. Необходимо дополнить российскую гендерную политику реальными мерами, нацеленными на достижение гендерного равенства, которое позволит представителям обоих полов реализовать свой потенциал и внести максимальный вклад в развитие общества.

6. В настоящее время руководство Российской Федерации поддерживает пропаганду традиционных ценностей и занимает позицию коренного неприятия изменений в институте неопатриархальной семьи, в том числе в русле концепции радикального гендерного равенства и политики позитивной гендерной дискриминации. Особое внимание обращено на антагонизм гендерной политики в России и странах «западного мира», который состоит в разнице подходов к определению границ свободы человека и допустимости отказа от догм религии и традиционных ценностей.

7. Гендерная политика должна включать в себя не только законодательную базу и институциональный сегмент, но и просвещенческую деятельность, направленную на искоренение гендерных предрассудков и стереотипов. Гендерная культура с одной стороны оказывает влияние на реализуемую государством гендерную политику, с другой стороны, может выступать ее объектом, что со временем повлияет на общественное мнение, способствуя переходу от традиционных представлений к эгалитарным.

8. Функционирующие в настоящее время в Российской Федерации общественные и государственные структуры осуществляют активную деятельность по следующим направлениям:

- организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации, общественных, научных и других организаций по вопросам совершенствования политики в сфере улучшения положения женщин;
- подготовка предложений по определению приоритетных направлений и мероприятий государственной политики в интересах женщин;
- взаимодействие с координационными структурами по реализации Национальной стратегии в субъектах Федерации.

Представляется важным активизировать эти усилия и в дальнейшем на пути формирования общества гендерного равенства в России.

Литература

1. Айвазова С.Г. Контракт «работающей матери»: нарушение или расторжение? // Женщина в российском обществе. № 3. 2011. С. 13–22.
2. Антонова Н.В. Гендерная культура как фактор формирования гендерной политики в России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 19, № 4. 2019. С. 102–109.
3. Валяев Ю. Родственные отношения – дело государственной важности [Электронный ресурс]. URL: <https://old.mvdmmedia.ru/pubs/101/relationships-a-matter-of-national-importance/> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Василенко Л.А., Кашина М.А. Будущее гендерной политики в глобализирующемся обществе: рос-

сийский кейс // Управленческое консультирование. № 9. 2015. С. 112–119.

5. Воронина О.А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Женщина в российском обществе. № 3. 2013. С. 12–20.
6. Вячеслав Володин предложил сконцентрироваться на защите трудовых прав женщин [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/27573/> (дата обращения: 26.01.2022).
7. Женщины и мужчины России. 2020: Стат.сб./Росстат. – М., 2020. – 239 с.
8. Заседание № 131. О проекте федерального закона № 284965–3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации» (принят в первом чтении 16 апреля 2003 года) [Электронный ресурс]. URL: http://transcript.duma.gov.ru/api_search/?kod-z=1679&kodvopr=10 (дата обращения: 10.02.2022).
9. Информация по темам и вопросам Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в связи с представлением периодического (шестого и седьмого) доклада о выполнении в Российской Федерации Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс]. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/cedaw/docs/AdvanceVersions/CEDAW-C-RUS-Q7-Add1_ru.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
10. Кашина М.А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин: внутренние противоречия // Женщина в российском обществе. № 4. 2019. С. 3–13.
11. Конституция РФ. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 07.02.2022).
12. Координационный совет по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/department/480/events/> (дата обращения: 13.09.2022).
13. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. Гендерное равенство. / Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/gender-equality> (дата обращения: 08.09.2022).
14. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420393412?marker=6580IP> (дата обращения: 08.02.2022).
15. Послание Президента Федеральному Собранию 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremmlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 02.02.2022).
16. Постановление ГД РФ. О Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9053195> (дата обращения: 10.02.2022).
17. Постановление Правительства РФ от 08 января 1996 года № 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9015232> (дата обращения: 08.02.2022).
18. Проект № 284965–3 ФЗ «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901859190> (дата обращения: 09.02.2022).

19. Рейтинг стран мира по уровню гендерного разрыва [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index#russia> (дата обращения: 04.02.2022).
20. Силласте Г.Г. Гендерная политика и социальный механизм ее возможной реализации // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество: материалы Всероссийской научной конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 3–13.
21. Уголовный кодекс РФ. Статья 145. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10108000/3780a465c57513165f942ba713db0691/> (дата обращения: 01.02.2022).
22. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.1993 № 337. О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1591/ (дата обращения: 08.02.2022).
23. Федотовская Т.А. Современная социальная политика: гендерный подход // АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. № 25 (342). Гендерная политика в России и в мире: вопросы теории и практики. Серия: Основные проблемы социального развития России. – М., 2007. – С. 5–23.
24. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. № 3 (60). 2011. С. 4–12.
25. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Национальные планы действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе как ресурс реализации российской гендерной политики (1990–2020-е годы) // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество: материалы Всероссийской научной конференции. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 28–40.
26. Чвыкалов В.В. Гендерная политика советского государства в социальной сфере в целях защиты прав женщин // Юрист – Правоведъ. 2011. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-sotsialnoy-sfere-v-tselyah-zaschity-prav-zhenschin> (дата обращения: 02.10.2022).
2. Antonova N.V. Gender culture as a factor in the formation of gender policy in Russia // Vestnik SUSU. Series “Social and Humanitarian Sciences”. Т. 19, No. 4. 2019. pp. 102–109.
3. Valyaev Yu. Family relations – a matter of national importance [Electronic resource]. URL: <https://old.mvdmedia.ru/pubs/101/relationships-a-matter-of-national-importance/> (Accessed: 02/03/2022).
4. Vasilenko L.A., Kashina M.A. The Future of Gender Policy in a Globalizing Society: The Russian Case // Management Consulting. No. 9. 2015. pp. 112–119.
5. Voronina O.A. Gender Equality Policy in Modern Russia: Problems and Contradictions // Woman in Russian Society. No. 3. 2013. pp. 12–20.
6. Vyacheslav Volodin suggested focusing on protecting the labor rights of women [Electronic resource]. URL: <http://duma.gov.ru/news/27573/> (Accessed: 01/26/2022).
7. Women and men of Russia. 2020: Stat.sb./Rosstat. – М., 2020. – 239 p.
8. Session No. 131. On the draft federal law No. 284965–3 “On state guarantees of equal rights and freedoms for men and women and equal opportunities for their implementation” (adopted in the first reading on April 16, 2003) [Electronic resource]. URL: http://transcript.duma.gov.ru/api_search/?kodz=1679&kodvopr=10 (Accessed: 02/10/2022).
9. Information on topics and issues of the Committee on the Elimination of Discrimination against Women in connection with the submission of a periodic (sixth and seventh) report on the implementation in the Russian Federation of the UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women [Electronic resource]. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/cedaw/docs/AdvanceVersions/CEDAW-C-RUS-Q7-Add1_ru.pdf (Accessed: 02/01/2022).
10. Kashina M.A. Post-Soviet state policy towards women: internal contradictions // Woman in Russian society. No. 4. 2019. pp. 3–13.
11. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (Accessed: 02/09/2022).
12. The Constitution of the Russian Federation. Chapter 2. Rights and freedoms of man and citizen [Electronic resource]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000–4.htm> (Accessed: 02/07/2022).
13. Peace, dignity and equality on a healthy planet. Gender equality. / United Nations [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/gender-equality> (Accessed: 08.09.2022).
14. National strategy of action for women for 2017–2022 [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420393412?marker=65801P> (Accessed: 02/08/2022).
15. Message of the President to the Federal Assembly in 2012 [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (Accessed: 02.02.2022).
16. Decree of the State Duma of the Russian Federation. On the Concept of legislative activity to ensure equal rights and equal opportunities for men and women [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9053195> (Accessed: 02/10/2022).
17. Decree of the Government of the Russian Federation of January 8, 1996 No. 6 “On the concept of improving the status of women in the Russian Federation” [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9015232> (Accessed: 02/08/2022).
18. Project No. 284965–3 FZ “On State Guarantees of Equal Rights and Freedoms and Equal Opportunities for Men and Women in the Russian Federation” [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901859190> (Accessed: 02/09/2022).
19. Rating of the countries of the world by the level of the gender gap [Electronic resource]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index#russia> (Accessed: 02/04/2022).
20. Sillaste G.G. Gender policy and the social mechanism of its possible implementation // Gender policy in Russia and in the world: economics, management, society: materials of the All-Russian Scientific Conference. – Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. pp. 3–13.
21. Criminal Code of the Russian Federation. Article 145. Unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of a pregnant woman or a woman with children under the age of three URL: <https://base.garant.ru/10108000/3780a465c57513165f942ba713db0691/>

GENDER POLICY IN MODERN RUSSIA: MAIN ISSUES

Ivleva T.A.

Lomonosov Moscow State University

The article conducts a study of the Russian gender policy since the 1990s to the present. The results of its implementation are analyzed and the main approaches of the state to the issue of achieving gender equality are identified. The author comes to the conclusion that Russia’s gender policy is mostly aimed at empowering women, within the context of the general state course to address the demographic issue. At the same time, the institutional and legislative initiatives of the state, declaring the principle of equal rights and opportunities for men and women in various spheres of life, largely remain unrealized in practice.

Keywords: Russian gender policy, gender equality, social policy, “women’s” policy, traditional values, neopatriarchal gender paradigm, egalitarian gender paradigm.

References

1. Aivazova S.G. Contract “working mother”: violation or termination? // Woman in Russian society. No. 3. 2011. pp. 13–22.

- garant.ru/10108000/3780a465c57513165f942ba713db0691/ (Accessed: 02/01/2022).
22. Decree of the President of the Russian Federation of 04.03.1993 No. 337. On the priorities of the state policy towards women [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1591/ (d Accessed: 02/08/2022).
 23. Fedotovskaya T.A. Modern social policy: gender approach // ANALYTICAL VESTNIK. No. 25 (342). Gender policy in Russia and in the world: issues of theory and practice. Series: The main problems of Russia's social development. M., 2007. pp. 5–23.
 24. Khasbulatova O.A. The realities of Russian gender policy in the 21st century // Woman in Russian society. No. 3 (60). 2011. pp. 4–12.
 25. Khasbulatova O.A., Smirnova I.N. National action plans to improve the status of women and enhance their role in society as a resource for the implementation of Russian gender policy (1990–2020s) // Gender policy in Russia and in the world: economics, management, society: materials of the All-Russian Scientific Conference. Ivanovo: Ivanovo State University, 2021, pp. 28–40.
 26. Chvykalov V.V. Gender policy of the Soviet state in the social sphere in order to protect the rights of women // Yurist – Pravo-ved. 2011. № 3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-sotsialnoy-sfere-v-tselyah-zaschity-prav-zhenschin> (Accessed: 02.10.2022).

Никитенкова Мария Алексеевна,

д.э.н., заместитель директора Института мировых трансформаций, старший научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук
E-mail: maria.nikitenkova@mail.ru

Новая политическая реальность тесно переплетена с цифровой повесткой, что повышает технологические и социальные риски. В условиях размывания границ между физическим и виртуальным миром, человечество открыто не только для прогресса, но не защищено от манипулирования. Распространение цифровых технологий способствует созданию унифицированных и ментально однородных ценностей для мира, предлагая замену национальной идентичности на «виртуальную личную свободу». В России нужно найти баланс между внедрением самых современных технологий, понимая безальтернативность технологическому прогрессу, и сохранением традиционных нравственных и религиозных ценностей, которые создают основу нашей самобытной цивилизации.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, традиционные ценности, цифровое перемирие, транснациональная компания (корпорация).

Учитывая экспоненциальную кривую развития цифровых технологий, стоит задуматься, какую цену придётся заплатить человечеству за новую цифровую революцию?

Новая политическая реальность тесно переплетена с цифровой повесткой, что повышает технологические и социальные риски. Новые технологии становятся реальной угрозой традиционным ценностям человека, подвергая опасности системы человеческих отношений. Механизмы и технологии воздействия на индивидуальное общественное сознание, целевое управление информационным пространством, новые социально-гуманитарные технологии, многократно усиленные через механизмы сетевых структур и всемирной паутины Интернета, несут угрозы социальной стабильности национальной безопасности всех стран, государств, народов [2].

Можно выделить ряд рисков глобальной цифровизации для социально-экономических систем: безработица как следствие роботизации; виртуализация денег; риски и угрозы для системы национальной информационной инфраструктуры; утрату суверенитета национальных органов управления; размывание правового поля из-за отсутствия четких контуров и пределов нового цифрового опыта в политологии и экономике [3].

Исходя из вызовов, приходящих из цифровой среды, очевидна необходимость теоретического осмысления феномена цифровой трансформации во всех областях научного знания, нужен правовой ответ стремительному развитию систем искусственного интеллекта и виртуализации образа человека.

Цифровые технологии уже изменяют окружающую действительность, само человечество, общество, государство.

Сейчас уже очевиден риск смешивания цифрового и биологического миров, что в свою очередь неуправляемо будет воздействовать на политические и социально-экономические системы.

В условиях размывания границ между физическим и виртуальным миром, человечество открыто не только для прогресса, но не защищено от манипулирования.

В 1989 году Тим Бернерс-Ли создал Всемирную паутину (WorldWideWeb), как сеть для коммуникаций учёных внутри Европейского Центра ядерных исследований (ЦЕРН) (Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire, CERN), и изложил видение в своём научном труде «Управление информацией» [10, 11].

К октябрю 1990 года Тим Бернерс-Ли создал три фундаментальные технологии, которые остаются основой современного Интернета: HTML (Hyper Text Markup Language, Язык разметки гипертекста); URI (Universal Resource Identifier, Единый идентификатор ресурса); HTTP (Hyper Text Transfer Protocol, Протокол передачи гипертекста).

В 1994 году Тим Бернерс-Ли основал Консорциум Всемирной паутины, международное сообщество, занимающееся разработкой открытых веб-стандартов. К 25-летию Интернета в 2014 году, по статистике, Интернетом пользовались почти двое из пяти человек.

И в этот период мировыми элитами унифицируются нормы и правила, определяющие порядок взаимодействия акторов мировой экономики с целью построения

единого мирового хозяйства. Транснационализация хозяйственной деятельности проходила, разрушая и подчиняя своим интересам внутренние экономики стран, куда приходили цифровые транснациональные корпорации (ТНК).

Внедрение информационных коммуникационных технологий (ИКТ) в 2000-х годах и далее – цифровых технологий создавало унифицировано ментально однородные ценности для мира, предлагая замену национальной идентичности на насаждение виртуальной цифровой свободы.

В такой навигации общественного развития в основе было положено, с одной стороны, отрицание исторической связи с предыдущим поколением, с другой стороны – формирование единообразных ментальных ценностей для всех стран, чтобы обеспечить возможности развития сетевой системы управления.

Монополизация ИКТ и цифровых технологий в руках цифровых транснациональных корпораций ориентирована на введение цензуры со стороны ТНК в социально-коммуникационное взаимодействие граждан. Это наиболее отчетливо проявилось в начале 2022 года. При этом аффилированность мета-платформ (Facebook, Twitter и др.) с Соединенными Штатами Америки позволяет реализовывать цифровым ТНК идеологические детерминанты, которые истеблишмент США считает базисным для сохранения своего доминирования.

Как осуществляется идеологическое доминирование через цифровые технологии в киберпространстве?

В 1990–2000-х годах были построены цифровые инфраструктуры в экономиках всех развитых стран. Исходя из идеи цифровой революции Шваба, осуществляется стратегия, когда поколение «родителей и бабушек и бабушек», дизадаптированное к цифровой среде, испытывает беспомощность, обесценено со стороны подростков, и подростки, попав под очарование искусственного интеллекта (ИИ) и в зависимости от цифровых технологий, начинают «служить ИИ». Происходит процесс, при котором идеи трансгуманизма направляют человечество на «подчинение ИИ».

Для России неприемлемы ни «электронное рабство» по Швабу, ни цифровой концлагерь [12]. В то же время, понимая безальтернативность технологическому прогрессу, Россия должна найти баланс между внедрением самых современных технологий и сохранением традиционных нравственных и религиозных ценностей, которые создают основу нашей самобытной цивилизации.

В результате выше обозначенного, мы можем уже в ближайшем будущем стать свидетелями нарастающей поляризации в обществе, которая разделит тех, кто принимает происходящее и тех, кто сопротивляется этому [2, 3].

Россия должна найти баланс между развитием современных технологий и сохранением традиционных нравственных религиозных ценностей, которые создают основу нашей самобытной цивилизации.

Задача Тим Бернерс-Ли: к 2030 году каждый человек был «подключен» к интернету. Новые технологии становятся реальной угрозой традиционным ценностям человека, подвергая опасности системы человеческих отношений. В цифровом будущем необходимо создание условий сохранения традиционных ценностей.

Общественная инициатива «Цифровое перемирие» в 2020 году предложила миру концепцию переходного периода к цифровым технологиям. В текущих условиях для представителей традиционной части общества сохраняется традиционный формат жизнедеятельности и бумажные копии, а технологические новшества увязываются с традиционными ценностями. Таким образом,

в концепции предложены реальные подходы для снижения социальной напряженности и решения глубокого социального конфликта – накала возмущения от навязывания цифровизации в обществе.

В 2020 году, модерировав первую международную онлайн конференцию «Цифровое перемирие. Контракт 2030» [1], как диалог между бизнесменами, учётными и государственными деятелями, автор связались также с зарубежными деятелями – Д. Ротшильдом, Князем Монако Альбером II, Б. Гейтсом, М. Кастельсом, Т. Бернерс-Ли и др.

Тим Бернерс-Ли в 2020 году не был заинтересован в развитии традиционалистской повестки в цифровой среде и не откликнулся на Предложения «Цифрового перемирия. Контракт 2030». Тим Бернерс-Ли, являясь по убеждениям атеистом и последователем учения унитарного универсализма, продвигает анти-традиционалистские ценности – ценности цифровой диктатуры.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в 2020 году указал, что искусственный интеллект не может стать президентом страны [6]. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации целевым сценарием предусмотрен рост доли внутренних затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте (ВВП) в 2 раза до 2030 года [5]. Также предусмотрен рост внутренних затрат на развитие цифровой экономики не менее чем в три раза до 2024 года [8].

В 2022 году Президент РФ В.В. Путин выступил с указанием опираться на традиционные ценности, своим выступлением спустя два года поддержал начинание, озвученное на первой международной онлайн конференции «Цифровое перемирие. Контракт 2030», что традиционализм и его ценности должны быть учитываемы в цифровом мире [1].

Президент РФ В.В. Путин отметил, что традиционные ценности важны для общества России. И отметил, что важно в работе по цифровому развитию учитывать традиционные взгляды общества [4, 9].

Выбор – до какой границы и степени человек готов осваивать и пользоваться технологиями – должен остаться за человеком, а не за технологическими глобалистами, поддерживаемыми частными международными фондами и компаниями.

Литература

1. I Международная онлайн-конференция «Цифровое перемирие. Контракт 2030» 24 ноября 2020 года // Россия сегодня [сайт] – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20201123/tsifrovizatsiya-1585891206.html> (дата обращения: 16.04.2023).
2. Никитенкова, М.А. Угрозы социальной напряженности в условиях «нарастающей» цифровизации: возможные пути решения // «Финансовая экономика». – 2021. – № 12. ISSN2075–7786. DOI: 10.255997/FIE.2021.95.12.001.
3. Никитенкова, М.А. Цифровизация экономических процессов РФ в условиях глобальных геэкономических сдвигов // Качество и жизнь. – 2022. – № 4. – с. 42–45. DOI: 10.34214/2312–5209–2022–36–4–42–45.
4. Патриотизм, семья, история. Путин утвердил основы политики в сфере традиционных ценностей // ТАСС.11.2022 [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/obschestvo/16284765> (дата обращения: 16.04.2023).
5. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства Российской Федерации)

ской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р). [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuP-gu4bvR7MO.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).

6. Путин: будущее российской цивилизации зависит от успеха в развитии высоких технологий // ТАСС17.05.2020 [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/8493647> (дата обращения: 16.04.2023).
7. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 16.04.2023).
8. Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 16.04.2022).
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 16.04.2023).
10. Berners-Lee, T.J, Cailliau, R., and Groff, J-F, “The World-Wide Web” // Computer Networks and ISDN Systems. – № 25. – 1992. – P. 454–459. DOI: 10.1016/0169-7552(92)90039-S.
11. Berners-Lee, T.J, Cailliau, R., CERN, “The World-Wide Web”, in proceedings of the conference “Computing in High Energy Physics”, Annecy, France, 1992. Yellow report, CERN, Geneva, Switzerland. DOI: 10.5170/CERN-1992-007.
12. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2017–2018. – World Economic Forum Insight Report, 2017 r. // World Economic Forum Insight Report [сайт] – Режим доступа: URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017> (дата обращения: 16.04.2023).

NEW POLITICAL REALITY: CHALLENGES OF CYBERSPACE

Nikitenkova M.A.

Russian Academy of Sciences

The new political reality is closely intertwined with the digital agenda, which increases technological and social risks. In conditions of blurring the boundaries between the real and virtual world, humanity is open to progress, but is not protected from manipulation. The

spread of digital technologies contributes to the creation of unified and mentally homogeneous values, offering the replacement of national identity with “virtual personal freedom”. It is necessary to find a balance between the introduction of the most modern technologies in Russia, realizing that there is no alternative to technological progress, and the preservation of traditional moral and religious values that form the basis of our distinctive civilization.

Keywords: digital technologies, artificial intelligence, traditional values, digital truce, multinational company (corporation).

References

1. The 1st International online conference “Digital peace treaty. Contract 2030”, November 24, 2020 // Russia Today. URL: <https://ria.ru/20201123/tsifrovizatsiya-1585891206.html> (date of reference: 16.04.2023).
2. Nikitenkova M.A. Risks of social tension in an “escalating” digitalization: potential solutions // “Financial Economy”. – 2021. – № 12. ISSN2075-7786. DOI: 10.255997/FIE.2021.95.12.001.
3. Nikitenkova M.A. Digitalization of economic processes in the Russian Federation in the context of global geo-economical changes // Quality and Life. – 2022. – № 4. – P. 42–45. DOI: 10.34214/2312-5209-2022-36-4-42-45.
4. Patriotism, Family, History. Vladimir Putin Approved the Traditional Values Policy Framework // TASS9.11.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16284765> (date of reference: 16.04.2023).
5. “Digital Economy of the Russian Federation” Program (Decree of the Russian Federation Government as of 28.07.2017 № 1632-p). URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuP-gu4bvR7MO.pdf> (date of reference: 16.04.2023).
6. Putin: the future of Russian civilization depends on progress in high-tech advancement // TASS17.05.2020. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/8493647> (date of reference: 16.04.2023).
7. Decree of the President of the Russian Federation as of 01.12.2016 № 642 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (date of reference: 16.04.2023).
8. Decree of the President of the Russian Federation as of 07.05.2018 № 204 “On the National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation until 2024”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (date of reference: 16.04.2022).
9. Decree of the President of the Russian Federation as of 09.11.2022 № 809 “On approval of the Basic State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of reference: 16.04.2023).
10. Berners-Lee, T.J, Cailliau, R., and Groff, J-F, “The World-Wide Web” // Computer Networks and ISDN Systems. – № 25. – 1992. – P. 454–459. DOI: 10.1016/0169-7552(92)90039-S.
11. Berners-Lee, T.J, Cailliau, R., CERN, “The World-Wide Web”, in proceedings of the conference “Computing in High Energy Physics”, Annecy, France, 1992. Yellow report, CERN, Geneva, Switzerland. DOI: 10.5170/CERN-1992-007.
12. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2017–2018. – World Economic Forum Insight Report, 2017 r. // World Economic Forum Insight Report. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017> (date of reference: 16.04.2023).

Национальная идентичность России и международная идентичность «Другого»

Чжэн Шувэнь,

аспирант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: shampoosw@gmail.com

«Идентичность» – это сложное понятие, имеющее междисциплинарное происхождение. Важной особенностью понятия национального интереса является то, что оно относится к сфере объективных интересов и является требованием воспроизводства или безопасности государственно-общественных комплексов.

Формирование новой идентичности всегда вмещает в себя два измерения – внутреннее и внешнее (международное). Внутреннее измерение подразумевает создание внутригосударственной сплоченности, достижение национального консенсуса по фундаментальным принципам правления и гражданским ценностям, наличие общих культурных и духовных черт. Самоидентификация также имеет большое значение. Внутри страны нация воспринимает себя как единое целое, как ограниченное сообщество. В этом случае люди относятся к своим согражданам как к части единого целого. Международное же измерение предполагает формирование самооценки под влиянием людей, принадлежащих к другому, внешнему сообществу. Понимание различий между народами и осознание уникальности собственной нации также имеют решающее значение для формирования идентичности.

В процессе построения «другой» идентичности в рамках евроцентристского дискурса, изменение идентичности России может начаться, прежде всего, с освобождения от евроцентризма. Но конструирование идентичности и отказ от логоцентризма не означает при этом создания особой российской нации.

Ключевые слова: идентичность, евроцентризм, национальный интерес, самоидентификация, нация, Россия

Понятия идентичности и статуса

«Идентичность» – это сложное понятие, имеющее междисциплинарное происхождение. Тадаси Анно полагает, что: «Идентичность – это, на самом фундаментальном уровне, то, что делает человека (или группу людей) тем, чем он (она) является». Более конкретно, это «представления людей о том, кто они, откуда они произошли» (Hogg, Abrams, 1988, 2)[1]. При изучении международных отношений конструктивисты обращают внимание на такую информацию, как формирование и практика идентичности, и на то, как идентичность в конечном итоге влияет на поведение акторов и на развитие международных отношений. Рассматривая вопрос о том, как международное сообщество может изменить политику безопасности, ученые-конструктивисты наиболее ярко проявили себя в возрождении концепции «сообщества безопасности» политолога Карла Дойча, обозначая при этом необходимость учитывать важность национальной идентичности и значимость источников государственных интересов (Эммануил Адлер, Майкл Барнетт «Территории безопасности» («Security Communities»), 2002, 12). Конструктивисты также доказали, что взаимоотношения между странами и международной системой зависят от идей, убеждений и норм государств, а также от их интересобъективных знаний (Наталья Заславская 2017 25). Что касается интересобъективного значения идентичности, Эммануэль Адлер и Майкл Барнетт в своей книге «Территории безопасности» (Security Communities) предпринимает более глубокие исследования на эту тему, утверждая, что идентичность строится посредством взаимодействия между государствами.

Что касается взаимосвязи между идентичностью и статусом, автор согласна с исследованиями Александра Вендта, которые были проанализированы далее.

В теории А. Вендта государства – это такие сущности, которым мы можем приписать идентичности и интересы. Идентичности относятся к тому, кем или чем являются акторы. Интересы относятся к тому, чего хотят акторы. Интересы предполагают идентичность. Без интересов идентичность не имеет мотивационной силы, без идентичности интересы не имеют направления.

Идентичность относится к сфере убеждений, а интересы – к сфере желаний. В интенциональном уравнении Вендта «желание + убеждение = действие». Интересы делятся на объективные и субъективные, что выражается в следующих различиях.

Субъективные интересы: это эквивалент того, что рационалисты подразумевают под «предпочтениями» или «вкусами», а философы – под «желаниями».

Объективные интересы: потребности и функциональные императивы, которые должны быть удовлетворены, если необходимо воспроизвести идентичность. Все виды идентичности имеют схожие требования к воспроизводству.

Важной особенностью понятия национального интереса является то, что оно относится к сфере объективных интересов и является требованием воспроизводства или безопасности государственно-общественных комплексов. Четыре национальных интереса – это физиче-

ское выживание, автономия, экономическое благополучие, «коллективная самооценка». Следует подчеркнуть, что коллективная самооценка относится к потребности группы в уважении или статусе.

Особое внимание А. Вендт отводит объяснению причин, влияющих на коллективную самооценку. Ключевым фактором в том, как проявляется коллективная самооценка, является то, насколько позитивны либо негативны коллективные представления о себе в отношениях со значимыми другими. Группа не может долго терпеть негативные образы, а позитивные представления о себе рождаются из взаимного уважения и сотрудничества. Подобным образом, объявление и признание суверенитета другими государствами в какой-то мере означает, что данная страна/группа обладает соответствующим статусом в восприятии других стран (А. Wendt, 1999).

Иными словами, государство всегда является носителем одной или нескольких идентичностей, и в рамках понятия идентичности государство как актор будет думать о том, «чего они (т.е. люди – прим. автора) хотят», то есть о национальных интересах; таким образом, стремление обрести признание и высокий статус в широких кругах является одним из национальных интересов. Благодаря приведенному выше анализу становится очевидной взаимосвязь идентичности и статуса.

Элина Вроблевска также подчеркивает, что идентичность, присутствующая в дискурсе и состоящая из множества элементов, сформированных мыслью, смыслом и убеждениями, непрерывно меняется и развивается, и что эти постоянная взаимосвязь этих элементов ведет к возникновению национальных интересов. Когда идентичность используется для объяснения политического поведения, ее можно оценивать на дипломатическом и внутривнутриполитическом уровнях (Vroblevska, 2018).

Политолог Татьяна Романова использовала конструктивистский подход, чтобы объяснить, что нормативная власть принадлежит дискурсивной практике идентичности, которая задает новый дискурс идентичности. В мировой политике страна может формировать свои нормативные полномочия посредством эволюции внутренних норм. Чтобы другие страны считались с этими нормами, они должны быть привлекательными и разумными, способными привести к достижению поставленных целей. Если страны не придерживающегося данных норм, они получают статус оппозиционных Других (Романова, 2017).

Поэтому в данном исследовании утверждается, что конструктивизм предлагает эффективный способ анализа международных отношений и особенностей политического поведения в различных странах. Идентичность, существующая в дискурсе, динамична, и статус страны отчасти начинается с того, как она конструирует собственную идентичность. Нормативная сила, с другой стороны, являются средством конструирования идентичности. Принимая нормы, принимая ценности, страна/регион воспринимается как структура, готовая к сотрудничеству, и приобретает равную идентичность.

Идентичность, существующая в дискурсе, динамична, и статус страны в определенной степени начинается с того, какую идентичность ей удалось построить. Нормативная власть – это средство, с помощью которого конструируется идентичность. Принимая определенные нормы и ценности, страна/регион рассматривается как надежный партнер и получает статус равного.

Формирование новой идентичности всегда вмещает в себя два измерения – внутреннее и внешнее (международное). Внутреннее измерение подразумевает создание внутривнутригосударственной сплоченности, достижение национального консенсуса по фундаментальным прин-

ципам правления и гражданским ценностям, наличие общих культурных и духовных черт. Самоидентификация также имеет большое значение. Внутри страны нация воспринимает себя как единое целое, как ограниченное сообщество. В этом случае люди относятся к своим согражданам как к части единого целого. Международное же измерение предполагает формирование самооценки под влиянием людей, принадлежащих к другому, внешнему сообществу. Понимание различий между народами и осознание уникальности собственной нации также имеют решающее значение для формирования идентичности. Как справедливо отмечает Джеймс Рихтер: «Национальная идентичность служит важнейшим организующим принципом, оправдывающим и обеспечивающим согласованность внутреннего порядка государства, однако границы, определяющие эту идентичность, могут быть сформулированы только с учетом внешней среды» (Richter, 1996, 74)[2].

Что касается национальной идентичности, конструктивизм утверждает, что государства в международном сообществе являются акторами со своей идентичностью и интересами. В международной политике на национальные интересы государства как актора, его действия и сформулированную внешнюю политику влияют общепринятые знания, и международные отношения фактически являются взаимным конструированием между «структурами» и «посредниками». В теории А. Вендта идентичность состоит из комбинации внутренних и внешних структур с различными характеристиками. Он разделил национальную идентичность на четыре типа: **(1) личная или корпоративная, (2) типовая, (3) ролевая и (4) коллективная.**

Анализируется с точки зрения государственной идентичности России (СССР) до и после распада Советского Союза. Советский Союз – полиэтнический социалистический союз, во время холодной войны, поскольку идеологическое противостояние было одной из фокусных точек американско-советской гегемонии, для Соединенных Штатов Советский Союз имеет «типовую идентичность» социалистической страны и «ролевую идентичность» мировой державы, что является проявлением объективных характеристик Советского Союза как страны (союза), а его групповая идентичность полиэтнического государства скрыта за этими двумя идентичностями. Однако после распада Советского Союза активизировались характеристики национальной идентичности, основанные на объективных характеристиках населения, территории, географического положения и природных ресурсов России, а именно: Россия – это современное национальное государство, простирающееся через Евразию, исповедующее православную веру и имеющее имперские традиции.

Подобно национальной идентичности, международная идентичность представляет собой совокупность индивидуальной (личной или корпоративной) и коллективной идентичностей. Однако, в отличие от национальной идентичности, сфера применения международной идентичности находится на институциональном уровне, и в соответствии с теорией Вендта она больше сосредоточена на сочетании ролевой и коллективной типов идентичности. Международная идентичность включает в себя как восприятие страной собственного «Я» во внешнеполитическом контексте, так и построение идентичности государства в глазах других участников международного сообщества. Интернациональная идентичность страны есть сочетание двух аспектов – самоидентификации на внутреннем уровне и целостного образа государства в восприятии международного сообщества.

Россия является одним из пяти постоянных членов ООН, глобальным инициатором и членом ШОС, стран

БРИКС и международных организаций, таких как АТЭС. Все эти идентичности не являются predetermined или автоматически утвержденными, а появляются в связи с взаимоотношениями России и других международных акторов. Это международная идентичность, конструируемая постоянным взаимодействием между странами. Эта идентичность избирательно воспринимается Россией в рамках своей международной деятельности, и она тесно связана с обратной связью и признанием «Других» в процессе международного взаимодействия.

С распадом Советского Союза, окончанием холодной войны и рождением новой России следующие факты доказывают, что дискурс идентичности связан с национальной безопасностью и международным статусом России[2]:

1. С 1989 года положение России в Вашингтонском консенсусе, установленном США, отличается от положения Германии в Версальской и Ялтинской системах после Первой и Второй мировых войн, а окончание холодной войны не считается победой и беспроигрышной ситуацией для обеих сторон. Ревизионисты не признают идентичность России как великой державы, и России необходимо заново сформировать свою идентичность в международной среде.

2. У Запада в 1990-х годах было два варианта того, как вести себя с Россией: первый – в соответствии с логикой Венской конференции, второй – в соответствии с Потсдамской логикой. Ни один из них не был полностью реализован, а Запад не был заинтересован ни во включении России в свою институциональную структуру, ни в ее расчленении. В результате менталитет России чреват неудовлетворенностью реальным положением дел, беспокойством по поводу ограниченности ресурсов и жалобами на пустые обещания НАТО при сохранении прежнего великодержавного менталитета (Алексей Миллер, Фёдор Лукьянов, 2016, 12).

3. Россия проделала путь от одного из двух полюсов мира к статусу «региональной державы». После распада Советского Союза Россия пережила самый сложный период культурной и политической самоидентификации. «Москве предстояло избавиться от «комплекса супердержавы» и по-новому оценить свои место и роль в системе международных отношений. Нужно было время для того, чтобы понять, какие задачи по плечу стране и какими ресурсами она обладает для достижения своих внешнеполитических целей» [3].

4. После распада Советского Союза, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Россия позиционировала себя как страж международной безопасности и активно использовала этот статус для того, чтобы играть активную роль в развитии контроля над вооружениями и разоружением в ООН. Например, когда НАТО осуществило военное вмешательство в балканский конфликт в 1990 году, Москва, со своей стороны, использовала ООН, чтобы предотвратить это. Реальность такова, что международная система безопасности демонстрирует возникновение однополярной системы безопасности с НАТО в качестве лидера, а Россия теряет свою главную идентичность в международной структуре безопасности. «США ясно дали понять (и продемонстрировали это на деле в ходе войны на Балканах 1999 г.), что именно НАТО должно стать главным гарантом европейской безопасности. Другие региональные организации – ЕС, ЗЕС, ОБСЕ и пр. – могут лишь играть второстепенную роль в архитектуре европейской безопасности XXI в» [3].

5. Распад СССР и формирование новой российской идентичности совпали по времени со всемирным процессом глобализации, который не мог не сказаться на национальной безопасности России[3]. В геополитиче-

ской ситуации, сложившейся после окончания холодной войны, России пришлось пересмотреть свою идентичность в отношениях «Россия – Европа». Россия столкнулась с ситуацией, когда процесс европейской интеграции продвигается быстрыми темпами, а ЕС появляется на геополитическом ландшафте как новый центр силы, как в экономическом, политическом, так и в межрегиональном плане. В то же время, резко контрастируя с распадом Организации Варшавского договора, НАТО пытается усилить свой голос, лидерство и сферу влияния, расширяя свое членство.

В целом, Советский Союз оставил наследие как для Европы (Западного блока), так и для России. С одной стороны, Советский Союз посвятил много ресурсов окончанию Второй мировой войны, установлению своего статуса сверхдержавы, и даже после распада Россия унаследовала плоды своей победы. С другой стороны, Советский Союз позволил западным странам укрепить общие идеологические и военные, политические и экономические союзы внутри себя. В России все эти глобальные тенденции накладываются на более длительные процессы формирования национальной и коллективных идентичностей, определения места страны в мире. Усугубляющаяся обстановка внешней неопределенности делает насущным вопрос о выработке устойчивой и независимой самоидентификации, которая стала бы основой для развития[4].

Определение национальной идентичности и связанных с ней понятий

Национальная идентичность – это четкое осознание самоидентификации страны, отражающее ее отличия от других стран. Внутри страны она проявляется как чувство принадлежности среди граждан и как важный источник политической легитимности. На международном уровне национальная идентичность представляет собой роль и статус страны по отношению к международному сообществу. Национальная идентичность включает в себя признание и продолжение присущих стране характеристик, таких как язык, культура и история, а также конструирование роли и идентичности страны ее правителями в процессе взаимодействия с другими странами в соответствии с внешними нормами.

Национальная идентичность является основной характеристикой нации и служит социальным идентификатором для ее признания. Конструирование национальной идентичности предполагает как внутреннее признание внутри нации, так и опору на признание других субъектов международного сообщества. В этом процессе идентификация граждан играет решающую роль, в то время как конструирование социальной идентичности зависит от признания других акторов в международном сообществе.

Понятие национальной роли изначально использовалось при изучении внешней политики страны и относится к самоопределению лиц, принимающих решения, относительно общих решений, обязательств, правил и моделей поведения, которые соответствуют национальной идентичности. Оно также охватывает общую характеристику роли страны в международной системе. Национальная роль определяется факторами национальной идентичности и национального статуса, при этом страны, обладающие определенной идентичностью и статусом, играют конкретную роль в международной системе. Национальная роль влияет на понимание лицами, принимающими решения, роли своей страны, а также влияет на внешнее поведение страны и ее международный статус.

Национальный имидж – это комплексное представление страны, включающее в себя общую оценку и признание самой страны, ее действий, деятельности и достижений внешней и внутренней общественностью. Он отражает общую силу страны. Формирование национального имиджа зависит от всеобъемлющей национальной мощи страны, но не является синонимом фактического состояния страны. Национальный имидж может быть сформирован с помощью определенных средств. Это восприятие страны другими людьми и субъективное представление людей о стране. Однако представления, сформированные посредством восприятия, могут совпадать или не совпадать с объективными характеристиками страны, что является результатом социального конструирования.

В целом, национальная идентичность, национальное признание, национальная роль и национальный имидж являются взаимосвязанными понятиями. Национальное признание относится к признанию страной своей собственной идентичности, при этом национальная идентичность определяет национальную роль, которая, в свою очередь, влияет на поведение страны и ее международный статус. Национальный имидж представляет собой субъективное восприятие и оценку страны другими людьми и тесно связан с ее общей силой.

Конструирование Россией собственной национальной идентичности

Конструирование/позиционирование Россией собственной национальной идентичности включает следующие измерения.

1. Россия, которая может интегрироваться в Запад

С распадом Советского Союза Россия Б. Ельцина и А. Козырева отказалась от социализма, надеясь разделить с Западом общие идеологии и ценности и, как само собой разумеющееся, наладить с ним партнерские отношения. В первые дни независимости российские политики выбрали путь развития западной «универсальной демократии» и долго подчеркивали желание России присоединиться к западному лагерю. Тогдашний министр иностранных дел России, Андрей Владимирович Козырев, однажды высказал мысль о том, что Россия всегда была частью Европы и должна вернуться в Европу и приблизиться к Западу и западной цивилизации.

На Вашингтонском саммите 1992 года Россия и США достигли ряда консенсусов и соглашений по контролю над вооружениями, сокращению стратегических вооружений, поддержке миротворческих и гуманитарных усилий ООН и экономическому сотрудничеству. США также обязались выделить 4,5 миллиарда долларов на поддержку экономических реформ в России. До 1993 года Россия пыталась управлять своими отношениями с США и Западом на основе идеологического сближения и построить свою собственную «западную» идентичность путем подражания, которая по сути имела три ключевых компонента российского видения национальных интересов – радикальные экономические реформы, быстрое присоединение к западным международным институтам и изоляция бывших советских государств (Anne Louise Clunan, 2001, 254–266).

В связи с этим, «российские либералы не скрывали своих прозападных симпатий, считая, что именно западный опыт построения демократии и создания эффективной экономики может быть полезным для России. Для них Запад – естественный и предпочтительный партнер Москвы на мировой арене. Россия должна стремиться к интеграции в западные экономические, военные и по-

литические институты, а на пути к этой цели – стараться поддерживать отношения партнерства и сотрудничества с Западом» [3].

Анализируя мировой порядок, либералы считают себя частью Запада, рассчитывая добиться совместного процветания вместе с США и странами Запада. Российские либералы согласны с тем, что международные позиции США и Запада значительно ослабли, однако в ближайшем будущем они могут вновь окрепнуть, поскольку Запад был и остается лидером политического, технологического и экономического развития, а мировой порядок, сформировавшийся после холодной войны, в целом рационален и нуждается скорее в улучшении, нежели в преобразовании. Даже если США в итоге не оправдают ожиданий, России следует возлагать надежды на Европу, поскольку она позиционирует себя как ее неотъемлемую часть (Кортунов, 2016; РЦХВЕ, 2017; Явлинский, 2017)[5].

Когда речь идет о национальной безопасности, стремления либералов также сильно отличаются от стремлений реалистов. Для первых нецелесообразно отделять Россию от Запада, и недопустимо заключать союз с такими странами, как Китай, Индия и т.д. Для либералов НАТО – это союз демократий, где эффективно действуют экономические, социальные, политические и военные институты, и у кого России можно было бы многому научиться[3]. Либералы считали, что основные угрозы национальной безопасности России лежат не на Западе, а на Юге и на Востоке, где находятся нестабильные или агрессивные режимы, формирующие по периметру РФ «дугу нестабильности». Вместо того, чтобы бояться Запада, Москве нужно вместе с ним бороться против общих угроз[6].

Они также не против того, чтобы НАТО поглотила некоторые бывшие социалистические страны, и Россия даже может стать членом НАТО. По их мнению, именно «расширившееся» НАТО должно стать сердцевинной нового режима международной безопасности, ибо у этого союза есть весь необходимый политический и военный инструментарий, позволяющий эффективно организовать и поддерживать механизм международной стабильности. Остальные же международные организации, отвечающие за глобальную и региональную безопасность (ООН, ОБСЕ, военные структуры ЕС, Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Баренцев Евро-Арктический Совет (БЕАС) и пр.) должны дополнять «несущую конструкцию» в виде Северо-атлантического альянса[19–22].

2. Россиянин с восточной и западной идентичностью; или роль «свободного агента»

В 1991 году Россия столкнулась с дилеммой идентичности, но не с дилеммой идентичности в парадигме «Восток-Запад», а с распадом национальной идентичности, восприятия себя как «советского народа». В начале распада Россия пыталась ответить на вопрос «кто мы», интегрируясь в Запад, но ответ был «никто из нас». Запад воспринял окончание холодной войны как триумф капитализма и поражение социализма, а раздробленный бывший Советский Союз уже не имел квалификации и возможностей вести с ними диалог на равных. Россия, как его преемница, не могла ни отделиться от советского прошлого, ни сформировать новую систему идентичности за короткий период времени. России в кратчайшие сроки было необходимо установить новые духовные связи для страны и ее народа, создать цивилизационную ориентацию, реконструировать идентичность, а кризис государства и идеологический вакуум привели к появлению неоевразийства.

Экспансионистские радикалы, представленные Александром Дугиным, наиболее известны в неоевразийстве. Они считали, что унаследовали геополитические теории Хэлфорда Джона Макиндера, по которым Евразия находится на «Мировом острове», определяющие, сможет ли она управлять миром. Россия соединяет в себе черты обеих цивилизаций и потому в современных условиях естественным образом выдвигается на роль посредника между ними и – одновременно – гаранта евразийской стабильности[3]. «Евразийцы» были единомышленны в том, что России уготована особая историческая миссия. В силу своего геополитического (евразийского) положения и особенностей историко-культурного развития Россия «обречена» на роль «моста» между двумя цивилизациями – Востоком и Западом[7].

По мнению «евразийских демократов» России желательно в полной мере принять свою идентичность, в которой присутствуют качества как Востока, так и Запада. В то же время Россия должна сотрудничать с Западом на основе равноправия, не нанося при этом ущерба своим интересам на Востоке. По мнению С.Б. Станкевича, «сегодня ни атлантическое, ни евразийское направления сами по себе не являются хорошими рецептами для российской внешней политики. Россия должна стремиться к балансу и нацеливаться не на интеграцию ради нее самой, а на конструктивное взаимодействие. Россия ни в коем случае не отвергает идею присоединения к ведущим странам мира. Вопрос заключается в том, когда мы присоединимся к этой группе, и что мы можем предложить ее членам» [8].

Понимание российской идентичности «славянофилами-евразийцами» отличается от концепции исследователей-демократов. «Славянофилы-евразийцы» считают, что Россия не должна ставить вопрос об интеграции ни в восточную, ни в западную цивилизации. Она должна идти своим путем[3]. По словам Э.А. Позднякова, «геополитическое положение России не просто уникально (это характерно для любого государства), оно является поистине роковым как для нее самой, так и для всего мира... Важный аспект этой ситуации заключается в том, что Россия, будучи расположенной между двумя цивилизациями, всегда была естественным хранителем цивилизационного равновесия и мирового баланса сил» [9].

Обобщая идеи неоевразийской школы мысли, причины позиционирования идентичности России как «моста между Востоком и Западом» включают:

- В культурном плане Россия не является обычной страной, она занимает значительную часть Евразийского континента и расположена на пересечении Восточной и Западной культурных парадигм, что придает ее идентичности уникальную культурно-историческую ценность обеих евразийских цивилизаций.
- С точки зрения географии, положение России неизбежно активизирует геополитические мотивы в сознании россиян. Идет ли речь о демократах или славянофилах, и те и другие полностью согласны с идеей построения сильной, могущественной державы. По их мнению важнейшая миссия Российской державы – стать своеобразным мостом на этом континенте.
- В процессе построения мирового порядка и в вопросах дипломатии, хотя демократы и славянофилы подразумевают разные подходы для достижения этих целей, и те, и другие признают, что нецелесообразно вставать только на одну сторону геополитической лодки. «Евразийцы» считали, что однозначная ориентация России на Запад в период господ-

ства «атлантистов» являлась ошибкой и что Москва должна строить свою внешнюю политику по обоим геополитическим направлениям» [3].

Однако А. Миллер и Ф. Лукьянов считают, что нынешний извод евразийской идеи – это всего лишь смесь примитивного понимания имперской сущности государства, агрессивного антизападничества и реакционной интерпретации геополитики (Миллер, Лукьянов, 2016, 24). Так, принимая во внимание ценность национального достоинства и суверенного статуса страны, они проанализировали слова Дмитрия Тренина[10], утверждая, что роль России как «свободного агента» может быть улучшена. «Отход от любой «обреченности», будь то неизбежная имперскость и, стало быть, нацеленность на бесконечный реванш и конфликт с соседями, или неизбежное встраивание в чей-то проект. Исходя из объективных параметров сегодняшнего мира, роль дееспособного «свободного агента» может оказаться весьма привлекательной» [4].

3. Россия, которая является одновременно геополитическим центром и лидером

Юхан Рудольф Челлен считал, что геополитика является компонентом силы государства; он думал о России как о «центральной фигуре планетарной выставки», поскольку она является пересечением двух больших миров: Западной Европы и Восточной Азии. По этой причине Россия больше подходила для выполнения посреднической роли в международных отношениях, чем другие страны (Irina Zeleneva, 2017, 59).

В своей геополитической теории Х. Макиндер подчеркивал: «Кто правит Восточной Европой, тот господствует над Хартлендом. Кто правит Хартлендом, тот господствует над Мировым островом. Кто правит Мировым островом, тот господствует над миром» [11]. Развивая идеи Макиндера, Э.А. Поздняков предлагает: «Тот, кто имеет контроль над Хартлендом, тот владеет средством эффективного контроля над мировой политикой и прежде всего средством поддержания в мире геополитического и силового баланса. Без последнего немислим стабильный мир» [12].

Во время «потерянного десятилетия» 1990-х годов Россия находилась на грани экономического краха, однако, как проанализировал Роберт Д. Каплан, сейчас в России начинается новый цикл экспансии. В концепции внешней политики Российской Федерации (2000), утвержденной в первые годы правления В.В. Путина, было четко указано, что основными целями внешней политики России являются обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, упрочение сильной и авторитетной позиции в международном сообществе, содействие реализации интересов России как большой страны и центра силы в современном мире, развитие потенциала России в политической, экономической, интеллектуальной и духовной сферах.

Среди целей общей внешней политики России, проводимой при президенте В. Путине, в основном выделяются следующие:

1) С точки зрения региональных конфликтов и общеевропейской безопасности, необходимо обеспечить, чтобы любые важные международные решения принимались при участии России.

2) Необходимо сохранить статус-кво на евроатлантической арене и обеспечить невозможность расширения ЕС и НАТО на восток посредством включения в их состав бывших союзных республик.

3) Следует предотвратить попытки Запада по «пропаганде демократии» в России и среди ее соседей, за-

щитить свой политический курс от возможной смены режима и пресечь нестабильность в Евразии.

4) Необходимо продвигать экономические интересы России, привлекая западные инвестиции в российские инновационные проекты (Stent, 2014)[13].

Кроме того, по словам Позднякова, «отсюда проистекает геополитическая роль и задача России как центра Хартленда; здесь лежат истоки ее фундаментальных национально-государственных интересов» [12]. По мысли российского теоретика Хартленд не может выполнять свою балансирующую роль в сфере международной безопасности, если он раздроблен на части. В этом случае он сам окажется в состоянии дисбаланса и хаоса, которое может распространиться на остальной мир[3]. Объединив идеи исследователей с целями внешней политики России, можно увидеть, что Россия сконструировала свою собственную «геоцентрическую» идентичность.

Ученые-конструктивисты Барри Бузан и Оле Уэвер пишут о государствах и территориях как о «региональных комплексах безопасности» и утверждают, что «с точки зрения России, ближе зарубежье важно для безопасности отчасти по конкретным причинам, отчасти по стратегическим. Основная стратегическая угроза заключается в том, что для того, чтобы Россия оставалась великой державой, способной как защищаться, так и оказывать определенное влияние в глобальном масштабе, ей необходимо сохранить свою сферу влияния в СНГ» [14]. Принимая во внимание эти задачи, президент В. Путин делает акцент на защите российских национальных интересов и объявляет бывший Советский Союз – известный в Кремле как «ближнее зарубежье» – российской «сферой влияния», имеющей большое стратегическое значение для России[15]. Из этого очевидно, что Россия видит себя ответственной за стабилизацию в сфере международных отношений, обеспечение мирового порядка в геополитике и установление своей центральной позиции в области региональной безопасности.

Идентичность России как евразийского центра также разъясняется в исследовании Натальи Цветковой о публичной дипломатии ведущих государств. Основываясь на трех уровнях публичной дипломатии, Россия разработала стратегию «Продвижение альтернативной российской позиции», используя уровень монолога для продвижения идеи о том, что «Россия – центр Евразии». Однако недостатком данной стратегии является то, что основная целевая аудитория этого послания ограничена левопартийным и русскоязычным миром (Natalia Tsvetkova, 2017, 255).

Далее можно рассмотреть вопрос о том, повлияла ли идея национального самоуважения на построение Россией своей собственной идентичности. Если государство стремится к самоуважению, то ему следует крайне избирательно подходить к построению своих идентичностей. В связи с этим, конструирование определенных идентичностей имеет смысл только в том случае, если они служат поддержанию высокой самооценки и статуса государства. Стоит отметить, что с реалистической точки зрения, стремление к таким базовым потребностям страны, как безопасность и процветание, является более фундаментальным, нежели стремление к самоуважению, которое зачастую является результатом успеха государства в дипломатической, политической, географической и прочих областях. В подобном случае самоуважение является всего лишь приятным побочным эффектом глобального успеха. Национальное самоуважение – это не просто феномен как таковой, это проявление высокого статуса страны в международном иерархическом строе.

Исходя из этого, можно понять точку зрения реалистов, которые настаивали на недопущении отмены режима ПРО, ибо это могло обернуться новой гонкой ядерных вооружений, которую Россия просто не может себе позволить. Важно также добиться от Запада признания особых интересов и лидерства России на постсоветском пространстве[3].

Международная идентичность России в статусе «Другого»

Идентичность России как представителя «Другого» в европейском дискурсе существует уже давно. На протяжении трех столетий Россия играла роль конституирующего «Другого» в формировании европейской идентичности. России было предназначено стать своеобразным «варваром у ворот» и «вечным подмастерье». И если с первым все понятно, то во втором случае, Европа всегда оставалась бы в роли учителя, постоянно изменяя оценочные критерии и таким образом закрепляя за Россией роль вечного ученика (Миллер, Лукьянов, 2016, 17).

Вопреки благим ожиданиям либералов, идея полного поворота к Западу и интеграции в его интересы обрекает построение идентичности «скромного западного партнера» на неудачу. По мнению Ханни Смит (Hanna Smith, 2014), Россию, начиная с 1991 года, можно рассматривать как страну, которой не удалось достичь статуса признанной великой державы на международном уровне, в то время как, в силу исторических и геополитических причин, население и политическая элита России автоматически наделяли свою страну данным статусом. Этот разрыв между великодержавностью как частью самоидентификации и реальным статусом государства в международной политике может привести к взаимным заблуждениям и недопониманию и, в конечном итоге, к опасной напряженности[2].

Западные страны, во главе с Соединенными Штатами, не приняли международную идентичность «западных партнеров» России и дали по данному вопросу негативную обратную связь.

1. Во-первых, согласно глобальным интересам США, они не заинтересованы в восстановлении сильной России, слабость которой больше соответствует их международным интересам. Исходя из этого, западные страны во главе с США лишь «на словах» удовлетворили просьбу России об экономической помощи, что вызвало сильное недовольство в России.

2. Во-вторых, расширение НАТО на восток представляет угрозу безопасности России. Б. Ельцин ранее уже критиковал политику расширения НАТО на восток и обвинял Европу в том, что она не избавилась от менталитета времен «холодной войны». Х. Клинтон ответила на это: «Страны, не входящие в НАТО, не имеют права выражать свое мнение по поводу операций, осуществляемых Североатлантическим Альянсом» [17].

3. В-третьих, несмотря на попытки конструирования своей «прозападной» идентичности, Россия стала «Другим» в глазах бывших союзников. Государства Балтии, обретшие независимость во многом при поддержке российского руководства, вовсе не испытывали ответной благодарности. Наоборот, они продолжали называть Россию (вслед за СССР) империалистической державой и потребовали в кратчайшие сроки вывести российские войска с их территории. Несмотря на протесты Москвы, Латвия и Эстония отказали большей части русскоязычного населения в гражданстве и проводили, по сути дела, дискриминационную политику в отношении «неграждан». Бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы также быстро отвернулись от Мо-

сквы и заявили о своей прозападной ориентации (включая сферу безопасности)[3].

4. В-четвертых, просьба России о внесении изменений в Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) была отклонена. После распада Советского Союза военный баланс, установленный первоначальным Договором, был нарушен, и просьба России о пересмотре была отклонена западными странами.

Другими словами, Соединенные Штаты и другие западные страны всегда негативно реагировали на попытки России построить равноправное партнерство с Западом. Вопреки надеждам «атлантистов», Запад не только не торопился принять Россию в «клуб избранных», но и недвусмысленно давал понять, что Москве еще далеко до принятых в развитом мире социально-экономических и демократических стандартов. Более того, воспользовавшись ослаблением России, западные страны подчас не считались с Россией при решении важнейших вопросов международной безопасности[3].

Более жесткая позиция, исходящая от западного блока стран, прозвучала в заявлении после саммита НАТО в Варшаве в июле 2016 года. «Мы сталкиваемся с меняющимися вызовами в районах Балтийского и Черного моря, Северной Атлантики, а также Средиземного моря, которые стратегически важны для Североатлантического союза и наших партнеров. Россия продолжает усиливать свой военный потенциал, наращивать военную деятельность, разворачивать новые высокотехнологичные силы и средства и бросать вызов региональной безопасности» [18]. Как анализируют Ф. Лукьянов и А. Миллер, «Июльский саммит НАТО в Варшаве фактически санкционировал возвращение к парадигме холодной войны – Россия обозначена как основной вызов и объект сдерживания» [4].

Россия, находящаяся под влиянием неоевразийских идей, также стоит перед дилеммой непонимания собственной идентичности и негативной реакции Запада. В парадигмах, включающих «и западное, и восточное» и «ни западное, ни восточное», возникла путаница при определении русской идентичности евразийством. В середине 1990-х годов ни одно из направлений евразийства не могло ответить на вопрос, на каких концепциях основывается идентичность России.

С цивилизационной точки зрения не представляется возможным определить, какие страны относятся к Востоку, а какие – к Западу. Даже если рассматривать страны с позиции географического расположения, мы видим, что, к примеру, Южная Корея – несмотря на свою территориальную принадлежность к Восточной Азии – относится к западному блоку стран. Как тогда квалифицировать бывшие французские, испанские и нидерландские колонии? К какому международному блоку следует отнести их?

Что касается вопросов религии, то многообразие верований, исповедуемых в России, усложняет детерминацию российской идентичности еще больше. Страны, которые принято включать в западную цивилизацию, также существенно различаются в своих религиозных пристрастиях. Запад включает католические Францию, Италию, Испанию и в то же время преимущественно протестантские США, Англию и смешанную католико-протестантскую Германию... Не меньше проблем с определением религиозной идентичности российской и восточной цивилизаций. Так, вряд ли можно определить Россию, традиционно имевшую значительное по численности мусульманское и еврейское население, как однозначно православную (не говоря уже о том, что многие россияне – атеисты по своим убеждениям)[3].

С политической точки зрения, идентичность «моста между Востоком и Западом» постепенно вытесняется

другими странами и подвергается демонизации. Идентификационное позиционирование «моста» и «координатора» в равной степени приемлемо и для других стран. Финляндия, ссылаясь на свой более чем полувековой опыт мирного сосуществования с СССР, презентowała себя как естественного посредника в диалоге между ЕС и Россией. В 1997 г. она выдвинула инициативу по Северному измерению Общей внешней политики и политики в области безопасности (ОВППОО) ЕС, нацеленную на сотрудничество между Евросоюзом и Россией по развитию российского Северо-Запада и решение проблем невоенной безопасности в этом регионе. Норвегия и Швеция соперничают за лидерство в рамках ВЕАС (Совет Баренцева/Евроарктического региона). Канада пытается «играть первую скрипку» в Арктическом совете[3].

Международная идентичность российского «Другого» также имеет сильную базовую окраску «ориентализма». «Следует отметить, что цивилизационный или идентичный «привкус» всегда присутствовал в российских дебатах о Европе... Россия всегда стремилась быть частью Европы не только в географическом смысле, но и в цивилизационном. Однако Европа, за редким исключением, неохотно признавала «европейскость» России» [2].

В «ориенталистском» контексте Э. Саида, Запад имеет весьма стереотипные представления о «восточных» людях, воспринимая их как нечто экзотическое, досовременное, склонное к излишним эмоциям и лени и т.д. Образ Востока, как центра праздности и отсталости, мог послужить оправданием политического вмешательства Великобритании и Франции (а позже и США) на Ближнем Востоке. Проецируя принципы ориентализма на западно-российские отношения, можно увидеть, что цивилизация и идентичность России явственно противопоставляются западной идеологии, даже когда Россия прилагает много усилий для трансформации своей идентичности. В этом процессе Запад использует образ идентичности восточного «Другого», чтобы в явной или скрытой форме донести до людей четкое различие между «Я-Западом» и «Россией-Другим», и в конечном итоге реализует позиционирование и продвижение «России-Другого» (François Debrix, 2007).

В процессе построения «другой» идентичности в рамках евроцентристского дискурса изменение идентичности России может начаться, прежде всего, с освобождения от евроцентризма. Но конструирование идентичности и отказ от логоцентризма не означает при этом создания особой российской нации. Ф. Лукьянов и А. Миллер выступают по этому поводу с критикой: «Восприятие нации-государства в качестве нормы можно считать одним из примеров не критического евроцентризма современной русской политической мысли» [4]. Они предлагают парадигму, которая рассматривает российские национальные характеристики (русскость) и российскую национальность (российскость) как взаимодополняющие принципы – асимметричную федеральную структуру.

Литература

1. Tadashi Anno, National Identity and Great-power Status in Russia and Japan Non-Western Challengers to the Liberal International Order. Routledge, New York, NY10017, p.17.
2. Sergunin A. Explaining russian foreign policy behavior // Theory and Practice ibidem-Verlag, Stuttgart 2016 p13–14
3. Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной

безопасности / Министерство образования Российской Федерации, Центр стратегических и международных исследований Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, 2003.

4. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности Алексей Миллер, Фёдор Лукьянов. Доклад globalaffairs.ru. 2016.
5. From Global Order to Global Transition Russia and the Future of International Relations Andrei P. Tsygankov. RUSSIA IN GLOBAL AFFAIRS DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-52-70. P61
6. Макаров Д. Расширение НАТО подтолкнет Россию к реформам // Аргументы и факты, 1997, № 22, с. 9
7. Станкевич С. Держава в поисках себя // Независимая газета, 1992, 28 марта, с. 4; Stankevich S. Russia in Search of Itself // The National Interest, Summer 1992, pp. 47–51.
8. Stankevich, S. Toward a New “National Idea”, pp. 25–26.
9. Pozdnyakov E. Russia is a Great Power // International Affairs (Moscow), January 1993, p. 6.
10. Тренин Дмитрий. Россия и мир в XXI веке. Москва: Издательство «Э», 2015.
11. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York: Henry Holt, 1919, p. 186.
12. Поздняков Э.А. Философия политики. т. 2.
13. Stent, A., 2014. The limits of partnership. Princeton and Oxford: Princeton University Press, pp.321,322.
14. Barry Buzan and Ole Wæver, Regions and Powers: The Structure of International Security, Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 410.
15. Steven Erlanger, “The World: Learning to Fear Putin’s Gaze”, New York Times, February 25, 2001,
16. <https://www.nytimes.com/2001/02/25/weekinreview/the-world-learning-to-fear-putin-s-gaze.html>.
17. Xue Gang. Jiang Yi. Russia in the Yeltsin Era (Diplomatic Volume) / Xue Gang. Jiang Yi – Beijing: People’s Publishing House, 2001. – 142 P.
18. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Варшаве 8–9 июля 2016. 09 Jul. 2016. Chapter31 https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru
19. Kozin V. New Dimensions of NATO // International Affairs (Moscow), March 1993
20. Kortunov A. NATO Enlargement and Russia: In Search of an Adequate Response // David G. Haglund (ed.) Will NATO Go East? The Debate Over Enlarging the Atlantic Alliance. Kingston, Ont.: Queen’s University, 1996, pp. 74–75
21. Чуркин В. У России с НАТО никогда не было конфликтов // Сегодня, 25 апреля 1995
22. Макаров Д. Расширение НАТО подтолкнет Россию к реформам, с. 9.

RUSSIA’S NATIONAL IDENTITY AND THE INTERNATIONAL IDENTITY OF THE «OTHER»

Shuwen Zheng
St. Petersburg State University

“Identity” is a complex concept with interdisciplinary origins. An important feature of the concept of national interest is that it belongs to the sphere of objective interests and is a requirement for the reproduction or security of state-public complexes. The formation of a new identity always contains two dimensions – internal and external (international). The internal dimension implies the

creation of intrastate cohesion, the achievement of a national consensus on the fundamental principles of government and civic values, the existence of common cultural and spiritual features. Self-identification is also of great importance. Inside the country, the nation perceives itself as a single entity, as a limited community. In this case, people treat their fellow citizens as part of a single whole. The international dimension involves the formation of self-esteem under the influence of people belonging to another, external community. Understanding the differences between peoples and awareness of the uniqueness of one’s own nation is also crucial for the formation of identity.

In the process of building a “different” identity within the Eurocentric discourse, the change in Russia’s identity can begin, first of all, with the liberation from Eurocentrism. But the construction of identity and the rejection of logocentrism does not mean the creation of a separate Russian nation.

Keywords: identity, eurocentrism, national interests, self-identification, nation, Russia.

References

1. Tadashi Anno, National Identity and Great-power Status in Russia and Japan Non-Western Challengers to the Liberal International Order. Routledge, New York, NY10017, p.17.
2. Sergunin A. Explaining russian foreign policy behavior // Theory and Practice ibidem-Verlag, Stuttgart 2016 p13–14
3. Sergunin A.A. Russian foreign policy thought: problems of national and international security / Ministry of Education of the Russian Federation, Center for Strategic and International Studies of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubova, 2003.
4. Detachment instead of confrontation: post-European Russia in search of self-sufficiency Alexey Miller, Fyodor Lukyanov. Report by globalaffairs.ru. 2016.
5. From Global Order to Global Transition Russia and the Future of International Relations Andrei P. Tsygankov. RUSSIA IN GLOBAL AFFAIRS DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-52-70. P61
6. Makarov D. NATO expansion will push Russia to reform // Arguments and Facts, 1997, No. 22, p.9
7. Stankevich S. Power in search of itself // Nezavisimaya gazeta, 1992, March 28, p. 4; Stankevich S. Russia in Search of Itself // The National Interest, Summer 1992, pp. 47–51.
8. Stankevich, S. Toward a New “National Idea”, pp. 25–26.
9. Pozdnyakov E. Russia is a Great Power // International Affairs (Moscow), January 1993, p. 6.
10. Trenin Dmitry. Russia and the world in the XXI century. Moscow: Publishing house “E”, 2015.
11. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York: Henry Holt, 1919, p. 186.
12. Pozdnyakov E.A. Philosophy of politics.v. 2.
13. Stent, A., 2014. The limits of partnership. Princeton and Oxford: Princeton University Press, pp.321,322.
14. Barry Buzan and Ole Wæver, Regions and Powers: The Structure of International Security, Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 410.
15. Steven Erlanger, “The World: Learning to Fear Putin’s Gaze”, New York Times, February 25, 2001,
16. <https://www.nytimes.com/2001/02/25/weekinreview/the-world-learning-to-fear-putin-s-gaze.html>.
17. Xue Gang. Jiang Yi. Russia in the Yeltsin Era (Diplomatic Volume) / Xue Gang. Jiang Yi – Beijing: People’s Publishing House, 2001. – 142 P.
18. Statement following the Warsaw Summit released by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw on 8–9 July 2016. 09 Jul. 2016. Chapter31 https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru
19. Kozin V. New Dimensions of NATO // International Affairs (Moscow), March 1993
20. Kortunov A. NATO Enlargement and Russia: In Search of an Adequate Response // David G. Haglund (ed.) Will NATO Go East? The Debate Over Enlarging the Atlantic Alliance. Kingston, Ont.: Queen’s University, 1996, pp. 74–75
21. Churkin V. Russia has never had conflicts with NATO // Today, April 25, 1995
22. Makarov D. NATO expansion will push Russia to reforms, p. 9.

Проект «пояса и пути» в осуществлении внешней политики Китая в центральной Азии

Ивочкина Анна Сергеевна,

соискатель Дипломатической академии МИД России
E-mail: petukhova@mail.ru

Инициатива «Пояса и Пути», о реализации которой председатель КНР Си Цзиньпин объявил во время визитов в Казахстан и Индонезию осенью 2013 года, отмечает десятилетие. Начавшаяся как континентальный торгово-экономический и инфраструктурный проект, инициатива «Пояса и Пути» превратилась в механизм, направленный на реформирование международного торгово-экономического порядка. С точки зрения осуществления внешней политики вообще и инициативы «Пояса и пути» в частности, Центральная Азия чрезвычайно важна для Китая по нескольким причинам, в числе которых положение «транспортного посредника» для связи с Европой по суше, общая граница и, конечно же, значительные запасы природных ресурсов, так необходимых для быстрорастущей китайской экономики. Но и реализация китайского транспортного проекта оказывает огромное влияние на экономику региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, «один пояс – один путь», Экономический пояс Шелкового пути, внешняя политика.

Китайская интеграционная инициатива «Один пояс – один путь» была объявлена Председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. «Пояс и путь» – проект по созданию Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Морского Шёлкового пути XXI века. В рамках проекта Китай установил пять главных географических направлений осуществлений сотрудничества [1]:

- сухопутные: из Северо-Западного и Северо-Восточного Китая через Центральную Азию и Россию до Европы и Балтийского моря; из Северо-Западного Китая через Центральную Азию и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю; из Юго-Западного Китая через Индокитай к Индийскому океану;
- морские: через Южно-Китайское море и Малаккский пролив до Индийского океана и дальше до Европы; из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана.

В соответствии с данной установкой китайская сторона определила шесть международных экономических коридоров:

- 1) новый евразийский континентальный мост;
- 2) Китай–Монголия–Россия;
- 3) Китай–Центральная Азия–Западная Азия;
- 4) Китай–Индокитай;
- 5) Китай–Пакистан;
- 6) Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма.

Центральная Азия (ЦА) на протяжении многих веков была динамичным центром, связывающим региональные и международные сообщества через исторический Шелковый путь. В рамках китайской интеграционной инициативы важность этого региона определяется тремя факторами. Во-первых, ЦА – это ворота Китая на Запад. Все сухопутные маршруты из Китая в Европу или Южную Азию проходят через страны центрально-азиатского региона. Во-вторых, три государства ЦА имеют границу с КНР. И, наконец, регион богат природными ресурсами, особенно запасами углеводородов, что играет большую роль для поддержания бурной экономической жизни Китая.

Через территорию республик ЦА проходит два коридора Экономического шёлкового пути: новый евразийский континентальный мост и Китай – Центральная Азия – Западная Азия. Чтобы создать новый экономический пояс, Си Цзиньпин предложил Китаю и странам ЦА ускорить взаимодействие в области политики, улучшить дорожное сообщение, содействовать беспрепятственной торговле, расширять денежное обращение и улучшать взаимопонимание. Необходимо отметить, что важную роль для работы по указанным направлениям китайский глава отвел ШОС [5].

Четыре из пяти центрально-азиатских республик имеют статус «стратегического партнёра» КНР, однако по сравнению с другими странами «Пояса и пути», Ка-

захстан в стратегическом плане рассматривается в качестве «портала», ведущего Китай к границе с Европой: через казахстанский Хоргос к западному берегу Каспийского моря в Актау [6]. В 2015 году Казахстан и Китай достигли соглашения о сопряжении проекта «Нового Шёлкового пути» и новой экономической политики Казахстана «Нурлы Жол» («Светлый путь»), о которой было объявлено в том же послании Назарбаева. В рамках данного соглашения были обозначены следующие направления «стратегической стыковки»: «развитие двусторонней торговли, ускоренное расширение и модернизация инфраструктуры, развитие сотрудничества в сфере производственной деятельности и углубление взаимодействия в финансовой сфере» [2].

В 2016 г., во время проведения саммита G20 в Ханчжоу, в присутствии глав Китая и Казахстана был подписан «План сотрудничества по сопряжению инициативы “Экономический пояс Шелкового пути” и новой экономической политики “Нурлы Жол”». Еще одним важным событием с точки зрения логистики «Пояса и пути» стал запуск транспортировки товаров из крупнейшего в мире китайского оптового рынка Ю. Это произошло зимой 2016 года, когда по единственному связывающему КНР, Казахстан, Туркменистан и Иран новому железнодорожному пути прошёл первый поезд. Через территорию Республики Казахстан также осуществляется транзит Китая и стран Персидского залива, пропускная способность которого должна увеличиться в 3 раза [2] после завершения начатого в апреле 2016 года строительства первого звена второго пути «Алматы-1 – Шу».

Проект «Пояса и пути» также является стратегической целью Кыргызской Республики с точки зрения инфраструктуры, развития и привлечения инвестиций. Ключевые направления кыргызско-китайского взаимодействия в рамках реализации Экономического пояса Шёлкового пути были официально озвучены в феврале 2016 года: проект «строительства кольцевой автодороги вокруг озера Иссык-Куль», перенос «избыточных производственных мощностей из Китая в Киргизия», строительство «железнодорожной магистрали Китай – Киргизия – Узбекистан» [2].

Китай в том числе весьма заинтересован в создании железнодорожного сообщения с Узбекистаном через Киргизию. Помимо экспорта китайских товаров на местные рынки, использование его в качестве коридора для импорта сырья в КНР также обсуждается. В некоторых вариантах проекта дорога соединяет Китай через Киргизию не только с Узбекистаном, но также с Таджикистаном, Афганистаном, Ираном и Турцией, вплоть до европейской железнодорожной сети. Высокий уровень взаимной выгоды взаимодействия по этому направлению реализации ЭПШП для двух государств очевиден: КНР приобретает новый путь доступа на зарубежные рынки, при этом ожидается передача данного пути «на баланс Киргизии», после того, как затраты на его строительство китайскими компаниями окупятся [7].

В сентябре 2014 года был подписан Меморандум между Национальной комиссией по развитию и реформам КНР и Министерством экономического развития и торговли Республики Таджикистан, в котором основное внимание уделяется сопряжению планов развития центрально-азиатской республики с осуществлением инициативы «Пояса и пути» как важному фактору для экономического развития страны. Таджикистан был одним из первых государств, подписавших Меморандум о взаимопонимании по проекту «Нового Шёлкового пути» с Китаем. КНР инвестировал в ремонт и реконструкцию нескольких важных для этих двух стран автомагистралей. Китайская компания ТВЕА приняла участие

в строительстве единой энергетической сети республики и создании ТЭЦ в Душанбе. В обмен на обязательства по осуществлению социально-значимых проектов, данная компания была обеспечена льготными условиями работы по решению Парламента Таджикистана [8].

В основном, Пекин инвестирует в добычу природных ресурсов. Одним из первых заметных присутствий китайских инвестиций отразилось в совместном предприятии «Зарафшан» по добыче и переработке золота. Кроме того, было принято решение о строительстве промышленного городка, из которого было выделено 500 млн долл., и который должен включать строительство заводов по производству пиротехники, свинца, батарей и цемента. На стадии обсуждения находится проект железной дороги КНР – Киргизия – Таджикистан. Проект является критическим для Душанбе, ведь с важными зарубежными рынками связь осуществляется по единственному ж/д пути через Узбекистан. Такой же, если не большей, степенью важности обладает реализованное Китайской корпорацией железнодорожных конструкций строительство нескольких железнодорожных мостов и подземных тоннелей на дороге Вахдат-Яван, посредством которой осуществляется связь Душанбе с югом республики. Таджикистан и Китай также активно сотрудничают в рамках ШОС и выступают со схожими позициями по многим международным и региональным вопросам.

Несмотря на нейтралитет Туркменистана и неучастие его в ШОС, где КНР активно реализует свой центрально-азиатский вектор внешней политики – между Пекином и Ашхабадом установились достаточно дружеские отношения. Богатые запасы природных ресурсов, а в особенности возможный доступ к «голубому топливу» из ЦА в Западную Азию, на Ближний Восток и в Европу, отражает важность Туркменистана с точки зрения энергетики и транспорта. Поэтому Китай стремится развивать хорошие отношения с этой центрально-азиатской республикой, особенно в области торговли и энергетических ресурсов. Открытие Туркменбаши – международного порта, сделает возможной отправку грузов из Китая, Японии, Кореи, а также из ЦА в порт Бендер Аббас (Иран) или Азербайджан, с последующей перевозкой в грузинский Поти. Современное оборудование, которое использовалось при строительстве объектов инфраструктуры, двух железнодорожных станций, а также нефтяного терминала на таможенном посту «Ымамназар», обусловило соответствие первой очереди международной железной дороги Туркменистан – Афганистан – Таджикистан международным стандартам [9].

Узбекистан отличается от других стран ЦА тем, что у него нет общей границы с Китаем, и это уменьшает вероятность конфликтов в вопросах границы, водных ресурсов или других критических вопросов. С точки зрения транзитного потенциала Узбекистан имеет большое преимущество, так как находится в центре региона и имеет развитую сеть железных и автомобильных дорог. В настоящее время Китай и Узбекистан стремятся улучшить транспортное сообщение, которое происходит в основном через территорию Казахстана, что приводит к довольно высоким транзитным расходам. Предполагается, что если транспортная проблема будет решена, объем двусторонней торговли может быть значительно увеличен. Развитие взаимодействия в сфере энергетики может внести существенный вклад в двусторонние отношения и улучшить статус Узбекистана во внешней политике КНР. Очевидно, что нефть и газ составляют основной интерес Китая к Узбекистану. Если Пекин построит ж/д коридор «Китай – Киргизия – Узбекистан – Туркменистан – Иран – Персидский залив» с возможным выходом

из Ирана через Турцию в Европу по плану реализации «Пояса и пути», то это обеспечит включение Узбекистана в глобальную сеть логистических маршрутов, получение этой центрально-азиатской республикой прямой связи с КНР и Ближним Востоком.

Таким образом, невозможно отрицать взаимные выгоды КНР и стран ЦА от сотрудничества. Однако в ЦА есть некоторые опасения относительно притока мигрантов из Китая. Китайские компании по своему обыкновению используют собственные материалы для строительства инфраструктуры и привлекают рабочую силу КНР для выполнения работы. Это может отрицательно сказаться на уровне занятости в регионе, вовлечении местных специалистов в реализацию совместных проектов в рамках «Пояса и пути». Доминирование китайских компаний в крупных проектах в Центральной Азии может быть проблематичным для местных компаний. Также возрастает беспокойство по поводу невозможности конкурировать с китайскими компаниями, которые обладают большим запасом капитала. Еще одной проблемой является рост числа террористических и экстремистских групп, которые угрожают реализации инициативы «Пояса и пути». Предполагается, что построенные в рамках реализации китайского транспортного проекта протяженные магистрали, порты и мосты могут быть главной целью этих групп.

Несмотря на перечисленные точки нестабильности, в целом, КНР удалось создать позитивный образ проекта в странах Центральной Азии. В работе «Представления стран о Китайской инициативе «Пояса и пути»: анализ большого объема данных» [3] европейского аналитического центра Bruegel представлен рейтинг позитивного или негативного освещения СМИ различных регионов проекта «Один пояс – один путь». Основываясь на расчетах, проведенных авторами, чем выше рейтинг, тем более позитивную оценку имеет интеграционная инициатива в государственных СМИ того или иного региона. Примечательно, что в самом положительном тоне китайский проект освещается именно в центрально-азиатских медиа.

Таким образом, центрально-азиатский вектор внешней политики КНР находит своё отражение в находящейся на первых этапах реализации китайской инициативе «Нового Шёлкового пути». Новые рыночные возможности доступны в рамках этой исторической инициативы. Эта инициатива дает возможность республикам ЦА построить эффективную инфраструктуру и получить доступ к современным технологиям, транспорту и логистике. Наблюдавшийся за последние 20 лет экономический рост в странах ЦА, составляющий в среднем 7% [4] продолжился в том числе благодаря увеличению инвестиций из Китая в рамках реализации ЭПШП.

Литература

1. Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути». Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках КНР, 2017. – 78с. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).
2. Проект «Экономический пояс Шелкового пути». Перспективы для СНГ (информационно-аналитическая записка), 25 с.
3. García-Herrero A., Xu J.. Countries' perceptions of China's Belt and Road Initiative: A big data analysis// Working paper. 2019. № 1. 18 p. URL: <http://bruegel.org>.

[org/2019/02/countries-perceptions-of-chinas-belt-and-road-initiative-a-big-data-analysis/](http://bruegel.org/2019/02/countries-perceptions-of-chinas-belt-and-road-initiative-a-big-data-analysis/) (дата обращения: 01.03.2023).

4. Imomov I. Impact of “One Belt, One Road” project to the economy of Central Asian countries. P.402.
5. Жабин Д.А., Ногмова А.Ш., Шангараев Р.Н. Противодействие государственных органов Российской Федерации международному терроризму на современном этапе // Дипломатическая служба. 2017. № 4. С. 79–85.
6. Zhiltsov S.S., Nogmova A.S., Shtol V.V., Zonn I.S. Water Resource Policy of Kazakhstan // The Handbook of Environmental Chemistry. 2018. Т. 85. С. 169–185.
7. Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Роль региональных интеграционных объединений в обеспечении стабильности и безопасности в странах Центральной Азии // Дипломатическая служба. 2018. № 3. С. 48–54.
8. Шангараев Р.Н. Стратегические интересы российско-китайского сотрудничества и вопросы национальной безопасности в рамках развития ШОС // ШОС: возможности и перспективы. Материалы международной конференции. 2016. С. 129–140.
9. Исхаков А.С., Шангараев Р.Н. «Мягкая сила» Турции в странах СНГ // Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 160–178.

THE BELT AND ROAD PROJECT IN THE IMPLEMENTATION OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA

Ivochkina A.S.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The Belt and Road Initiative, the implementation of which Chinese President Xi Jinping announced during visits to Kazakhstan and Indonesia in the fall of 2013, marks the tenth anniversary. Started as a continental trade, economic and infrastructure project, the Belt and Road Initiative has turned into a mechanism aimed at reforming the international trade and economic order. From the point of view of the implementation of foreign policy in general and the Belt and Road initiative in particular, Central Asia is extremely important for China for several reasons, including the position of a “transport intermediary” for communication with Europe by land, a common border and, of course, significant reserves of natural resources so necessary for the fast-growing Chinese economy. But the implementation of the Chinese transport project has a huge impact on the economy of the region.

Keywords: Central Asia, China, “one belt, one road”, Silk Road Economic Belt, foreign policy.

References

1. The Office of the steering working group for the promotion of the construction of “One Belt, One Road”. Joint construction of “One Belt, One Road”: the idea, practice and contribution of China.-Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages of China, 2017. – 78 с. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (date of application: 07.07.2022).
2. The Silk Road Economic Belt Project. Prospects for the CIS (information and analytical note), 25 p.
3. García-Herrero A., Xu J.. Countries' perceptions of China's Belt and Road Initiative: A big data analysis// Working paper. 2019. No. 1. 18 p. URL: <http://bruegel.org/2019/02/countries-perceptions-of-chinas-belt-and-road-initiative-a-big-data-analysis/> (accessed: 01.03.2023).
4. Imomov I. Impact of “One Belt, One Road” project to the economy of Central Asian countries.p.402.
5. Zhabin D.A., Nogmova A. Sh., Shangaraev R.N. Counteraction of state bodies of the Russian Federation to international terrorism at the present stage // Diplomatic Service. 2017. No. 4. pp. 79–85.

6. Zhiltsov S.S., Nogmova A.S., Shtol V.V., Zonn I.S. Water Resource Policy o Kazakhstan // The Handbook of Environmental Chemistry. 2018. Vol. 85. pp. 169–185.
7. Nogmov A.M., Shangaraev R.N. The role of regional integration associations in ensuring stability and security in Central Asian countries // Diplomatic service. 2018. No. 3. pp. 48–54.
8. Shangaraev R.N. Strategic interests of Russian-Chinese cooperation and national security issues within the framework of the SCO development // SCO: opportunities and prospects. materials of the international conference. 2016. pp. 129–140.
9. Iskhakov A.S., Shangaraev R.N. “Soft power” of Turkey in the CIS countries // Bulletin of International Scientists. 2022. No. 2 (20). pp. 160–178.

Внешняя политика Европейского союза: реакция на миграционный кризис 2015 года

Ахмедли Рагим Наджиб оглы,

преподаватель кафедры романских языков
им. Т.З. Черданцевой, МГИМО МИД России
E-mail: 89267890000@mail.ru

В данной статье рассматривается политика Европейского союза в деле разрешения миграционного кризиса, который начался в 2015 году. Проводится анализ политических инструментов сотрудничества, как двусторонних, так и многосторонних, предусмотренных Европейской политикой соседства. Автор уделяет особое внимание реализованным решениям, принимаемым согласно логике «экстернализации границ». Исследуются факторы, которые сплотили государства-члены Европейского союза перед лицом нависшей угрозы. В статье анализируются действия Европейского Союза, которые не избежали критики мирового сообщества, поскольку несколько проектов или планов действий, подписанных с третьими странами имеют неоднозначный «демократический характер», ставят под сомнение соответствие основополагающим принципам Союза.

Ключевые слова: миграционный кризис, беженцы, государства-члены ЕС, Европейская политика соседства, экстернализация.

С начала миграционного кризиса Европейский союз отличился сильной внешнеполитической активностью. Совет Европейского союза по иностранным делам провел 184 заседания в период 2015–2021 гг., и за тот же период Европейский совет собирался 41 раз для рассмотрения вопросов внешней политики и международных отношений [7].

Ключевым направлением новой Европейской политики соседства является миграция. Как указано в Совместном сообщении от 18 ноября 2015 года, цель ЕПС – активизация отношений с соседними странами, особенно со странами Южного соседства, с применением как двусторонних инструментов сотрудничества, например, соглашений о мобильности, так и многосторонних инструментов сотрудничества, таких как Валлетский план совместных действий [3]. Что касается Южного соседства, ЕС заключил соглашения о мобильности с Марокко, Тунисом и Иорданией. Схемы мобильности часто представляются как «тройной выигрыш» для мигрантов, стран-партнеров и государств-членов ЕС. Специфика каждого проекта может отличаться, но возможные обязательства, запрашиваемые от третьих стран, включают реадмиссию (своих граждан и транзитных мигрантов), инициативы по предотвращению нелегальной миграции путем улучшения пограничного контроля, борьбы с мошенничеством и пресечения контрабанды, предотвращения торговли людьми и поддержки продуктивной занятости и создания гуманитарных условий труда. Для выполнения этих обязательств ЕС и потенциальные государства-подписанты предлагают перспективу финансовой и технической поддержки. Партнерства по мобильности оформляются в виде политических деклараций между участниками. Поэтому соглашения не являются юридически обязывающими. Фактически, партнерства являются гибкими и понимаются как «живые документы», предлагающие участникам адаптировать партнерство в соответствии с изменениями и новыми потребностями.

Валлетский план действий, с другой стороны, преследует следующие цели: устранение коренных причин миграции, содействие легальной миграции, борьба с торговлей людьми, защита лиц, ищущих убежище, и мигрантов, а также сотрудничество в вопросах возвращения и реадмиссии. Для содействия реализации этого плана в 2015 году был сформирован Чрезвычайный трастовый фонд ЕС для Африки. Фонд на момент создания получил сумму в размере около 2 млрд евро от Европейского фонда развития, далее последовали взносы и пожертвования от государств-членов ЕС и других доноров, не входящих в состав Европейского союза, например Норвегия и Швейцария, выделивших более 70 млн евро.

Кроме того, в области миграции существует 24 неформальных соглашения о возвращении и реадмиссии, заключенных ЕС. Нельзя не упомянуть Соглашение между Европейским союзом и Турцией, подписанное в 2016 году и продленное в дальнейшем. Соглашение,

хотя и не является частью политики соседства, однако направлено на прекращение нелегальной иммиграции, улучшение условий для заявителей в Турции и поощрение регулярной иммиграции. Результаты были видны очень скоро: если в 2015 году в Грецию прибыло около 860 000 мигрантов, то в следующем году – около 36 000 [6]. Кроме того, стоит упомянуть двусторонние соглашения, например, между Италией и Ливией, поддерживаемые ЕС. Что касается отношений ЕС и Ливии, можно вспомнить Мальтийскую декларацию Европейского совета о новых мерах по борьбе с торговлей людьми, подписанную в 2017 году. Действия Союза в Ливии сосредоточены на подготовке береговой охраны; защите и помощи мигрантам и беженцам; поддержке местных сообществ и осуществлении пограничного контроля. В общей сложности с 2015 года ЕС выделил 700 млн евро на поддержку Ливии в рамках различных инструментов финансирования, включая Целевой фонд ЕС по чрезвычайным ситуациям для Африки.

Постепенное увеличение средств, выделяемых Союзом, путем создания или реформирования новых инвестиционных планов, может быть определено как компенсационные меры. Выделяемые финансовые ресурсы направлены как на улучшение условий жизни в центрах временного содержания или репатриации, так и на улучшение социально-экономических условий в странах происхождения или транзита. Однако большое количество официальных и неофициальных соглашений между ЕС и третьими странами часто затрудняет понимание точного объема средств, направленных на устранение первопричин, и средств, инвестированных в сдерживание потоков. Обычно в этих проектах также участвуют международные организации, такие как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев или Международная организация по миграции, а также различные неправительственные организации [2]. Участие этих субъектов и различные компенсационные меры видятся как попытка ЕС оправдать перед международным сообществом различные меры, предпринимаемые на национальном уровне, которые серьезно ограничивают право на передвижение и миграцию.

Все эти меры подпадают под так называемую политику «невъезда», что отражает пограничные реалии, которые, хотя являются относительно новыми, однако выражают желание ЕС и государств-членов свести к минимуму или предотвратить прибытие мигрантов на их внешние границы посредством ряда мер, приводящих к очевидному перемещению или разделению функций пограничного контроля с третьими государствами.

Во-первых, это происходит в рамках таких мер, как программы, планы действий или международные соглашения, побуждающие третьи государства (происхождения или транзита) контролировать свои границы и миграционные потоки с целью предотвращения их физического проникновения на территорию государств-членов ЕС, принимая размещение на своей территории, или выдворение, беженцев и мигрантов в целом, прибывших из других государств, но стремящихся попасть в европейские государства в качестве конечного пункта назначения [5].

Во-вторых, посредством выполнения функций пограничного контроля самими государствами-членами за пределами их суверенитета и/или территориальной юрисдикции (на суше и на море). Точнее, под экстернализацией пограничного контроля понимаются ситуации, когда нет ни присутствия, ни непосредственного осуществления контрольной деятельности государственными служащими государств-членов ЕС. Третьи страны выполняют определенные функции пограничного кон-

троля и миграционной политики (пограничный контроль, задержание и возвращение мигрантов, процессы регуляризации и выдачи разрешений на проживание мигрантам) как прямое или косвенное следствие соглашений с ЕС или государствами-членами ЕС, или в соответствии с программами и планами действий, согласованными с ЕС или его государствами-членами. И наоборот, ситуации, связанные с экстерриториальностью функций пограничного контроля, подразумевают присутствие или выполнение определенных контрольных действий или функций государственными должностными лицами государств-членов ЕС на территории третьих стран с их согласия. Такое присутствие происходит в контексте контроля государством-членом ЕС конкретной миграционной ситуации.

В целом, соседние страны выполняют три важнейшие функции: они действуют как своеобразный фильтр для мигрантов; они осуществляют отбор среди мигрантов; и они служат местом высылки нежелательных мигрантов из ЕС. Вследствие экстернализации миграционной политики Союза, он, несомненно, сформировал правовую систему и институциональные рамки, регулирующие миграцию в соседних странах. Влияние ЕС оказало аналогичное воздействие на всю его периферию, что привело к более ограничительной миграционной политике как в восточных, так и в южных регионах. Приоритетность целей безопасности для ЕС изменила подходы его соседей к миграции, что, несомненно, привело к значительно более жесткой политике [1].

Стоит отметить, что данный подход подвергается серьезной критике со стороны как политических институтов, так и гражданского общества в связи с его неоднозначной этической составляющей. Не имеющие ничего общего с европейскими демократическими ценностями последствия влияния ЕС на модели международной миграции и самих мигрантов проистекают из отсутствия критического «европоцентристского» взгляда на внешнюю миграционную политику. Она направлена на продвижение приоритетов и модели ЕС без особого учета национального контекста реализации или существующих региональных связей. До сих пор, несмотря на общие заявления, осуждающие нарушения прав человека в соседних странах, внешняя миграционная политика ЕС в основном руководствуется собственными интересами. Таким образом, миграционная политика является иллюстрацией того, как этические дискурсы и цели могут быть сдвинуты на второй план противоречащими им целями безопасности и внешними политическими акторами.

Приведенные примеры свидетельствуют об активной внешнеполитической деятельности Союза, направленной на сдерживание потоков, стремлении к все более тесному сотрудничеству со странами происхождения потоков и транзита в области противодействия нелегальной иммиграции, репатриации и приема лиц, ищущих убежища. Применяя парадигму либерального межправительственного подхода и в этом случае, европейские правительства разделяют главную цель – ограничить количество заявлений о предоставлении убежища, подпадающих под их юрисдикцию. В этом случае рост миграции порождает консенсус в отношении общего пограничного контроля, где единственным балансирующим актом является общеевропейская политика снижения миграции путем закрытия портов, строительства заборов и побуждения правительств соседних стран за пределами ЕС к ограничению миграции и размещению мигрантов. Либеральный межправительственный подход определяет это как единственно возможное решение для пунктов назначения, таких как ЕС, а также Австра-

лия и США, когда они сталкиваются с экзогенным шоком, таким как внезапное увеличение миграционных потоков. В действительности, отсутствие сотрудничества в решении проблемы лиц, ищущих убежища, сместило фокус межгосударственных переговоров на снижение общего уровня иммиграции в ЕС, вопрос, по которому европейские правительства в основном солидарны. Как свидетельствует большое количество соглашений, официальных или неофициальных, заключенных ЕС, Европа добилась необычайного успеха. Действительно, после пика в 2015 году миграция в Средиземноморье неуклонно снижается, что отчасти отражает скоординированные усилия стран и ЕС по сдерживанию миграции [4].

Из этих размышлений можно сделать вывод, что наличие ситуации симметричной взаимозависимости, когда государства-члены обладают одинаковой переговорной силой, и совпадение их интересов приводит к сотрудничеству между государствами. Сотрудничество в области управления потоками также объясняется тем, что государства заинтересованы в снижении масштабов миграционных потоков. В этом случае государства предпочитают принимать на себя расходы по «экстернализации» миграционного контроля, которые оказываются ниже, чем расходы по совместному управлению политикой предоставления убежища и миграции.

Литература

1. Войников В.В. Миграционный кризис в Европе – лопнет ли пузырь? / РСМД. 2 ноября 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-krizis-v-evrope-lopnet-li-puzyr/> (дата обращения: 02.03.2023).
2. Малахов В. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 10. – С. 89–96.
3. Потемкина О.Ю. «Европейская повестка дня по миграции»: Новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // Современная Европа. – 2015. – № 4 (64). – С. 28–40.
4. Суворова В.А. Миграционный кризис в Европе: проблемы вынужденной миграции // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 1. – С. 176–179.
5. Цапенко И. Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 8. – С. 65–76.
6. World Migration Report 2022 / International Organization for Migration. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (дата обращения: 02.03.2023).

7. Meeting calendar. / Official website of the Council of the EU and the European Council. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/it/meetings/calendar/?Category=meeting&Page=1&daterange=&dateFrom=2015%2F01%2F01&dateTo=2022%2F05%2F29&filters=2031&filters=1655> (дата обращения: 02.03.2023).

EUROPEAN UNION FOREIGN POLICY: RESPONDING TO THE 2015 MIGRATION CRISIS

Ahmedli R.N.

MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article examines the European Union's policy towards resolving the migration crisis that began in 2015. It analyses the policy instruments for cooperation, both bilateral and multilateral, envisaged by the European Neighbourhood Policy. The author focuses on the implemented decisions taken according to the logic of "externalisation of borders". It examines the factors that have rallied the European Union Member States in the face of the looming threat. The article analyses the European Union's actions, which have not escaped criticism from the international community, as several projects or action plans signed with third countries have an ambiguous "democratic character", questioning compliance with the Union's founding principles.

Keywords: migration crisis, refugees, EU Member States, European Neighbourhood Policy, externalisation.

References

1. Voynikov V.V. Migration Crisis in Europe – Will the Bubble Burst? / RIAC. November 2, 2015. [Electronic resource]. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-krizis-v-evrope-lopnet-li-puzyr/> (Accessed: 02.03.2023).
2. Malakhov V. Global management in the field of migration: theory, institutions, politics // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. 2019. Vol. 63. No. 10. Pp. 89–96.
3. Potemkina O. Yu. "European Migration Agenda": A New Turn in EU Immigration Policy? // Sovremennaya Yevropa. 2015. No. 4 (64). Pp. 28–40.
4. Suvorova V.A. Migration Crisis in Europe: Problems of Forced Migration // Vlast'. 2018. Vol. 26. No. 1. Pp. 176–179.
5. Tsapenko I. Transformations of global migration of the population // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. Vol. 62. No. 8. Pp. 65–76.
6. World Migration Report 2022 / International Organization for Migration. [Electronic resource]. – Access mode: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (Accessed: 02.03.2023).
7. Meeting calendar / Official website of the Council of the EU and the European Council. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/it/meetings/calendar/?Category=meeting&Page=1&daterange=&dateFrom=2015%2F01%2F01&dateTo=2022%2F05%2F29&filters=2031&filters=1655> (Accessed: 02.03.2023).

Франко-германский тандем и план Макрона по реформированию Европы

Жаров Владимир Александрович,

студент Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: zhrvvladimir@gmail.com

В статье анализируется роль франко-германского тандема в контексте реформирования Евросоюза в соответствии с планом Президента Французской Республики Эммануэля Жан-Мишель Фредерика Макрона. Стремясь расширить и углубить евроинтеграцию, глава Французской Республики Э. Макрон начал продвигать амбициозный план реформирования объединения. Осознавая невозможность осуществления своих «наполеоновских» планов в одиночку, Президент Пятой Республики предложил их вниманию главного союзника Парижа по ЕС – Берлина. Однако французский лидер не учёл, что интересы немцев не всегда и не во всём совпадают с интересами французов. Рейнский сосед не пришёл в восторг от проекта Макрона, тем не менее поддержал, хоть и с большими оговорками, эту инициативу. Германия знатно отредактировала первоначальный план Франции для Европы, а по некоторым вопросам стороны ввиду существенных различий в подходах до сих пор не пришли к общему знаменателю, из-за чего то и дело высказывается мысль о распаде тандема. Всё же думается, что об этом говорить рано. Дан прогноз, что евроинтеграция продолжится, а франко-германская ось и дальше будет выступать двигателем этого процесса, однако форма будущего партнёрства двух стран может претерпеть трансформацию. Автором высказывается предположение, что в дальнейшем сотрудничество между бывшими врагами будет вестись исключительно по тем вопросам, по которым у сторон наблюдается сходство взглядов и которые для обоих партнёров представляют взаимный интерес.

Ключевые слова: Франция, Германия, Макрон, Меркель, Шольц, франко-германский тандем, план Макрона по реформированию ЕС.

Из всех кандидатов в президенты Французской Республики 2017 года лишь экс-министр экономики, финансов и цифровой экономики Франции был ярким еврооптимистом. Тот факт, что во втором туре проевропейский кандидат одержал уверенную победу над ярким евроскептиком Марин Ле Пен (66,1% голосов против 33,9%), продемонстрировал степень поддержки французами движения их страны по европейскому пути.

План новоиспечённого президента предполагал создание отдельного от бюджета зоны евро, бюджета ЕС с назначением министра финансов еврозоны под контролем соответствующего парламента, унификацию части налогов внутри ЕС, создание общей европейской армии, совместного оборонного бюджета, формирование общеевропейского агентства по делам беженцев, реформу общей сельскохозяйственной политики ЕС, интеграцию образовательных процессов, увеличение ежегодного обмена студентами и специалистами между странами Европейского союза в рамках программы «Эразмус», конвергенцию в сфере экологии, защиты климата и устойчивого развития [11].

За первый год своего президентства Макрон произнёс несколько программных речей, посвященных проблемам реформирования Европы [10]. Выступление Макрона в столице Греции 07 сентября 2017 года было посвящено демократии в Евросоюзе. Выступая в Сорбонне 26 сентября 2017 года, Макрон назвал способ гарантировать будущее Европы. Он состоит в восстановлении суверенной, единой и демократической Европы [14]. В выступлении в Европарламенте от 17 апреля 2018 года Макрон сфокусировался на европейском суверенитете. 10 мая 2018 года Э. Макрон был удостоен премии Карла Великого в Аахене «за стратегическое видение новой Европы». Выступая с речью на церемонии вручения премии, лидером Франции были названы четыре категорических императива к действию. В первом подчеркивалась важность европейского суверенитета, который, направляя, превратил бы Европу в собственную геополитическую, торговую, климатическую, экономическую, продовольственную и дипломатическую державу. Во втором императиве звучал призыв к объединению Европы и говорилось о риске ее расслоения, что еще больше уменьшило бы её суверенитет. В третьем императиве звучал призыв не бояться, быть смелыми, чтобы что-то сделать. В четвертом говорилось о том, что не нужно ждать, что время пришло, нужно действовать сейчас, реформировать ЕС уже сегодня [13].

Молодой французский лидер понимал, что реализовать свой «европейский проект» в одиночку ему не удастся, поэтому предложил его вниманию главного союзника Франции по ЕС – Германии. О ставке Макрона на диалог с ФРГ свидетельствует тот факт, что первый свой зарубежный визит он совершил именно в Берлин. Уже на следующий день после официального вступления в должность Президента Французской Республики Э. Макрон встретился с федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель. В ходе встречи лидеры двух государств высказались за реформирование Европейского союза. Также они договорились «очень тесно работать вместе» [6]. О приоритете сотрудничества с Берлином свидетельствует также уже упоминавшееся выше выступление Макрона в Сорбонне, во время которого было

отмечено, что ключевую роль при решении глобальных проблем современности, к коим относится и «евроскле-роз», должен играть франко-германский тандем.

28 сентября 2017 года, на четвертый день после выборов в Бундестаг, на второй день после речи Макрона в Сорбонне, Меркель заявила, что констатирует сходство в позициях двух государств, однако предстояло ещё обсудить детали. До формирования правительственной коалиции в Германии Ангела Меркель осторожно отзвывалась об инициативах французского лидера. Макрон со своим «европейским планом» оказался в самом эпицентре коалиционных переговоров. Инициативы президента Французской Республики требовали от германских партий определения позиций к ним [8]. Процесс формирования правительственной коалиции в ФРГ занял пять месяцев. Лишь 12 марта 2018 года в Берлине был подписан коалиционный договор, в котором был определён состав нового правительства. Федеральное правительство Германии долго противилось инициативам лидера Франции. Лишь 03 июня 2018 в интервью FAZ канцлер Меркель заявила, что готова их поддерживать, но с некоторыми оговорками.

19 июня 2018 года была заключена Мезебергская декларация о создании бюджета еврозоны, в которой остались практически все основные идеи и предложения, изначально выдвинутые Макроном. Однако нужно заметить, что Рейнский сосед всё же внёс коррективы в первоначальный план Макрона: от идеи введения министра финансов и создания парламента еврозоны пришлось отказаться, а бюджет еврозоны стал меньше [11]. Тем не менее, нужно признать, что хозяину Елисейского дворца удалось отстоять свой план реформирования ЕС [10].

22 января 2019 года Ангела Меркель и Эммануэль Макрон подписали в Аахене новый договор о сотрудничестве их стран – в дополнение к Елисейскому договору 1963 года. Берлин и Париж обязались содействовать евроинтеграции, углублению экономического и валютного союза внутри ЕС, созданию франко-германской экономической зоны с общими правилами, укреплению трансграничного сотрудничества, сотрудничеству по вопросам энергетики и климата, сотрудничеству в космической отрасли, расширению программы мобильности. Партнёры также договорились согласовывать свои позиции в рамках ООН, а получение Германией статуса постоянного члена в Совбезе ООН было названо общим приоритетом [2].

Спустя год после подписания Ахенского договора, в январе 2020 года, Берлин и Париж отметили направления, в которых им удалось преуспеть: это и более тесное сотрудничество в приграничном регионе, и увеличение числа молодежных обменов, и исполнение данного Парижем обещания по содействию в получении Берлином места постоянного члена в Совете Безопасности ООН (в марте и апреле 2019 года имело место совместное председательство двух стран в СБ ООН), однако в стратегически важных областях – экономической интеграции и военного сотрудничества – прорыва не случилось [4].

26 сентября 2021 года в Германии прошли парламентские выборы. Ещё в далёком 2018 году Ангела Доротея Меркель объявила, что после того, как в 2021 году истекут её полномочия как главы правительства, она не будет в очередной раз бороться за пост федерального канцлера [7]. Так и произошло: «Мути» не участвовала в избирательной гонке. От ХДС на пост бундесканцлера в случае победы на выборах в Бундестаг была выдвинута кандидатура Армина Лашета. Однако победителями избирательной гонки стали социал-демократы во главе с Олафом Шольцем. Их поддержали 25,7% из-

бирателей. А блок ХДС/ХСС показал худший результат в своей истории – 24,1% [9]. В результате коалиционных переговоров было сформировано новое правительство Германии, состоящее из СДПГ, «Зелёных» и «Свободных избирателей». 9-ым Федеральным канцлером Германии стал социал-демократ, экс-вице-канцлер ФРГ, экс-министр финансов ФРГ Олаф Шольц.

Для франко-германской пары это были хорошие вести, ведь консерваторов (ХДС/ХСС), чья реакция на предложения Макрона была не столь восторженной, как минимум по части экономических трансформаций, не включили в «светофорную» коалицию, а «Зелёные», которые ещё во главе с Джемом Оздемиром (сопредседатель Партии «Зелёных» в 2008–2018 гг.) единодушно поддержали инициативу главы Французской Республики, полагая, что будущее двух соседей по Рейну в единой Европе, – участники трёхпартийной коалиции. Да и новый канцлер Олаф Шольц ещё на посту министра финансов ФРГ в правительстве Меркель заявлял, что его «вдохновляют идеи Макрона». О желании социал-демократа двигаться в направлении евроинтеграции вместе с хозяином Елисейского дворца свидетельствует тот факт, что свой первый зарубежный визит он нанес именно в Париж, где обсудил с президентом Франции укрепление европейского суверенитета и усиление Европы [3].

Однако уже в апреле минувшего года над франко-германским ядром, да и над дальнейшей евроинтеграцией в целом нависла опасность: 10 апреля 2022 года прошёл первый тур президентских выборов во Франции, а на 24 апреля был назначен второй, в ходе которого за президентский пост, точно, как в 2017 г., боролись Э. Макрон и Марин Ле Пен. На выборах Президента Французской Республики в апреле 2022 года шла речь о будущем Европы [17], поскольку, если бы к власти во Франции пришла лидер «Национального объединения», дальнейшая евроинтеграция была бы невозможной, ведь одними из положений политической программы её партии являются восстановление главенства национального законодательства над европейским, пересмотр договоров с Евросоюзом и большая степень независимости Франции от Брюсселя. Марин Ле Пен также известна своим намерением вернуть таможенные границы внутри Евросоюза и провести референдум по вопросу о выходе Республики из зоны евро. А Эммануэль Макрон вообще уличил свою соперницу в желании вывести Францию из ЕС – осуществить «Фрексит» [5]. Стоит также напомнить, что именно «Национальный фронт» (до 01 июня 2018 года партия Ле Пен носила название «Национальный фронт») был одной из тех партий, которые выступили против ратификации Маастрихтского договора в 1992 году и Европейской конституции в 2005 году. Известна и позиция Марин Ле Пен относительно Ахенского договора. Так, ещё до его подписания политик опубликовала эмоциональное видеобращение к французам, где назвала Макрона предателем. Марин Ле Пен подвергла критике планы правительств Франции и Германии по усилению межрегионального приграничного сотрудничества. С её точки зрения, развитие билингвизма в Эльзасе, регионе Франции, который в 1871–1919 гг. входил в состав Германской империи, неизбежно приведёт к его германизации. Тесное сотрудничество приграничных регионов, по мнению Ле Пен, является попыткой Берлина увеличить своё влияние в землях, которые долгое время были камнем преткновения в отношениях между двумя странами. Кроме того, политик считает, что, обязавшись согласовывать свою позицию в рамках ООН с германской, Франция тем самым «выводит себя из круга великих держав» [2].

Беспокоясь за судьбу Европы, главы правительств Германии, Испании и Португалии призвали французам во втором туре сделать выбор в пользу «кандидата-демократа, который считает, что в Европейском союзе Франция сильнее» [15].

С результатом в 58,55% победу на выборах одержал еврофил Э. Макрон. Бундесканцлер Олаф Шольц поприветствовал итоги голосования. В Берлине переизбрание Макрона на пост Президента Франции было встречено с облегчением, соизмеримым со страхом, вызванным предположением о победе Марин Ле Пен. «Поздравляю, дорогой президент Эммануэль Макрон. Твои избиратели послали сегодня мощный сигнал в пользу Европы. Я с нетерпением жду продолжения нашего сотрудничества!», – написал в Twitter (социальная сеть заблокирована на территории России) лидер Социал-демократической партии Германии [16].

Невзирая на декларируемые намерения продолжать двустороннюю коллаборацию, отношения между Берлином и Парижем в последнее время ухудшились, а ситуация, которая сложилась в октябре-ноябре минувшего года, вообще казалась фатальной: визит Олафа Шольца в Париж прошёл в необычайно холодной атмосфере и не завершился совместной пресс-конференцией; из-за разногласий по вопросам энергетической политики, обороны и мер экономической поддержки заседание кабинетов министров обеих стран по инициативе французской стороны было перенесено на январь 2023 года; в Китай канцлер отправился самостоятельно, а не в компании своего французского коллеги, хотя, по данным ряда СМИ, глава французского государства предлагал бундесканцлеру отправиться в Пекин вместе, чтобы продемонстрировать тем самым сплочённость Евросоюза, но германская сторона якобы отказалась [1].

Отложенное на январь 2023 года заседание франко-германского совета министров, однако, всё же состоялось. Более того, оно пришлось на символическую дату – 22 января 2023 года. Ровно 60 лет назад, 22 января 1963 года, Конрадом Аденауэром и Шарлем де Голлем был подписан Елисейский договор, который поставил точку во франко-германской вражде. По итогам заседания кабинетов министров обеих стран стало понятно, что два локомотива Европы всё-таки смогли преодолеть разногласия и договориться «работать вместе во благо Европейского союза, который был бы более жизнеспособным, устойчивым и более способным действовать независимо». Для достижения этой цели стороны заявили о намерении «укреплять двусторонние связи во всех областях, которые лежат в основе подлинного европейского суверенитета, начиная с сильной европейской внешней политики и политики безопасности, укрепления европейской обороны, сильной промышленной, технологической и цифровой политики, сильной экономики, энергетической безопасности, перехода к зелёной экономике и укрепление европейской демократической модели» [12].

Поскольку Берлин и Париж зачастую не могут прийти к единому знаменателю по целому ряду вопросов европейского строительства, то и дело высказывается мысль о закате франко-германского дуэта. Всё же думается, что об этом говорить рано. Евроинтеграция продолжится, а франко-германская ось и впредь будет выступать двигателем этого процесса, однако форма будущего партнёрства двух стран может претерпеть трансформацию. Вероятно, в дальнейшем сотрудничество между бывшими врагами будет вестись исключительно по тем вопросам, по которым у сторон наблюдается сходство взглядов и которые для обоих партнёров представляют взаимный интерес.

Литература

1. Визит Шольца в Китай: «изменения через торговлю» в прошлом? – Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. – URL: https://tass.ru/opinions/16289113?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 27.03.2023).
2. «Голос амбиций»: что может стоять за подписанием нового соглашения о франко-германском союзе. – Текст: электронный // RT: [сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/595403-franciya-germaniya-soyuz-dogovor-ahen> (дата обращения: 27.03.2023).
3. Канцлер ФРГ Шольц нанесет первый зарубежный визит в Париж и Брюссель 10 декабря. – Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13145523> (дата обращения: 27.03.2023).
4. Лукина К.Н. Франко-немецкий тандем: содержание и критика Аахенского договора // Казанский вестник молодых учёных. Том 4, № 3. – 2020 – С. 131–141.
5. Макрон обвинил Ле Пен в подготовке «Фрексита». – Текст: электронный // Газета.ru: [сайт]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/04/13/17564324.shtml> (дата обращения: 27.03.2023).
6. Меркель заявила, что договорилась с Макроном «очень тесно работать вместе». – Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20170515/1494348409.html> (дата обращения: 27.03.2023).
7. Меркель отказалась бороться за пост канцлера на следующих выборах. – Текст: электронный // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2018/5bd6fe029a7947574798b580> (дата обращения 27.03.2023).
8. Реакция в Германии на предложения Макрона: «Высокопарная риторика». – Текст: электронный // EADaily: [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/09/29/reakciya-v-germanii-na-predlozheniya-makrona-vysokoparnaya-ritorika> (дата обращения: 27.03.2023).
9. Социал-демократическая партия Германии победила на выборах в Бундестаг. – Текст: электронный // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/793684> (дата обращения 27.03.2023).
10. Фёдоров С.М. «План Макрона» для Европы: новый старт Европейского проекта в XXI веке? // Современная Европа. – № 6. – 2018 – С. 30–39.
11. Французские мечты и европейские реалии. – Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2019-02-10/14_7503_macron.html (дата обращения: 27.03.2023).
12. Déclaration conjointe – Conseil des ministres franco-allemand. – Текст: электронный // elysee.fr: [сайт]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/01/22/declaration-conjointe-conseil-des-ministres-franco-allemand> (дата обращения: 27.03.2023).
13. Discours du Président de la République, Emmanuel Macron lors de la cérémonie de remise du Prix Charlemagne à Aix-la-Chapelle. – Текст: электронный // elysee.fr: [сайт]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/10/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-lors-de-la-ceremonie-de-remise-du-prix-charlemagne-a-aix-la-chapelle> (дата обращения: 27.03.2023).
14. Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. – Текст: электронный // elysee.fr: [сайт]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative->

pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique (дата обращения: 27.03.2023).

15. «Nous avons besoin d'une France qui défende nos valeurs européennes communes », plaident les chefs de gouvernement portugais, espagnol et allemand. – Текст: электронный // Le Monde: [сайт]. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/04/21/nous-avons-besoin-d-une-france-qui-defende-nos-valeurs-europeennes-communes-plaident-les-chefs-de-gouvernement-portugais-espagnol-et-allemand_6123086_3232.html (дата обращения: 27.03.2023).
16. Présidentielle: Réélu, Emmanuel Macron promet que son nouveau mandat « ne sera pas dans la continuité de celui qui s'achève ». – Текст: электронный // Le Monde: [сайт]. – URL: https://www.lemonde.fr/politique/live/2022/04/25/presidentielle-emmanuel-macron-promet-que-ce-nouveau-mandat-ne-sera-pas-dans-la-continuete-de-celui-qui-s-acheve_6123433_823448.html (дата обращения: 27.03.2023).
17. Scholz ruft indirekt zur Wahl Macrons auf. – Текст: электронный // Frankfurter Allgemeine Zeitung: [сайт]. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/olaf-scholz-spricht-sich-indirekt-gegen-wahl-von-le-pen-aus-17972690.html> (дата обращения: 27.03.2023).

THE FRANCO-GERMAN TANDEM AND MACRON'S PLAN TO REFORM EUROPE

Zharov V.A.

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

The article analyzes the role of the Franco-German tandem in the context of the reform of the European Union in accordance with the plan of the President of the French Republic Emmanuel Jean-Michel Frederic Macron. In an effort to expand and deepen European integration, the head of the French Republic, E. Macron, began to promote an ambitious plan to reform the union. Realizing the impossibility of implementing his "Napoleonic" plans alone, the President of the Fifth Republic brought them to the attention of Paris' main ally in the EU – Berlin. However, the young French leader did not take into account that the interests of the Germans do not always and in everything coincide with the interests of the French. The Rhenish neighbor was not very enthusiastic about Macron's project, but nevertheless supported, albeit with great reservations, this initiative. Germany notably edited France's original plan for Europe, and on some issues, due to significant differences in approaches, the parties have not yet come to a common denominator, which is why the idea of the collapse of the tandem is constantly being expressed. Still, it seems too early to talk about this. It is projected that European integration will continue, and the Franco-German axis will continue to act as the engine of this process, however, the form of the future partnership of the two countries may undergo transformation. The author suggests that in the future, cooperation between the former enemies will be conducted exclusively on those issues on which the parties have similar views and which are of mutual interest to both partners.

Keywords: France, Germany, Macron, Merkel, Scholz, the Franco-German tandem, Macron's plan to reform the EU.

References

1. Scholz's visit to China: "change through trade" in the past? – Text: electronic // TASS: [website]. – URL: https://tass.ru/opinions/16289113?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 27.03.2023).
2. "The voice of ambitions": what could stand behind the signing of a new agreement on the Franco-German alliance. – Text:

electronic // RT: [website]. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/595403-franciya-germaniya-soyuz-dogovor-ahen> (accessed: 27.03.2023).

3. German Chancellor Scholz to pay his first foreign visit to Paris and Brussels on December 10. – Text: electronic // TASS: [website]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13145523> (accessed: 27.03.2023).
4. Lukina K.N. The Franco-German tandem: the content and criticism of the Aachen Treaty // Kazan Bulletin of Young Scientists. Volume 4, No. 3. – 2020 – pp. 131–141.
5. Macron accuses Le Pen of preparing "Frexit". – Text: electronic // Gazeta.ru: [website]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/04/13/17564324.shtml> (accessed: 27.03.2023).
6. Merkel says she agrees to "work very closely together" with Macron. – Text: electronic // RIA Novosti: [website]. – URL: <https://ria.ru/20170515/1494348409.html> (accessed: 27.03.2023).
7. Merkel refuses to run for chancellor in the next election. – Text: electronic // RBK: [website]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2018/5bd6fe029a7947574798b580> (accessed: 27.03.2023).
8. Reaction in Germany to Macron's proposals: "High-flown rhetoric". – Text: electronic // EADaily: [website]. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/09/29/reakciya-v-germanii-na-predlozheniya-makrona-vysokoparnaya-ritorika> (accessed: 27.03.2023).
9. Germany's Social Democratic Party wins the Bundestag elections. – Text: electronic // Interfax: [website]. – URL: <https://www.interfax.ru/world/793684> (accessed: 27.03.2023).
10. Fedorov S.M. "Macron's Plan" for Europe: a new start of the European project in the XXI century? // Modern Europe. No. 6. – 2018 – pp. 30–39.
11. French dreams and European realities. – Text: electronic // Nezavisimaya Gazeta: [website]. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2019-02-10/14_7503_macron.html (accessed: 27.03.2023).
12. Joint declaration – Franco-German Council of Ministers. – Text: electronic // elysee.fr: [website]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/01/22/declaration-conjointe-conseil-des-ministres-franco-allemand> (accessed: 27.03.2023).
13. Speech by the President of the Republic, Emmanuel Macron, during the ceremony of awarding the Charlemagne Prize in Aachen. – Text: electronic // elysee.fr: [website]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/10/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-lors-de-la-ceremonie-de-remise-du-prix-charlemagne-a-aix-la-chapelle> (accessed: 27.03.2023).
14. Initiative for Europe – Speech by Emmanuel Macron for a sovereign, united, democratic Europe. – Text: electronic // elysee.fr: [website]. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (accessed: 27.03.2023).
15. "We need a France that defends our common European values," plead the Portuguese, Spanish and German heads of government. – Text: electronic // Le Monde: [website]. – URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/04/21/nous-avons-besoin-d-une-france-qui-defende-nos-valeurs-europeennes-communes-plaident-les-chefs-de-gouvernement-portugais-espagnol-et-allemand_6123086_3232.html (accessed: 27.03.2023).
16. Presidential: Re-elected, Emmanuel Macron promises that his new mandate "will not be in the continuity of the one that is ending". – Text: electronic // Le Monde: [website]. – URL: https://www.lemonde.fr/politique/live/2022/04/25/presidentielle-emmanuel-macron-promet-que-ce-nouveau-mandat-ne-sera-pas-dans-la-continuete-de-celui-qui-s-acheve_6123433_823448.html (accessed: 27.03.2023).
17. Scholz indirectly calls for the election of Macron. – Text: electronic // Frankfurter Allgemeine Zeitung: [website]. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/olaf-scholz-spricht-sich-indirekt-gegen-wahl-von-le-pen-aus-17972690.html> (accessed: 27.03.2023).

Использование информационных обучающих технологий в компетентностном формате

Марченко Алла Александровна,

доцент, к.п.н., доцент, Государственный университет
просвещения
E-mail: geoalla@bk.ru

Евдокимова Елена Викторовна,

доцент, к.г.н., доцент, Государственный университет
просвещения
E-mail: e.evdokimova2012@yandex.ru

В национальном докладе РФ на II Международном конгрессе ЮНЕСКО определен один из основных механизмов реформирования системы образования – ее информатизация. Уроки с использованием информационных технологий становятся привычными для младших школьников, а для учителей – нормой работы. Они являются одним из главных результатов работы в практике педагога начальных классов. Использование информационных технологий в образовательном процессе начальной школы позволяют развивать логическое мышление, усилить творческое направление учебного процесса.

Ключевые слова: информационные технологии, инновационный подход, компетентностный подход, цифровая технология, информационно-коммуникативные умения, формирование информационной культуры, младший школьник.

Современная образовательная система характеризуется глубокими изменениями, направленными на достижение нового качества образования, где приоритетными направлениями являются обновление целей, содержания, методов, форм и средств обучения на основе инновационных подходов. Федеральные образовательные стандарты третьего поколения по направлению «Педагогическое образование» – новый шаг в его реформировании. В их основе лежит компетентностный подход, при котором обучающиеся приобретают востребованные компетенции, формирующиеся посредством решения нестандартных профессиональных задач. Благодаря их внедрению начальное образование стало открытым к инновациям, гибко обновляющим программы образования и содержание обучения в соответствии с потребностями общества.

В период кардинальных изменений в обществе, перехода к качественно новым отношениям в социуме появилась необходимость рассмотреть вопрос инновационной образовательной среды в школе. Инновационный подход к обучению и воспитанию – это использование в образовательном процессе педагогических инноваций, в том числе информационных технологий.

Анализ использования данных технологий в обучении школьников мы можем проследить в работах В.П. Беспалько, Б.С. Гершунского, В.В. Гриншкун, А.В. Денисова, В.Л. Иноземцева, К.К. Колина, Е.И. Петухова, Е.С. Полат, А.И. Ракитова, А.Д. Урсул, Ю. Хабермас, Ф. Янушкевича и др.

Сегодня уже существует довольно большое количество научных публикаций и учебных пособий, посвященных информационно-коммуникационным технологиям образования, которые являются одним из основных инструментов формирования цифровой культуры обучающихся.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2025 года» указано, что важной составляющей современного процесса обучения является разработка учебных программ, реализующих информационные технологии в обучении и воспитании обучающихся.

Мультимедиа и электронные ресурсы сети Интернет стали активно применяться учителями-практиками в общеобразовательных школах, что позволяет развить логическое мышление, усилить творческое направление учебного процесса. Современные учителя открыты к применению в своей практике новых компьютерных и интернет-технологий. В основном это использование на уроках программ Power Point, статистических данных из поисковых систем Google, Yandex, Mail и др. [2].

Назрела необходимость создания методики их применения на уроках с целью формирования знаний, умений и навыков начального образования у обучающихся, при выполнении домашней и самостоятельной работы.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального

общего образования (ФГОС НОО) третьего поколения, для того чтобы выпускник школы уверенно чувствовал себя в социальном обществе, ему необходимы практико-ориентированные знания. По этой причине основная идея, которой придерживается ФГОС – это развитие учебных действий учеников с помощью информационных технологий, тем более без них уже сложно представить современную школу.

Последние стандарты построены и опираются на компетентностный подход, при котором от школы требуется не только определенный набор дисциплин, но и приобретение обучающимися компетенций, необходимых современному обществу. Сегодня мы наблюдаем и практикуем в своей деятельности, что начальное педагогическое образование открыто к инновациям, подвижно, вариативно. Оно дает возможность обновлять содержание образовательных программ в соответствии с запросами общества, реализовывать идеи гуманизации.

Анализируя работы Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпичиной и др., мы позволим подчеркнуть, что компетентностный подход в отечественной педагогике и методике обучения и воспитания представляет собой интеллектуальное развитие обучающегося, его личностную заинтересованность при формировании знаний, умений и навыков, четкое определение целей обучения, личностного поведения и оценочных критериев [4].

Как пишет В.А. Сластёнин, технология – это совокупность и последовательность методов и процессов преобразования исходных материалов, позволяющих получить продукцию с заданными параметрами [5].

Использование Интернета в обучении практически по всем школьным дисциплинам начальной школы позволяет обучающемуся овладеть дополнительными умениями по применению новых технологий поиска, переработки и представления информации.

1. Анализируя понятие «информационные технологии», полагаем, что информационно-коммуникативные технологии следует понимать как совокупность приемов, методов, способов, применяемых посредством использования средств вычислительной техники, с целью сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных при условии, что доступ к технологической системе, предназначенной для передачи по линиям связи информации, также обладает доступом посредством использования средств вычислительной техники [3].

Можно выделить ряд подходов к использованию информационных технологий при обучении в младших классах.

1. Мотивационный подход, направленный на увеличение интереса обучающихся к учебе, на развитие навыков и знаний, необходимых для информационной культуры школьников; на появление возможности раскрыть творческие особенности детей и т.д.

2. Содержательный подход, обеспечивающий визуальное оформление на интерактивной доске педагогом новых тем; применение интерактивных домашних заданий, а также современных упражнений для формирования самостоятельности у младших школьников.

3. Учебно-методический подход, включающий использование электронных и информационных ресурсов в качестве педагогической и методической поддержки образовательного процесса и т.д.

4. Организационный подход, используемый для организации обучения: во время учебного процесса в зависимости от индивидуальной программы или на основе индивидуальных планов ученика, а также в форме фронтальной или подгрупповой работы.

5. Контрольно-оценочный подход, служащий средством мониторинга и оценки образовательных результа-

тов учащихся и включающий тесты и тестовые задания, которые позволяют организовать различные виды контроля, такие как вступительный, промежуточный и итоговый, например, «Дневник.ру».

Рассмотрим этапы дидактической основы при разработке уроков с применением цифровых технологий:

этап 1 – подготовительный – необходимость применения ИКТ на данном уроке;

этап 2 – аналитико-конструктивный – определение цели урока, его задач, стимулирование учащихся к деятельности, подготовка памяток и алгоритмов по организации самостоятельной работы и формированию информационной культуры, возможностями практического использования, учитывая возраст обучающихся;

этап 3 – практико-ориентированный – обусловлен на основе анализа выбором учителем информационных технологий для урока;

этап 4 – оценочно-рефлексивный – консультирование обучающихся, организация деятельности по самооценке;

этап 5 – презентативный – подготовка экспертов, проектирование презентации, организация диспута по обсуждению увиденного, организация самооценки.

Исходя из всего выше сказанного, мы разработали программу по использованию информационных технологий в начальной школе.

Цели программы: разъяснение идеи компетентностного подхода в обучении младшего школьника, совершенствование качества урока, усиление мотивации учения; развитие умения работать с информационными технологиями.

Задачи программы:

- 1) повысить эффективность обучения в школе за счет индивидуализации и использования дополнительной мотивации;
- 2) активизировать познавательную учебную деятельность;
- 3) акцентировать внимание на частично-поисковую, исследовательскую и проектную деятельность;
- 4) способствовать развитию интеллектуального потенциала школьника, за счет внедрения ИКТ.

Методика использования программы предполагает оптимизацию работы обучающихся; усовершенствование уровня подготовки обучающихся в области знаний.

Обозначим ключевые направления применения информационных технологий в обучении в начальных классах (табл. 1).

При изучении дисциплины «Технология» в начальных классах для развития информационно-коммуникативных умений следует использовать такие методы, как: метод проектов, метод информационного ресурса, игры, теории решения изобретательских задач.

Например, ученики четвертого класса выполняя проекты «Вышивка крестом», «Ловец снов» и т.д. используют Microsoft PowerPoint при поиске актуальной информации, оформлении работы и презентации.

В дидактике основным методом обучения считается метод информационного ресурса. Его преимущество заключается в том, что обучающийся может многократно работать с учебной информацией в доступной для него скорости и удобном времени. При этом задача учителя, применяющего метод информационных ресурсов, заключается в том, чтобы подобрать нужный ресурс и ориентировать школьников в них.

Развить информационные навыки у младших школьников особенно хорошо помогает игровая деятельность, которая может быть представлена в виде составления сообщения по теме «Бытовая техника» с опорой на ключевые слова в Microsoft Word, при этом не ориентируясь на помощь со стороны учителя [6].

Таблица 1. Методика применения информационных технологий на разных этапах урока

Этапы урока	Деятельность учителя	Деятельность обучающегося
Повторение пройденного материала	Онлайн-тестирование, опрос в гугл-форме	Выполнение задания на телефоне или компьютере
Ознакомление с новой темой	Подача нового материала посредством визуального представления; подача материала, который демонстрирует основные понятия темы; тренажеры; оценка усвоения школьниками темы; работа в сети Интернет; компьютерные программы, направленные на углубленное изучение темы	Ознакомление с новой темой на основе видеоматериала, презентаций, схем, диаграмм, выполнение заданий письменно в тетради и в сети
Тренировочные задания	Образовательные платформы «Дневник.ру», «Учи.ру»	Выполнение заданий в онлайн и в письменной форме
Закрепление нового материала	Опрос, беседа, демонстрация тезисного материала по пройденной теме	Устные ответы, ответы на тестирование
Проверка знаний	Подготовка онлайн теста, кроссворда, самостоятельной работы	Выполнение задания по требованию учителя
Рефлексия	Опрос в гугл-форме на выявление сложных и легких моментов урока	Ответы на опрос
Домашнее задание	Дифференцированное задание на основе индивидуальных возможностей каждого обучающегося	Выполняют задание по выбору: – подготовить презентацию по пройденной теме; – подготовить видеосюжет по пройденной теме; – ответить на вопросы по пройденной теме (онлайн тест). Ответы необходимо прислать по почте

Сегодня в сети Интернет находится масса ресурсов для работы с информацией, используемых на уроках технологии в четвертых классах: PowToon – создание мультимедиа презентаций; Tagxedo, Word It Out – создание облака слов; Mindomo – создание ментальных карт.

В соответствии с требованиями ФГОС НОО, владение информационными и коммуникационными технологиями включено в метапредметные результаты обучения и тесно связано с информационной культурой и вопросами духовно-нравственного компонента образования как учащихся, так и преподавателей.

С целью определения ее сформированности мы провели исследование среди учителей начальных классов и младших школьников. Исследования проходили в МБОУ г. Москвы «Первый Московский кадетский корпус». В опытно-экспериментальной работе участвовало 30 обучающихся 4 «А» класса и 20 учителей начальной школы.

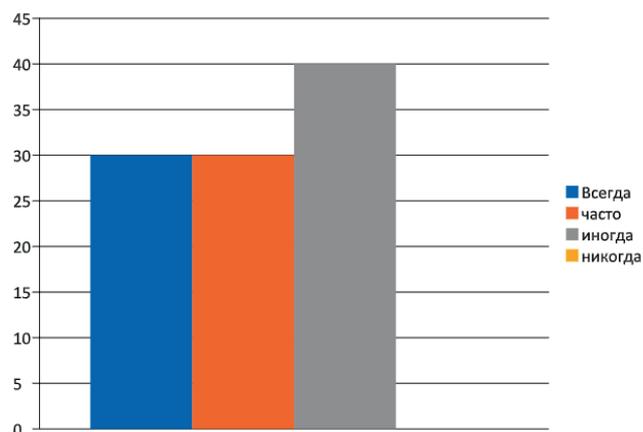

Рис. 1. Степень использования информационных технологий в образовательном процессе в начальной школе

По результатам которого нами выявлено, что все учителя активно применяют информационные технологии при подготовке и проведении уроков и используют сред-

ства информационных технологий во время прохождения новой темы, закрепления пройденного материала, проведении контроля усвоения темы. Однако степень активности существенно различается. Его результаты представлены на рисунке 1.

Далее мы опросили младших школьников и выявили, что многие обучающиеся в поисках информации и подготовке к урокам начали применять компьютер либо телефон (рис. 2). Большинство обучающихся умеют работать в программе Excel, Word, PowerPoint, делают презентации, видеосюжеты в компьютере, выполняют онлайн-тесты. Важно отметить, что всем обучающимся нравятся уроки с применением информационных технологий.

Рис. 2. ИКТ-компетентность школьников

Дальнейший опрос показал, что все педагоги осуществляют поиск и подбор дополнительной информации для подготовки к занятиям с использованием интернет-ресурсов и ведут электронный журнал (100%), многие из них (80%) используют во время изучения новой темы презентации, используют интернет для самообразования, имеют свой сайт (80%). Однако некоторые преподаватели высказались в пользу традиционных уроков

и объяснили это неготовностью организовывать обучение с помощью информационных технологий (10% опрошенных).

Оценка использования информационных технологий среди педагогов представлена на рисунке 3.

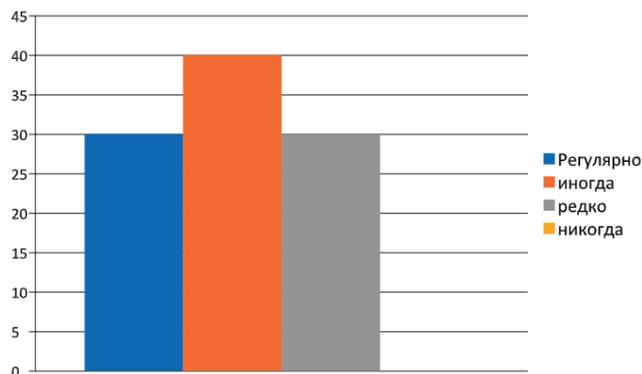

Рис. 3. Оценка использования информационных технологий

Таким образом, формирование ИКТ-компетенций в начальной школе сегодня происходит во всех предметных областях на метапредметных результатах обучения. В основном средства ИКТ применяются в дидактических и методических аспектах организации и проведения уроков, внеклассных мероприятиях, разработке педагогических программ и рекомендаций.

Особую значимость для формирования информационной культуры представляет младший школьный возраст. По причине того, что именно в этот период происходит активизация развития познавательных способностей, развитие содержательных обобщений и понятий, мировоззренческих взглядов. Поэтому формировать основы информационной культуры, и, соответственно, развивать информационную грамотность, т.е. умения работать с информационными технологиями, необходимо в период обучения ребенка в начальной школе.

Целью, разработанной нами программы, была эффективность оценки применения информационных технологий в образовательном процессе (на примере уроков в начальных классах) среди обучающихся 4 «А» класса.

На основе проведенного опроса сделали вывод, что все учителя используют информационные технологии при подготовке и проведении урока. Все учителя ведут электронный журнал (100%). Также многие педагоги используют интернет для самообразования (80%). Однако мало у кого из преподавателей имеется свой сайт (20%).

Как итог, в ходе нашего исследования было выявлено то, что разнообразные регулярные практические работы, выполняемые на компьютерах школьниками идут на пользу, они очень быстро осваивают информационные компетенции, учатся новым информационным навыкам.

При использовании в учебном процессе информационных технологий весь процесс обучения делается эффективным, если при этом сам педагог будет компетентен в данной области и будет учитывать возрастные и психологические особенности детей.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2001 № 1756-р. О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года.
2. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ: [принят Го-

сударственной Думой 8 июля 2006 года: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года]. – Москва, Кремль, 2006.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования от 31.05.2021 № 286 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» [сайт] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/>, свободный доступ (дата обращения: 04.05.2022).
4. В. А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина//Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 576 с.
5. Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицына//Академический вестник Института образования взрослых Российской Академии образования// Человек и образование № 2.52006 г. // Перспективы развития педагогического образования: компетентностный подход. 2006. 8 с.
6. Шутенко В.А. статья «Применение метода информационного ресурса в образовательном процессе» от 04.04.2010// «Pedsovet.su» [Электронный ресурс] URL: <https://pedsovet.su/publ/164-1-0-840>.

THE USE OF INFORMATION TRAINING TECHNOLOGIES IN THE COMPETENCE FORMAT

Marchenko A.A., Evdokimova E.V.

State University of Education

The national report of the Russian Federation at the II International Congress of UNESCO identified one of the main mechanisms for reforming the education system – its informatization. Lessons with the use of information technology are becoming familiar for younger students, and for teachers – the norm of work. They are one of the main results of work in the practice of a primary school teacher. The use of information technologies in the educational process of primary school allows you to develop logical thinking, strengthen the creative direction of the educational process.

Keywords: information technology, innovative approach, competence approach, digital technology, information and communication skills, formation of information culture, junior high school student.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated 29.12.2001 № 1756-R. On the Concept of modernization of Russian education for the period up to 2010.
2. The Russian Federation. Laws. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ: [adopted by the State Duma on July 8, 2006; approved by the Federation Council on July 14, 2006]. – Moscow, Kremlin, 2006.
3. Federal state educational standard of primary general education No. 286 dated 05/31/2021 [Electronic resource] // Information and legal portal "Garant.<url>" [website] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/>, free access (accessed: 04.05.2022).
4. V.A. Slashtenin, I.F. Isaev, E.N. Shiyonov; Edited by V.A. Slashtenin//Textbook for students. higher. ped. studies. institutions / – Moscow: Publishing Center "Academy", 2013. – 576 p.
5. N.F. Radionova, A.P. Tryapitsyna//Academic Bulletin of the Institute of Adult Education of the Russian Academy of Education// Man and education No.2.52006// Prospects for the development of pedagogical education: a competence-based approach. 2006. 8 p.
6. Shutenko V.A. article "Application of the information resource method in the educational process" dated 04.04.2010// "Pedsovet.su" [Electronic resource] URL: <https://pedsovet.su/publ/164-1-0-840>.

Национальный характер как феномен в западной научной мысли

Губанов Вячеслав Михайлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной безопасности, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
E-mail: lotrec47@ya.ru

Сметанкина Людмила Васильевна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГКВООУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного» МО РФ
E-mail: lsmetankina.umo@mail.ru

В процессе формирования наций в их структуре возникают духовные образования, которые выражаются такими понятиями, как «национальное сознание», «национальное самосознание», «национальная психология», «национальный характер» и пр. Отметим, важнейшая роль здесь принадлежит национальному самосознанию – осознанию представителями той или иной нации принадлежности к ней. В отличие от национального сознания, предполагающего знание о своей нации и о других национальных общностях, это понятие подразумевает прежде всего представление о своей нации.

Важным признаком национального самосознания является национальный характер. Этот феномен несмотря на достаточную наглядность и, в то же время, противоречивость нашел отражение в научных исследованиях. Авторы статьи отмечают, что изучение национального характера в современных западных научных исследованиях сводится в основном к рассмотрению национальной культуры с психологической точки зрения.

Ключевые слова: самосознание, национальный характер, этнос, национальная культура.

В процессе формирования наций в их структуре возникают духовные образования, которые выражаются такими понятиями, как «национальное сознание», «национальное самосознание», «национальная психология», «национальный характер» и пр. Отметим, важнейшая роль здесь принадлежит национальному самосознанию – осознанию представителями той или иной нации принадлежности к ней. В отличие от национального сознания, предполагающего знание о своей нации и о других национальных общностях, это понятие подразумевает прежде всего представление о своей нации.

Национальные общности принадлежат к объединениям людей, для которых самосознание – компонент, без которого нация не существует. Это позволяет утверждать, что именно национальное самосознание, а не национальное сознание является отличительным компонентом нации. Суждения о свойствах своей нации и на уровне личности, и на уровне общности связаны с представлениями о характерных чертах других наций и их представлений. Поэтому одним из важных признаков национального самосознания является национальный характер. Он, с одной стороны, достаточно нагляден, с другой – весьма противоречив, что порождает сомнения в возможности изучения данного феномена. Однако современная научная мысль все больше склоняется к тому, что изучение национального характера, несмотря на всю его сложность и противоречивость, возможно. Это подтверждается результатами научных исследований, литературой по данной проблеме.

Кроме того, необходимо отметить, что на сегодняшний день не представляется возможным выделить какое-то единое направление изучения национального характера. Исследования проводятся в различных контекстах и с разных концептуально-теоретических позиций. Это обусловлено различной идейно-политической направленностью исследователей, что порой превращает выводы по данной проблеме в аргументы социально-политических дискуссий, так как любые эмпирические и теоретические результаты могут быть использованы в политической практике националистами и расистами. В этом проявляется политическая ограниченность рассмотрения национального характера. Одни авторы пытаются найти однозначно заданные, индивидуально наследуемые черты национального характера, разделяющие человечество на жестко фиксированные и противостоящие друг другу национально-этнические группы. Другие утверждают, что категория «национальный характер» является фикцией, гипотезой, которая лишена научного содержания, исключительно идеологическая, следовательно, ненаучная. Авторы, избегающие крайностей ученые полагают, что это понятие имеет научную значимость, хоть и ограниченную в силу вышеназванных причин и методологических трудностей в его эмпирическом изучении.

Влияние этнических особенностей на быт и культуру народов, жизнедеятельность людей вызывали интерес ученых еще в древности. Геродот, Гиппократ, Страбон, Платон, Тацит и другие связывали их наличие с климатическими условиями разных географических сред [1, с. 25].

Повышенное внимание к этническим проблемам проявляется в середине XVIII в., это связано с развитием

общественных отношений, ростом экономики, усилившимися внутринациональными связями, укреплявшими политическую, национальную самостоятельность народов. Наряду с этим приобретают отчетливые черты национальная психология, национальная культура и специфика образа жизни. Все это нашло отражение в науке.

Общеметодологический подход к сущности этнических различий по духу в тот период наиболее полно выразил Ш. Монтескье. Подобно мыслителям Древнего мира, он считал, что географическая среда является первоосновой духовной жизни народа, социально-политических отношений [2, с. 412]. Иначе подходил к причинам формирования характера народа К.А. Гельвеций, он видел их в эволюции политического строя, отрицая влияние географической среды [3, с. 182]. Интересной является точка зрения по данному вопросу Д. Юма. Национальный характер, по его мнению, основой формирования национального характера является духовное сближение профессиональных групп общества, экономических и политических закономерностей. Объявление социальных отношений основой формирования характера народа означало признание его историчности, что весьма важно в методологическом плане для дальнейшего исследования этих проблем [4, с. 703, 712].

Важная роль в развитии науки об этносах принадлежит И. Канту и Г. Гегелю – представителям немецкой классической философии XVIII – первой половины XIX вв. Заслуга в определении понятий «народ», «нация», «характер народа» принадлежит И. Канту. Исследуя национальный характер, он попытался провести сравнительный анализ характеров европейских народов, это значительно расширило знание о народах [5, с. 565–570]. Вклад в исследование характера наций внес и Г. Гегель. Его подход к проблеме имеет существенное противоречие. С одной стороны, Гегель расценивал национальный характер как явление социальное, детерминированное природными, географическими факторами, с другой – как абстрактный дух, оторванный от объективной основы жизни народа, имеющий всеобщий характер и являющийся ступенью развития мирового духа. Именно дух народа создает окружающий мир, культуру, религию, обычаи, определяет государственное устройство, законы и поведение людей, лежит в основе деятельности народа, влияет на его судьбу, историю и т.д. При этом Гегель утверждал, что носителями духа, играющими всемирно-историческую роль, могут быть далеко не все народы [6, с. 59–73]. Эта идеалистическая трактовка национального характера и учения о народном духе повлияла на более поздние концепции становления и развития народов.

Во второй половине XIX в. среди ученых в этой области широкое распространение получает этническая психология. Значимый вклад в ее развитие внесли Х. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт, Г. Лебон и др. Выстроить систему народной психологии впервые попытались Х. Штейнталь, М. Лацарус. По мнению ученых, она должна была заниматься познанием психологического содержания народного духа и его деятельности; открывать законы совершения внутренней духовной деятельности народа; выявлять условия возникновения, развития и исчезновения представителей того или иного народа. Х. Штейнталь, М. Лацарус идеализировали народный дух, игнорировали влияние на него объективных, социальных факторов, вследствие чего народный дух предстал внеисторическим образованием субстанционального характера, определяющим весь духовно-исторический процесс [1, с. 11–12].

Самой разработанной в этот период стала этнополитическая концепция немецкого ученого В. Вундта. Его

работы по психологии народов легли в основу психологических исследований больших социальных групп. Вундт предлагал исследовать народный дух, используя метод анализа конкретно-исторических продуктов народов: языка, мифов, обычаев, т.к. они представляют основные области народной психологии. Вклад ученого в становление этнопсихологии оказал серьезное влияние на развитие исследований в этой области [1, с. 13–32].

Одним из приверженцев направления народной психологии является французский исследователь Г. Лебон. Цель этнопсихологии он видел в описании душевного строя исторических рас и определении зависимости от него истории и цивилизации народа. Ученый считал, что в структуре души разных народов и рас существуют так много различий, что невозможно говорить о каком-либо их равенстве. Это, по сути, стало апологией колониализма и расизма, т.к. к высшим народам Лебон относил только европейцев [7, с. 9–142].

В начале XX в. на стыке этнографии и социологии возникла этносоциология, развивавшаяся по двум основным направлениям. Первое было ориентировано на изучение этнических процессов в различных группах. Второе анализировало воздействие фактора этничности на частные и общие социальные процессы. Первыми этносоциальными исследованиями стали работы У. Томаса и Ф. Знанецкого, а также классический труд У. Уайта [8, с. 4–5].

Таким образом, из краткого экскурса истории вопроса можно сделать вывод: проблема духовного своеобразия народов исследовалась мыслителями разных эпох, были накоплены научные знания об этносах и сформированы представления о национальном характере как научной категории.

Методологическое и теоретическое значение в изучении национального характера имеют подходы современных западных исследователей. В основном этой проблемой по-прежнему занимаются этнопсихологи. Являясь междисциплинарной областью знаний, современная этнопсихология включает в себя элементы антропологии, этнографии, социологии, биологии, психиатрии и пр., что, в свою очередь, отражается на способах анализа и интерпретации эмпирических данных. Существующая диспропорция между эмпирическими и теоретическими знаниями в пользу первых обусловлена чрезвычайно широким диапазоном школ и направлений исследований.

Фактически начало современным научным исследованиям национальных различий людей положила американская историческая школа, основанная Ф. Боасом в первой четверти XX в. Его преемники Р. Бенедикт, М. Мид и др. в 20-е гг. разработали направление «культура и личность», в его контексте изучался национальный характер. Позже Ф. Хсю предложил переименовать это направление в психологическую антропологию. В общем же анализ важных направлений современных западных этнопсихологических исследований показывает, что они в основном связаны с модификацией типов психологических теорий (теоретических ориентаций), строящихся на метатеоретических основах разных философских систем (экзистенциализма, неопозитивизма, необихевиоризма и пр.). Их роль просматривается в разном понимании человека, культуры, отношения к бессознательному, объяснении механизмов активности личности [9, с. 5–21].

Основные результаты исследований западных ученых позволяют выделить ряд подходов к изучению национального характера [10, с. 44–46].

Во-первых, традиционный взгляд на национальный характер можно назвать бытовым. Он предполагает, что все люди, принадлежащие к одному народу, по некоторым признакам сходны между собой, по ним же отличаются от других народов. Причем приписываемые им особенности обусловлены общей национальной принадлежностью, их можно описать. Эта трактовка, как показывает действительность, весьма неопределенна, в научном отношении неудовлетворительна.

Во-вторых, национальный характер рассматривается как атрибут «модальной личности». А. Инкельс, Д. Левинсон полагают, что национальный характер под стать довольно прочно сохранившимся чертам личности по типам, для взрослых членов общества они (черты) являются модальными (основными). Исходя из этого, модальной личностью является тип, который в наибольшей мере характеризует взрослых членов общества, а национальный характер увязывается с частотой распространения данного типа в обществе. Такой подход требует серьезных статистических исследований, но основная сложность состоит здесь в выборе показателей модальности, что снижает научную и практическую его значимость. Поэтому данная концепция потерпела неудачу, т.к. из-за отсутствия ясных показателей модальности оказалось практически невозможным доказать, что какая-либо нация обладает национальным характером.

В-третьих, имеет место его трактовка А. Кардинера, Р. Линтона через понятие «базовая личность». В отличие от предыдущего, этот подход акцентирует внимание не на обществе в целом, а на культуре и носит не статистический, а описательный характер, основываясь на представлении о коренных различиях в личности, возникающих под влиянием различной культурной среды. Этот подход также не может полностью удовлетворить требованиям объективного научного исследования национального характера.

В-четвертых, это концепция «социальной личности» А. Инкельса, исходящая из общности системы представлений у членов одного этноса, связанной с тем, что в явлениях культуры и ролевой функции этнических общностей заключены черты их внутреннего сходства и внешних отличий. Но и этот подход ограничен, т.к. сужает суть национального характера до системы установок, ценностей и верований, что также снижает его научное и практическое значение.

В-пятых, в исследовании национального характера применяется этнографический метод, который исходит не из психологического изучения людей, а использует наблюдаемые коллективные проявления (обычаи, обряды, ритуалы и пр.), типы взаимодействия представителей одной общности, выполнения ролевых функций, соблюдения правил и табу в родственных отношениях и т.д. Он также не лишен слабых сторон, потому что чреват субъективистскими обобщениями из-за отсутствия количественных методов анализа.

И наконец, национальный характер изучается на основе выявления особенностей культурного творчества народа. Именно на восприятии русского классического романа XIX в. сложилось европейское представление о русском характере. Но все-таки и этот подход не совсем удачен, т.к. отражает лишь мироощущение элиты народа, интеллектуальную рефлексии, мифологизируя подлинные черты других представителей этнической общности.

Таким образом, изучение национального характера в современных западных научных исследованиях сводится в основном к рассмотрению национальной культуры с психологической точки зрения. Причем здесь можно выделить два подхода: психологический (личностно-

центрированный) – изучает поведенческие характеристики культуры (национально-психологическую структуру протекания психических процессов, адаптивных механизмов, эмоциональных установок, общественных институтов и институциональное поведение, фольклор, ритуалы и т.д.); культурологический (культуроцентрированный), исследует нормы и ценности, т.е. представления о мире, характерные для той или иной культуры. Первый подход предполагает использование в научных исследованиях эмпирических и психоаналитических методов, а второй – количественных и экспериментальных. При этом современные исследования западных этнопсихологов сильно опосредуются особенностями таких наук, как социальная география и ландшафтоведение, биология и физиология, этнология и этология, социология и политология. Методологические принципы и методы исследований вышеперечисленных наук проникают в этническую науку.

Литература

1. Саракуев Э.А. Введение в этнопсихологию: Учеб.-метод. Пособие для студентов / Саракуев Э.А., Крысько В.Г. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 343 с.
2. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
3. Гельвеций К.А. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – 688 с.
4. Юм Д. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 799 с.
5. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1964. – 611 с.
6. Гегель Г. Энциклопедия философских наук в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.
8. Сикевич З.В. Русские: «образ» народа. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 152 с.
9. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: (Опыт разработ. теорет. основ этнопсихологии и их применения к анализу ист. и этногр. Материала). – СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. – 286.
10. Сикевич З.В. Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1994. – 176 с.

NATIONAL CHARACTER AS A PHENOMENON IN WESTERN SCIENTIFIC THOUGHT

Gubanov V.M., Smetankina L.V.

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Military Orders of Zhukov and Lenin Red Banner Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny

In the process of the formation of nations, spiritual formations arise in their structure, which are expressed by such concepts as “national consciousness”, “national self-consciousness”, “national psychology”, “national character”, etc. belonging to one or another nation. Unlike national consciousness, which implies knowledge about one's own nation and other national communities, this concept implies, first of all, an idea of one's own nation.

An important sign of national identity is the national character. This phenomenon, despite its sufficient visibility and, at the same time, inconsistency, has been reflected in scientific research. The authors of the article note that the study of national character in modern Western scientific research is mainly reduced to the consideration of national culture from a psychological point of view.

Keywords: self-consciousness, national character, ethnicity, national culture.

References

1. Sarakuev E.A. Introduction to ethnopsychology: Textbook-method. A manual for students / Sarakuev E.A., Krysko V.G. – M.: In-t pract. psychology, 1996. – 343 p.
2. Montesquieu Sh. Selected works. – M.: Gospolitizdat, 1955. – 800 p.
3. Helvetsy K.A. Works in 2 volumes. T. 2. – M.: Thought, 1974. – 688 p.
4. Hume D. Works in 2 volumes. T. 2. – M.: Thought, 1996. – 799 p.
5. Kant I. Works in 6 volumes. T. 2. – M.: Thought, 1964. – 611 p.
6. Hegel G. Encyclopedia of Philosophical Sciences in 3 volumes. T. 3. – M.: Thought, 1977. – 471 p.
7. Lebon G. Psychology of peoples and masses. – M.: AST, 2017. – 320 p.
8. Sikevich Z.V. Russians: "image" of the people. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1996. – 152 p.
9. Lurie S.V. Metamorphoses of traditional consciousness: (Experience of developing the theoretical foundations of ethnopsychology and their application to the analysis of historical and ethnographic material). – St. Petersburg: Type. them. Kotlyakova, 1994. – 286.
10. Sikevich Z.V. Ethnosociology: national relations and international conflicts. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1994. – 176 p.

Фэн Шидэ,

аспирант, Институт Дальнего Востока, Российская академия наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)
E-mail: 373845357@qq.com

Китай имеет наибольшее население и трудовые ресурсы в мире, а полная занятость является основой социальной стабильности и развития в Китае. В данной статье содержатся особенности и тенденции анализа будущих политик занятости населения в Китае. В работе используются количественный и качественный методы. В начале политики занятости населения были более независимыми, затем они постепенно интегрировались в систему макроэкономического управления для поддержки социального развития. Политика занятости населения эволюционировала от рекомендаций на национальном уровне до исполнительных указов и законов в действии. В то же время политика занятости теперь поддерживает сферу услуг и предпринимательство. Кроме того, она будет уделять больше внимания применению человеческого капитала с высшим образованием.

Ключевые слова: политики занятости населения, Китай, особенности.

Введение

Китай имеет наибольший трудовой ресурс в мире, и то, как распределить этот масштаб труда, критично для китайского общества. Труд ранее был ключом к успеху китайской экономики, но ситуация изменилась за последние 20 лет. Политика контроля рождаемости привела к изменению демографической тенденции. После 40 лет экономических реформ демографическая структура сильно изменилась, проблема старения вызывает нехватку рабочей силы. Поэтому политика занятости населения в ближайшие десятилетия очень важна.

Политика занятости населения в Китае направлена на повышение уровня занятости населения и поддержание стабильности общества. В 14-м пятилетнем плане политика занятости населения будет более гибкой, так как будет оптимизироваться промышленная структура.

В ВВП Китая в 2021 году доля первичного сектора составляет 7,3%, вторичного сектора – 39,4%, и третичного сектора – 53,3%. Вторичный сектор Китая представляет большое количество рабочих мест, а доля третичного сектора постепенно увеличивается, что позволяет продолжать поддерживать уровень занятости. Новая политика в отношении населения также начала стимулировать рост населения, увеличивать коэффициент зависимости, снижать фискальное давление и поддерживать экономическое развитие. Таким образом, текущая политика занятости населения является важным углом зрения для анализа китайского общества и развития.

Текущие исследования, в основном, посвящены самой политике занятости населения. Данная статья намерена обратить внимание не только на политики, но и на модель развития политик занятости населения, чтобы выявить особенности политик занятости населения в Китае. Статья будет начинаться с анализа текущего состояния политик занятости населения, представлять особенности политик занятости

Современная политика занятости населения в Китае

Глобальная экономика начала рецессию после катастрофического глобального финансового кризиса в 2008 году. Экспортно-ориентированная экономика Китая также сильно пострадала, и в 2009 году в Китае была довольно высокая безработица, поскольку большинство экспортируемых товаров являются продукцией трудоемких отраслей промышленности. Рецессия привела к снижению глобального спроса, и китайское правительство оперативно расширило внутренний спрос и приняло экспансионистскую фискальную политику, что позволило экономике быстро подняться.

Экономическое восстановление создало большое количество рабочих мест. Спрос на рабочую силу в стране расширился, и из-за резкого снижения рождаемости оставшийся избыточный труд в сельских районах Китая сократился, что приведет к нехватке рабочей силы в будущем. Предложение и спрос на рабочую силу в 70 крупных городах Китая в основном сравнялись в 2010 году и больше не превышают спроса, как это было до 2010 года. Демографический бонус Китая исчерпан, и в 2011 году доля лиц старше 65 лет в общей численности населе-

ния увеличилась до 9%, началось старение населения. Эти проблемы привлекли внимание не только ученых и правительства, но также и общественности, которая также обеспокоена этой плохой тенденцией, и Китай ищет определенные изменения в политике.

Что касается политики занятости населения, с одной стороны, укрепляется легализация рынка труда, и система трудового договора постепенно внедряется. С другой стороны, столкнувшись с растущим давлением на занятость населения, правительство может непрерывно расширять каналы занятости населения различными политиками, увеличивая спрос на рабочую силу в обществе.

Цели политики в области занятости

Политика демографии в Китае существует с самого возникновения китайской цивилизации. Во время Китайской империи политика занятости населения была важной для налогообложения и формирования резерва рабочей силы. В некоторые периоды контрольная политика была очень строгой, был установлен обязательный возраст для брака.

Основная цель – полная занятость, которая эффективно распределяет изобилие трудовых ресурсов в Китае. Политика занятости нацелена на поддержание социальной стабильности и гарантирование того, что большинство граждан сможет получать заработок для обеспечения своего проживания. Политика занятости является важной частью политики макроэкономического управления, она перераспределяет трудовой капитал с различных точек зрения и стабилизирует промышленную структуру. Политика занятости является ключевой частью развития Китая.

Функции

Центральное правительство начало связывать отношения между экономическим развитием и структурой занятости, стимулируя занятость через развитие отраслей и предпринимательство.

Китай принимает активную политику занятости и установил политику занятости, основанную на «самостоятельном поиске работы работниками, регулировании рынка труда и поддержке правительства в создании рабочих мест».

Правительство расширяет занятость с развитием экономики. Правительство всегда будет считать стимулирование занятости стратегической задачей национального экономического и социального развития. Достижение контроля уровня безработицы и увеличение занятости являются основной целью макроэкономического управления. Политика занятости интегрирована в план национального экономического и социального развития, придерживается политики расширения внутреннего спроса, осуществляет активную фискальную политику и стабильную валютную политику, поддерживает устойчивое и быстрое развитие национальной экономики, а также активно корректирует экономическую структуру, повышая способность экономики к росту занятости.

Центральное правительство начало связывать отношение между экономической структурой и занятостью.

Правительство развивает и улучшает систему общественных услуг для реализации политики занятости населения.

С конца 1990-х годов китайское правительство приложило большие усилия для научного, стандартизированного и современного развития рынка труда и создало систему общественных служб занятости. В настоящее время в больших и средних городах, а также в некото-

рых небольших городах с соответствующими условиями, на городском и районном уровнях созданы комплексные службы общественных служб занятости, а также рабочие площадки в районах и сообществах, и улучшена сеть базовых организаций служб занят

Анализ тенденций и потенциальное решение

Как показывает рис. 1, согласно текущему тренду, уровень безработицы в Китае будет постепенно снижаться в будущем после пандемии, и, согласно результатам модели ARIMA, он вернется к 5%.

Рис. 1. Прогноз уровня безработицы (%) (1978–2025 гг.)

Правительственная политика занятости направлена на активное создание рабочих мест и поощрение предпринимательства. Согласно модели, по мере роста экономики рабочие места будут продолжать увеличиваться. Во время пятнадцатого пятилетнего плана спрос на рабочую силу будет продолжать расти, и Ли Кэцян сказал, что трудоспособное население Китая составит 900 миллионов человек. Согласно прогнозу Института демографии и трудовой экономики Китайской академии наук, рабочий возраст населения составляет около 960 миллионов человек. На стороне спроса текущая рабочая сила составляет около 700–800 миллионов человек, и к 2025 году Китаю понадобится 783 миллиона рабочих, и за вычетом нормального безработного населения ситуация с занятостью остается серьезной. Нестабильная международная ситуация с инфекционными заболеваниями в мире повлияет на спрос на занятость в Китае и сократит большое количество рабочих мест, поэтому ситуация с занятостью в Китае является серьезной. В 2021 году к городской рабочей силе будет добавлено около 15 миллионов новых работников, при этом большая часть населения вступит в городскую занятость.

Существует множество агентств, способствующих занятости, таких как Китайский центр по стимулированию занятости, Государственный рынок труда и Центр по обеспечению занятости. Помимо правительственных органов, компании, такие как интернет-компании, применяют цифровые платформы для более эффективной занятости в Китае.

Социалистическая правовая система Китая включает в себя создание законодательной системы в сфере системы

Правительство должно увеличить поддержку НИОКР со стороны негосударственных организаций, а также государство должно инвестировать в исследовательские проекты перспективных малых и средних предприятий через создание специальных фондов. Предприятия могут быстро привлекать средства, новые продукты могут

быть немедленно запущены в производство и поступить на рынок благодаря эффективной системе кредитования, что способствует потреблению и создает большое количество рабочих мест. Некоторые развитые страны начали эту практику очень рано, например, в Соединенных Штатах был принят Закон о развитии инноваций в сфере малого и среднего бизнеса в 1982 году для стимулирования НИОКР в сфере МСП. Французское правительство создало национальное агентство по стимулированию исследований в 1983 году.

Другим делением структуры занятости являются трудоемкие, технологические и капиталоемкие отрасли. В каждый период развития эти три отрасли находят баланс, соответствующий условиям графика. После экономических реформ Китай в основном сосредоточился на развитии трудоемких отраслей и одновременно разработал экспортно-ориентированную экономику, поглощая большое количество избыточной рабочей силы, освобожденной из первичной отрасли. После того, как Китай завершил накопление капитала, он начал постепенно развивать технологические отрасли. В то же время, после финансового кризиса, Китай также начал инвестировать в капиталоемкое развитие.

Правительство должно сосредоточиться на развитии технологических отраслей. Технологическое развитие является ключевым фактором в продвижении развития страны. Исторический прорыв в производительности происходит благодаря технологическим изменениям, например, промышленной революции.

Заключение

Политика занятости населения Китая разрабатывалась относительно самостоятельно и постепенно превратилась в часть системы макроэкономического управления для поддержки социального развития и имеет важное место в долгосрочной стратегии страны. Она развивалась от рекомендаций на национальном уровне до распоряжений исполнительной власти и затем до законов, ставших обязательствами граждан. При улучшении финансового состояния страны правительство создало множество государственных административных органов и НПО для реализации политики.

Политика занятости населения в Китае постепенно сместилась от плановой экономики с государственным распределением к смешанной системе, которая включает как ориентированные на рынок, так и государственно распределяемые системы, причем текущая политика склонна использовать ориентированные на рынок политики. В то же время политика занятости теперь поддерживает сферу услуг и предпринимательство. Кроме того, она будет уделять больше внимания применению человеческого капитала с высшим образованием.

Литература

1. Яо, Ф. (2021). «Анализ ситуации с занятостью и реформа политики в контексте новой экономической эпохи», *Сельская экономика и технологии*, том 32, № 04, стр. 182–183.
2. Янг, И., Ванг Й., и Хоу С. (2021). «Исследование по укреплению системы приоритетной политики занятости в период 14-го пятилетнего плана». *Макроэкономическое управление*, том 2, стр. 8–15.
3. Ин, М., Вэй Й. (2016). «Анализ эффекта активной политики занятости с китайскими особенностями: схема оценки», *Журнал Северо-восточного университета (издание по общественным наукам)*, том 18, № 3, стр. 288–295.

4. Чжу, Л. «Анализ проблем и стратегий предотвращения риска безработицы», *Talent Resource Development*, Vol. 1, pp. 50–53 (2021).
5. Сюй, М. «Исследование правительства Китая по содействию трудоустройству студентов колледжей», *Университет Яньань*, (2017). <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201801&filename=1017721481.nh&v=ecBOCbtTuXxfe05CRwB40AF4rdolKtNdw63AdF7QneVjpVvP2EsE10o0GbyyASa0>
6. Ван, Дж. «О влиянии экономического роста Китая на занятость», *Институт фискальной науки, Министерство финансов*, (2014).
7. Сун, Й. (2013). «Эмпирическое исследование эволюции и взаимосвязи между структурой промышленности и структурой занятости в Китае», *Университет Цзилинь*.
8. Ли, М. (2014). «Исследование старения населения и политики занятости для пожилых людей в Японии и Корее». *Цзилиньский университет*.
9. Хэ, С. (2014). «Исследование экономики занятости студентов колледжей в современном Китае». *Фуцзяньский нормальный университет*.
10. Танг, З. (2004). «Обзор исследований в области демографической политики в Китае в новую эпоху». *Журнал колледжа Хуайхуа (социальные науки)*, том 1, стр. 20–23.

FEATURES AND TRENDS OF CHINA'S EMPLOYMENT POLICY

Feng Shide

Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)

China has the largest population and labor force in the world, and full employment is the basis of social stability and development in China. This article contains features and trends in the analysis of future employment policies in China. The work uses quantitative and qualitative methods. At the beginning, the employment policies of the population were more independent, then they gradually integrated into the macroeconomic management system to support social development. Employment policy has evolved from recommendations at the national level to executive orders and laws in action. At the same time, employment policy now supports the service sector and entrepreneurship. In addition, it will pay more attention to the application of human capital with higher education.

Keywords: employment policy, China, features.

References

1. Yao, F. (2021). "Employment Analysis and Policy Reform in the Context of the New Economic Era," *Rural Economics and Technology*, Vol. 32, No. 04, pp. 182–183.
2. Yang, Y., Wang Y., and Hou S. (2021). "Study on Strengthening the Employment Priority Policy System in the Period of the 14th Five-Year Plan." *Macroeconomic Management*, Volume 2, pp. 8–15.
3. Ying, M., Wei Y. (2016). "Effect Analysis of Active Employment Policies with Chinese Characteristics: An Evaluation Scheme," *Journal of Northeastern University (Social Science Edition)*, Vol. 18, No. 3, pp. 288–295.
4. Zhu, L. "Problem Analysis and Unemployment Risk Prevention Strategies", *Talent Resource Development*, Vol. 1, pp. 50–53 (2021).
5. Xu, M. "Chinese Government Study on College Student Employment Promotion", *Yan'an University*, (2017). <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201801&filename=1017721481.nh&v=ecBOCbtTuXxfe05CRwB40AF4rdolKtNdw63AdF7QneVjpVvP2EsE10o0GbyyASa0>
6. Wang, J. "On the Impact of China's Economic Growth on Employment", *Institute of Fiscal Science, Ministry of Finance*, (2014).

7. Sun, Y. (2013). "Empirical Study of the Evolution and Relationship between Industrial Structure and Employment Structure in China", Jilin University.
8. Lee, M. (2014). "A Study of Population Aging and Employment Policies for the Elderly in Japan and Korea". Jilin University.
9. He, S. (2014). "A Study of the Economics of Employment of College Students in Modern China". Fujian Normal University.
10. Tang, Z. (2004). "Review of Population Policy Research in China in the New Era". Huaihua College Journal (Social Sciences), Volume 1, pp. 20–23.

Влияние социального пространства на формирование социокультурных качеств личности

Савостьянов Иван Владимирович,

аспирант Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ivan.savostianow@gmail.com

Проблема формирования социокультурных качеств у личности в современном мире становится особенно актуальной в связи с развитием технологий и увеличения влияния на личность со стороны различных социальных групп. Данная проблематика нашла свое отражение не только в научной, но и в политической среде. А потому ключевой проблемой становится выделение тех свойств социального пространства, которые оказывают влияние на формирование личности и ее социокультурных качеств. Для решения данной проблемы автором были проанализированы основные подходы к пониманию социального пространства, уточнено понятие социального пространства и охарактеризованы свойства, а именно границы его структурных элементов, иерархичность и присущие каналы коммуникации. В результате проведенного анализа воздействия данных свойств на социокультурные качества личности делается вывод о том, что формирование социокультурных качеств личности и свойств социального пространства является взаимообусловленным.

Ключевые слова: социальное пространство, личность, ответственность, социальный статус, социокультурные качества, социальный круг.

Процесс становления личности, выработки у нее навыков взаимодействия в обществах, а также формирование социокультурных качеств, необходимых для занятия определенного места в этом и реализации этих полученных навыков в обществе является основной для сохранения любого общества. Однако на современном этапе развития российского общества данный вопрос был поставлен особенно остро. Значимость данного вопроса подчеркивает и отражение в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» целей и задач по сохранению социокультурных качеств, присущих личностям в социальном пространстве Российской Федерации. Так, в статье 17 данного указа отмечается наличие деструктивного влияния со стороны внешних сил на самобытность российского общества, а также основы его гражданской идентичности, что можно трактовать, как негативное влияние на саму личность и ее социокультурные качества. [1] Отмечает влияние на социокультурные качества и статья 91 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в которой отражена ответственность как одно из ключевых социокультурных качеств, свойственных гражданину Российской Федерации. [2] При этом, несмотря на важность понимания фундаментальных причин формирования именно конкретных и значимых в рамках данного общества социокультурных качеств личности, остается неразрешенной следующая методологическая проблема – а какие именно свойства социального пространства оказывают влияние на формирование социокультурных качеств личности и как именно эти свойства влияют на их формирования. Для ответа на данный вопрос необходимо разрешить следующие методологические задачи – выделить понятие социального пространства как пространства бытия современной личности, а также свойства этого пространства, которые влияют на формирование социокультурных качеств этой личности.

Отметим, что термин «социальное пространство» введен в социально-философский дискурс в начале XX. Одним из первых ученых, использовавших данную категорию, был П. Сорокин, который рассматривал социальное пространство как порядок размещения социальных групп в обществе и иерархическое размещение статусов в некоторых из этих групп. Основными составляющими социального пространства при этом выступают социальная структура и социальная стратификация. Социальная структура социального пространства характеризуется межгрупповой дифференциацией и включает в себя различные группы и социальные институты, представленные в обществе. Для изменения своего места в данном пространстве, личность прибегает к существующим в нем механизмам горизонтальной и вертикальной мобильности за счет социальных лифтов. В случае, если социальные лифты, созданные внутри данного социального пространства перегружены, возникает нарушение работы механизмов социальной мобильности, что вызывает революционную ситуацию внутри данного социального пространства. П. Сорокин также выделяет в ка-

честве элемента социального пространства социальные явления, представляющие собой взаимодействия личностей в данном пространстве, представленных в форме межличностных и межгрупповых социальных взаимоотношений, взятых в рамках определенного базиса. Уточняя через социальные явления понятие социального пространства, П. Сорокин пишет: «Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли... Определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета».[3, с. 298] В результате, социальное пространство можно охарактеризовать как формы взаимодействия личностей в рамках данного места и времени, или в качестве коммуникативных действий. При этом такое пространство будет иметь следующие особенности:

1. Сущность социального пространства – это результат взаимодействия личностей в заданной системе мест, при этом эта система мест определяется отношением личностей в этом пространстве.
2. Социальное пространство формулируется из социальных структур, называемых социальными стратами, между которыми личности могут осуществлять перемещение, существующее в форме вертикальной и горизонтальной мобильности.
3. Социальное пространство, представленное П. Сорокиным, способствует формированию у личности только тех социокультурных качеств, которые способствуют возникновению и развитию отношений в этом пространстве. К таковым качествам можно отнести, например, коммуникативность или открытость. А поскольку отношения представляют у П. Сорокина форму горизонтальных или вертикальных иерархий, свойство иерархичности становится основным при формировании социокультурных качеств личности.

Иную трактовку проблематики социального пространства и его влияния на социокультурные качества личности отмечал Г. Зиммель. Для Зиммеля социальное пространство – это пространство, которое было освоено личностью, в котором существует разделение на зоны действия и взаимодействия людей с очерченными границами. Ключевым аспектом его теории является понятие социальных кругов, в которые включена личность. Зиммель давал следующую характеристику социальным кругам: «Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, является, таким образом, одним из показателей высоты культуры, Если современный человек принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами; если он осознает себя гражданином своего государства, создает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, – офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, – то это является уже очень большим разнообразием групп».[4, с. 412–413] При этом социальные круги, в которых находится личность, могут отличаться друг от друга по форме, наполнению и типу окружения, а пространство внутри их границ существует на основе локальной связи. Существование данной связи возможно только при условии соблюдения входящими в эту организацию участниками определенных правил. Как утверждает в рамках собственного анализа работы Зиммеля Власюк Г. В. свобода и автономия в таких сообществах возможно толь-

ко при обозначении норм соучастия или правовых норм. [5, с. 371]

Анализируя подобные круги, Зиммель приходит к выводу о пользе их формирования в социальном пространстве для развития у личности социокультурного качества ответственности, поскольку круг представляет каждому отдельному члену только ограниченное поле для развития своих личных качеств и для свободной деятельности, при этом подструктуры этого элемента социального пространства обеспечивают высокую солидарность внутри него, что позволяет входящим в него личностям формировать собственную коммуникативность. [6, с. 23] При этом, формирование данного социокультурного качества позволяет личности существовать не только в рамках конкретного социального круга, но и выходить за его границы при возникновении интересов за пределами этого круга. Личности, осуществляющие собственную коммуникацию между кругами, формируют связи в социальном пространстве, что обуславливает развитие социального пространства. Это развитие, в свою очередь, предполагает как увеличение количества личностей, входящих в социальный круг, так и постановку новых задач и способов достижения солидарности, к которому могут прийти личности в результате развития круга. В результате, попадание новых личностей с иными социокультурными качествами и интересами при условии наличия у них коммуникативности способно, по мнению Зиммеля, сформировать новые социокультурные качества у других членов данного круга или трансформировать существующие. Другим способом создать социальный круг становится общность интересов и ценностей личностей, входящих в этот круг. Данный способ реализуется при выполнении этими личностями общей задачи при игнорировании некоторых индивидуальных особенностей. Фактически, происходит то, что в современном мире мы могли бы назвать присоединением, например, к спортивной команде или же к определенному сообществу, реализующему крупный проект. Устойчивость такого пространства тем выше, чем более высокие задачи стоят перед участвующими в нем личностями, однако оно способствует формированию личности с унифицированными в рамках текущего социального круга социокультурными качествами пока данный круг существует.

В противовес формированию крупных единообразных социальных пространств Зиммель обозначал и обратный процесс – индивидуализацию пространства. Данный феномен характеризуется стремление личности занять собственное место как в рамках конкретного социального круга, так в социальном пространстве в целом. Подобные нарушения в социальном пространстве приводят к тому, что личности становятся взаимозависимыми, как и их места в данном пространстве. Место личности при этом сохраняется только в том случае, если структура социального пространства сохраняет целостность. [6, с. 88] Таким образом, Зиммель подчеркивает, что социокультурные качества формируются как внутри границ социального круга, так и при переходе или расширении собственного социального круга, то есть при пересечении границ социального пространства. При этом каждая личность за счет стремления занять собственное место и постоянного комбинирования социальных кругов в ее социальном пространстве формирует заточенную вокруг определенной точки пространственную систему. И чем больше кругов образуется вокруг каждой личности, тем с меньшей вероятностью образуется иной социальный круг с такой же комбинацией личностей внутри него, и с тем меньшей вероятностью возможно пересечение данных кругов. [7, с. 387–388] Таким образом,

Зиммель подчеркивает уникальность каждого социального круга и социального пространства в целом.

Резюмируя подход Зиммеля, можно выделить следующие свойства социального пространства:

1. Социальное пространство как сущность представляет собой совокупность мест, в котором личность осуществляет свое взаимодействие в рамках существующей социальной структуры;
2. Социальная структура формируется из мест, занимаемых личностями в этом самом пространстве, совокупность мест личностей, объединенных по определенному признаку есть социальным кругом. Круг может формироваться как на основе общих интересов, так и, например, профессиональных и родственных связей. Устойчивость такого круга зависит от наличия общих целей. В рамках такого круга при этом с большей вероятностью возможно формирование социокультурных качеств личности, характерных именно для участников данного круга;
3. Ключевым фактором формирования социокультурных качеств личности становятся границы социального круга, которые пересекаются личностью при взаимодействии с другими личностями. При этом можно выделить социокультурные качества, такие как ответственность, а также, например, самобытность личности будут формироваться внутри границ социального круга, а такие как коммуникативность и открытость будут являться результатом пересечения данных границ.

В рамках современной российской академической науки социальное пространство и его свойства изучались В.Е. Кемеровым. Он подчеркивает, что воспроизведение социального пространства не является результатом движения объектов, а также деятельности технических механизмов, но является формой возобновления человеческих сил и сочетания человеческих деятельностей. [8, с. 166] Основной особенностью современного социального пространства Кемеров считает уплотнение контактов внутри него, в результате которого происходит расширение социального пространства, причем данное расширение охватывает все человечество. Такая трансформация была обусловлена формированием внутри социального пространства отдельного социального времени, поскольку оно позволяет сохранить устойчивость социальной формы взаимодействия людей и ее воспроизводимость, в то время как социальное пространство является своего рода движением в координации людей, средств и результатов их жизненного процесса. Ключевым компонентом социального времени личности становится психологическое время, поскольку оно ставит личность в центр системы отчета и рассматривает ее деятельность как основу для формирования собственных социокультурных качеств личности в рамках проектирования и моделирования бытия и выраженную в объективных личностных связях и предметностях. Психологическое время разделяется на внутреннее время, переживаемое и отраженное самой личностью и внешнее время событий, в которых реализуется в рамках последовательности взаимодействий личности с другими личностями. [9, с. 112–113] Таким образом, психологическое время и социальное время становятся отражением друг друга, что отражается как результат внутренних социокультурных качеств личности (ее психологическом времени) и результатах ее деятельности во внешнем социальном пространстве (ее социальном времени).

Отметим, что Кемеров не вводит эти понятия в антагонистическое противоречие, а использует в качестве элементов бытия личности в социальном пространстве.

В качестве такого элемента психологическое время, не теряя своих особенностей, также рассматривается и как составляющее времени социального. Реализуется это положения в двух основных направлениях – психологическое время замыкает социальное время внутри личности, а также становится возможны не только отображения и переживания личностью длительностью бытия, но и реализующееся во время проектирования и моделирования бытия, в том числе и в его внешних, объективных по отношению к личности связях и предметностях. Таким образом, психологическое время есть реализация социального времени внутри личности.

Другой отличительной чертой социального пространства у Кемерова становится получение личностью в нем социального статуса. При этом в рамках его трактовки социальный статус представляет не просто место личности в социальной иерархии, но те схемы поведения, функции и действий, которые реализуются личностью в ходе взаимодействия в обществе. [9, с. 112–113] Следовательно, социальный статус становится элементарной единицей социального пространства, выраженной в стремлении к сохранению устойчивости или постоянности этого пространства. Заметим, что в результате уплотнения контактов личности устойчивость ее социального статуса нарушается, поскольку увеличивается как количество претендентов на ее место при формировании и трансформации социальной иерархии, так и количество потенциальных мест, которые личность способна занять. В результате социальный статус также приобретает характер направления развития личности, поскольку он приобретает собственное социальное время в социальном пространстве. Наличие же этих компонентов позволяют личности, сохранять фактическую связь с ее социальным пространством за счет отражения и переживания событий, которые происходят как непосредственно с ней, так и в рамках внешнего, в том числе отдаленного окружения.

Таким образом, выделим следующие свойства социального пространства, характерные для социального пространства согласно подходу Кемерова:

1. Социальное пространство представляет собой воплощение результатов деятельности личности, реализуемое в рамках уплотнения контактов это личности в рамках современного мира. Такой подход предполагает, что одним из наиболее важных социокультурных качеств, формирующихся в социальном пространстве, становится коммуникативность, поскольку его формирование позволяет получить необходимый личности социальный статус в этом пространстве.
2. В результате уплотнения контактов в современном мире мы не можем выделить устойчивые границы социальных кругов, однако взамен их формируется единое социальное пространство взаимодействия всех личностей. В рамках этого единого пространства возникает два основных типа взаимосвязи между личностями – непосредственное взаимодействие между личностями и взаимодействие через использование инструментов дальней связи, когда личности не находятся непосредственно рядом с друг другом и не могут контактировать взаимодействие между собой. Это означает, что личности необходимо формировать такие социокультурные качества, которые были бы с одной стороны полезны в рамках всего глобального сообщества и позволяли ей отражать внутренние и внешние процессы в этом обществе, а с другой стороны – сохранить собственную самобытность и самобытность входящих в него социальных структур.

3. В тоже время сохранение социального времени и социального статуса позволяют сохранять границы как свойство социального пространства, поскольку именно они становятся реализацией тех социокультурных качеств, что сформировались у личности в рамках социального пространства.

В результате анализа работ вышепредставленных исследователей выделим единое определение социального пространства и его основные свойства. Так, социальное пространство определяется как результат деятельности личностей, локализованных вокруг образованного их социокультурными качествами центра в системе мест личности на выделенной протяженности с установленной иерархией. При этом не согласимся с Кемеровым, что такое пространство носит глобальный характер, поскольку даже несмотря на уплотнение личностных контактов в рамках современного мира, все эти контакты возможно локализовать в пределах ограниченного числа локальных групп с отдельными правилами взаимодействия между ними. Свойствами такого социального пространства можно считать – границы между структурными элементами данного пространства, иерархичность, определяющую положение личности в этом пространстве и отношения личностей внутри него и каналы коммуникации, которые позволяют личностям осуществлять взаимодействие.

Заметим, что данное определение не учитывает, что в социальных кругах устанавливаются единые правила взаимодействия, которые позволяют определять способность личности входить в этот социальный круг, а для их имплементации используются доступные данному социальному кругу ресурсы. Примером правил, которые устанавливаются в рамках конкретной социальной группы, могут быть законы, установленные для всех граждан конкретного государства, а ресурсами, которые оно использует для их внедрения – институты государственной власти, налоговые и иные сборы в его пользу, а также его финансовые операции. С учетом данного уточнения дополним выделенное определение социального пространства – это результат развития связей между входящими в него личностями, в результате которых осуществляется воплощение их совместной деятельности в системе мест, локализованных вокруг образованного их социокультурными качествами центра на основе правил поведения и использования ресурсов, а также выработанной иерархии взаимодействия.

Опираясь на данное определение, рассмотрим влияние свойств данного пространства на социокультурные качества личности. Для иллюстрации влияния рассмотрим уже упоминавшиеся в рамках данной статьи и выделенные в указах президента Российской Федерации социокультурные качества личности – самобытность и ответственность. Согласно определению, предложенному Кемеровым, самобытность – это способность личности существовать в условиях самоорганизующихся систем и сложных процессов бытия в обществе. Это социокультурное качество рассматривается ученым в противоположность отчужденности, то есть выделению себя из социального пространства. Данная противоположность обеспечивается за счет превращения личностью себя самой в вещественный и энергетический ресурс, природный материал, подобие которому существует во внешнем мире. Самобытность реализуется личностью, благодаря процессности, которая дает возможность человеку удерживать в единстве расслаивающиеся во времени и распадающиеся в пространстве моменты деятельности. и позволяет организовать отдельные объекты пространства в закрытую систему, в том числе и саму личность. [8] Заметим, что для ее формирова-

ния пространство, в котором существует личность, необходимо организовать в некоторый порядок, то есть создать для окружающего личность хаоса структуры с четкими границы. При этом данные границы соотносятся с количеством ресурсов, имеющихся у личности. В результате, формирование самобытности будет обусловлено с формированием границ социального пространства, в котором существует личность, что обнаруживает связь между самобытностью и автономностью, которую определяют как «уверенность в себе; самостоятельность мышления, деятельности, жизненной позиции». [10, с. 245] Рассматривая же самобытность в условиях построения общественной иерархии, можно сказать, что личность в ней будет занимать то место, занятие которого было обеспечено этим социокультурным качеством, при этом доступная для нее иерархия будет ограничена теми институтами, правилами и ресурсами, к которым у нее есть доступ. Это обусловлено во многом существующей в социальном пространстве субъективацией, определяемой как процесс, посредством которого личность получает субъективность, служащей одной из заданных возможностей для организации самосознания. [11, с. 309] Таким образом, самобытность позволяет создавать границы и иерархию в социальном пространстве ровно в той же степени, в которой формирование данного социокультурного качества обусловлено существованием этих свойств.

В свою очередь под ответственностью, по мнению российского социолога Г.В. Осипова, понимается социокультурное качество, выражающееся в принятии или возложении на себя личностью определенных обязательств, предъявление на этой основе требований к себе вкпе со способностью перенести санкции в случае невыполнения личностью своих обязательств. При формировании такого качества у личности вырабатывается собственная позиция по отношению к деятельности, в которой она участвует, а также актуализируются нормы и правила поведения, которым она следует. Осипов отмечает, что данное качество имеет четырехуровневую форму. На первом уровне личность, обладающая ответственностью способна понять свое место в системе общественных отношений, на втором уровне – осознавать необходимость признавать и соблюдать стихийно возникшие или установленные обществом нормы, на третьем уровне – осознавать последствия своих поступков для себя и для общества, и на четвертом уровне – быть готовым принять санкции в случае допущенных нарушений. [12] Исходя из приведенного определения, ответственность есть социокультурное качество личности, направленное на формирование и следование правилам, позволяющее занять определенное место в системе общественных отношений, характеризующееся готовностью личности к принятию санкций за нарушение этих правил. При этом ответственность обладает следующими особенностями:

1. Она задает изначальные границы социального пространства и существует только в рамках данных границ. В случае, если личность нарушит правила, установленные не в границах его социального пространства, ответственность за них не будет предполагаться, а потому расширение границ социального пространства расширяет и ответственность личности.
2. Ответственность личности вырабатывается в соответствии с той социальной ролью, которую занимает личность, поскольку чем выше ее место в социальной иерархии, тем значительнее последствия от решений этой личности для существования и целостности социального пространства и других личностей в нем.

3. У ответственности обнаруживается зависимость и от каналов коммуникации, поскольку санкции, которые могут быть применены к личности при непосредственном взаимодействии с ней не равноценны тем санкциям, которые наступают при взаимодействиях с использованием инструментов дальней связи. Примером формирования различного отношения к последствиям своего взаимодействия могут служить принципы чести, принятые в различных дворянских кругах европейских обществ и их контраст с современным общением в социальных сетях сети Интернет.

Таким образом, ответственность, как и самобытность, становятся социокультурными качествами личности, которые с одной стороны, формируют само социальное пространство вокруг личности, и наделяет его определенными свойствами, а с другой – формирование самих этих качеств зависит от того, какую возможность для этого им может предоставить это социальное пространство.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы относительно социального пространства и его влияния на социокультурные качества личности:

1. Социальное пространство становится результатом развития связей между входящими в него личностями, в результате которых осуществляется воплощение их совместной деятельности в системе мест, локализованных вокруг образованного их социокультурными качествами центра на основе правил поведения и использования ресурсов, а также выработанной иерархии взаимодействия. Формирование социального пространства возможно в результате социокультурных качеств в ходе организации взаимодействия и деятельности между личностями.
2. Единицей социального пространства является социальный круг, который характеризуется как совокупность личностей, объединенных общей деятельностью в рамках установленных границ социального пространства, обладает иерархичностью и использует внутренние каналы коммуникации для собственного построения.
3. Границами социального пространства становятся правила, которые установлены в рамках социального круга, а также те ресурсы, которые этот круг может использовать. При этом локализация правил происходит вокруг ядра социальной группы, которым можно назвать личность и формируемый внутри этого круга как неизменный набор социокультурных качеств. В результате, социокультурные качества личности с одной стороны, определяются способностью следовать правилам социальной группы и использовать ее ресурсы, а с другой формируются на основе этих правил и их локализации вокруг личностей со схожими социокультурными качествами.
4. В рамках социального пространства устанавливается иерархичность, определяемая как структура социального пространства, организованная на основе доступа конкретной личности к возможности использования ресурсов данного пространства, а также формирования и установки правил этого социального пространства. Такая иерархичность означает, что степень развития у личности социокультурных качеств позволяют, с одной стороны, обеспечить социальный статус личности внутри этого пространства, а с другой – могут реализоваться только с учетом доступного ее социальному статусу ресурсам.
5. Социальное пространство позволяет личности использовать каналы коммуникации, которые становятся способами личности осуществлять взаимо-

действие, формировать и трансформировать правила, использовать ресурсы данного социального пространства совместно с другими личностями, а также определяют места личностей внутри данного социального пространства и выход за его пределы. При этом коммуникационные каналы можно разделить на те, что личность использует в рамках непосредственного взаимодействия с другими личностями, а также те, что существуют для связи различных мест социального пространства без непосредственного взаимодействия личностей. Использование каналов коммуникации позволяет личности формировать социокультурные качества в зависимости от того, по какому принципу происходит эта коммуникация и какие правила для нее установлены.

6. Выявленные свойства социального пространства, а также сущность самих социокультурных качеств личности позволяют также сделать вывод о обусловленности данных категорий, поскольку с одной стороны, личность формирует социальное пространство, используя собственные социокультурные качества, а с другой социальное пространство конкретизирует, какими именно качествами будет обладать личность.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный Интернет-портал правовой информации – URL: <http://pravo.gov.ru/> (Дата обращения 31.05.2023).
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный Интернет-портал правовой информации – URL: <http://pravo.gov.ru/> (Дата обращения 31.05.2023).
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с.
4. Зиммель Г. О скрещении социальных кругов // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. – М., 1996. – 607 с.
5. Власюк Г.В. Пространство социальной организации // Преподаватель XXI век. 2012. № 3. с. 364–378
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Георг Зиммель; перевод с немецкого Кирилл Левинсон. – М.: Strelka Press, 2018 109 с.
7. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
8. Кемеров, В.Е. Время социальное и пространство социальное [Текст] / В.Е. Кемеров // Современный философский словарь / Под общей ред. д.ф.н. проф. В.Е. Кемерова – 2-е изд. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск. – 1998. – 823 с.
9. Кемеров В.Е. Социальный хронотоп как проблема интеграции современного обществознания // Антиномии. 2007. № 7. с. 109–114.
10. Старовойтенко Е.Б., Персонология. Жизнь личности в культуре. Монография / Елена Борисовна Старовойтенко, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – М.: Академический проект, 2015. – 431 с. – (Психологические технологии).
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер.

- с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Практикс, 2002. – 384 с.
12. Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1998. – 672 с.

THE INFLUENCE OF SOCIAL SPACE ON THE FORMATION OF SOCIOCULTURAL PERSONALITY QUALITIES

Savostyanov I.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The problem of upbringing of personal socio-cultural traits in the modern world is becoming especially relevant in connection with the development of technology and the increase in the influence of various social groups on a person. This problem is reflected not only in the scientific, but also in the political environment. Therefore, the key problem is the allocation of those properties of the social space that influence the formation of the personality and its socio-cultural traits. Solving this problem, the author analyzed the main approaches to understanding social space, clarified the concept of social space and characterized the properties, namely the boundaries of its structural elements, hierarchy and inherent channels of communication. As a result of the analysis of the impact of these properties on the sociocultural traits of the individual, it is concluded that the formation of the sociocultural traits of the individual and the properties of the social space is interdependent.

Keywords: social space, personality, responsibility, social status, sociocultural qualities, social circle.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Poli-

- cy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Official Internet Portal of Legal Information – URL: <http://pravo.gov.ru/> (Accessed 31.05.2023).
2. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information – URL: <http://pravo.gov.ru/> (Accessed 31.05.2023).
3. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society / General ed., comp. and foreword. A. Yu. Sogomonov: Per. from English. – М.: Politizdat, 1992. – 393 p.
4. Zimmel G. On the crossing of social circles // Zimmel G. Favorites. T. 2. – М., 1996. – 607 p.
5. Vlasyuk G.V. The space of social organization // Lecturer XXI century. 2012. № 3. With. 364–378
6. Zimmel G. Big cities and spiritual life / Georg Simmel; translation from German Kirill Levinson. – М.: Strelka Press, 2018 109 p.
7. Zimmel G. Favorites. Volume 2. Contemplation of life – М.: Lawyer, 1996. – 607 p.
8. Kemerov, V.E. Social time and social space [Text] / V.E. Kemerov // Modern Philosophical Dictionary / Ed. Ph.D. prof. V.E. Kemerova – 2nd ed. – London, Frankfurt am Main, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk. – 1998. – 823 p.
9. Kemerov V.E. Social chronotope as a problem of integration of modern social science // Antinomies. 2007. No. 7. With. 109–114.
10. Starovoitenko E.B., Personology. Personal life in culture. Monograph / Elena Borisovna Starovoitenko, Professor, National Research University Higher School of Economics. – М.: Academic project, 2015. – 431 p. – (Psychological technologies).
11. Foucault M. Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews / Per. from French S. Ch. Offertas, ed. V.P. Vizgin and B.M. Skuratov. – М.: Praxis, 2002. – 384 p.
12. Russian sociological encyclopedia. Under the general editorship of Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. – М.: Publishing group NORMA-INFRA M, 1998. – 672 p.